

ЗВС -24
80 лет НИИТИАГ
Турнир графики
Музеи

2024 / 3(81)

место встречи / meeting place

проект
байкал /
project
baikal





XXXII МЕЖДУНАРОДНЫЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

ЗОДЧЕСТВО'24

12 – 14 ноября

Москва, ВК «Гостиный двор», ул. Ильинка, д.4

Открыта регистрация на смотры-конкурсы

XXXII Международный архитектурный фестиваль «Зодчество» пройдет в Москве с 12 по 14 ноября. Местом проведения станет ВК «Гостиный двор».

13 сентября завершается прием заявок на участие в конкурсной программе фестиваля, которая представлена на 8 смотрами-конкурсами и двумя конкурсами.

Среди них:

- Смотр-конкурс «Регионы России»;
- Смотр-конкурс «Архитектурные произведения 2022–2024»;
- Смотр-конкурс «Творческие архитектурные мастерские и коллективы»;
- Смотр-конкурс «Творчество молодых архитекторов»;
- Смотр-конкурс «Творчество студентов архитектурных ВУЗов и колледжей»;
- Смотр-конкурс «Храмовая архитектура»;
- Смотр-конкурс «Детское архитектурно-художественное творчество»;
- Смотр-конкурс «Экоустойчивая архитектура»;
- Конкурс «Лучшее печатное издание об архитектуре и архитекторах»;
- Конкурс «Лучший фильм об архитектуре и архитекторах».

К участию приглашаются отечественные и зарубежные архитекторы, градостроители, дизайнеры, реставраторы, архитектурные бюро, студии и мастерские, проектные, производственные и строительные организации, органы архитектуры и градостроительства регионов и городов России, архитектурные вузы и факультеты, детские архитектурно-художественные школы – все, кто заинтересован в развитии архитектуры и градостроительства, в демонстрации собственных достижений, в расширении профессиональных контактов.

В рамках фестиваля пройдут также выставочная и деловая программы.

Информацию об участии в выставке «Материалы и технологии» можно найти на сайте <https://zodchestvo.com>

В рамках деловой программы пройдут круглые столы, дискуссии, мастер-классы, лекции и презентации.

Международный архитектурный фестиваль «Зодчество» – событие национального масштаба с зарубежным участием, смотр достижений в области архитектурной и градостроительной деятельности городов и регионов России.

Организатор – Союз архитекторов России. Фестиваль проводится при поддержке Правительства города Москвы, Минстроя РФ и Комитета по архитектуре и градостроительству города Москвы.



Что составляет суть и содержание современного города? Не здания, не инженерные сети и не дороги. Люди, горожане, связи и встречи между ними – вот главный смысл жизни города. Город – это пространство, пронизанное встречами.

Новостной блок очередного номера посвящен встречам архитекторов. Юбилей старейшего центра теоретической архитектурно-градостроительной мысли и фестиваль «Зодчество в Сибири» в Красноярске стали поводами для множества острых дискуссий и праздничных встреч. На этот раз главная экспозиция ЗВС вышла на встречу с городом в прямом смысле – развернулась на музейной аванполадди над Енисеем (11–44). Главная тема фестиваля – ЛИЧНОСТЬ – получила развитие в этом номере ПБ (45–92).

Встречи могут быть конструктивными, а могут – конфликтными. Чтобы встречи не превращались в столкновения, некоторые потоки надо разделять (например, потоки пешеходов и автомобилей). Развитие пешеходных зон в современном городе – элемент обязательной программы роста комфортности, как и освобождение набережных от транспорта и промышленных предприятий.

Насколько современный горожанин готов к встречам и стремится к ним? Не стало ли одиночество нормой жизни? Об этом рассуждает Константин Лидин в передовой статье (94). Общественные пространства города также могут быть интровертами и экстравертами: Андрей Бокорводит в наш обиход понятия ИНТРА и ЭКСТРА в отношении разных пространств – открытых и закрытых, по-разному способствующих встречам людей (108).

Кто побеждает в конкуренции за полноценное общение – социальные сети или открытые общественные пространства? Об этом и многом другом шла речь в Дискуссионном клубе ПБ, посвященном теме номера – МЕСТО ВСТРЕЧИ.

EG

What is the essence and content of a modern city? Not buildings, not engineering networks and not roads. People, citizens, relationships and meetings between them are the central purpose of city life. The city is a space riddled with meetings.

The news section of the current issue is devoted to meetings of architects. The anniversary of the oldest centre of theoretical architectural and town-planning thought and the Festival "Zodchestvo in Siberia" (ZVS) in Krasnoyarsk have become occasions for many heated discussions and celebratory meetings. This time the main exposition of the ZVS literally went out to meet the city – it was displayed on the museum avant-plaza above the Yenisei (11-44). The main theme of the festival – PERSONALITY – was developed in this issue of PB (45-92).

Meetings can be constructive, and they can be conflictive. To prevent meetings from turning into conflicts, some flows need to be separated (e.g. pedestrian and car flows). A compulsory program of comfort growth is supposed to develop pedestrian zones in a modern city, as well as to make the embankments free from transport and industrial enterprises.

To what extent is a contemporary citizen ready and eager for meetings? Has loneliness become a norm of life? Konstantin Lidin is discussing this issue in the leading article (94). The city's public spaces can also be introverted and extroverted: Andrey Bokov introduces the concepts of INTRA and EXTRA in relation to different spaces – open and closed, which encourage people's meetings in a different way (108).

Who wins in the competition for full-fledged communication – social networks or open public spaces? This and many other questions were discussed in the PB Discussion Club dedicated to the theme of this issue: MEETING PLACE.

EG

Журнал зарегистрирован
Восточно-Сибирским
управлением Федеральной
службы по надзору
за соблюдением
законодательства в сфере
массовых коммуникаций
и охране культурного
наследия.
Свидетельство
ПИ №ФС13-0180 от
16.11.2007

**учредитель,
главный редактор**
Е. И. Григорьева
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а

12+

**корректоры,
литературные редакторы**
Марина Ткачева,
Инесса Бражникова

дизайн, верстка
Татьяна Анненкова,
Евгения Сурикова

**заместитель
главного редактора
по международной
деятельности**
Анна Григорьева

на обложке
Москва, ГЭС-2.
Фото Елены Григорьевой

адрес издателя, редакции
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
e-mail: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

адрес типографии
ООО «Типография Принт Лайн»
Иркутск, ул. Сергеева, 5/5
Тираж 100 экз. Заказ 2220
Подписано в печать 30.08.2024
Журнал №3(81) от 12.09.2024

Использование текстовых и фотоматериалов,
опубликованных в настоящем издании,
допускается только с письменного разрешения
редакции. За содержание рекламной
информации редакция ответственности не несет.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением
авторов.

Периодичность 4 раза в год. Цена свободная



Золотая медаль Международной
академии архитектуры
«Интерарх-2009» в номинации
«Периодические издания» /
Golden medal of the International
Academy of Architecture
“Interarch-2009” in “Periodicals”
category

3 (81)
место встречи /
meeting place

проект байкал /
project baikal
ISSN 2309-3072
(электронное издание)
ISSN 2307-4485
(печатное издание)

Журнал зарегистрирован в следующих международных системах:

- директория электронных журналов со свободным доступом – **DOAJ** (Directory of Open Access Journals)
- индекс Эйвери для архитектурных изданий – **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- индекс Академии Google (**Google Scholar**)
- **Ulrichsweb** – база данных Ulrich's Periodicals Directory
- **Open Archives** – Инициатива открытых архивов для сбора метаданных (OAI PMH)
- Интернет-ресурс **JournalTOCs**
- проект **SHERPA/RoMEO**

новости	Анна Григорьева	Международные новости архитектуры.....	5
	Нина Коновалова	80 лет НИИТИАГ	6
	Людмила Сысоева	VI Турнир архитектурной графики «Линия мысли» 2024	8
события	Елена Григорьева	Зодчество в Сибири	11
	Сергей Ямалетдинов	Хроника ЗВС-2024	14
	Алена Мочальникова	Интервью с Никитой Явейном	18
	Елена Григорьева	Каталог ЗВС	22
	Никита Явейн	Список участников фестиваля	43
объект номера	Иван Денисов	Национальный центр В. П. Астафьева	45
	Ольга Успенская	55
	Борис Шаталов	О Павлове	56
личность	Елена Григорьева	Ани – Ереван: тема преемственности на полотнах Мартироса Сарьяна	60
	Константин Лидин	Колпиков Владимир Игоревич: портрет сибирского архитектора	65
	Андрей Боков	Борис Георгиевич Устинов – архитектор и учитель	74
	Армен Казарян	Искусство говорить мало.....	78
	Наталья Сапрыкина	Андрей Крячков. Человек, создавший город	82
	Олег Романов	Сибирский архитектор-модернист А. А. Воловик.....	86
	Константин Лидин	93
МЕСТО ВСТРЕЧИ	Константин Лидин	Места встреч на фоне одиночества	94

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief

E.I. Grigoryeva
664025, 1a Cheremkhovskiy Pereulok, Irkutsk, Russia

proofreaders, literary editors
Marina Tkacheva,
Inessa Brazhnikova

upmaking
Tatyana Annenkova,
Evgeniya Surikova

associate editor-in-chief for international activity
Anna Grigorieva

cover image
Moscow, HES-2.
Photo by Elena Grigoryeva

address of the publisher and the editorial board

664025, 1a Cheremkhovskiy Pereulok, Irkutsk, Russia, tel. +7 3952 332839, email: elena_proekt_irk@mail.ru www.projectbaikal.com

printed by
000 "Tipografia Print Line"
5/5 Sergeeva Street, Irkutsk
print run 100, passed for printing: 30.08.2024
issue 3(81) of 12.09.2024

Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial stuff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors

quarterly publication
free price

The journal is registered in the following international databases:

- Directory of Open Access Journals (**DOAJ**)
- **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- **Google Scholar**
- **Ulrichsweb** (Ulrich's Periodicals Directory)
- The Open Archives Initiative (**OAI**)
- **JournalTOCs**
- **SHERPA/RoMEO**
- **PKP index**
- Since 2016 the journal is included in the Russian Science Citation Index (**RSCI**) database
- Since 2019 the journal has been indexed in **SCOPUS**
- included in the List of Refereed Publications recommended by the State Commission for Academic Degrees and Titles

12+

- база данных **PKP index**
- с 2016 года включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (**РИНЦ**)
- с 2019 года индексируется в **SCOPUS**
- входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных **ВАК**

Журнал является медиа-партнером международных конкурсов:
Architecture MasterPrize, Inspireli Awards, ITSLIQUID, 2ACAA и Kaira Looor, архитектурных фестивалей «Зодчество в Сибири» и ряда российских конкурсов. /

The journal is a media partner of the international competitions: the Architecture MasterPrize, Inspireli Awards, ITSLIQUID, 2ACAA and Kaira Looor, Architectural Festival "Zodchestvo" and a number of Russian competitions.

Елена Григорьева Константин Лидин Александр Гимельштейн Виталий Барышников Руслан Хотулев Сергей Маяренков Татьяна Анненкова Екатерина Гладкова Татьяна Титова Анастасия Малько Анастасия Холявко	Дискуссионный клуб ПБ. Город как место встреч.....	98
Андрей Боков	Интра и экстра.....	108
Сергей Малахов Евгения Репина	Человек и город: две модели взаимодействия.....	112
Александр Раппапорт	Место встречи лиц и душ.....	120
Петр Капустин Елена Багина	Гипподам Милетский: щит города и ткань истории.....	122
Алина Костина	«Чувство места» и пространственное сознание.....	131
Алексей Буйнов Армен Казарян	Непрерывность развития архитектурного образа города.....	138
Айман Наджиб Тома (Маайа)	Оценка пешеходного движения в Аммане.....	146
Татьяна Шамаева Мария Любинская	Развитие облика современного музея.....	156
Андрей Ляпин	Новое музейное строительство в Иркутске.....	166
Елена Григорьева	Путевые заметки.....	171
Ольга Воличенко Татьяна Цурик	Игра как феномен и метафора парка.....	176
Константин Лидин Ольга Белобрыкина	Игрушка, китч и общество потребления.....	183
Армен Казарян	Порталы Ани конца X – начала XI века. Рождение новой типологии.....	187
авторы	194

news	Anna Grigorieva	International Architecture News	5
	Nina Konovalova	80th anniversary of NIITIAG.....	6
	Lyudmila Sysoeva	VI Tournament of Architectural Graphics “Line of Thought” 2024.....	8
events	Elena Grigoryeva	Zodchestvo in Siberia.....	11
	Sergey Yamaletdinov	Chronicle of ZVS-2024	14
	Alena Mochalnikova		
	Elena Grigoryeva	Interview with Nikita Yavein	18
	Nikita Yavein	ZVS Catalogue.....	22
		List of the Festival participants.....	43
object of the issue	Ivan Denisov		
	Olga Uspenskaya		
	Boris Shatalov	V.P. Astafiev National Centre.....	45
personality	Elena Grigoryeva		
	Konstantin Lidin	55
	Andrey Bokov	About Pavlov.....	56
	Armen Kazaryan	Ani – Yerevan: The topic of succession on the canvases by Martiros Saryan.....	60
	Natalia Saprykina	Vladimir Igorevich Kolpikov: Portrait of a Siberian architect	65
	Oleg Romanov	Boris Georgievich Ustinov, architect and teacher	74
	Konstantin Lidin	The art of talking less	78
	Natalya Bagrova		
	Anton Gashenko	Andrey Kryachkov. The man who created the city	82
	Elena Polskaya	Siberian modernist architect A. A. Volovik	86
meeting place		93
	Konstantin Lidin	Meeting places against the background of loneliness.....	94
	Elena Grigoryeva		
	Konstantin Lidin		
	Alexander Gimelshteyn		
	Vitaly Baryshnikov		
	Ruslan Khotulev		
	Sergey Mayarenkov		
	Tatyana Annenkova		
	Ekaterina Gladkova		
	Tatiana Titova		
	Anastasia Malko		
	Anastasia Kholiyavko	PB Discussion Club. The city as a meeting place.....	98
	Andrey Bokov	Intra and extra	108
	Sergey Malakhov		
	Eugenia Repina	The individual and the city: Two models of interaction	112
	Alexander Rappaport	A meeting place for faces and souls	120
	Petr Kapustin		
	Elena Bagina	Hippodamus of Miletus: The shield of the city and the fabric of history	122
	Alina Kostina	The “Sense of Place” and Spatial Consciousness.....	131
	Alexei Buinov		
	Armen Kazaryan	Continuous development of the architectural image of the city	138
	Ayman Najib Tomah (Maayah)	Pedestrian Movement Evaluation: Amman, Jordan	146
	Tatyana Shamaeva		
	Maria Lyubinskaya	Evolution of the contemporary museum image	156
	Andrey Lyapin	New museum construction in Irkutsk	166
	Elena Grigoryeva	Travel Notes	171
	Olga Volichenko		
	Tatiana Tsurik	Play as a phenomenon and metaphor of the park.....	176
	Konstantin Lidin		
	Olga Belobrykina	The toy, kitsch and consumer society	183
	Armen Kazaryan	Portals of Ani churches of the late 10th – early 11th centuries: Springing of a new typology.....	187
authors		194

World Architecture Day 2024
World Architecture Day (WAD), created by the International Union of Architects (UIA) in 1985, is celebrated annually on the first Monday of October. This day coincides with the United Nations' World Habitat Day, aligning the architectural community's efforts with global urban development goals.

The theme of WAD 2024 is "Empowering the Next Generation in Participatory Urban Design", emphasising the role of young architects in urban planning and development. The UIA encourages young architects to engage in participatory processes, contributing fresh perspectives essential for sustainable development.

Architects for a Resilient and Green Future
As architects, we hold responsibility in shaping the environments where people live, work, and play. In alignment with the 2024 World Environment Day theme – "Land Restoration, Desertification, and Drought Resilience" – we commit to share our expertise in planning and urban design to bring nature back to our

cities. We commit to integrating sustainable practices that not only restore land but also fortify urban areas against the impacts of desertification and drought.

Climate change will generate longer, more intense and more frequent heatwaves worldwide. It is necessary, therefore, to minimise this impact through urban planning due to its tremendous consequences for both human health, the environment and the economy.

Architects have a pivotal role in creating greener and more sustainable cities. By designing spaces that incorporate nature, promoting sustainable design practices and educating the community, we can significantly contribute to land restoration, combat desertification and promote resilience. Let us unite in our efforts to design urban environments that not only meet the needs of today but also ensure a thriving, sustainable future for generations to come.

2024 Kuala Lumpur: Diversecity

The city of Kuala Lumpur will host the next UIA International Forum on 15-19 November

2024 with the theme "Diversecity". The event, organised by the Malaysian Institute of Architects, will seek to examine how emerging economies and growing cities can achieve humanity and sustainable growth.

The Forum will have the following sub-themes:

- Culture and Heritage: as the identity base of city;
- Density & Sustainable Growth: vision of a future mega-city;
- Equity and Ecology: the next frontier of urbanism.

The Serpentine Pavilion inaugurates "Archipelagic Void"

Today the Serpentine Pavilion inaugurates its 2024 opening, "Archipelagic Void". The Serpentine has been promoting art and the visualisation of international architects for more than 20 years in Westminster, London.

Since the beginning of the new millennium, a competition has been held annually where a new architect, who must not have previously built in England, has the oppor-

tunity to build in a period of only 6 months, a pavilion that can be visited for free during the summer months. Both the North and South galleries that have a five-minute walk distance, host itinerant art exhibitions.

This year 2024, the chosen architect has been the South Korean Minsuk Cho with his proposal "Archipelagic Void". This building with an expiration date is inspired by a group of islands, as its name indicates, where empty spaces will be used and take reference from the "madang", a style of patio that could be found in old Korean houses and that Cho has chosen as a tribute to his land. This construction in the form of a constellation, seeks to take advantage of the spaces through small buildings, in order to use these spaces for the events that will take place during the months of the brief life of this building. The lifespan of this archipelago will begin on June 7 for the entire public and will end on October 27, 2024.

More information:
www.uia-architectes.org

Международные новости архитектуры / International Architecture News

В новостях говорится о Всемирном дне архитектуры, Всемирном дне окружающей среды, Международном форуме МСА в Куала-Лумпуре, а также о победителе конкурса проектов павильона «Серпентайн» 2024 года.

Ключевые слова: Международный союз архитекторов; устойчивое развитие; Diversecity; павильон «Серпентайн». /

The news section reports on World Architecture Day, World Environment Day, the UIA International Forum in Kuala Lumpur, and the winner of the 2024 Serpentine Pavilion Design Competition.

Keywords: International Union of Architects; sustainable development; Diversecity; Serpentine Pavilion.

Всемирный день архитектуры 2024

Всемирный день архитектуры, учрежденный Международным союзом архитекторов (МСА) в 1985 году, отмечается ежегодно в первый понедельник октября. Этот день совпадает с проводимым ООН Всемирным днем Хабитат, объединяя усилия архитектурного сообщества с глобальными целями городского развития.

Тема Всемирного дня архитектуры 2024 года – «Расширение прав и возможностей следующего поколения в проектировании городской среды» – подчеркивает роль молодых архитекторов в городском планировании и развитии. МСА призывает молодых архитекторов участвовать в городском планировании, внося свежие перспективы, необходимые для устойчивого развития.

Архитекторы за устойчивое и зеленое будущее

Мы, архитекторы, несем ответственность за формирование среды, в которой люди живут, работают и играют. В соответствии с темой Всемирного дня окружающей среды 2024 года – «Восстановление

земель, борьба с опустыниванием и устойчивость к засухе» – мы обязуемся поделиться своим опытом в области планирования и градостроительного проектирования, чтобы вернуть природу в наши города. Мы обязуемся внедрять устойчивые практики, которые не только восстановят землю, но и помогут городским районам противостоять воздействию опустынивания и засухи.

Изменение климата приведет к более продолжительным, интенсивным и частым тепловым волнам во всем мире. Необходимо минимизировать это воздействие с помощью городского планирования, так как оно имеет огромные последствия как для здоровья людей, так и для окружающей среды и экономики.

Архитекторы играют ключевую роль в создании более экологичных и устойчивых городов. Проектируя зеленые пространства, пропагандируя методы устойчивого проектирования и повышая осведомленность общества, мы можем внести значительный вклад в восстановление земель, борьбу с опустыниванием и повышение устойчивости.

Давайте объединим наши усилия по проектированию городской среды, которая не только отвечает потребностям сегодняшнего дня, но и обеспечивает процветающее, устойчивое будущее для следующих поколений.

Куала-Лумпур-2024: Diversecity

В городе Куала-Лумпур 15–19 ноября 2024 года пройдет очередной Международный форум МСА, темой которого станет Diversecity («Разнообразие городов»).

Мероприятие, организованное Малайзийским институтом архитекторов, будет посвящено изучению того, как страны с развивающейся экономикой и растущие города могут достичь гуманности и устойчивого роста.

Форум будет иметь следующие подтемы:

- Культура и наследие как основа идентичности города;
- Плотность населения и устойчивый рост: видение будущего мегаполиса;
- Равенство и экология: следующий рубеж урбанизма.

Павильон «Серпентайн»: открытие «Пустоты архипелага»

В павильоне «Серпентайн» (Serpentine Pavilion) объявлено торжественное открытие «Пустоты архипелага». Павильон «Серпентайн» уже более 20 лет занимается продвижением искусства и представлением работ архитекторов со всего мира в лондонском Вестминстере.

С начала нового тысячелетия ежегодно проводится конкурс,

в Павильон «Серпентайн»-2024. Пустота архипелага. Проект Минсук Чо, Mass Studios. © Mass Studios. Фото: Iwan Baan, предоставлено пресс-службой Serpentine / Serpentine Pavilion 2024, Archipelagic Void, designed by Minsuk Cho, Mass Studios. © Mass Studios. Photo: Iwan Baan. Courtesy: Serpentine



в рамках которого новый архитектор, не имеющий опыта строительства в Англии, получает возможность всего за 6 месяцев построить павильон, который будет открыт для свободного посещения в летние месяцы. В Северной и Южной галереях, расположенных в пяти минутах ходьбы друг от друга, проходят передвижные художественные выставки.

В 2024 году архитектором был выбран южнокореец Минсук Чо со своим предложением «Пустота архипелага». Проект временно-го сооружения был вдохновлен группой островов, на что указывает его название. Здесь используются пустые пространства, напоминающие «маданг» – внутренний дворик, который можно найти в старых корейских домах и который Чо выбрал в качестве дани уважения своей земле. Архитектор стремится подчеркнуть преимущества пространств через плеяду небольших зданий, где в течение нескольких месяцев короткой жизни этого сооружения будут проходить различные мероприятия. Архипелаг будет открыт для публики с 7 июня по 27 октября 2024 года.

Дополнительная информация:
www.uia-architectes.org

Статья посвящена юбилею Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ), который институт отмечает в этом году.

Ключевые слова: НИИТИАГ; теория и история архитектуры; архитектурная наука. /

The article is dedicated to the anniversary of the Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (NIITIAG), which the Institute celebrates this year.

Keywords: NIITIAG; theory and history of architecture; architectural science.



< Выступление президента РААСН Д. О. Швидковского на юбилейной конференции

80 лет НИИТИАГ / 80th anniversary of NIITIAG

текст

Нина Коновалова

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства
фото

Александр Арно

text

Nina Konovalova

Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning
photo

Alexander Arno

v Награждение сотрудников НИИТИАГ дипломами МААМ. Слева направо: И. В. Белинцева, президент МААМ А. В. Боков, А. В. Кафтанов

В марте 2024 года исполнилось 80 лет Научно-исследовательскому институту теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ), ныне филиалу ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России». НИИТИАГ был и остается крупнейшим в России научным центром изучения фундаментальных теоретических основ и проблем всеобщей истории архитектуры, пространственного формообразования, взаимодействия архитектуры с цивилизационным процессом, профессиональной культуры и образования, развития исторической застройки, методов сохранения и реставрации архитектурного наследия.

Институт был образован 30 марта 1944 года из научно-исследовательского Кабинета теории и истории архитектуры, получив статус НИИ истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР (распоряжение СНК СССР от 30.03.1944). Созданный в тяжелое военное время для изучения, сохранения и возрождения национального культурного наследия, институт сразу привлек к работе крупнейших историков и теоретиков архитектуры. В разное время в институте работали такие выдающиеся ученые и архитекторы, как И. А. Азизян, М. В. Алпатов, Д. Е. Аркин, В. Д. Блаватский, Н. И. Брунов, А. В. Бунин, Ю. П. Волчок, В. Л. Воронина, А. Г. Габричевский, М. Я. Гинзбург, В. Л. Глазычев, Г. П. Гольц, Н. Ф. Гуляницкий, И. В. Жолтовский, В. П. Зубов, А. В. Иконников, Е. И. Кириченко, В. Ф. Маркузон, М. Б. Михайлова, Е. В. Михайловский, Г. Я. Мокеев, А. И. Некрасов, А. В. Рябушин, В. С. Турчин, А. А. Федоров-Давыдов, В. Л. Хайт, С. О. Хан-Магомедов, О. Х. Халпахчян, А. В. Щусев. Этот список можно продолжать еще очень долго. В настоящее время готовится юбилейное издание об институте, в котором мы постараемся рассказать обо всех крупнейших ученых в области архитектуры, в разные годы составлявших честь и славу, авторитет и международную известность нашего института. Память о них нужно сохранить для отечественной культуры.

Торжественные мероприятия, приуроченные к 80-летию НИИТИАГ, прошли в Центральном Доме архитектора 22 мая 2024 года.

Коллектив института с юбилеем поздравили генеральный директор ЦНИИП Минстроя России Дмитрий Владимирович Михеев, президент РААСН Дмитрий Олегович Швидковский, академики РААСН Александр Петрович Кудрявцев, Георгий Васильевич Есаулов, президент Московского отделения Международной академии архитектуры Андрей Владимирович Боков. Поздравительные адреса поступили от председателя Московской городской Думы Алексея Валерьевича Шапошникова, директора Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Щусева Натальи Олеговны Шашковой, ректора Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета Дмитрия Львовича Щеголева и председателя Президиума Приволжского территориального отделения РААСН Анны Лазаревны Гельфонд.

В рамках программы состоялась научная конференция «Архитектурная наука в XXI веке. К 80-летию НИИТИАГ», на которой с пленарными докладами выступили академики РААСН, научные сотрудники НИИТИАГ, архитекторы и историки архитектуры. Доклады участников мероприятия были посвящены достижениям и роли института, которую он сыграл и играет в развитии архитектурной науки, ее истории. Институт внес





^ Награждение сотрудников НИИТИАГ медалями и дипломами Союза архитекторов России. Президент САР Н. И. Шумаков и М. В. Нащокина



^ Участники конференции: А. П. Кудрявцев и А. В. Боков



^ Выступление А. Л. Гельфонд на юбилейной конференции

v Выставка книг НИИТИАГ в библиотеке ЦДА. Генеральный директор ЦНИИП Минстроя РФ Д. В. Михеев, зам. директора НИИТИАГ по научной работе Н. А. Коновалова, зав. библиотекой НИИТИАГ Л. А. Новикова

весомый вклад в искусствоведение и историческую науку, в культурологию, социологию, этнологию, философию. Научное учреждение играет ключевую роль в вопросах изучения российского архитектурного и градостроительного наследия, определение его места и роли в мировом историко-архитектурном процессе, несет просветительскую миссию.

В рамках деловой части юбилейной программы в Белой гостиной Центрального Дома архитектора прошел круглый стол, в ходе которого ведущие историки архитектуры и практики профессии обсудили роль фундаментальных исследований в реализации важнейших задач отечественной архитектурно-градостроительной практики, актуаль-

ные проблемы архитектурного образования, стратегии и перспективы развития архитектурной науки в условиях стремительного роста информационных технологий, а также взаимосвязь архитектурного наследия с будущим страны.

В библиотеке Центрального Дома архитектора прошла выставка книг НИИТИАГ. За время существования института его сотрудниками издано несколько сотен книг по теории архитектуры, истории древней и средневековой архитектуры, исследования по архитектуре русской провинции, по архитектуре русского авангарда, архитектуре зарубежных стран, современной архитектуре мира. Многие монографии и сборники в разное время были удостоены государственных

v Работа круглого стола в Белой гостиной ЦДА

и высоких профессиональных наград. Результаты исследований сотрудников НИИТИАГ пользуются авторитетом среди широкого круга специалистов.

Наиболее крупной общеинститутской работой стала подготовка «Всеобщей истории архитектуры» в 12 томах (1964–1977), удостоенная Государственной премии СССР. Институтом также подготовлены многотомные издания «Русское градостроительное искусство», «Советское градостроительство. 1917–1941». Проведены исследования достижений отечественного зодчества эпохи эклектики и модерна, продолжает изучаться архитектурное наследие русских усадеб, деревянного зодчества и национальных традиций южных регионов

России, советского архитектурного авангарда, показавшие их значимость в мировом архитектурном процессе. Многочисленные исследования посвящены актуальным тенденциям современной мировой архитектуры и определению места отечественного зодчества в мировом архитектурном процессе.

И сегодня НИИТИАГ остается признанным хранителем традиций национальной культуры в области теории и истории архитектуры и градостроительства. Он продолжает отстаивать высокие стандарты профессиональных изысканий, направленных на сохранение культурных основ отечественной науки; это делает его исследовательскую и просветительскую миссию особенно актуальной в наше время.



23 мая 2024 года в рамках XXIX Международной выставки архитектуры и дизайна «АРХ МОСКВА» прошел VI Турнир архитектурной графики «Линия мысли», учрежденный Архитектурным благотворительным фондом имени Якова Чернихова в 2018 году. Цель Турнира – поддержка искусства рукотворной графики. Приз – «Серебряный стилос».

Ключевые слова: архитектурная графика; «Линия мысли»; жюри; АРХ МОСКВА; прозрачность; Центр «Зотов»; турнир. /

On 23 May 2024, the VI Tournament of Architectural Graphics “Line of Thought”, established by the Iakov Chernikhov International Foundation in 2018, was held within the framework of the XXIX International Exhibition of Architecture and Design ARCH MOSCOW. The aim of the Tournament is to support the art of hand-made graphics. The prize is a Silver Stylus.

Keywords: architectural graphics; “Line of Thought”; jury; ARCH MOSCOW; transparency; Zotov Centre; tournament

VI Турнир архитектурной графики «Линия мысли» 2024 / VI Tournament of Architectural Graphics “Line of Thought” 2024

текст
Людмила Сысоева
Архитектурный фонд имени Якова Чернихова (Москва)
text
Lyudmila Sysoeva
Iakov Chernikhov International Foundation (Moscow)

С 2018 года пять раз на площадке АРХ МОСКВЫ встречались как известные мастера, так и молодые архитекторы и дизайнеры, чтобы сразиться на Турнире архитектурной фантазии под девизом крылатой цитаты Якова Чернихова: «Всегда и везде заменяй слово графикой!»

В этом году по результатам совместного соглашения между руководством выставки-форума АРХ МОСКВА, Центром «Зотов» и Фондом Якова Чернихова местом проведения Турнира стала площадка Центра конструктивизма «Зотов».

«Будущее под знаком прозрачности!»

В жюри VI Турнира были приглашены:

Юрий Купер – председатель жюри, российский, американский художник, Почетный член Российской академии художеств, член Союза художников; Ирина Шуманова – искусствовед, куратор, заведующая отделом графики XVIII – начала XX века Третьяковской галереи;

Лада Шаповалова – графический дизайнер, иллюстратор, член Московского Союза художников (секция «Эстамп») и Творческого Союза Художников России (секция «Графика»);

Юрий Пальмин – художник, куратор, фотограф архитектуры;

Сергей Рыков – главный куратор экспозиционно-выставочной деятельности Политехнического музея, издатель и иллюстратор, дизайнер и архитектор.

Открывая Турнир – 2024, председатель жюри Юрий Купер озвучил его тему: «Прозрачность». В истории архитектуры понятие «прозрачность» как принцип и метафора обрело разные смыслы: от Небесного Иерусалима и слияния с природой до городов будущего, где стекло представлялось идеальным материалом, способным преобразить среду повседневной жизни и дающим неограниченный простор архитектурной фантазии. «Будущее – под знаком прозрачности», – провозглашал один из самых влиятельных философов



> Рис. 1. Председатель жюри Юрий Купер объявляет тему турнира



^ Рис. 3. Мастер-класс Александра Коротича

культуры начала XX века Вальтер Беньямин.

Участникам Турнира предстояло за 10 минут представить свое прочтение темы в любой графической технике, доверив руке спонтанное рождение образа. Как утверждала Заха Хадид: «Только рука устанавливает связь между сознанием и подсознанием».

Впервые было принято решение предоставить возможность студентам архитектурных и дизайнерских вузов соревноваться в мастерстве графики с дипломированными архитекторами и дизайнерами. Основанием стал прецедент прошлого года, когда «Серебряный стилос» единогласно был присужден

студентке архитектурного факультета Санкт-Петербургской академии художеств Марианне Антоновой, которая попала на конкурс благодаря огромному желанию и мягкости координатора.

Оценивая работы, жюри решило выделить две отдельные номинации:

- «Дипломированные архитекторы и дизайнеры»;
- «Студенты архитектурных и дизайнерских вузов».

Лауреатом в первой номинации стал постоянный участник, за плечами которого пять турниров – архитектор Сергей Малахов, доктор архитектуры, заведующий кафедрой инновационного

проектирования СамГТУ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик национальной Академии дизайна, заместитель председателя Самарского отделения Союза Архитекторов РФ; Самара.

Лауреат студенческой номинации Софья Кузьмина (МАРХИ) была призером первого Турнира 2018 года в номинации «Ученики детских архитектурных и дизайнерских школ».

Всего в VI Турнире приняли участие 58 человек в формате офлайн (24 дипломированных архитектора, 34 студента) и 36 – онлайн (11 дипломированных архитекторов,

Партнеры Турнира–2024:

АО «САЛАВАТСТЕКЛО», Генеральный директор С. А. Агуреев
ООО «ЛЕГЕНДА», Генеральный директор А. С. Дылюк

Программные партнеры:

Мастерская архитектуры Андрея Чернихова, Центр «Зотов», Дирекция фестиваля «АРХ Москва», Конкурс архитектурного рисунка «АрхиГрафика»

Координатор Турнира

Людмила Сысоева



^ Рис. 2. Владислав Савинкин и Александр Балабин



^ Рис. 4. Вручение «Серебряного стилоса». Лауреат Турнира Сергей Малахов и президент Фонда Андрей Чернихов



^ Рис. 5. Работа Сергея Малахова



^ Рис. 6. Работа лауреата студенческой номинации Софьи Кузьминой



^ Рис. 7. Работа Олега Беседина. Топ-10



^ Рис. 8. Работа Натальи Елисеевой. Топ-10

25 студентов). В обеих номинациях жюри отметило 10 лучших работ.

Учитывая юбилейное количество Турниров (5!), а также открытие новой площадки, Фонд решил расширить программу VI Турнира, сделать ее более яркой и запоминающейся. В день мероприятия в Центре «Зотов» развернулась выставка лучших работ участников и лауреатов за пять лет существования этого уникального проекта, а также выставка председателя жюри Юрия Купера, работы которого хранятся в крупнейших музейных собраниях мира, включая Государственную Третьяковскую галерею, ГМИИ им. А. С. Пушкина, Музей

Метрополитен, Королевский музей Японии, а также входят в коллекции Министерства культуры Франции, Библиотеки конгресса США.

Семь мини-лекций – мастер-классов по графическому дизайну художника, дизайнера, писателя и педагога Александра Коротича сопровождали сеансы рисования участников Турнира.

Благодаря совместным усилиям команды Фонда и Центра «Зотов», мастерству постоянного ведущего жюри Алексея Юдина и жюри, энергии и креативу участников, Турнир продолжительностью 4 часа стал настоящим праздником архитектурной графики.

Наш ежегодный фестиваль ЗОДЧЕСТВО В СИБИРИ, как всегда, идет в ногу со временем: 24-й год – 24-й фестиваль. И уже в третий раз – в Красноярске. ЗВС проходил здесь в 2014 и 2017 по инициативе мэра Эдхама Акбулатова, главного архитектора города Андрея Макарова и председателей правления Красноярской организации СА Аркадия Супоницкого и Евгения Зыкова. Темами тогда были выставки «Идентичность» и «Нестоличные практики»; на тот момент это было новое веяние, а теперь каждый мастер-план начинается с поисков идентичности. И на этот раз тема выбрана красноярскими организаторами не банальная: ЛИЧНОСТЬ, влияние личности на город и города на формирование личности.

ЗВС-24 изобразил круглыми столами: их было четыре, и, вне всяких сомнений, дискуссии оказались полезными и плодотворными. А конкурсы, как никогда, отличились неожиданными результатами. И сразу несколько звезд из столиц – Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга...

Как известно, ЗВС начал свое переформатирование в номадический именно в Красноярске в 2014 и 2017, окончательно зафиксировав его в 2018-м дестинацией Алтай. Кочующий – для ЗВС вовсе не значит бездомный. Скорее, у него теперь много домов. Отдельные чудачки с некоторых пор живут на два, а то и на три города, и таких людей в моем архитектурном окружении становится все больше. Вот и у ЗВС дом уже почти во всех крупных городах Сибири – Красноярске, Барнауле, Томске, Кемерове, Новосибирске.

Итак, предлагаем вашему вниманию итоги ЗВС-24 в Красноярске. Ну а в юбилейном, 25-м году наш фестиваль возвращается на место своего рождения – в Иркутск.

ЕГ, основатель фестиваля



МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
АРХИТЕКТУРНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ

**ЗОДЧЕСТВО
В СИБИРИ**

2024
КРАСНОЯРСК

Our annual Festival ZODCHESTVO IN SIBERIA (ZVS), as always, keeps pace with the times: the 24th Festival takes place in the year 2024, and for the third time in Krasnoyarsk. As you know, the Festival was held here in 2014 and 2017 on the initiative of Mayor Edkham Akbulatov, the chief architect of the city Andrey Makarov and the chairmen of the Krasnoyarsk Organisation of the Union of Architects of Russia Arkady Suponitsky and Evgeny Zykov. The themes chosen then were 'Identity' and 'Nonmetropolitan Practices'. At that time it was a new trend, but now every masterplan starts with the search for identity. Again, the theme chosen by the Krasnoyarsk organisers was not trite: PERSONALITY, the influence of personality on the city and the influence of the city on the formation of personality.

The ZVS-24 was full of round tables: there were 4 of them and, without any doubt, the discussions turned out to be useful and fruitful. And contests, as never before, had unexpected results. There were several stars from the capitals – Moscow, St. Petersburg, Yekaterinburg...

As we know, the ZVS started to become nomadic in Krasnoyarsk in 2014 and 2017, and the final reformatting was in 2018 at the Altai destination. Nomadic does not mean homeless for the ZVS. Rather, it now has many homes. Some strange fellows live in two or even three cities, and there are more and more of them in my architectural environment. The ZVS already has a house in almost all major cities of Siberia – Krasnoyarsk, Barnaul, Tomsk, Kemerovo, Novosibirsk.

So, we bring to your attention the results of the ZVS-24 in Krasnoyarsk. Well, to celebrate its 25th anniversary, our Festival is going to return to its birthplace, to Irkutsk.

ЕГ, founder of the Festival

Организаторы XXIV Межрегионального фестиваля «Зодчество в Сибири – 2024»

- Союз архитекторов России
- Красноярская организация СА России
- Иркутская организация СА России
- АНО развития городского пространства «Институт города»
- Администрация города Красноярск
- Российская академия архитектуры и строительных наук
- Министерство строительства и ЖКХ Красноярского края
- Министерство культуры Красноярского края
- ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

СПОНСОРЫ

- ООО «СитиМаркетинг» («СМ.Сити»)
генеральный директор «СМ.СИТИ» Коропачинский Александр Игоревич
- ООО «Специализированный застройщик «Партнер-Строй» («СтройИнновация»)
директор Якубович Александр Сергеевич
- ООО Специализированный застройщик «СБ Лидер» («СибЛидер»)
директор Шиманский Игорь Варфоломеевич

СОСТАВ ЖЮРИ

СМОТР-КОНКУРС ЛУЧШИХ АРХИТЕКТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (ПОСТРОЙКИ) / СМОТР-КОНКУРС ЛУЧШЕГО ПАРТНЕРСТВА «ЗАСТРОЙЩИК + АРХИТЕКТОР»

Председатель **Явейн Никита Игоревич**, С.-Петербург, народный архитектор РФ, академик РААСН, руководитель архитектурного бюро «Студия 44»

Члены жюри **Боков Андрей Владимирович**, Москва, народный архитектор РФ, академик РААСН, член-корреспондент РАХ, доктор архитектуры, почетный президент СА России

Григорьева Елена Ивановна, Иркутск, заслуженный архитектор РФ, академик РААСН, вице-президент СА России

Зыков Сергей Николаевич, председатель правления Кемеровской организации СА России, профессор МААМ, председатель правления СПО «Ассоциация проектировщиков Кузбасса»

Козак Игорь Владимирович, заслуженный архитектор РФ, член правления Иркутской организации СА России, руководитель архитектурного бюро «Перспектива»

Куковякин Алексей Борисович, Екатеринбург, почетный архитектор РФ, профессор МААМ, руководитель архитектурной фирмы «АЛКУТА»

Мякота Алексей Дмитриевич, архитектор, член правления Красноярской организации СА России, руководитель проектной студии «АДМ»

Худяков Сергей Юрьевич, председатель правления Томской организации СА России, руководитель архитектурного бюро «Стиль»

Секретарь **Крылова Ирина Николаевна**, архитектор, член правления Красноярской организации СА России

СМОТР-КОНКУРС ЛУЧШИХ АРХИТЕКТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (ПРОЕКТЫ) / СМОТР-КОНКУРС ЛУЧШИХ ГОРОДСКИХ СТРАТЕГИЙ / СМОТР-КОНКУРС ТВОРЧЕСТВА АРХИТЕКТУРНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ И МАСТЕРСКИХ

Председатель **Башкаев Тимур Истанович**, Москва, архитектор, член СА России, руководитель «АБТБ»

Члены жюри **Деринг Александр Федорович**, Барнаул, почетный архитектор РФ, член правления Алтайской организации СА России, руководитель архитектурного бюро «Творческая мастерская архитектора А.Ф. Деринга “Классика”»

Долнаков Петр Александрович, председатель правления Новосибирской организации СА России

Киселев Тимофей Александрович, Красноярск, архитектор, член СА России, доцент ИАиД СФУ

Леонтьюк Светлана Сергеевна, Москва, архитектор, член СА России, главный архитектор проектов бюро «АПЕКС»

Петрова Нина Васильевна, Красноярск, заслуженный архитектор РФ, профессор ИАиД СФУ

Седиков Александр Павлович, архитектор, член правления Томской организации САР

Секретарь **Рыжкова Мария Николаевна**, архитектор, член правления Красноярской организации СА России, специалист мастерской градостроительного проектирования АО «Гражданпроект»

ПАРТНЕРЫ

ООО «Краспан» (фасадные панели и системы крепления)

ООО «Аксиома» (торговая марка «Церезит», строительные материалы для плиточной облицовки, утепления фасадов, гидроизоляции и устройства полов)

ООО «Резон» (архитектурное освещение и подсветка)

ООО «Торговый дом «Выбор» (тротуарная плитка и элементы благоустройства)

ООО «Геопластика» (торговая марка «Davinci», оборудование для детских площадок)

ООО «Стимэкс» (натуральный камень, малые архитектурные формы)

ООО «Урбан Формс» (торговая марка «UrFo», уличная мебель)

ООО «Мастер» (торговая марка «Ecorplay», детское игровое оборудование)

ООО «СК-Полимеры» (полимерные покрытия)

ООО «Структура света» (световое оборудование)

ООО «Оверсан» (архитектурное освещение и подсветка)

АО КБ «Ланта-Банк»

ООО «Дизайн-агентство «АртСтиль»

ООО «Издательство «ТАТЛИН»



МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
АРХИТЕКТУРНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ

ЗОДЧЕСТВО
В СИБИРИ

2024
КРАСНОЯРСК

СМОТР-КОНКУРС ТВОРЧЕСТВА МОЛОДЫХ АРХИТЕКТОРОВ / СМОТР-КОНКУРС ТВОРЧЕСТВА СТУДЕНТОВ АРХИТЕКТУРНЫХ ВУЗОВ И КОЛЛЕДЖЕЙ

Председатель Цой Валерий Викторович, архитектор, член правления Новокузнецкой организации СА России

Члены жюри Бадула Олег Борисович, архитектор, член Правления Иркутской организации САР, главный архитектор проектов архитектурно-проектной фирмы «ГАБР»

Гашенко Антон Евгеньевич, Новосибирск, кандидат архитектуры, доцент НГУАДИ

Козак Александра Игоревна, Иркутск, архитектор, руководитель агентства развития территорий «Градостроительная школа»

Федченко Ирина Геннадьевна, Красноярск, архитектор, член СА России, кандидат архитектуры, доцент ИАиД СФУ

Секретарь Орестов Игорь Алексеевич, Красноярск, главный архитектор АО «Гражданпроект»

СМОТР-КОНКУРС ПРОПАГАНДЫ АРХИТЕКТУРЫ

Председатель Кубенский Эдуард Александрович, Екатеринбург, архитектор, директор и главный редактор издательства TATLIN

Члены жюри Гудков Алексей Алексеевич, Новосибирск, архитектор, кандидат архитектуры, профессор НГАСУ, советник РААСН

Малинович Роман Дмитриевич, архитектор, член Правления Иркутской организации СА России

Секретарь Дружинина Инна Евгеньевна, архитектор, профессор ИрННТУ, советник РААСН, член Правления Иркутской организации СА России

СМОТР-КОНКУРС ДЕТСКОГО АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Председатель Ямалетдинов Сергей Федорович, председатель правления Красноярской организации СА России, доцент кафедры архитектурного проектирования ИАиД СФУ

Члены жюри Ковригина Анна Савельевна, г. Красноярск, архитектор, член СА России

Чертилов Алексей Константинович, архитектор, член Правления Иркутской организации СА России, доцент ИрННТУ

Шачнева Варвара Геннадьевна, г. Красноярск, художник-живописец, доцент ИАиД СФУ

Секретарь Успенская Ольга Михайловна, Красноярск, архитектор, член СА России, доцент кафедры архитектурного проектирования ИАиД СФУ



С 19 по 23 июня в Красноярске прошел XXIV Межрегиональный архитектурный фестиваль «Зодчество в Сибири – 2024». Последовательно представлены хроника ЗВС – 24, география участников, описание работ смотр-конкурса, приглашенные для мастер-классов звезды российской архитектуры, тематика круглых столов и экскурсий, другие мероприятия.

Ключевые слова: фестиваль «Зодчество в Сибири»; Красноярск; смотр-конкурс. /

From 19 to 23 June Krasnoyarsk hosted the XXIV Interregional Architectural Festival “Zodchestvo in Siberia 2024” (ZVS-24). The article presents the chronicle of ZVS-24, geography of participants, the works submitted to the review competition, stars of Russian architecture invited for master-classes, topics of round table discussions, excursions and other events.

Keywords: “Zodchestvo in Siberia” Festival; Krasnoyarsk; review competition.

Хроника ЗВС-2024 / Chronicle of ZVS-2024

текст
Сергей Ямалетдинов
Сибирский федеральный университет (Красноярск)
text
Sergey Yamaletdinov
Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Вот уже в третий раз Красноярск проводит на своей территории Межрегиональный архитектурный фестиваль ЗВС. Впервые после Иркутска Красноярск принял ЗВС в 2014 году, а потом повторил прием в 2017-м. Тогда фестиваль назывался «Зодчество Восточной Сибири». В последующие годы площадками ЗВС были Томск, Барнаул, Кемерово, Новосибирск и, конечно же, родина фестиваля – Иркутск. После почетного шествия по городам Сибири фестиваль снова пришел в Красноярск, но теперь уже с новым наименованием – «Зодчество в Сибири».

В год проведения фестиваля Красноярск отметил 100-летие со дня рождения писателя В. П. Астафьева и 150-летие архитектора В. А. Соколовского, живших и творивших в городе на берегах

Енисея. Эти важные для красноярской культуры даты нашли отражение в теме фестиваля, которая получила название «ЛИЧНОСТЬ».

Одновременно с проведением ЗВС в Красноярске проходило заседание 54-го Совета главных архитекторов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований имени А. В. Кузьмина.

Каждый день фестиваля и Совета был наполнен важными, интересными и познавательными мероприятиями. Уже в день приезда, 19 июня, гости и участники архитектурного фестиваля и форума смогли побывать на экскурсии по историческому центру Красноярска, посетить музей-усадьбу российского промышленника и библиофила конца XIX – начала XX века Г. В. Юдина, прогуляться по территории Успенского монастыря

и полюбоваться панорамами города и его окружением на смотровой площадке Николаевской сопки.

Совместная церемония открытия фестиваля ЗВС и Совета главных архитекторов состоялась 20 июня в Музейном центре «Площадь Мира». Участников и гостей ярких архитектурных событий Сибири и России приветствовали заместитель министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ Константин Михайлик, председатель Правительства Красноярского края Сергей Верещагин, глава Красноярска Владислав Логинов, вице-президент СА России Елена Григорьева. Слова напутствия были зачитаны от президента Союза архитекторов России Николая Шумакова.

Здание музея, построенное по проекту народного архитектора

^ v Рис. 1–3. Экспозиция ЗВС-24 вышла на встречу с горожанами





МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

ЗОДЧЕСТВО В СИБИРИ 2024 КРАСНОЯРСК

России А. С. Демирханова, стало местом проведения круглых столов и мастер-классов, лекций партнеров, а также торжественной церемонии вручения наград фестиваля. На фестиваль в Красноярск прибыли архитекторы из Новосибирска, Томска, Барнаула, Новокузнецка, Кемерово, Норильска, Иркутска, Братска, Кызыла, Екатеринбург, Москвы и Санкт-Петербурга. В работе фестиваля приняли участие более 200 профессионалов – ведущие архитекторы Сибири и России, руководители архитектурных бюро. На смотр-конкурс было заявлено около 230 работ.

Неожиданная подача планшетов смотр-конкурса – у входа в музейный центр на набережной Енисея – оправдана масштабом экспозиции. Теперь увидеть работы смогли не только профессионалы, но и все желающие. Рядом с экспозиционной площадкой фестиваля состоялась выставка изделий производителей уличной мебели. Жители и гости Красноярска с большим любопытством и восторгом рассматривали работы архитекторов. Без всякого преувеличения можно сказать, что дни проведения фестиваля в Красноярске стали ярким и запоминающимся праздником архитектуры.

Программа фестиваля включала несколько круглых столов и дискуссий. Вопросы сохранения архитектурного наследия в городах России, самобытность и уникальность исторических поселений обсуждались на круглом столе «Территории

исторических поселений: сохраняя развивать» (модераторы – Павел Гутенков, руководитель службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края и Елена Бахарева, заместитель руководителя службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края).

Участники круглого стола на примерах конкретных поселений обсудили вопросы сохранения и развития архитектурного наследия городов, возможности вовлечения его объектов в современную среду и формирования на их основе точек притяжения, коммерческой привлекательности сохраненных исторических кварталов,

их значение для градостроительной политики и развития туризма.

Круглый стол РААСН «Проблемы архитектурно-градостроительного развития северных городов и поселений Сибири» был посвящен архитектурно-градостроительным задачам модернизации северных поселений и созданию достойной среды жизнедеятельности для человека в суровых климатических условиях (модератор: Ирина Кукина, профессор кафедры градостроительства СФУ).

В этот же день состоялась пешеходная экскурсия по площади Мира с заслуженным архитектором России Ниной Петровой, автором проекта главной высотной доминанты площади – инже-

нерно-лабораторного корпуса «КАТЭКНИИуголь». Во время прогулки экскурсанты услышали интересный рассказ о реализации уникального ансамбля в историческом центре Красноярска с участием ведущих архитекторов города: А. С. Демирханова, В. В. Орехова, В. К. Шадрина и др.

После экскурсии участники и гости фестиваля были приглашены в выставочный зал Дома искусства, где открылась выставка «150 лет. Архитектор Соколовский». Авторы: Ольга Успенская, Ирина Башкатова, Александр Слабуха. Выставка посвящена жизни и творческой биографии выдающегося сибирского зодчего Владимира Александровича Соколовского.



^ Рис. 5. Круглый стол по архитектурному наследию. Евгений Чудаков, Евгений Маслов, Алексей Аккуратов, Ираида Хасанова, Алексей Язев, модератор Елена Бахарева

Рис. 6. Мастер-класс Никиты Явейна



В день 150-летия со дня рождения зодчего 1 мая 2024 года в Красноярске, на фасаде дома по ул. Мира, 31, где когда-то располагалась Енисейское губернское управление, состоялось открытие мемориальной доски архитектору.

В вечернее время в зрительном зале Музейного центра все желающие смогли послушать лекции ведущих архитекторов России и Сибири. В день открытия фестиваля прошли мастер-классы народного архитектора РФ, руководителя архитектурного бюро «Студия 44» Никиты Явейна (С.-Петербург) и руководителя студии «Архитектура. Дизайн. Моделирование» Алексея Мякоты (Красноярск).

Первый день фестиваля завершился экскурсионной поездкой по архитектурно-градостроительным

объектам Красноярска, которые в разные годы были номинированы на архитектурных конкурсах. Экскурсию провел председатель Красноярского отделения Союза архитекторов России Сергей Ямалетдинов. Участники поездки увидели постройки нового центра Красноярска на левом берегу Енисея, совершили прогулку по скверу Энтузиастов и правобережной набережной.

Второй день фестиваля начался с открытия мемориальной доски народному архитектору России В. В. Орехову, размещенной на фасаде дома, где жил и работал архитектор. В Красноярскгражданпроекте, являвшемся инициатором установки мемориальной доски, Виталий Владимирович проработал более

четверти века и создал свои знаковые для Красноярска произведения – Центральный стадион на острове Отдыха и Дворец спорта имени Ивана Ярыгина.

Обсуждение роли архитектора в формировании уникального городского пространства продолжилось на круглом столе «Город, среда, личность» (модератор: Эдуард Кубенский, директор и главный редактор издательства TATLIN).

На круглом столе по архитектурному образованию обсуждались актуальные вопросы подготовки молодых специалистов-архитекторов (модератор дискуссии: Евгений Зыков). Возможно ли дать универсальный набор знаний и умений для выпускника-архитектора? Как можно примирить возможности образования и ожидания

различных работодателей? Единые вопросы для всех спикеров заданы модератором: какими компетенциями должен обладать выпускник? Каковы приоритеты в подготовке архитектора?

Участники говорили о возможности взаимодействия студентов с профессиональным сообществом, о необходимости приобретения студентами как навыков проектирования, так и системного видения проекта в целом, о работе в мастерских и значении учебных проектов.

Мастер-классы во второй день фестиваля проводили руководитель «Архитектурного бюро Тимура Башкаева» Тимур Башкаев (Москва); генеральный директор архитектурного бюро «Megabudka» Константин Демин (Москва);



^ Рис. 7. Поездка в Енисейск



^ Рис. 8. Открытие мемориальной доски В. Орехову



Рис. 9. Участники круглого стола «Город. Среда. Личность» Константин Шумов, Инна Дружинина, Елена Григорьева, Сергей Ямалетдинов, Владимир Медиевский, Владимир Царев



МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

ЗОДЧЕСТВО В СИБИРИ

2024

КРАСНОЯРСК

исполнительный директор проектного бюро «М4» Андрей Кобзев (Москва); городской исследователь, управляющий партнер Института территориального планирования «Урбаника» Евгения Арефьева (Санкт-Петербург); профессор МААМ, руководитель архитектурной фирмы «АЛКУТА» Алексей Куковякин (Екатеринбург).

Вечером, в уютном зале кафе Музейного центра, состоялась прием председателя Красноярской организации СА для членов Совета СФО и представителей региональных организаций, где в дружеской атмосфере прошло обсуждение насущных вопросов. Остальные участники и гости фестиваля смогли насладиться прогулкой на теплоходе по главному проспекту города – реке Енисей.

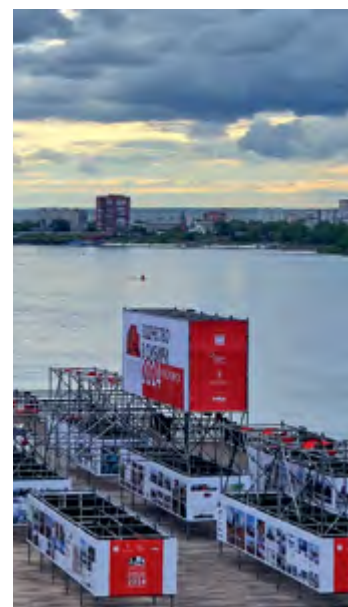
В заключительный день ЗВС для всех желающих была организована поездка в Национальный центр В. П. Астафьева, открытие которого состоялось 1 мая в 100-летний юбилей писателя на его родине в п. Овсянка. Экскурсию провели авторы проекта – архитекторы проектной мастерской А2.

Для студентов Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета прошла беседа с директором и главным редактором издательства TATLIN Эдуардом Кубенским (Екатеринбург).

Главное событие фестиваля – церемония награждения участников смотра-конкурса. В этом году к традиционным номинациям были добавлены две дополнительные: «Лучшие городские стратегии»

и «Лучшее партнерство застройщика и архитектора». Конкурсы состоялись во всех заявленных номинациях. Помимо оглашения результатов смотров-конкурсов, были вручены высшие награды МААМ и РААСН, значки и билеты новым членам СА России.

Завершающим мероприятием программы фестиваля стала двухдневная поездка в Енисейск – город, который когда-то был административным и торговым центром Енисейской губернии, а сегодня остается главным хранителем архитектурной истории Енисейской Сибири. Прогулка по городу с рассказом о его истории, архитектурных памятниках, современных проблемах и преобразованиях состоялась с главой Енисейска архитектором Валерием Никольским.



^ Рис. 10. Одно из ярких впечатлений – Красноярские Столбы. Никита и Маргарита Явейны, Тимур Башкаев, Алена Мочальникова, Елена Григорьева, Алла Бородина и Алексей Куковякин



^ Рис. 11. Лауреаты ЗВС-24 и члены жюри

На полях фестиваля ЗВС-24 гость из Санкт-Петербурга Никита Игоревич Явейн, народный архитектор РФ, академик РААСН, победитель многочисленных российских и международных конкурсов, дал интервью журналу «Проект Байкал».

Ключевые слова: архитектор Н. Явейн; проекты; постройки; ученики; мастерская; Петербург. /

On the sidelines of the Festival ZVS-24, Nikita Igorevich Yavein, a guest from St. Petersburg, People's Architect of the Russian Federation, academician of the RAACS, winner of numerous Russian and international competitions, gave an interview to Project Baikal journal.

Keywords: architect N. Yavein; projects; buildings; apprentices; studio; St. Petersburg.



^ Вокзальный комплекс «Ладожский» в Санкт-Петербурге. Фото Максима Атаянца

Интервью с Никитой Явейном / Interview with Nikita Yavein

текст

Алена Мочальникова
Proctor Group (Новосибирск)

Елена Григорьева
Российская академия архитектуры
и строительных наук

Никита Явейн
Российская академия архитектуры
и строительных наук

text

Alena Mochalnikova
Proctor Group (Novosibirsk)

Elena Grigoryeva
Russian Academy of Architecture and
Construction Sciences

Nikita Yavein
Russian Academy of Architecture and
Construction Sciences

Алена Мочальникова Никита Игоревич, тема нашего фестиваля касается роли личности в архитектуре. И, конечно, мы говорим о влиянии личности архитектора на жизнь городов и стран, поколений людей. Скажите, пожалуйста, а кто на Вас как на архитектора оказал влияние? Как сложилась Ваша личность?

Никита Явейн Мой путь в профессию был в чем-то проще, чем у остальных, в чем-то сложнее. Грандиозную роль в моем становлении сыграл мой отец¹. Он повлиял на меня и в личностном плане, и в поведенческом, и даже в привычках. Что касается выбора профессии, то тут у меня в принципе не было выбора. Мне отец уже в детстве сказал, что я буду архитектором. Я – младший сын в семье, был любимцем отца, и он, конечно, хотел все, что он сам знает и умеет, в меня вложить. Поэтому уже в 4 года, когда меня спросили, кем я хочу быть, я ответил: «На букву И!». Все гадали, гадали и сдались, и тогда я гордо сказал: «Ирхитектор!». Так что у меня однозначно был только один профессиональный путь – архитектура.

Я надеюсь, что похож на отца, он всегда был для меня авторитетом. Сейчас мне очень смешно, но в ранние юношеские годы я немножко по-глупому начал соревноваться с ним, в чем-то спорить: ведь в 20 лет не очень понимаешь, что можно, что нельзя, не очень церемонишься. А ведь именно он дал мне высокий профессиональный старт. На четвертом

курсе института мы делали конкурс для Байкало-Амурской магистрали. В ту пору отец заведовал кафедрой «Архитектура и производственная эстетика» в ЛИИЖТе (Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта). Он привлек к проектированию меня, моего старшего брата Олега, а я, в свою очередь, позвал с собой трех-четырёх самых талантливых ребят со своего курса в ЛИСИ (Ленинградский инженерно-строительный институт). Потом еще двоих Олег подтянул со своего потока в Академии художеств. И наша квартира стала такой серьезной архитектурной мастерской. Тут я получил первые навыки организации архитектурного производства, жесткого, бескомпромиссного архитектурного производства.

Елена Григорьева На БАМе – что это был за объект?

Никита Явейн Это был вокзал. И случилось невероятное: наша сборная команда его выиграла, этот конкурс! Но проектирование потом все равно Мосгипротрансу передали. А так, представляете, – маленькая кафедра архитектуры ЛИИЖТа выиграла у Мосгипротранса. Никто не предполагал, что такое возможно.

ЕГ У Вас типология с отцом перекликается, тоже вокзал...

Никита Явейн Вокзал. И темой дипломного проекта у меня был вокзал, само собой, куда мне было деться...

ЕГ Замечательный реализованный Ладожский вокзал в Санкт-Петербурге.

Никита Явейн Конечно, он не так спроектирован, как было в дипломе, но, во всяком случае, знание места сыграло свою роль. Такое несколько фантастическое сооружение. Оно было спроектировано за месяц. Построено в общей сложности за полтора года. И вообще такой сложносочиненный дом, я им очень горжусь, хотя качество строительства, конечно, ужасное, как и все было в то время. Но этот объект, конечно, любимый.

ЕГ И в Сочи, к Олимпиаде-2014, Вы снова проектировали вокзал...

Никита Явейн Вокзалы, знаете ли, это очень непростая тема. Оба раза – катастрофическая ситуация, когда в короткие сроки надо было вытягивать беспомощный, уже проваленный проект. Ладожский надо было к 2003 году построить, к 300-летию Санкт-Петербурга. И в Сочи была та же самая ситуация: за два года до Олимпиады мы взялись за проект.

АМ Никита Игоревич, получается, у Вас профессиональная династия?

Никита Явейн Династия, наверное, громко сказано. У отца родители были знаменитые медики, прекрасные врачи. Поэтому, наверное, нет. Отец – безусловно, и мы с братом. А вот мои дети уже не все в архитектуре – только младший сын Георгий.

ЕГ Насмотрелись, как папа всю жизнь посвящает...





^ Вокзал «Олимпийский парк» в Сочи. Фото Алексея Народицкого

Никита Явейн Да, наверное! Кроме того, это ведь страшно – под давлением авторитета оказаться. Такая перспектива пугает, и тут я своих детей понимаю.

АМ Общепринято, что личность всегда имеет направленность: всегда куда-то идет, куда-то движется, имеет какие-то свои цели и смыслы. Я не спрашиваю, конечно, про личные цели, но могли бы Вы сказать, какие профессиональные цели преследуете?

Никита Явейн Сложный вопрос. Вы меня просите рассказать, в чем смысл архитектуры. Это как «Войну и мир» пересказать... Моя профессиональная цель в текущий момент – сохранить особую профессиональную среду, в которой мне комфортно как архитектору. Потому что, по-моему, всюду она рассыпается, размывается понятия о том, что хорошо, а что плохо. Поэтому у меня есть своя мастерская, «Студия 44». Поэтому я веду курс в Санкт-Петербургской Академии художеств, создавая некую школу. Я бы сказал, взялся за преподавание меня вынудила ситуация, поскольку у меня возникло ощущение: если в текущем образовании ничего не менять, то лет через десять кому-то объяснять, что такое хорошая архитектура, будет уже поздно. Потому что будет полная пустота вокруг. Да, в Санкт-Петербурге наше влияние как архитектурной мастерской, как определенной архитектурной школы, довольно велико, мы практически един-

ственные имеем такое влияние; это позволяет надеяться, что сохраним в профессиональной среде настоящие архитектурные смыслы. В Питере и нынешний главный архитектор Павел Соколов прошел профессиональное становление в моем бюро, и многие молодые ведущие архитекторы в той или иной мере с нами связаны, они либо у нас работали по 10–15 лет, либо активно с нами взаимодействовали. Влияние на петербургское архитектурное сообщество – это, пожалуй, то единственное, что мы можем сделать, потому что в масштабах страны удар 1990-х, я считаю, профессия не выдержала, и все критерии – что хорошо, что плохо – расплылись.

АМ А что хорошо?

Никита Явейн Архитектура – это профессия, у которой есть некие правила игры, которая имеет собственные ценности. Это профессия сложная, комплексная, нагруженная многими смыслами. Она развивается, конечно, но от этого ее коренные установки не меняются. Сегодня многие этого: «а» – не понимают; «б» – вообще не считают нужным понимать.

АМ Подменяют смыслы?

Никита Явейн Не подменяют. Для того, чтобы подменять, надо их чувствовать. Увы, это встречается все реже и реже. И для какого-нибудь сегодняшнего молодого архитектора, может быть, тот же Павлов² просто смешон. Возможно, они не понимают, зачем у него цилиндр и внутренний треугольный

эркер здания. А я помню себя, студента, когда об этом его решении узнал, то подумал: «О, как круто!». Меня это так поразило! А сегодня большинство архитекторов скажет: «Зачем этот павловский выпендрег? Ведь столько квадратных метров теряешь...».

АМ Мне кажется, говорить о смыслах и целях очень важно, тем более Вы подчеркнули, что они утеряны архитектурным сообществом в 1990-е годы... и об этом мало говорят...

Никита Явейн Говорят-то много, но толку мало. Все время идет подмена архитектуры на политику какую-то – то ли экономическую, то ли социальную, то ли на дизайн всепоглощающий... И не надо думать, что это только у нас. Это общемировой процесс. Может быть, как и многие другие процессы, у нас это все происходит быстрее и разрушительней.

ЕГ Когда агитирую коллег участвовать в наших событиях сибирских, говорю, что официальным гостем фестиваля приглашен российский архитектор номер один. Никита Игоревич достиг признания международного. Всем известны победы в конкурсах российских и самых престижных зарубежных. Какова сейчас ситуация с международным участием?

Никита Явейн Участие в конкурсах – это, как правило, площадка для поиска хороших заказчиков, престижных заказов и так далее. Замечу, что мы, архитекторы, все-таки прагматики. Если у тебя

1. Игорь Георгиевич Явейн (1903–1980) – архитектор-конструктивист, теоретик и практик транспортной архитектуры, доктор архитектуры, профессор. По его проектам построено свыше 100 вокзалов (в Великом Новгороде, Курске, Дубулты в Латвии и др.).
2. Павлов Леонид Николаевич (1909–1990) – выдающийся представитель советского модернизма, в своем творчестве отдавший дань как конструктивизму, так и неоклассике. Автор около 1000 крупных проектов и построек («Дворец Советов в Сталинграде», аэропорт в Риге, театр в Петрозаводске, музей Ленина «Траурный поезд», музей в Горках Ленинских, а также станции московского метрополитена, вычислительные центры, станции техобслуживания автомобилей и др.).

есть потенциальный заказчик там, на Западе, то участвуй в конкурсе, если нет – не дергайся. Поэтому мы никогда особо не рвались самоутверждаться на мировой арене. Но в 2014 году нас попросили представить Россию на Международном архитектурном фестивале (WAF), показать наш Олимпийский вокзал в Сочи. Вот тогда я впервые увидел, как в «свободном мире» политика влияет на решения жюри. Вернее, услышал. В составе жюри были канадец, французенка и из Африки парень. Оценивая работы, они довольно громко переговаривались в нашем присутствии на французском языке, думая, что мы не понимаем. А я как раз лучше знаю французский, чем английский. И я слышу, как они говорят: «Олимпийский вокзал, конечно, лучший проект, но мы не можем дать Путину первое место». Это звучало много раз в разных вариациях, и так и решили. Я такие вещи очень не люблю. Это же мировой фестиваль архитектуры! В итоге отдали приз какому-то малопонятному проекту моста в Новой Зеландии, чем повергли в недоумение всех участников. Я тогда решил: ну нет, такой номер больше не пройдет, мы приедем в следующий раз и докажем, что мы лучшие. И в следующий раз на WAF у нас уже был серьезный десант. Представлял проекты уже не я, а наши молодые ребята с хорошим знанием английского, говорили без перевода. И мы тогда взяли сразу два первых места, это был конкурс в Сингапуре в 2015 году.



^ Музей науки и техники в Томске

v Концепция развития исторического центра Калининграда



Мы представляли Академию танца Бориса Эйфмана – в номинации постройки, лучшие образовательные учреждения, а еще – мастер-план центра Калининграда. Обе работы

заняли в своих номинациях 1-е место и были в шаге от получения Гран-при фестиваля. Мы шли с лидерами нос в нос, но уступили сингапурцам и BIGy.

ЕГ Сибирский вопрос. Мне кажется, что движение к современной деревянной архитектуре хоть и медленно, но идет. И по-настоящему оно началось после Вашей победы в конкурсе на Музей науки в Томске. Как Вы считаете, все-таки движется наша страна, великая лесная империя к тому, чтобы выдающиеся произведения современной деревянной архитектуры появились в стране и в Сибири, в Томске, в частности?

Никита Явейн К сожалению, нет. На мой взгляд – шаг вперед, два шага назад, потому что вся система пожарной безопасности жутко косная, и ее «передать» оказывается довольно сложно. В малоэтажной застройке будут какие-то позитивные подвижки, это да. А вот в строительстве домов повышенной этажности и крупных общественных зданий – вряд ли в ближайшее время. Сейчас обсуждается, чтобы внутренние конструкции разрешили делать из дерева, а фасады штукатурить или зашивать навесным материалом. Такие дома в четыре этажа уже есть... Но пока нет понимания дерева как материала, его ценности. И мы наблюдаем поэтому странные вещи: в 1990-е годы самые обеспеченные люди строили себе дома из дерева, а сегодня из камня.

ЕГ Я вчера так возликовала по поводу вашего объекта, вот этого...

Никита Явейн Это фондохранилище музея в национальном парке «Кенозерье» в Архангельской

области. И оно устроено как две независимые конструкции на случай возгорания. Одна – фактически бетонная, железобетонная скорлупа. А снаружи – стена, которая защищает и утепляет. Самонесущая, она абсолютно самонесущая! Даже специалисты по пожарной безопасности не сразу восприняли эту концепцию.

АМ Я вчера смотрела, как Вы рассказывали про питерский проект, где на плоскости создали эту разноуровневость и разновысотность на совершенно плоском рельефе, и это притягательно-красиво. И тут я сразу стала думать про наш с вами любимый Шерегеш, в котором такой богатый рельеф. Я себе так представила: какой шикарный проект мог бы там сделать архитектор такого масштаба, как Вы. Скажите, пожалуйста, при каких условиях Вы могли бы заняться градостроительным проектом для поселка Шерегеш?

Никита Явейн Мы сейчас любим такими градостроительными работами заниматься. Правда, они, как правило, кончаются ничем, и это обидно. Нужен какой-то механизм, который позволил бы не просто бумажную архитектуру рисовать. А насколько я знаю, в Шерегеше нет какой-то элементарной системы проведения в жизнь градостроительных решений. То есть он живет, как в 1990-е годы, в полном хаосе. И для меня свидетельством этого хаоса является то, что из одной планировочной зоны в другую нет прямого пути,



^ Академия танца Бориса Эйфмана. Фото Андрея Белимова-Гуцина



^ Депозитарий «Небесное Кенозерье»

только через объездную трассу. И другого пути нет. Это, конечно, очень мило, но с градостроительной точки зрения – просто безобразие. Правда, есть второй путь: спуститься вниз пешком, пройти 3 километра и подняться в другом месте. И третий путь – пиратским образом ехать через лес. Увы, в Шерегеше есть серьезные проблемы и в общей планировке поселка, и в его структуре. И пока не будет некоего механизма планового воздействия на эту среду, все идеи рискуют обернуться утопиями.

ЕГ Вы работали и в советское время, и в сложные 1990-е, работаете активно сейчас. Процент реализованных проектов относительно общего числа сейчас вырос или снижается?

И второй вопрос: не знаю, как у Вас (надеюсь, у Вас лучше), но у меня мало проектов, которые реализованы в полном соответствии с проектом, все время какие-то искажения...

Никита Явейн Могу сказать так: процент реализации сейчас стал даже выше, чем в 1980-е годы, это было вообще парадоксальное время...

В 1990-е годы – по-разному, в Москве была своя жизнь, у нас же в Питере просто ничего практически не происходило, либо происходили очень странные вещи с участием очень своеобразных застройщиков. Поэтому прокомментировать, какова была доля реализации проектов в то время, я не могу. Я, слава Богу, тогда

8–9 лет провел на государственной службе. Эта служба мне на самом деле многое дала и по знанию города (я его сегодня, может быть, знаю, как никто другой), и по знанию людей, и по знанию того, как можно добиваться своего. Я понял, как с людьми вообще работать. Я научился убедительно говорить, отстаивать свою позицию. Все это и даже некую мудрость я приобрел в 1990-е годы на госслужбе. Этот опыт мне очень помог в будущем. Многие бы не состоялось, если бы у меня не было навыка такого балансирования, порой на грани фола, в сочетании с умением не вступать в жесткие конфликты и понимать, что ты не один в этом мире. Да, это опыт такой дипломатии.

А что касается последнего времени, тут вообще не очень понятно, что в какой мере реализуется. Сейчас, конечно, очень многое решают амбиции заказчика. И заказчики очень сложные. В последние годы госзаказчик стал абсолютно неуправляемым: с бесконечными капризами и изменениями задания, когда левая нога не знает, чего хочет правая. Коммерческие заказчики тоже не так просты. Сегодня в их среде, в крупных частных компаниях происходит жуткая бюрократизация, и они в большинстве своем становятся еще более бюрократизированными, чем государственные структуры...

ЕГ Это Вы крупные корпорации имеете ввиду?

Никита Явейн Да-да, у них уровень бюрократизации зашкаливает, и даже коррупция внутри уже сопоставима, по-моему, с государственной, если не выше. Поэтому с ними тоже довольно тяжело стало работать.

А если взять какие-то очень специальные личные заказы, связанные с личными интересами олигархов или бизнесменов, то эта зона более-менее операбельна. Но туда прорваться достаточно сложно, и надо отдавать себе отчет в том, что наивно требовать от бизнесменов понимания архитектуры. Этого можно требовать от государства, от корпорации, а от них сложно, они удовлетворяют свои причуды. И тут уже надо понимать, как убедить заказчика в том, что твои архитектурные затеи – это и есть воплощение его причуд. Это тоже своего рода искусство, которое, смею сказать, я некоторым образом освоил.

АМ Мастеру невозможно без учеников. Как Вы их выбираете?

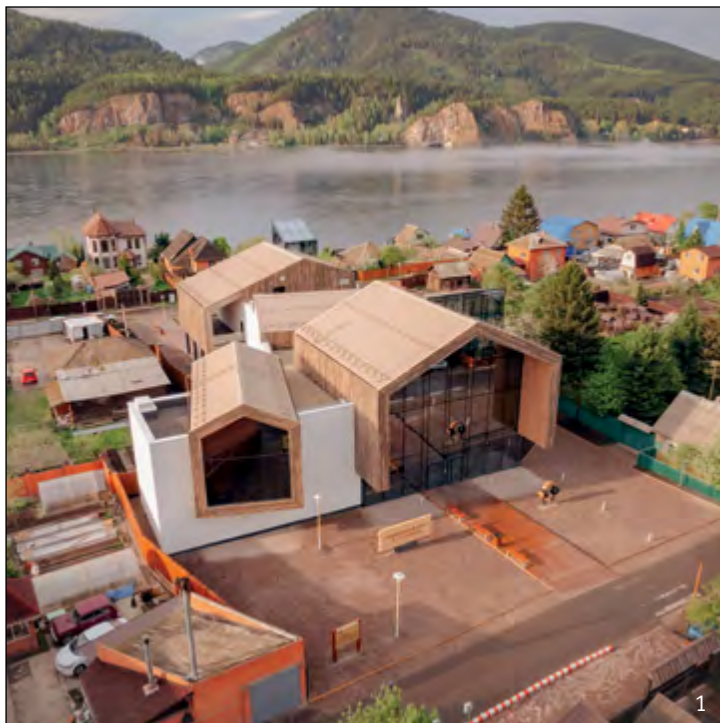
Никита Явейн Я постоянно отбираю со своего курса в Академии художеств самых перспективных учеников, приглашаю их поработать у нас еще в период обучения в ВУЗе. Большинство остается, становится сотрудниками «Студии 44». Но люди вырастают. Вот, например, Георгий Снежкин – он у меня один из лучших учеников был, один из лидеров. Сейчас он основал свое архитектурное бюро «Хвоя» и делает свое дело. Делает успешно. Но он признается, что до сих

над ним довлеет вопрос: а что бы сказал Никита Игоревич по тому или иному поводу... И это болезнь, которая, как он говорит, ему очень мешает жить. Это я иронизирую, конечно.

Сейчас у меня есть три молодых партнера, которые ряд проектов делают во многом самостоятельно. Не всегда мне нравится, куда каждого из них «несет», но я даю им большую степень свободы. Возможно, в какой-то момент я попытаюсь отделиться и сохранить свой индивидуальный мир нетронутым. Но пока что, при параллельной разработке большого числа масштабных проектов, просто неизбежно подключение абсолютно самостоятельных людей, которые строят свои отношения с заказчиком, с подрядчиком и так далее, и ты вольно или невольно в этой ситуации становишься консультантом. Это нормально. Но эти люди, безусловно, ученики, поскольку я их вывел в профессию. Все, что они знают и умеют, они получили от меня. С третьего курса я их растил. Вообще потенциал в профессии виден уже на четвертом-пятом курсе. И в это время уже можно примерно вычислить максимальный потенциал. А будет ли он реализован – это вопрос.

ЕГ Вопрос личности той самой.

Никита Явейн Да. Никита Игоревич, надолго не прощаемся, надеемся на скорую встречу в Шерегеше.



1



2



3



4



5



6

Номинация «ОБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО НАЗНАЧЕНИЯ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР В МЕМОРИАЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ В. П. АСТАФЬЕВА В СЕЛЕ ОВСЯНКА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
 Авторы: Денисов И. В., Кулаковский А. Н., Кушнир А. С., Кушнир И. В., Малахова А. О., Малахова Е. В., Ничипуренко А. А., Соков А. М., Соломатин Д. В.,

Тимофеева О. В., Шаталов Б. Б., Элли А. В., Ягутьева Д. А., Якубчук В. Э.

2. ЗОЛОТОЙ диплом ОСНОВНАЯ И СРЕДНЯЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА ПО пр. МЕТАЛЛУРГОВ, г. НОВОКУЗНЕЦК
 Авторы: Цой В. В., Аввакумова О. И., Умыслова М. Ф., Конакова Е. О. Интерьеры при участии: ООО «Студия Аид», ООО «Перфекционизм»

3. ЗОЛОТОЙ диплом МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛЕДОВАЯ АРЕНА «СИБИРЬ-АРЕНА»
 Авторы: Буш Д. В., Орлов А. В., Заключачев А. А., Бузмакова Е. А., Золотова А. С., Пузанова Е. Н., Винтова Ю. Т., Коробской Е. Е., Цыплаков А. С., Коробков С. А., Морозов И. А., Харитоновна К. М., Сафонов И. Д., Леденев А. Е., Кислов М. Н., Иванов А. В., Бондарь Д. А., Иващенко А. Н., Уставицкий А. С., Евстратова М. П., Полякова Е. В.

4. Основная общеобразовательная школа на 250 учащихся в пос. Пригородный КМО
 Авторы: Смыков В. Б., Кулагина А. О., Мехоношина М. М., Леванова О. Н., Филонова А. А., Чернов Н. С., Синельников А. Н., Петерс Е. В.

5. Поликлиника на 200 посещений в смену, Кемеровская область-Кузбасс, г. Новокузнецк, Орджоникидзевский район, микрорайон Абашево, ул. День шахтера, 14
 Авторы: Гурба С. Н., Речицкая И. В., Миняйлова Т. А., Межевич Е. А., Салимжанова М. М., Платонова И. А., Ардашева Н. В., Петерс Е. В., Шемарыкина О. Г., Дятлева Н. С., Либанова Е. С., Сафронова Т. А., Бронская Т. В., Сечко О. П., Козина О. В., Лебедева О. А., Шумихина М. И., Батяйкина Г. И., Сапегин А. С.

6. Академия Гольфа
 Авторы: Шишкин А., Якимов Я., Белокопытов Е., Перевалова А., Шаталов А.



1



2



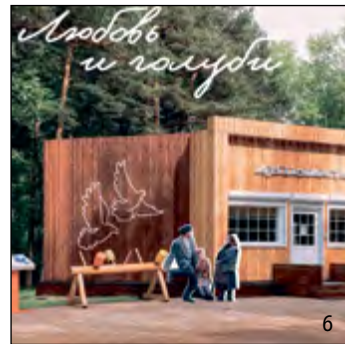
3



4



5



6

**Номинация «ОТКРЫТЫЕ
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА»**

1. ЗОЛОТОЙ диплом
РЕНОВАЦИЯ ТЕРРИТОРИИ ПАРКА
«ИЗУМРУДНЫЙ» В г. БАРНАУЛЕ
2019–2023 гг.

Авторы: Деринг А. Ф.,
Тисленко С. И., Шпенглер А. В.,
Нетолчин И. А., Максименко М.,
Индюков Д., Мунгалова А.,
Петухова О., Титова Ю.,
Шапалова С., Матвеева А.,
Бамбурина Е., Макаренко Е.,
Масалова С., Шилович М. Шульц С.,
Жадинский П., Лелюк О., Воронцов,
Новых Д., Атаджанов А.

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
КРАСНОТУРЬИНСК – ГОРОД ОТКРЫТЫЙ

Авторы: Дорофеев П. А.,
Журавлева Е. О., Пак А. К.,
Калинина О. А., Кензина Е. Ю.,
Ясский П. А., Русанов М. А.,
Зверева М. В., Козьмин А. П.,
Маяренков С. Ю., Казимиренко В. А.,
Ковшаров П. В., Казакова В. И.,
Холявко А. О., Молокова Е. Л.

3. Наш парк в пос. Металлплощадка,
Кемеровский муниципальный округ,
Кемеровская область – Кузбасс
Авторы: Шаталов А., Шишкин А.,
Туйгунова Е., Максимчук Т.,
Савельев С.

4. Проект благоустройства спортивно-
игровой территории базы отдыха КАО
«АЗОТ»
Авторы: Чигишев Р. А., Лесников Д. Э.,
Сапелкина Е. В.

5. Юдинский сад и набережная реки
Качи
Авторы: Шаталов А., Шарыпова А.,
Шишкин А., Туйгунова Е.,
Мельникова К., Макашева Я.

6. Парк-театр
Авторы:
Концепция – Холявко А. О.,
Дорофеев П. А., Пак А. К.,
Калинина О. А., Кензина Е. Ю.,
Ясский П. А., Русанов М. А.,

Зверева М. В., Козьмин А. П.,
Маяренков С. Ю., Казимиренко В. А.
Реализация – Холявко А. О.,
Дорофеев П. А., Ковшаров П. В.,
Казимиренко В. А., Калинина О. А.,
Козакова В. И., Пак А. К.,
Молокова Е. Л.



1



2

Номинация «РЕСТАВРАЦИЯ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом РЕСТАВРАЦИЯ И ПРИСПОСОБЛЕНИЕ ПАМЯТНИКА ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА «ДОМ КУПЦА ШАДРИНА» ПО пр. КРАСНОАРМЕЙСКОМУ, 8 В г. БАРНАУЛЕ

Авторы: Деринг А. Ф., Тисленко С. И., Федорова Е. Г., Астанин А. С.

2. Реставрация объекта культурного наследия «Усадьба: дом жилой», кон. XIX вв. – нач. XX вв. по адресу: г. Иркутск, ул. Седова, д. 33, лит. А. Авторы: Поликарпочкин А. В., Захарова Л. А., Кузнецова Е. А., Борисова М. П., Кушкова А. Д., Ксенофонтов А. В., Кибальник А. М., Захаров К. В.



3

Номинация «КУЛЬТОВЫЕ ЗДАНИЯ»

3. Работы по сохранению объекта культурного наследия (ОКН) регионального значения «Церковь Вознесения, 1914 г.», расположенного по адресу: г. Минусинск, Красноярский край

Авторы: Шумилкин А. С., Ткачева М. Л., Макарычева Ю. В., Соловьева А. М., Краснов В. В., Ключкина Е. А., Полякова Е. Н., Уржумова А. П., Хетагуров А. Х., Одинцов А. А., Хохлов И. А., Пронина Ю. А., Наволоцкий А. А.



4



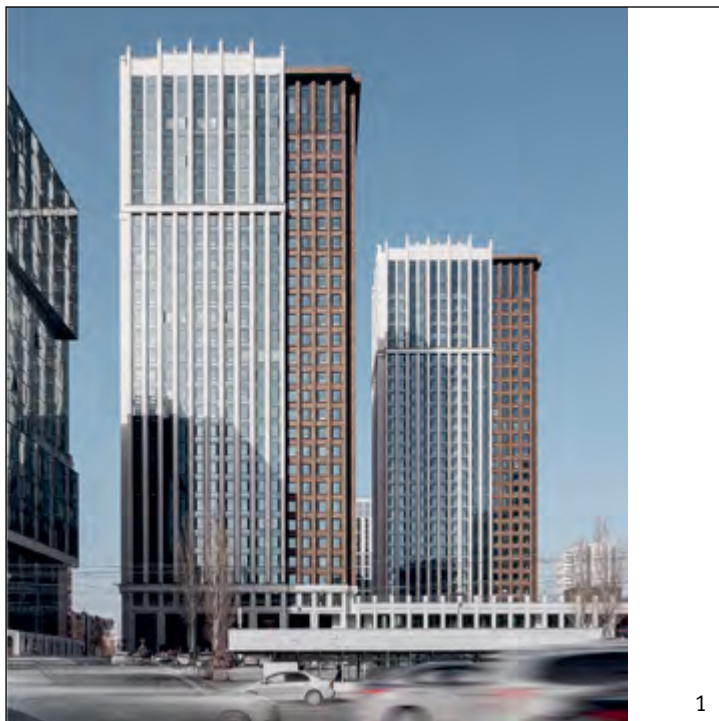
5

Номинация «АРТ-ОБЪЕКТЫ И МАЛЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ФОРМЫ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ»

4. ЗОЛОТОЙ диплом ПАМЯТНИК В СКВЕРЕ ГЕРОЕВ-МЕДИКОВ (Алтарь памяти) В г. ИРКУТСКЕ

Авторы: Демков С. Б., Ставцев С. В., Мазур А. В.

5. Памятник авиаконструкторам Николаю КАМОВУ и Михаилу МИЛУ (Учившим летать металл) в г. Иркутске
Автор: Демков С. Б.



1



2



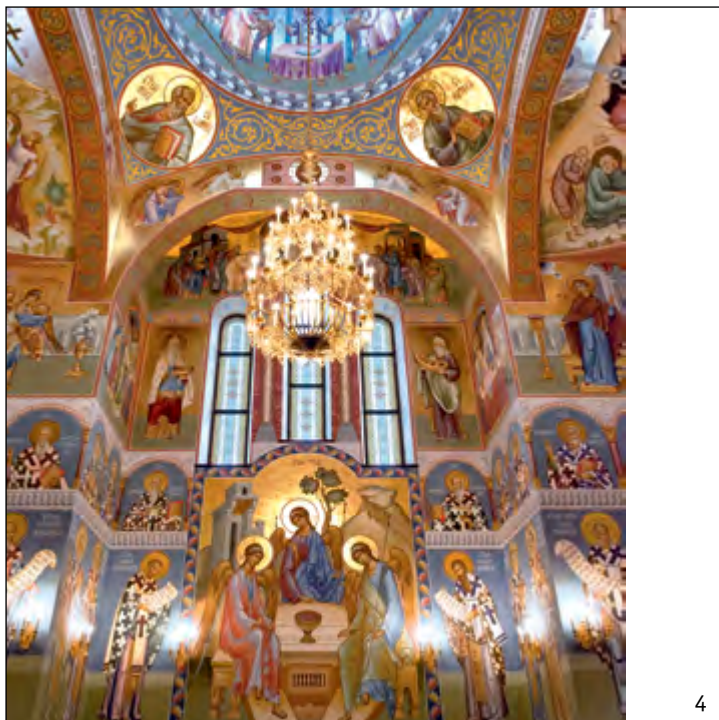
3

Номинация «МНОГОКВАРТИРНЫЕ ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС «ЧИКАГО»
Авторы: Филиппов В. Н.,
Насыров Т. К., Зайцева М. С.,
Купич В. С.

2. Жилой комплекс «Универс» –
1-я очередь строительства
Авторы: Шаталов А., Шишкин А.,
Туйгунова Е., Максимчук Т.,
Савельев Е.

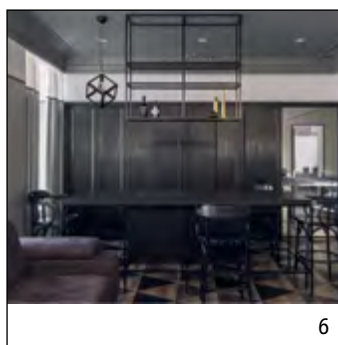
3. Многоквартирный жилой дом
по адресу: г. Барнаул, Власихинская,
65а
Авторы: Пшеничкина Л. И.,
Храбрый К. Б.



4



5



6



7



8

Номинация «ИНТЕРЬЕРЫ»

4. БРОНЗОВЫЙ диплом
СВЯТО-ТРОИЦКИЙ КАФЕДРАЛЬНЫЙ
СОБОР, г. СУРГУТ
Авторы: Клочков В. А.,
Астафуров С. В., Астафурова Ю. В.,
Илёшин Н. А., Потемкин А.

5. БРОНЗОВЫЙ диплом
ИНТЕРЬЕР КОВОРКИНГА
ДЛЯ СТУДЕНТОВ
Авторы: Семиусова А. А.,
Фомина О. А.

6. Дизайн интерьера частной клиники
дентальной имплантологии
Авторы: Патрушев Е. А.,
Патрушева И. Ю.

7. Головной офис группы
компаний АХВ
Автор: Жоров Ю. В.

8. Дизайн-проект квартиры по адресу
г. Санкт-Петербург, ул. Александра
Матросова, 3 г
Авторы: Истомина В. Н., Носова В. Д.



1



2

Номинация «МНОГКВАРТИРНЫЕ ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ»

1. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС «ПЕРЕНСОНА-МАРКОВСКОГО»
Авторы: Ларичев Н., Шаталов А., Бондарь К., Туйгунова Е., Иванова А., Терентьева Н.
2. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС «ХВОЯ»
Авторы: Ларичев Н., Осадчий А., Шаталов А., Акулич А., Бабенкова А., Тимохов Е., Иванова А., Макалова Е., Мельникова К., Спиридонова Я.

3. Жилой комплекс бизнес-класса «Бродский» в г. Иркутск
Авторы: Былков А., Добрачева Э., Циркунова А., Стрелков Е., Барахтенко А., Лукьянчук Л.
4. Жилой комплекс по ул. Ладо Кецховели и ул. Марата (Сити-квартал Кецховели)
Авторы: Ларичев Н., Шаталов А., Бондарь К., Бабенкова А., Спиридонова Я., Тимохов Е., Иванова А., Тимохова М., Мельникова К.



3



4



5



6



7

Номинация «ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ КОТТЕДЖНОГО ТИПА»

5. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
ЖИЛОЙ ДОМ В г. КРАСНОЯРСК, ОКТЯБРЬСКИЙ РАЙОН
Авторы: Коновалов А., Бочарова А., Курбатова З.
6. Проект индивидуального жилого дома
Автор: Рогозин А. П.

7. Усадьба Шпешилова на берегу реки Иреть в Иркутской области
Авторы: Бадула О. Б., Кузмичева А. О. Бадула Ф. Р.
8. Индивидуальный жилой дом в п. Элита, Красноярский край
Авторы: Науменко А. Н., Науменко С. С.



8



1



2



3



4



5



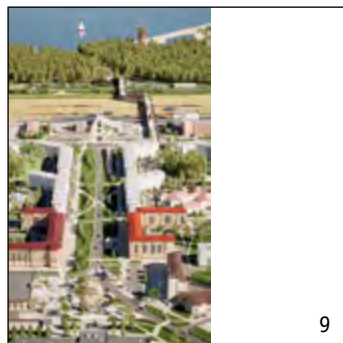
6



7



8



9



10

**Номинация «ОБЪЕКТЫ
СОЦИАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО
НАЗНАЧЕНИЯ»**

1. ЗОЛОТОЙ диплом
НАУЧНО-ТУРИСТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
«СНЫ СИБИРИ»
Авторы: Худяков С. Ю., Корж М. И.,
Терешенок В. Ю., Сидоркин И. В.

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
ГОСТИНИЧНЫЙ КОМПЛЕКС «HILL»
В ПОСЕЛКЕ БОЛЬШОЕ ГОЛОУСТНОЕ,
ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ
Авторы: Козак И., Шарыгин К.,
Филиппова О., Радчик М.

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
«СУРИКОВ-ЦЕНТР» В КРАСНОЯРСКЕ
Авторы: Ларичев Н., Шаталов А.,
Кулич А., Шарыпова А., Иванова А.

4. Иркутский крематорий
Авторы: Демков С. Б., Ставцев С. В.

5. Гостиница на 23 номера по адресу:
Республика Алтай, Майминский
район, пос. Барангол, ул. Чуйская, 2
Авторы: Квасов А. В., Панарин А. В.

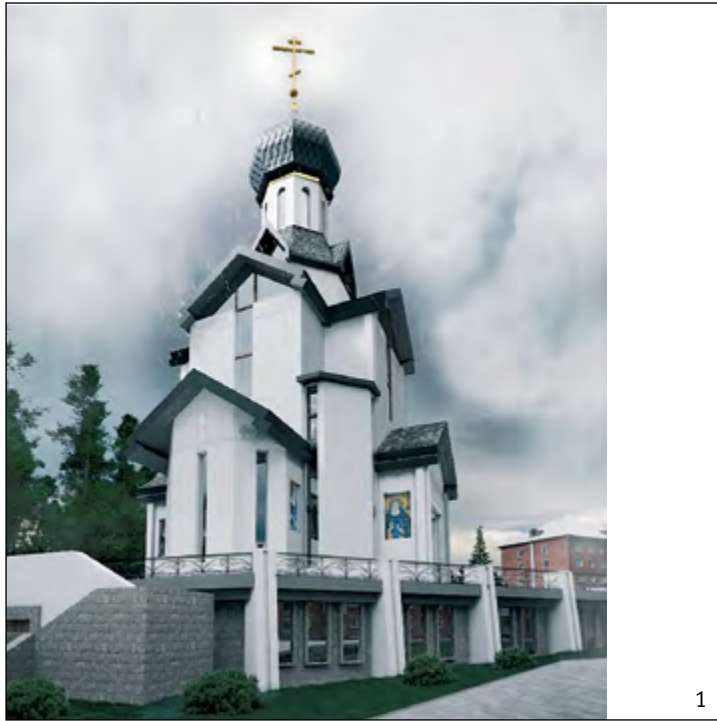
6. Административное здание
г. Норильск
Авторы: Орестов И. А.,
Первушкина Е. Э., Иванова Т. А.,
Барков П. В., Килина И., Цыкало М. В.,
Артемьев К. Р.

7. Учебный корпус детского
автогородка
Авторы: Орестов И. А., Зайцев В. А.,
Кристаллович Н. В., Барков П. В.,
Балацкая А. В., Килина И. А.,
Каураков П.

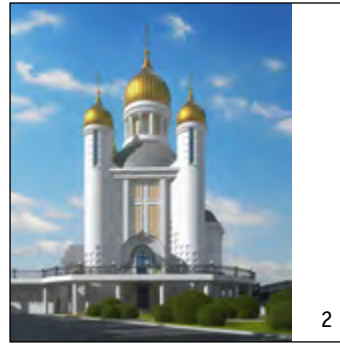
8. Всесезонный трамплинный
комплекс для подготовки
спортивного резерва в г. Магадане
Авторы: Десятов Л. В., Климов А. С.,
Аврамченко О. А., Бронникова М. В.,
Кошук Д. В., Кузьмина Е. С.,
Самойленко Н. Э.

9. REZEDARE
Авторы: Сергеев А. С., Галин Д. С.,
Мороз А. В., Сапачев Д. В.,
Ильгнерова А. А., Арбатский Д.,
Финакова Д. С., Розин Д. И.,
Бызов В. А.

10. Кафе «Камин» – «Come
in» на берегу Красноярского
водохранилища, с. Новоселово
Авторы: Мякота А. Д., Грибакина Л. В.,
Елизарова Е. В.



1



2



3

Номинация «КУЛЬТОВЫЕ ЗДАНИЯ»

1. БРОНЗОВЫЙ диплом
ХРАМ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО НА ТЕРРИТОРИИ РАЗВИТИЯ КАМПУСА ИРННУ В ГОРОДЕ ИРКУТСКЕ
Авторы: Стегайло В. Б., Козак И. В., Филиппова О. Г., Радчик М. В., Цыбин В. А.
2. Конкурсный проект храма преподобного Сергия Радонежского в городе Иркутске
Авторы: Бадула О. Б., Кузмичева А. О.
3. Храмовый комплекс местной православной религиозной организации «Приход в честь иконы Пресвятой Богородицы “Троеручица”» Новосибирской епархии русской православной церкви
Авторы: Палей Н. А., Гетто В. А., Константинова В. Д.
4. Храмовый комплекс Собора Преображения господня в микрорайоне «Преображенский» города Красноярска
Авторы: Медиевский В. В., Тырышкин А. С., Фоминых Г., Оглоблина Ю. С.
5. Дом причта при церкви Введения Пресвятой Богородицы в п. Березовка, ул. Центральная, 11
Авторы: Медиевский В. В., Оглоблина Ю. С.



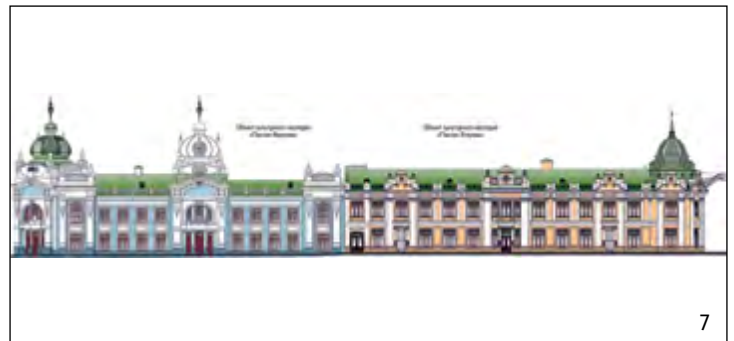
4



5



6



7

Номинация «РЕСТАВРАЦИЯ»

6. ЗОЛОТОЙ диплом
РЕСТАВРАЦИЯ ОБЪЕКТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ «ОСОБНЯК, 1880-е гг.», РАСПОЛОЖЕННОГО ПО АДРЕСУ: г. ИРКУТСК, ул. 4-я СОВЕТСКАЯ, 44.
Авторы: Поликарпочкин А. В., Захарова Л. А., Кузнецова Е. А., Кушкова А. Д., Кибальник А. М., Захаров К. В.
7. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
РЕСТАВРАЦИЯ И ПРИСПОСОБЛЕНИЕ ОБЪЕКТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ «ПАССАЖ ФИРСОВА» АЛТАЙСКИЙ КРАЙ, г. БИЙСК, ул. ЛЬВА ТОЛСТОГО, 146
Авторы: Машонкин А. А., Воронцов Д. М., Радушинская М. П.



1



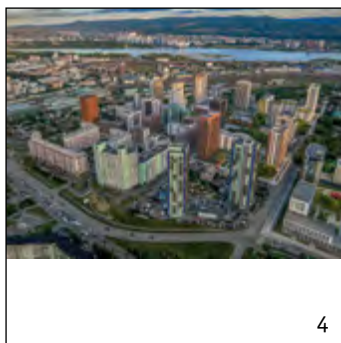
2



3



3



4



5

**Номинация
«МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ
ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ АНСАМБЛИ
И КОМПЛЕКСЫ»**

1. ЗОЛОТОЙ диплом
АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ
КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ
МЕЖВУЗОВСКОГО ЭКОКАМПУСА
В ГОРОДЕ ИРКУТСК

Авторы: Григорьева Е. И.,
Маяренков С. Ю., Макаров А. Ю.,
Стегайло В. Б., Карпов С. Б.,
Пуляевский П. Е., Зюбр А. В.,
Беляков С. Н., Билтуев И. Х,
Крикунова Е. А., Плисова И. С.,
Петухов А. Л., Рюмина А. С.,
Распутин В. В., Макарова А. А.,
Франго А. А., Петухов А. Л.,
Левашов А. Г.

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
КОМПЛЕКС ЗДАНИЙ
С АПАРТАМЕНТАМИ, ВСТРОЕННО-
ПРИСТРОЕННЫМИ ПОМЕЩЕНИЯМИ
ОБЩЕСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ
ПО АДРЕСУ: г. БАРНАУЛ, ул. 50 ЛЕТ
СССР, 51А

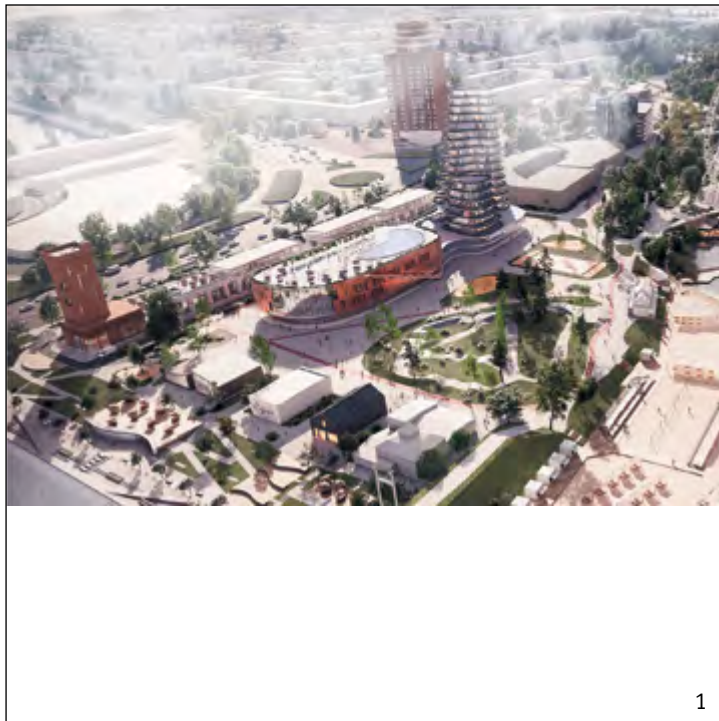
Авторы: Деринг А. Ф., Шпенглер А. В.,
Никитина Л. А.

3. Административный квартал
г. Норильск
Авторы: Орестов И., Килина И.,
Спиридонова Е.

4. Проект комплексного развития
территории 3 микрорайона города
Шелехов Иркутской области
Авторский коллектив: Бобович О. В.,
Елшин Р. Е., Ковшаров П. В.,
Маргеева Д. В., Сенотрусов И. В.,
Хотулева В. А., Черных А. А.,
Константинов Е. Г., Рыбак Ю. В.

5. Комплексное развитие территории
Николаевской слободы
Авторы: Шаталов А., Савельев Е.,
Евдокимова И., Шарыпова А.,
Туйгунова Е., Акулич А., Бабенкова А.,
Бондарь К., Грибань В., Ларичев Н.

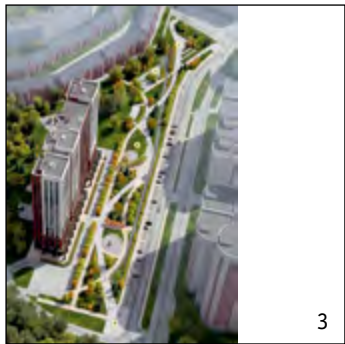
6. Жилой район «Юдинский»
Авторы: Шаталов А., Ларичев Н.,
Якимов Я., Савельев Е.,
Евдокимова И., Шарыпова А.,
Туйгунова Е., Грибань В., Иванова А.,
Тимохов Е., Тимохова М.



1



2



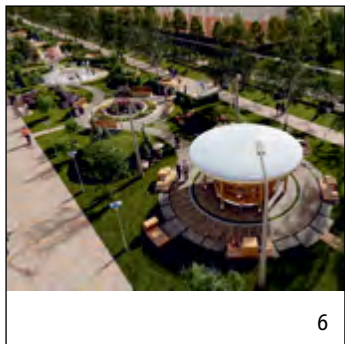
3



4



5



6



7



8

4. Эскизный проект реконструкции привокзальной площади в городе Барнауле

Авторы: Индюков Д., Максименко М., Мунгалова А., Петухова О., Титова Ю.

5. Православный культурно-просветительский парк «Александровская Палестина» в селе Урик

Авторы: Колмаков Е. А., Протасова М. В., Протасова Е. В., Заславская П. А., Заславский С. О., Ёлгина В. Р.

6. Концепция благоустройства проспекта Мира в г. Калтан Кемеровской области
Авторы: Бричев А. Н., Лихачева О. Г., Шляхина Р. И.

7. Концепция благоустройства территории офисного здания телекоммуникационной компании
Автор: Патрушев Е. А.

8. Благоустройство фрагмента территории ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь» в зоне установленного памятника Николаю Рериху
Авторы: Бирюкова А. В., Индюков Д. А., Мунгалова А. Е.

Номинация «ОТКРЫТЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА»

1. ЗОЛОТОЙ диплом «ГОРОД-ЛЕС» – КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ГОРОДА ЙОШКАР-ОЛА»

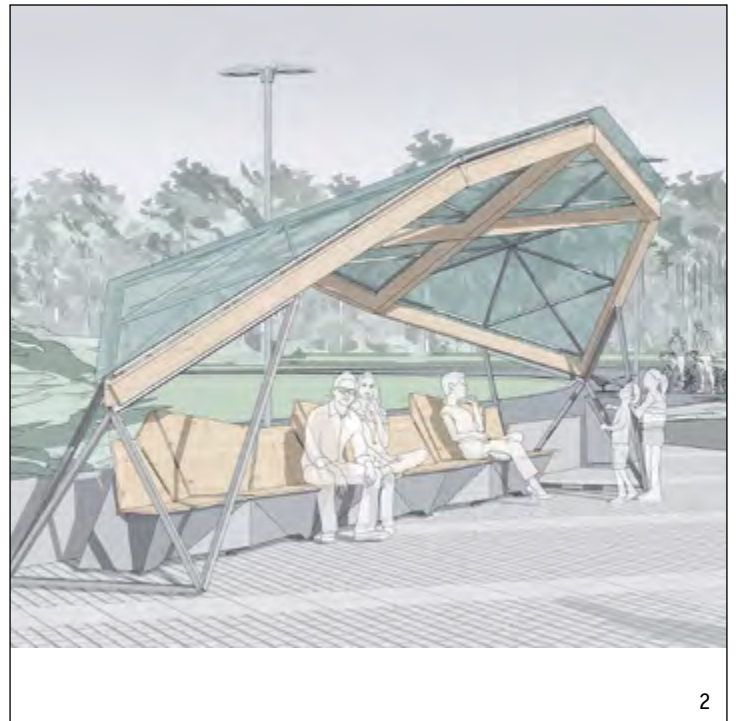
Авторы: Холявко А. О., Габай В. А., Казакова В. И., Кензина Е. Ю., Балашов Н. А., Ковшаров П. В., Макаров А. В., Берг К. Е., Маяренков С. Ю., Григорьева Е. И., Дорофеев П. А.

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом КРЕАТИВНАЯ КОЛЛАБОРАЦИЯ «ОСТРОВМОЛЛ – 111»
Авторы: Бегун А. В., Шалыгин А. Г., Шалыгин А. А.

3. Проект благоустройства территории по ул. Галушца в Заельцовском районе г. Новосибирска»
Авторы: Палей Н., Ушкова С., Гетто В.



1



2



3



4



5



6



7

Номинация «АРТ-ОБЪЕКТЫ И МАЛЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ФОРМЫ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ»

- 1. ЗОЛОТОЙ диплом «МОСТ-ЛИСТ» – АРТ-ОБЪЕКТ – АВТОРСКОЕ ВОЗЗРЕНИЕ
Авторы: Мякота А. Д., Грибакина Л. В., Елизарова Е. В.
- 2. БРОНЗОВЫЙ диплом «МАФ-СКАМЬЯ» – АВТОРСКИЙ ДИЗАЙН УНИВЕРСАЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ
Авторы: Мякота А. Д., Грибакина Л. В., Елизарова Е. В.
- 3. Арка в Александровском саду
Авторы: Поликарпочкин А. В., Захарова Л. А., Кузнецова Е. А., Кушкова А. Д., Кибальник А. М., Захаров К. В.

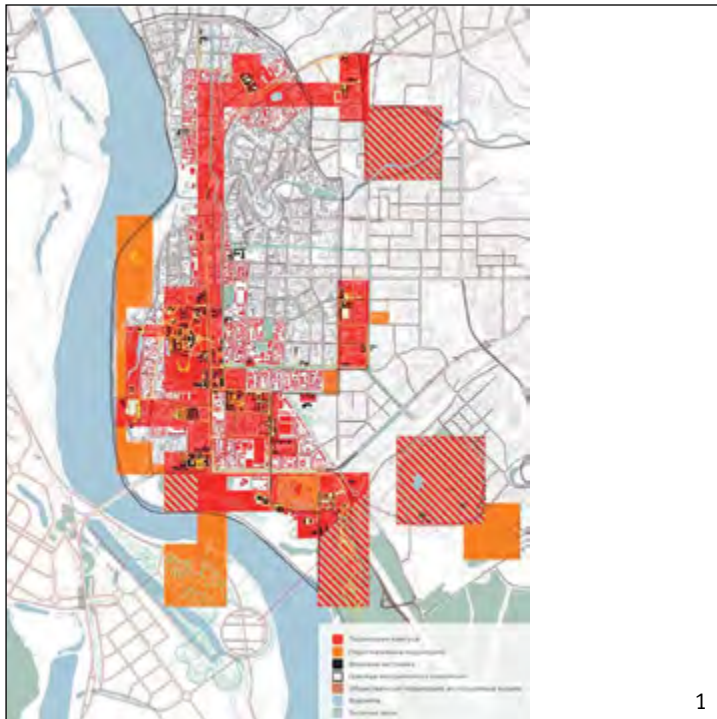
Номинация «ИНТЕРЬЕРЫ»

- 4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом ИНТЕРЬЕР ОФИСНОГО ЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОСЕТЕВОЙ КОМПАНИИ
Автор: Патрушев Е. А.
- 5. Редизайн загородного брусового дома с мансардой
Автор: Патрушев Е. А.

- 6. Дизайн интерьера модельной библиотеки
Автор: Жуковская Д. С.

Номинация «ПРОМЫШЛЕННАЯ АРХИТЕКТУРА И ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ОБЪЕКТЫ»

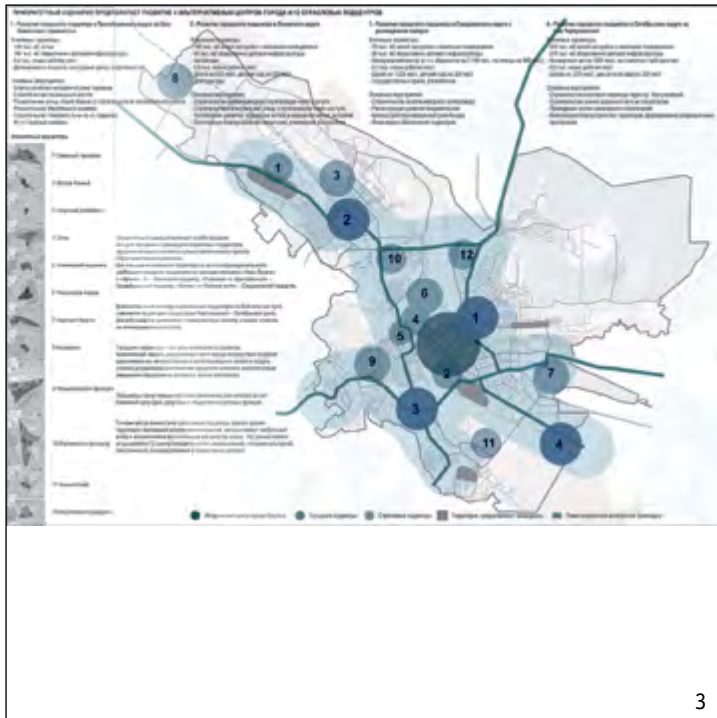
- 7. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом ПРОЕКТ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА ПО АДРЕСУ: г. БАРНАУЛ, пр. КОСМОНАВТОВ, 8/4
Авторы: Копылов А. В., Животягин П. Н., Котов А. В.



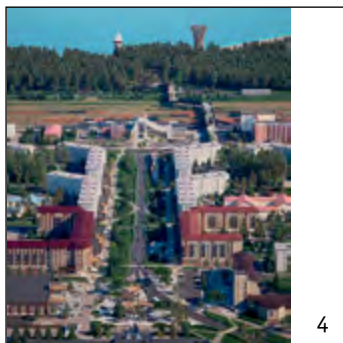
1



2



3



4



5

Номинация «ЛУЧШИЕ ГОРОДСКИЕ СТРАТЕГИИ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
ТОМСК – ГОРОД-УНИВЕРСИТЕТ.
ФОРМИРОВАНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО
КАМПУСА В СТРУКТУРЕ ГОРОДА
ТОМСКА

Авторы: Худяков С. Ю., Корнев В. И.,
Классен П. Я., Гончаров А. Ю.,
Рачковский П. Ю., Караваев В. Г.,
Левченко И., Белевцова А. К.,
Кривошеина А. А., при участии
студентов магистрантов ТГАСУ:
Кукушкин Р. И., Сарычев М. Ю.,
Тевс В. В., Терешенок В. Ю.,
Чупрынин В. Д.

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ МАСТЕР-ПЛАН
г. НЕРЮНГРИ, РЕСПУБЛИКА САХА
(ЯКУТИЯ)

Авторы: Козьмин А., Маяренков С.,
Григорьева Е., Макаров А., Холявко А.,
Габай В., Подшивалова Н., Соколов С.,
Московская А., Соловьева В.,
Заславская П., Тащилина Е.,
Калинина О., Ковшаров П.,
Алешина А., Макаров А., Кензина Е.,
Балашов Н., Левашов А., Соколова Н.,
Ифтодий И., Челпанова И.

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА
ДЛЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ ГОРОДА В СТРАТЕГИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ ИРКУТСКА ДО 2036 года
ВКЛЮЧИТЕЛЬНО

Авторы: Гаскаров А. В., Жарков А. В.,
Маргеева Д. В., Семенов Ю. Е.,
Сурков А. А., Хотулев Р. А.,
Чинченкова А. А., Ковшаров П. В.,
Левашев А. Г., Евстафьева Е. Ю.,
Жуков А. М., Лосева К. В.,

Макарычева Т. И., Рачкован Е. Н.,
Семенова М. Э.

4. Пешеходный мостовой переход
к берегу Байкала. Фрагмент мастер-
плана г. Северобайкальск
Авторы: Панин А., Махмудов Р.,
Золотухин Е. В., Сергеев А. С.,
Ильгнерова А. А., Сапачев Д. В.,
Галин Д. С.

5. Стратегический мастер-план
развития городского поселения
«Город Краснокаменск»
Авторы: А. Козьмин, С. Маяренков,
Е. Григорьева, А. Макаров,
В. Казакова, П. Дорофеев,
Н. Подшивалова, В. Соловьева,
О. Калинина, Л. Хохлушина,
А. Московская, М. Русанов, А. Сурков,
П. Ковшаров, Е. Кензина, Н. Балашов,
Т. Галущенко, А. Орлов, Г. Герасимов,
А. Левашов, И. Ифтодий, Г. Скарченко,
Н. Соколова, И. Челпанова



**Номинация «ЛУЧШЕЕ ПАРТНЕРСТВО
«ЗАСТРОЙЩИК + АРХИТЕКТОР»**

1. ЗОЛОТОЙ диплом

За жилой район «ЛЕВОБЕРЕЖНЫЙ». Проект комплексного освоения левобережья города Томска
Проектировщик: ООО «Архитектурно-Конструкторская Мастерская-3». Руководитель проектной организации: Скрипник Г. А.
Застройщик: ООО «СЗ «Карьероуправление»

2. Жилой комплекс по ул. Кирова-Чкалова в Абакане
ООО «КПМ А-2». Авторы: Шаталов Б., Элли А., Кулаковский А., Матюшкин В., Россиянская С., Ягутьева Д., Афанасьева Д. Застройщик: ООО Специализированный застройщик «Жилстрой Девелопмент»

3. ЖК Сити-квартал на Взлетной, ЖК Сити-квартал Октябрьский, жилой район Лалетино, Южный берег, здание 21, 23.
ООО АРДИС
Застройщик: СМ. СИТИ

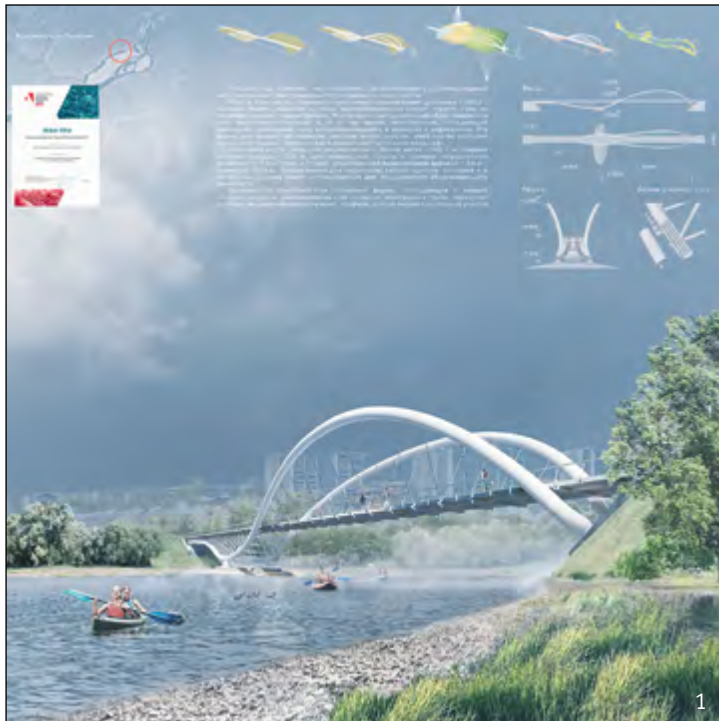
4. Дизайн-проект благоустройства дворовой территории ЖК «RIVERANG». Многоквартирные жилые дома с нежилыми помещениями и подземной автостоянкой по ул. Верхняя Набережная в г. Иркутске.
Золотухина К. К., Тамаева Д. К., Цыбенков А. Б. Проектное бюро «ДАСРЕДА» – ООО Продакт-бюро «ДАСРЕДА». Руководители бюро: Финакова Д. С., Козак А. И. Застройщик: ООО СЗ Метра Строй, руководитель проекта Мотевич И. С.

5. Дизайн-проект благоустройства дворовой территории ЖК «БРОДСКИЙ» Многоквартирные жилые дома с нежилыми помещениями и подземной автостоянкой по ул. Старо-Кузьмийнская в г. Иркутске
Бюро «ДАСРЕДА» – ООО Продакт-бюро «ДАСРЕДА». Золотухина К. К., Тамаева Д. К., Цыбенков А. Б. Руководители бюро: Финакова Д. С., Козак А. И. Застройщик: Руководитель департамента продукта ГК «ГРАНДСТРОЙ» Куприенко О. М.

6. ЖК «Фрегат-НЭО» в Красноярске, 2006–2008. Вторая очередь комплекса «Фрегат-НЭО», 2009–2012. ЖК по ул. Судостроительной, 2016–2017. Жилой дом по переулку Водомерный, 2018–2020. ЖК по улице Гусарова, 2023. Реновация жилого района Вавиловский, 1, очередь, 2024, Красноярск
Проектное бюро архитектора Бальцера «МАХАОН». Бальцер С. В., Сергейчук П. С., Коваленко Ю. П., Волков Д.
Застройщик: ООО «Сиблидер»

7. Город эАгородом. Концепция Урик-Сити.
ООО ППМ «Мастер-План». Протасова М. В., Протасова Е. В., Собенникова О. А., Заславский С. О., Кашпур А. И., Кухаренко К. А., Белоус А. Э., Полканов М. А., Ёлгина В. Р., Соколова И. А., Светлолобова П. Ю.»
Девелопер проекта Урик-Сити: ООО «Ранчо "Гора Холодная"»

8. Реконструкция благоустройства в Академгородке (Академ-парк).
ООО «Проектдевелопмент». Застройщик СМ. СИТИ



1



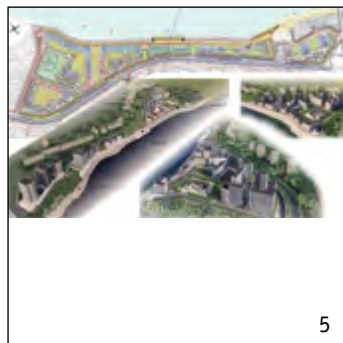
2



3



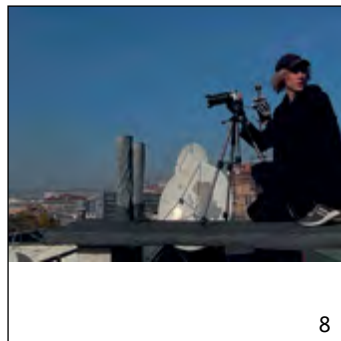
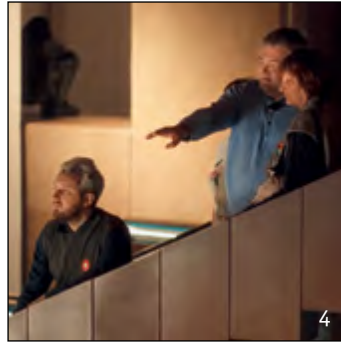
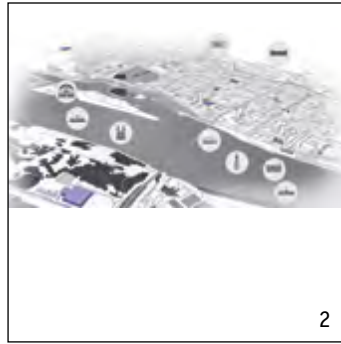
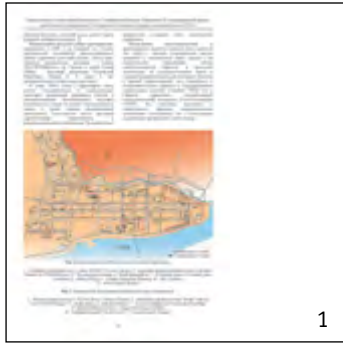
4



5

**Номинация «ТВОРЧЕСТВО
АРХИТЕКТУРНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ
И МАСТЕРСКИХ»**

1. ЗОЛОТОЙ диплом за портфолио работ ООО «Архитектура Дизайн Моделирование», Красноярск. Руководитель (директор): Мякота А. Д.
2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом за портфолио работ ООО 1 LN-GROUP «Первая Линия», Красноярск. Руководитель: Пилипенко А. А.
3. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом За портфолио работ проектного бюро «ДАСРЕДА» – ООО Проектное бюро «ДАСРЕДА», Иркутск. Руководитель (генеральный директор): Финакова Д. С., Козак А. И.
4. ООО «АРДИС», Железногорск. Добролюбов Д. А., Добролюбов С. А.
5. Студия «НеоПлан», Новосибирск. Палей Н., Ушкова С., Гетто В., Лизунков Д., Кысса А., Будько Е., Новосибирск
6. «Мастер-План», Иркутск. Авторы: Е. В. Протасова, М. В. Протасова, И. Н. Кузнецова, О. А. Собенникова, В. А. Варламова, В. С. Ашихмина, В. А. Баранова, М. В. Горячая, С. О. Заславский, А. А. Куценко, Л. А. Чубыкина, А. Э. Белоус, Е. С. Васьяковская, В. Р. Ёлгина, А. И. Кашпур, А. М. Кукуруза, В. А. Левада, Е. А. Малеванова, В. П. Манукян, А. В. Ольховская, А. Б. Полищук, Я. Н. Соболевский, А. И. Суханкина, А. П. Чичкань, Н. В. Смирнов,
- О. В. Фролова, А. Ю. Туктаров, И. А. Маринина, В. А. Григорьева, А. И. Борисова, Е. Ю. Голимбиевская, О. С. Злыгостева, О. В. Шаймухаметова
7. «РЕЗЕДА-СТУДИЯ», Иркутск. Руководители: Галин Д., Мороз А., гл. архитектор: Сергеев А. Архитекторы: Ильгерова А., Федоренко А., Арбатский Д., Пономарёв И., Развозжаева П. Дизайнеры: Уланова Н., Сапачев Д.
8. «Проектдевелопмент», Красноярск. Руководитель авторского коллектива (автор): Ларичев Н., Шаталов А., Осадчий А. (партнеры). Аксютин В., Акулич А., Ахметьянова К., Дичевский Ю., Болявичус Я., Бондарь К., Быков А., Грасс А., Грибань В., Долбилина А., Евдокимова И., Елизаров Д., Иванова А., Мельникова К., Климанский И., Колосов А., Колосова Е., Литовченко А., Макашина Я., Писарчик Е., Радзюкевич Д., Салий Д., Самойлова Л., Ступко Ю., Терентьева Н., Тимохова М., Туйгунова Е., Харитоновна М., Шарыпова А.
9. Коллектив ООО «Проектная Мастерская ФОСТЕР», Красноярск
10. Коллектив ООО Дизайн-агентство «АртСтиль», Красноярск
11. Коллектив АО «ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ «КРАСНОЯРСКГРАЖДАНПРОЕКТ»
12. Архитектурная студия «ERKER ARCHITECTS», Красноярск



Номинация «ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

1. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом**
Статья «Этапы вертикального развития города (на примере Красноярска)».
Автор: Истомина С. А., Красноярск

Номинация «АРХИТЕКТУРНАЯ ГРАФИКА – ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО»

2. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом**
Металлические значки «Архитектура Красноярска».
Автор: Науменко С. С., Науменко А. Н., Красноярск

Номинация «АРХИТЕКТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

3. **ЗОЛОТОЙ диплом**
Работа «150 лет. Архитектор Соколовский». Авторы: Институт архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета: Успенская О. М., Слабуха А. В., Ратегова Ж. Б., Блянкинштейн О. Н., Киселева О. В., Ямалетдинов С. Ф., Володенкова Д., Грицук Д., Елизарова Е., Казарина А., Каратаева Я., Пулярова Т., Рассыпчук В., Роднова Т., Самосюк М., Старикова Е., Старшинова И., Степаненко А., Ченченко Ю., Щекотова С., Буртасов Е., Головченко Л., Гольцева И., Дымель М., Морозов И., Мусатова М., Образцова В., Скуратенко С., Филиппова М., Черноусов Д.
Дизайн-группа «АртСтиль»: Башкатова И. Б., Бугай Е., Семёнова Г.

4. **СЕРЕБРЯНЫЙ диплом**
Документальный фильм «ПЛОЩАДЬ МИРА».
Автор: Филиппова Л.
Руководитель авторского коллектива: Буйлов В. А. Авторский коллектив: Первоушин В., Ковешников М., Горлова К., Махнёв Т., Щетинина А., Буйлов Я., Дивногорск

5. **БРОНЗОВЫЙ диплом**
Научно-популярный документально-анимационный фильм «Кругобайкальская Кругосветка».
Руководители авторского коллектива: Артёмов Л., Скаллер Г., Чертилов А. Авторский коллектив: Кузьмина Н., Бурдинская С., Румянцева А., Зюзиков А., Куликов О., Панфилов А., Коншаков И., Казанцева Н., Муравьёва А., Балаева А., Артёмов Р., Иркутск

6. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом**
Статья «Особенности формирования рекреационно-туристических пространств в Сибирском регионе».
Авторы: Савельев М. В., Жоров Ю. В., Жуковская Д. С., Давыдова А. А., Красноярск

7. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом**
Фильм «50 лет высшему архитектурному образованию в Красноярском крае». Автор: Дашкевич Е. В., Красноярск

8. Фильм «Зодчие». Автор: Усов Г. В., Новосибирск

9. «Павлов». Автор: Федоренко А. Д., Иркутск



1



2



3

Номинация «ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ АРХИТЕКТОРОВ СИБИРИ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Портфолио работ «Архитектор Игорь Орестов. Избранные проекты и постройки».
Автор: Орестов И. А., Красноярск
2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Портфолио работ «Многофункциональный комплекс в подземной автостоянке и инженерным обеспечением по ул. 9 мая в Советском районе г. Красноярска, среднеэтажный жилой дом, расположенный по ул. Дубровинского в центральном районе г. Красноярска, многоэтажные жилые дома со встроенными нежилыми помещениями, подземной автостоянкой по ул. Петра Подзолкова, ул. Караульная в Центральном районе г. Красноярска».
Автор: Волков Д. А., Красноярск

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Портфолио работ «Творческие работы Пуляевского Павла».
Автор: Пуляевский П. Е., Иркутск
4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Портфолио работ «Жилые дома в г. Красноярске, с. Овсянка, п. Манский, г. Новосибирске».
Автор: Коновалов А. В., Красноярск
5. Гладкий С. В., Атаманов А. В., Моисеева В. А., Горинова Ю. А., Красноярск
6. Власов В. Н., Тишко Д. П., Белянин Н. Н., Томск
7. Руководитель: Малинович Р. Д. Студенты ИРНИТУ: Гранина К. А., Гринева И. С., Дорошенко П. О., Нащеева Д. А., Петров Д. А., Пузырева М. М., Чичкань А. П.



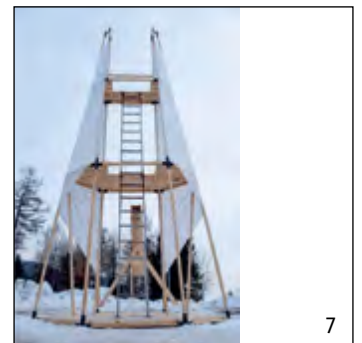
4



5



6



7



1



2



3



4



5



6



7



8

Номинация «ДИПЛОМНАЯ РАБОТА. АРХИТЕКТУРА»

1. **ЗОЛОТОЙ** диплом
Проект многофункционального культурного комплекса с гостиницей, г. Салехард, набережная реки Полуи.
Автор: Плетнёва К. Г., Санкт-Петербург, СПбГАСУ.
Научные руководители: Перов Ф. В., Кокорина О. Г., Венатовская Л. А., Девятова Ю. А.

2. **СЕРЕБРЯНЫЙ** диплом
Проект детского сада в структуре квартала, г. Салехард, ул. Гаврюшина.
Автор: Саяхутдинова М. И., Санкт-Петербург, СПбГАСУ.
Научные руководители: Михалычев А. В., Иванов С. И., Супранович В. М., Шедогубова Е. Ю., Харламов М. В.

3. **БРОНЗОВЫЙ** диплом
Библиотека в Красноярске.
Автор: Дударева Д. О., Красноярск, ИАиД СФУ.
Научный руководитель: Бандура Т. В.

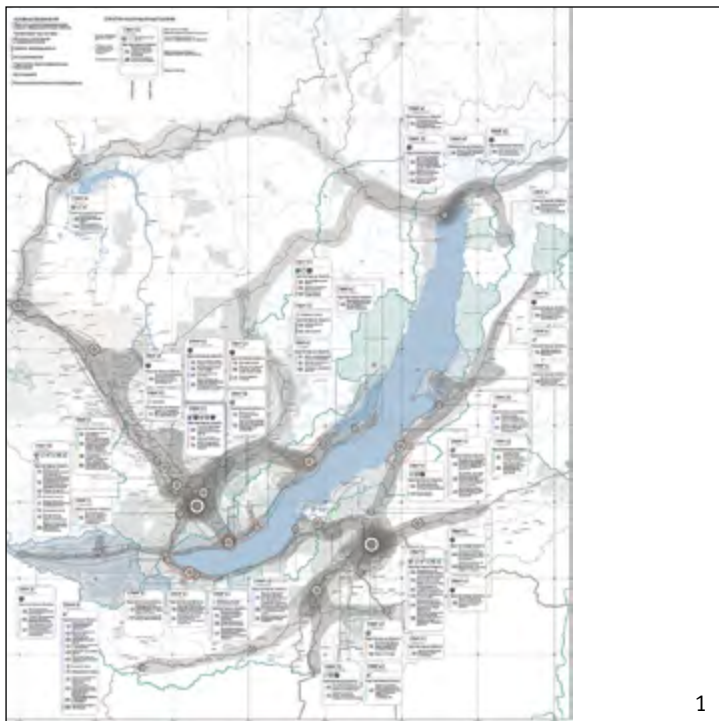
4. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ** диплом
Проект многофункционального общественно-делового комплекса, г. Салехард, набережная реки Полуи.
Автор: Иванова В. И., Санкт-Петербург, СПбГАСУ.
Научные руководители: Перов Ф. В., Кокорина О. Г., Еремеева А. Ф., Венатовская Л. А., Девятова Ю. А.

5. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ** диплом
Проект жилого комплекса в структуре квартала, г. Салехард, Комсомольская улица.
Автор: Мартыненко А. А., Санкт-Петербург, СПбГАСУ.
Научные руководители: Михалычев А. В., Иванов С. И., Супранович В. М., Шедогубова Е. Ю., Харламов М. В.

6. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ** диплом
Проект жилого комплекса в структуре квартала, г. Салехард.
Автор: Кучер О. В., Санкт-Петербург, СПбГАСУ.
Научные руководители: Перов Ф. В., Кокорина О. Г., Еремеева А. Ф.

7. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ** диплом
Проект научно-технического музея в Салехарде, набережная Южного мыса.
Автор: Сайфутдинова Д. А., Санкт-Петербург, СПбГАСУ.
Научные руководители: Иванов И. А., Якуненкова М. С., Еремеева А. Ф., Кузьмина А. А.

8. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ** диплом
Многофункциональный центр изучения и исследования Арктики в городе Салехард.
Автор: Семенова В. В., Санкт-Петербург, СПбГАСУ.
Научные руководители: Перов Ф. В., Кокорина О. Г.



1



2

Номинация «ДИПЛОМНАЯ РАБОТА. ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Перспективы развития научно-образовательного кластера в Центральной экологической зоне оз. Байкал.
Автор: Ёлгина В. Р., Иркутск, ИРНИТУ. Научный руководитель: Бобрышев Д. В.

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Комплексное развитие территории Енисейского и Южного рынков в городе Красноярске.
Автор: Голубь А. Н., Красноярск, ИАиД СФУ. Научный руководитель: Федченко И. Г.

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Сохранение исторического центра города Иркутска методом организации и градостроительного регулирования буферных зон.
Автор: Пуляевский П. Е., Иркутск, ИРНИТУ. Научный руководитель: Стегайло В. Б.

4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Комплексное развитие территории микрорайонов в г. Ангарске. Автор: Новиченко Д. И., Иркутск, ИРНИТУ. Научный руководитель: Беломестных С. С.

Номинация «ДИПЛОМНАЯ РАБОТА. ДИЗАЙН АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ»

5. БРОНЗОВЫЙ диплом
Дизайн архитектурной среды межвузовского кампуса в условиях развития сферы креативных индустрий». Автор: Суханова А. В., Новосибирск, НГУАДИ им. А. Д. Крячкова. Научный руководитель: Смолякова И. В.



3



4



5



2

Номинация «КУРСОВАЯ РАБОТА. АРХИТЕКТУРА»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
 Драматический театр на 970 человек
 «Трансформации».
 Авторы: Петрунина Л. М.,
 Соколова В. Д., Красноярск, ИАИД
 СФУ.
 Научные руководители:
 Дашкевич Е. В., Понятовский С. А.

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
 Центр добрососедства
 в г. Красноярск на реке Кача.
 Автор: Буртасов Е. А., Красноярск,
 ИАИД СФУ.
 Научные руководители: Бандура Т. В.,
 Понятовский С. А.

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
 Дом-акробат.
 Автор: Ерохин Я. А., Новосибирск,
 НГУАДИ им. А. Д. Крячкова.
 Научный руководитель: Чугунов Е. В.

4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
 Среднеэтажный многоквартирный
 жилой дом «Антихрупкость». Автор:
 Коркина С. А., Новосибирск, НГУАДИ
 им. А. Д. Крячкова.
 Научный руководитель: Чугунов Е. В.

5. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
 Выставочный павильон
 Международного Художественного
 Арт-Проекта «Ангелы Мира»,
 г. Красноярск.
 Автор: Мизенина А. И., Красноярск,
 ИАИД СФУ.
 Научный руководители: Удина И. А.,
 Попова И. Л.



Номинация «КУРСОВАЯ РАБОТА. ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО»

- 1. ЗОЛОТОЙ диплом**
 Стратегия развития центральной части города Азова.
 Авторы: Видеман А. С., Гуркова Е. И., Жаркова С. В., Красноярск, ИАИД СФУ.
 Научные руководители: Унагаева Н. А., Кукина И. В., Кандрова Я. В., Логунова Е. Н., Царев В. И.
- 2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом**
 Микрорайон «Острог».
 Автор: Барабанова Д. Д., Новосибирск, НГУАДИ им. А. Д. Крячкова.
 Научные руководители: Тарасова Ю. И., Хиценко Е. В.
- 3. БРОНЗОВЫЙ диплом**
 Город Диксон. Генеральный план. Правила землепользования и застройки.
 Автор: Видеман А. С., Красноярск, ИАИД СФУ.
 Научные руководители: Кушнир И. В., Кандрова Я. В., Кукина И. В.

Номинация «КУРСОВАЯ РАБОТА. ДИЗАЙН АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ»

- 4. ЗОЛОТОЙ диплом**
 Летнее кафе.
 Автор: Стрельцова Э. В., Красноярск, ИАИД СФУ.
 Научные руководители: Коробкова Е. А., Рыжкова А. Г., Трубникова И. С.
- 5. БРОНЗОВЫЙ диплом**
 Интерьер общественного пространства завода тяжелого машиностроения «ОКБ Микрон» в г. Красноярске.
 Автор: Медведева Д. А., Красноярск, ИАИД СФУ.
 Научные руководители: Жуковская Д. С., Жоров Ю. В., Савельев М. В.

Номинация «КУРСОВАЯ РАБОТА. РЕКОНСТРУКЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ»

- 6. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом**
 Проект реставрации объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия «Дворец пионеров и школьников». Архитектор В. В. Орехов», 1986, Красноярск, ул. Конституции СССР, 1.
 Автор: Узингер А. Р., Красноярск, ИАИД СФУ.
 Руководители: Слабуха А. В., Высоцкий А. В., Иванова А. С., Медиевский В. В., Ужгеренас М. П., Украинцева А. В.





5



5



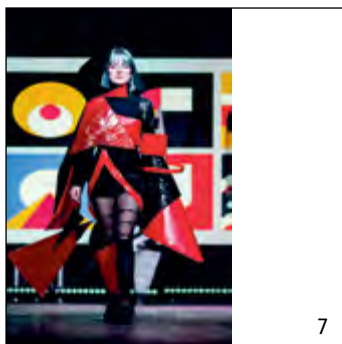
6



6



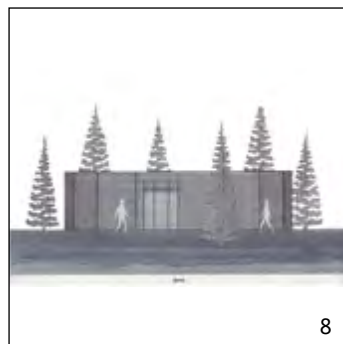
7



7



8



8



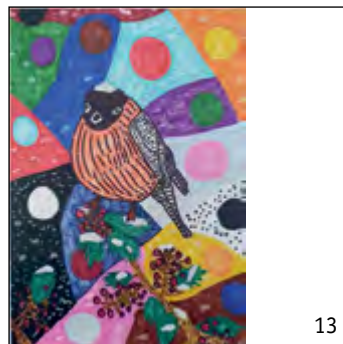
12



12



13



13

Номинация «РУКОВОДИТЕЛИ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
Орешкин Н. Д., преподаватель архитектурно-художественной школы «КВАДРАТ», Иркутск
2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Пахатинская А. В., Пахатинский А. В., преподаватели Детской студии дизайна и архитектуры «СПЕКТР», Иркутск
3. БРОНЗОВЫЙ диплом
Терехова Н. В., преподаватель МБУДО Детская художественная школа № 2, Новосибирск
4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
Дудоровская Н. С., педагог дополнительного образования МБОУ СОШ с УИОП № 14, студия Архитектуры и дизайна, Иркутск

Номинация «ШКОЛА»

5. ЗОЛОТОЙ диплом
Архитектурно-художественная школа «КВАДРАТ», Иркутск
6. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
Детская студия дизайна и архитектуры «СПЕКТР», Иркутск
7. БРОНЗОВЫЙ диплом
Центр детского творчества архитектуры и дизайна «Пирамида», Иркутск
8. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
АНО проектного творчества «СТУДИЯ КОНТУР», Новосибирск

Номинация «РАБОТА/ПРОЕКТ»

9. ЗОЛОТОЙ диплом
за коллективную работу Центра детского творчества архитектуры и дизайна «Пирамида» (возрастная группа 14–15 лет) «Великолепный мир конструктивизма, по архитектурным фантазиям Якова Чернихова. Фрагмент показа-карнавала 2023 года с авторскими костюмами»
Рук.: Плотникова М. Ю., Иркутск
10. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
за работу «Дома бывают разные...» Детской студии дизайна и архитектуры «СПЕКТР», Иркутск. Авторский коллектив: Афонина Д., Бессмертная М., Богданова Ж., Дроздов М., Сухорученко Т. (возрастная группа 5–6 лет).
Рук.: Пахатинская А. В., Пахатинский А. В.
11. БРОНЗОВЫЙ диплом
за работу «Проект многоэтажного монументального рельефа на фасаде общественного здания ГКП № 1 в г. Новосибирске студии «КОНТУР»,

- Новосибирск.
Авторский коллектив: Белосохова М., Ступак Н., Бочкарева Т., Синещек В., Гребенникова А., Чухрова П., Тюваева В., Климов Н., Герлин Э., Бондаренко М., Лях К., Кукуева В., Мазнева Ю., Русяева Е., Алфимова М. (возрастная группа 12–14 лет). Рук.: Залуцкая А. Ю., АНО
12. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
за работу «Башня» школы проектного творчества «АрхиГраф», Красноярск. Авторский коллектив: Ващилина А., Авдеев Р., Коробкова А., Бундов С., Коробков И. (возрастная группа 8–12 лет). Преп.: Коробкова Е. А.
13. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
за работу «Мой город – как личность» студии Архитектуры и дизайна, Иркутск.
Авторский коллектив: Коган Ю., Щёглова В., Маркович В., Тумольская Я., Анурьева А., Балканова А., Царёва Д., Себякина А. (возрастная группа 10–15 лет).
Рук.: Дудоровская Н. С., педагог дополнительного образования МБОУ СОШ с УИОП № 14

СПИСОК УЧАСТНИКОВ ФЕСТИВАЛЯ

ПРОЕКТЫ

Аврамченко О. А.
Акулич А.
Атаджанов А.
Бабенкова А.
Бадула О. Б.
Бадула Ф. Р.
Балацкая А.
Балашов Н. А.
Бамбурина Е.
Барахтенко А. С.
Барков П.
Бегун А. А.
Бегун А. В.
Беляков С. Н.
Берг К. Е.
Билтуев И. Х
Бирюкова А. В.
Бобович О. В.
Бондарь К.
Бочарова А.
Бричев А. Н.
Бронникова М. В.
Былков А. П.
Воронцов Д. М.
Габай В. А.
Гетто В.
Грибакина Л. В.
Грибань В.
Григорьева Е. И.
Демков С. Б.
Деринг А. Ф.
Десятков Л. В.
Добрачева Э. О.
Дорофеев П. А.
Евдокимова И.
Ёлгина В. Р.
Елизарова Е. В.
Елшин Р. Е.
Жадинский П.
Животягин П. Н.
Жуковская Д. С.
Зайцев В.
Заславская П. А.
Заславский С. О.
Захаров К. В.
Захарова Л. А.
Зюбр А. В.
Иванова А.
Иванова Т.
Индюков Д. А.
Казакова В. И.
Карпов С. Б.
Квасов А. В.
Кензина Е. Ю.
Кибальник А. М.
Килина И.
Климов А. С.
Ковшаров П. В.
Козак И. В.
Колмаков Е. А.
Коновалов А. В.
Константинов Е. Г.
Константинова В.
Копылов А. В.
Корж М. И.
Котов А. В.
Кошук Д. В.
Крикунова Е. А.
Кристалович Н.
Кузмичева А. О.
Кузнецова Е. А.
Кузьмина Е. С.
Кураков П.
Курбатова З.
Кушкова А. Д.
Ларичев Н.
Лелюк О.
Лукуянчук Л. В.
Макалова Е.
Макаренко Е.
Макаров А. В.
Макаров А. Ю.
Максименко М.
Маргеева Д. В.
Масалова С.
Матвеева А.
Машонкин А. А.

Маяренков С. Ю.
Медведевский В. В.
Мельникова К.
Мунгалова А. Е.
Мякота А. Д.
Науменко А. Н.
Науменко С. С.
Нетолчин И. А.
Никитина Л. А.
Новых Д.
Оглоблина Ю. С.
Орестов И. А.
Палей Н.
Панарин А. В.
Патрушев Е. А.
Первушкина Е.
Петухов А. Л.
Петухова О.
Плисова И. С.
Поликарпович А. В.
Попов А. И.
Протасова Е. В.
Протасова М. В.
Пуляевский П. Е.
Радужинская М. П.
Радчик М. В.
Распутин В. В.
Рогозин А. П.
Рыбак Ю. В.
Рюмина А. С.
Савельев Е.
Самойленко Н. Э.
Сенотрусов И. В.
Сидоркин И. В.
Спиридонов Е.
Спиридонова Я.
Ставец С. В.
Стегайло В. Б.
Терентьева Н.
Терешенок В. Ю.
Тимохов Е.
Тимохова М.
Тисленко С. И.
Титова Ю.
Туйгунова Е.
Тырышкин А. С.
Филиппова О. Г.
Фоминых Г.
Франго А. А.
Холявко А. О.
Хотулева В. А.
Худяков С. Ю.
Циркунова А. П.
Цыбин В. А.
Черных А. А.
Шалыгин А. Г.
Шаповалова С.
Шарыгин К.
Шарыпова А.
Шилович М.
Шпенглер А. В.
Шульц С.
Якимов Я.

СМОТР-КОНКУРС ЛУЧШИХ ГОРОДСКИХ СТРАТЕГИЙ

Алешина А.
Балашов Н.
Белевцова А. К.
Габай В.
Галин Д. С.
Галущенко Т.
Гаскаров А. В.
Герасимов Г.
Гончаров А. Ю.
Григорьева Е. И.
Дорофеев П. А.
Евстафьев Е. Ю.
Жарков А. В.
Жуков А. М.
Заславская П.
Золотухин Е. В.
Ильгнерова А. А.
Ифтодий И.
Казакова В. И.
Калинина О. А.
Караваев В. Г.
Кензина Е. Ю.

Классен П. Я.
Ковшаров П. В.
Козьмин А. П.
Коренев В. И.
Кривошеина А. А.
Кукушкин Р. И.
Левашев А. Г.
Левченко И.
Лосева К. В.
Макаров А.
Макаров А. Ю.
Макарычева Т. И.
Маргеева Д. В.
Махмудов Р.
Маяренков С. Ю.
Московская А.
Орлов А.
Панин А.
Подшивалова Н.
Рачкован Е. Н.
Рачковский П. Ю.
Русанов М. А.
Сапачев Д. В.
Сарычев М. Ю.
Семенов Ю. Е.
Семенова М. Э.
Сергеев А. С.
Скарченко Г.
Соколов С.
Соколова Н.
Соловьева В.
Сурков А. А.
Тащилина Е.
Тевс В. В.
Терешенок В. Ю.
Холявко А. О.
Хотулев Р. А.
Хохлушина Л.
Худяков С. Ю.
Челпанова И.
Чинченкова А. А.
Чупрынин В. Д.

ТВОРЧЕСТВО АРХИТЕКТУРНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ И МАСТЕРСКИХ АРБАТСКИЙ Д.

Акулич А.
Алексеева А. Д.
Антипова Е.
Анчевский Ю.
Афанасьева Д.
Ахметьянова К.
Ашихина С. Ю.
Ашихмина В. С.
Багрова Н. В.
Баженов Р. В.
Баранов М.
Баранова В. А.
Башкатов И. П.
Башкатова И. Б.
Белоус А. Э.
Березин А. В.
Битюцкая В. В.
Болявичус А.
Бондарь К.
Борисова А. И.
Бочарова Л.
Брюханова С.
Бугай Е. С.
Буданов С. И.
Будько Е.
Буртасов Е.
Бутырина А. А.
Быков А.
Быстрова А. Ю.
Варламова В. А.
Васичкина О. А.
Васьковская Е. С.
Видеман А.
Викешина С.
Волков М. В.
Выдрин М. В.
Вычужанин А. А.
Галин Д.
Гамидова Э.
Гетто В.

Годовников Ю.
Голубицкая Е. Ю.
Головченко Л.
Горячая М. В.
Грасс А.
Грибань В.
Григорьева В. А.
Гуркова Е.
Дементьева Е. И.
Добролюбов А. Н. (ум. 2022)
Добролюбов С. Н.
Долбилина А.
Дымель М.
Евдокимова И.
Ёлгина В. Р.
Елизаров Д.
Елизарьев Д. А.
Ерёмина Д. А.
Жилкина А. М.
Закурдаев А. В.
Заславский С. О.
Зенкова О.
Злыгостева О. С.
Золотухина К. К.
Иванова А.
Ильгнерова А.
Ильюшина М. Н.
Каралова И. Ю.
Кашпур А. И.
Киндсфатер Ж. А.
Киселев Т. А.
Климанский И.
Козак А. И.
Колесникова Е. Ф.
Колосов А.
Колосова Е.
Кузнецова И. Н.
Кукуруза А. М.
Кулаковский А. Н.
Куценко А. А.
Кушнир А.
Кысса А.
Ларичев Н.
Левада В. А.
Лекомцева А. Р.
Лизунов Д.
Лисенко Т. П.
Литовченко А.
Логунова Е.
Макашина Я.
Малеванова Е. А.
Малышев В. М.
Манукиан В. П.
Маринина И. А.
Матулъ А.
Махновец А. П.
Машканцева М.
Мельникова К.
Мороз А.
Морозов И.
Музыкантова Е.
Мусатова М.
Мякота А. Д.
Назарук А. В.
Окладников М. А.
Ольховская А. В.
Онешук Е. В.
Орестов И. А.
Осадчая Я.
Осадчий А.
Павлюк Ю. И.
Палей Н.
Пилипенко А. А.
Писарчук Е.
Полищук А. Б.
Пономарев И. В.
Протасова Е. В.
Протасова М. В.
Радзюкевич Д.
Развожаева П.
Ратникова Д.
Рекунова А. Н.
Росинский Е. А.
Салий Д.
Сальникова Е. А.
Самойлова Л.
Сапачев Д.

Селенина Е. А.
Сергеев А.
Скорородова Э.
Скуратенко С.
Слесарева А. В.
Смирнов Н. В.
Смолякова И. В.
Собенникова О. А.
Соболевский Я. Н.
Ступко Ю.
Суханкина А. И.
Тамаева Д. К.
Терентьева Н.
Тимохова М.
Тимошенко Н. В.
Тузовский В. С.
Туйгунова Е.
Туктарова А. Ю.
Тулина Е.
Туровина М. В.
Уланова Н.
Унагаева Н. А.
Успенская О. М.
Ушкова С.
Федан А. А.
Федоренко А.
Федченко И. Г.
Филиппова М.
Финакова Д. С.
Фролова О. В.
Харитонова М.
Хрущёва В.
Царинный И. В.
Цедрик С. Г.
Черноусов Д.
Чичканъ А. П.
Чубыкина Л. А.
Чугунов Е. В.
Чумурова К. Ю.
Шаймухаметова О. В.
Шанина Д.
Шарыпова А.
Шаталов А. Б.
Шаталов Б. Б.
Шешукова А. Е.
Шкуратова Н. С.
Шмидт А. В.
Элли А. В.
Юронов Н.

ПОСТРОЙКИ

Аввакумова О. И.
Алешина А. Г.
Антипов Н. А.
Ардашева Н. В.
Астанин А. С.
Астафуров С. В.
Астафурова Ю. В.
Балацов Н. А.
Батяйкина Г. И.
Бекмухамедов Е. Е.
Белокопытов Е.
Бокаева Е. В.
Болявичус Я. А.
Бондарь Д. А.
Борисова М. П.
Бронская Т. В.
Бузмакова Е. А.
Буйненко А. Н.
Бутырин А. А.
Буш Д. В.
Винтова Ю. Т.
Горбунова Е. А.
Горячкин Г. Н.
Гурба С. Н.
Демков С. Б.
Денисов И. В.
Деринг А. Ф.
Дзадзаева А. Р.
Дорофеев П. А.
Дубенский М. С.
Дятлева Н. С.
Евстратова М. П.
Жоров Ю. В.
Журавлева Е. О.
Зайцева М. С.
Заклучаев А. А.
Заславская П. А.

Захарова Л. А.
Зверева М. В.
Золотова А. С.
Иванов А. В.
Ивашенко А. Н.
Иллёшин Н. А.
Истомина В. Н.
Казакова В. И.
Казимиренко В. А.
Калинина О. А.
Каргин А. А.
Карпова И. П.
Кензина Е. Ю.
Кибальник А. М.
Кислов М. Н.
Клочков В. А.
Клочков М. В.
Клюкина Е. А.
Ключников А. Н.
Ковшаров П. В.
Козина О. В.
Козьмин А. П.
Конакова Е. О.
Коновалов В. С.
Коробков С. А.
Коробковой Е. Е.
Краснов В. В.
Ксенофонтов А. В.
Кузнецова Е. А.
Кулагина А. О.
Кулаковский А. Н.
Купич В. С.
Кушкова А. Д.
Кушнир А. С.
Кушнир И. В.
Лебедева О. А.
Леванова О. Н.
Леденев А. Е.
Лесников Д. Э.
Либанова Е. С.
Мазур А. В.
Макарычева Ю. В.
Макашина Я.
Максимчук Т.
Малахова А. О.
Малахова Е. В.
Маяренков С. М.
Маяренков С. Ю.
Межевич Е. А.
Мельникова К.
Мехоношина М. М.
Миняйлова Т. А.
Молокова Е. Л.
Морозов И. А.
Муг А. И.
Наволоцкий А. А.
Насыров Т. К.
Науменко С. С.
Науменко А. Н.
Ничипуренко А. А.
Носова В. Д.
Одинцов А. А.
Орлов А. В.
Осадчий А. М.
Пак А. К.
Патрушев Е. А.
Патрушева И. Ю.
Перевалова А.
Петерс Е. В.
Платонова И. А.
Подшивалова Н. М.
Поликарпович А. В.
Полякова Е. В.
Полякова Е. Н.
Пронина Ю. А.
Пузанова Е. Н.
Пшеничкина Л. И.
Речицкая И. В.
Русанов М. А.
Савельев Е.
Салимжанова М. М.
Сапегин А. С.
Сапелкина Е. В.
Сафронов И. Д.
Сафронова Т. А.
Семенов В. А.
Семусова А. А.
Серов А. А.

Сечко О. П.
Синельников А. Н.
Смыков В. Б.
Соков А. М.
Соловьева А. М.
Соловьева В. И.
Соломатин Д. В.
Ставцев С. В.
Сухарева Т. О.
Сухих А. Н.
Тимофеева О. В.
Тисленко С. И.
Ткачева М. Л.
Ткаченко Т. М.
Туйгунова Е.
Умыскова М. Ф.
Уржумова А. П.
Уставицкий А. С.
Федорова Е. Г.
Филиппов В. Н.
Филонова А. А.
Фомина О. А.
Харитоновна К. М.
Хетагуров А. Х.
Холяк А. О.
Хохлов И. А.
Храбрых К. Б.
Цой В. В.
Цыплаков А. С.
Чебан А. Н.
Чернов Н. С.
Чигишев Р. А.
Шарыпова А.
Шаталов А. Б.
Шаталов Б. Б.
Шемаркина О. Г.
Шишкин А.
Шумилкин А. С.
Шумихина М. И.
Элли А. В.
Ягутьева Д. А.
Якимов Я.
Якубчук В. Э.
Ясский П. А.

**СМОТР-КОНКУРС
ЛУЧШЕГО ПАРТНЕРСТВА
«ЗАСТРОЙЩИК +
АРХИТЕКТОР»**

Аксянова Т.
Бальцер С. В.
Белоус А. Э.
Добролюбов Д. А.
Ёлгина В. Р.
Заславский С. О.
Золотухина К. К.
Кашпур А. И.
Коваленко Ю. П.
Козак А. И.
Колмаков Е. А.
Кузаков Н. Н.
Кулаковский А. Н.
Куприенко О. М.
Кухаренко К. А.
Матюшкин В.
Мотевич И. С.
Полканов М. А.
Протасова Е. В.
Протасова М. В.
Россиянская С.
Светлолобова П. Ю.
Сергейчук П. С.
Скрипник Г. А.
Собенникова О. А.
Соколова И. А.
Тамаева Д. К.
Тириков М. О.
Тириков О. В.
Туйгунова Е.
Финакова Д. С.
Харитоновна М.
Цыбенков А. Б.
Шарыпова А.
Шаталов А. Б.
Шаталов Б. Б.
Элли А. В.
Ягутьева Д.

**ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ
АРХИТЕКТОРОВ**
Атаманов А. В.
Гладкий С. В.
Моисеева В. А.
Пуляевский П. Е.

Власов В. Н.
Тишко Д. П.
Белянин Н. Н.
Волков Д. А.
Орестов И. А.
Малинович Р.
Гранина К.
Гринева И.
Дорошенко П.
Нащева Д.
Петров Д.
Пузырева М.
Чичкань А.
Коновалов А. В.

**ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ
АРХИТЕКТУРНЫХ ВУЗОВ
И КОЛЛЕДЖЕЙ**

РУКОВОДИТЕЛИ:

Артамонов М. В.
Бандура Т. В.
Беломестных С. С.
Благинных Е. А.
Блякинштейн О. Н.
Бобрывшев Д. В.
Боровикова Н. В.
Бредикина Е. А.
Вальтеран Т. Л.
Венатовская Л. А.
Высоцкий А. В.
Гайкова Л. В.
Гетманченко О. В.
Голубева О. А.
Груздева Е. А.
Дашкевич Е. В.
Девятова Ю. А.
Дружинина И. Е.
Дудина Т. С.
Еремеева А. Ф.
Железняк О. Е.
Жоров Ю. В.
Жуковская Д. С.
Захарчук М. Г.
Иванов И. А.
Иванов С. И.
Иванова А. С.
Иванова А. С.
Камалова К. В.
Кандрова Я. В.
Киселева О. В.
Кокорина О. Г.
Крейдун Ю. А.
Кузьмина А. А.
Кукина И. В.
Кушнир И. В.
Лаер С. В.
Лесотова Ю. О.
Лечунова О. А.
Лихачева А. Е.
Логунова Я. В.
Ляпин А. А.
Медиевский В. В.
Михалычев А. В.
Михалычев А. В.
Перов Ф. В.
Петров Ф. В.
Поморов С. Б.
Понятковский С. А.
Попкова Н. А.
Попова И. Л.
Ремарчук С. М.
Романова Л. С.
Савельев М. В.
Самарина Н. Д.
Слабуха А. В.
Смольков А. Г.
Смолякова И. В.
Стегайло В. Б.
Супранович В. М.
Тарасова Ю. И.
Удина И. А.
Ужгеренас М. П.
Украинцева А. В.
Унагаева Н. А.
Успенская О. М.
Федченко И. Г.
Хадеев М. Б.
Харламов М. В.
Чугунов Е. В.
Шедогобуева Е. Ю.
Якуненкова М. С.
Шалмин Н. П.

Хиценко Е. В.
Финакова Д. С.
Пуляевская Е. В.
Гурьева Е. И.
Величко Г. М.
СТУДЕНТЫ:
Акмурзинова П. Р.
Головина М. А.
Климович Е. Е.
Колесова Е. А.
Мизенина А. И.
Михайлова Д. А.
Муруева А. А.
Нурутдинова В. П.
Петрунина Л. М.
Подкорытова М. В.
Прокудова П. А.
Ракаева А. Е.
Соколова В. Д.
Стукалова Е. А.
Терещенко А. Я.
Усов Г. В.
Хлгатян А. А.
Чернышев А. В.
Головешкин А. А.
Кудаярова М. М.
Скородумов И. В.
Орлова В. Ю.
Ионко С. И.
Тюрина К. В.
Пяткова Д. М.
Манжилей А. А.
Коркина С. А.
Кирсанова А. Д.
Кулигина К. Э.
Брюханова С. Р.
Шевцова А. Э.
Скорородова Э. А.
Бунакова О. Н.
Жезулов Д. В.
Суханова А. В.
Аминова Е. В.
Прохоров Н. С.
Павлова А. В.
Леушкина А. А.
Кукушкин Р. И.
Салаянова Ю. Р.
Гончарова А. В.
Голубь А. Н.
Новиченко Д. И.
Ёлгина В. Р.
Амосова А. П.
Дисманович Д. И.
Пуляевский П. В.
Федотов Е. В.
Власова Е.
Терешенок В. Ю.
Дударева Д. О.
Комарова Т.
Урсегова А.
Симакова А. В.
Подакова В. М.
Семенова В. В.
Саяхутдинова М. И.
Сайфутдинова Д. А.
Плетнёва К. Г.
Мартыненко А. А.
Лачина Е. Д.
Кучер О. В.
Клец В. М.
Иванова В. И.
Богородская В. С.
Данилова Е. А.
Скорородова А. С.
Мунгалова А. Е.
Степанова А. О.
Шабалина К. А.
Узингер А. Р.
Балайтисова А. А.
Губина А. И.
Медведева Д. А.
Стрельцова Э. В.
Пономарева П. Е.
Пэн Б.
Лю Ф.
Еременко Е. В.
Фалеева Д. В.
Минутдинова А. В.
Криворотов М. А.
Поспелов Д. Э.
Видеман А. С.
Гуркова Е. И.

Жаркова С. В.
Голубь А. Н.
Белоусов И.
Зудилова У. А.
Дурманова К. М.
Ильина С. А.
Кунава С. С.
Слюдинова А. М.
Рябчук Д. О.
Хайдарова А. О.
Барабанова Д.
Чабаненко Е. В.
Черкашина Г. А.
Соколов И. П.
Громько С. В.
Севостьянова П. В.
Ульянова А. Ю.
Азарова Д. В.
Макарова Т. А.
Орлова В.
Пузырёва М.
Чичкань А.
Думба С. А.
Буртасов Е. А.

**ПРОПАГАНДА
АРХИТЕКТУРЫ**

Артёмченко Л.
Артёмченко Р.
Балаева А.
Башкатова И. Б.
Блянкинштейн О. Н.
Бугай Е.
Буйлов В.
Буйлов Я.
Бурдинская С.
Буртасов Е.
Володенкова Д.
Галин Д. С.
Головченко Л.
Гольцева И.
Горлова К.
Грицук Д.
Давыдова А. А.
Дашкевич Е. В.
Дымель М.
Елизарова Е.
Жоров Ю. В.
Жуковская Д. С.
Зюзиков А.
Истомина С. А.
Казанцева Н.
Казарина А.
Каратаева Я.
Киселева О. В.
Ковешников М.
Коншаков И.
Кузьмина Н.
Куликов О.
Махнёв Т.
Морозов И.
Муравьева А.
Мусатова М.
Науменко А. Н.
Науменко С. С.
Образцова В.
Панов М. В.
Панфилов А.
Первоушин В.
Пулярова Т.
Развозжаева П. М.
Рассыпчук В.
Ратегова Ж. Б.
Роднова Т.
Румянцова А.
Савельев М. В.
Самосюк М.
Сапачев Д. В.
Семёнова Г.
Сергеев А. С.
Скаллер Г.
Скуратенко С.
Слабуха А. В.
Старикова Е.
Старшинова И.
Степаненко А.
Усов Г. В.
Успенская О. М.
Федоренко А. Д.
Филиппова Л.
Филиппова М.
Филеманов Ю.
Черноусов Д.

Чертилов А. К.
Щекотова С.
Щетинина А.
Ямалетдинов С. Ф.
**ДЕТСКОЕ АРХИТЕКТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ТВОРЧЕСТВО**
РУКОВОДИТЕЛИ:
Банкова П.
Васюнькина Л. Н.
Гончарова А. Ю.
Дудоровская Н. С.
Залуцкая А. Ю.
Кабакон А. А.
Козлова Л. В.
Кормина Ю. А.
Коробкова Е. А.
Кручинина У. В.
Маклакова И. А.
Орешкин Н. Д.
Пахатинская А. В.
Пахатинский А. В.
Плотников М. Ю.
Плотникова М. Ю.
Поднебескова Ю. О.
Поляков И.
Таран В. М.
Терехова Н. В.

ДЕТИ:

Авдеев Р.
Алтухова Ю.
Алфимова М.
Амелина С.
Антошкина С.
Анурьева А.
Ануфриева П.
Афонина Д.
Бакшеева А.
Балканова А.
Бальбурова А.
Батура К.
Белосохова М.
Белоусова В.
Белоусова Э.
Безрезовская А.
Бессмертная Д.
Бессмертная М.
Богданова Е.
Божан Т.
Болестеева С.
Бондаренко М.
Бочарникова Е.
Бочкарева Т.
Бундов С.
Бызов М.
Ващилина А.
Власова У.
Войтенко Л.
Вороня Д.
Гавриленко С.
Гаврилова В.
Герлин Э.
Голубева В.
Гребенникова А.
Гуменная М.
Дашкевич А.
Дашкевич М.
Дашкова К.
Дворко П.
Дегтярь М.
Дроздов М.
Дышлова Т.
Ермаков В.
Ермаков В.
Занкина В.
Звягина С.
Зенчик Л.
Зимин Т.
Зимица А.
Казанцева Е.
Каминская В.
Карнышёва М.
Карпова Л.
Келайте М.
Киселева Д.
Климов Н.
Колган Ю.
Колбина Д.
Колесников Т.
Колмакова С.
Кондратюк А.

Коноплева Е.
Контрамович А.
Коробков И.
Коробкова А.
Костин П.
Кравцова М.
Кравцова М.
Краковцева Ю. В.
Крутяева Е.
Крюковская Д.
Кузьмина Д.
Кукуева В.
Кун Я.
Кутенкова У.
Ленская Я.
Лесников А.
Лобова Ф.
Луговцова Е.
Лысенко К.
Лэн А.
Лях К.
Магомедова М.
Мазнева Ю.
Майор К.
Маликова А.
Маркович В.
Михайлова М.
Морошан В.
Мутылин В.
Мутылин В.
Мухтургина И.
Мызникова А.
Наумкина С.
Носарев Р.
Орлянская В.
Панкратова С.
Пахатинский А.
Перцель А.
Петрова А.
Петрова С.
Пименов Л.
Попов И.
Попова А.
Попова М.
Постернак М.
Прихода М.
Прокофьева Д.
Путько У.
Русяева Е.
Савельева М.
Светличная Е.
Себякина А.
Севостьянова А.
Серпенева Т.
Сигунов В.
Синещек Д.
Смирнова М.
Сокова С.
Спирина Д.
Степанова М.
Стефанкиф С.
Ступак Н.
Суховольская В.
Сухорученко Т.
Сяо И.
Таргонская У.
Тимонова В.
Тимонова Л.
Тумольская Я.
Тюева В.
Удов А.
Филатова М.
Харитонченко А.
Харланов И.
Хартова К.
Холкин С.
Хотулева Е.
Черёва Д.
Черникова А.
Черных В.
Чирко А.
Чувашова М.
Чухрова П.
Шердакова А.
Штягина А.
Шувалова А.
Шулутков В.
Щёглова В.
Ярославкина С.

объект номера / object of the issue

Национальный центр В. П. Астафьева / V.P. Astafiev National Centre

в Аэросъемка.
Вид с юго-запада.
Фото «КПМ А-2»





^ Северо-восточный угол. Фото «КПМ А-2»

текст

Иван Денисов
Кооперативная
проектная мастерская А-2
(Красноярск)

Ольга Успенская
Сибирский федеральный
университет

Борис Шаталов
Кооперативная
проектная мастерская А-2
(Красноярск)

text

Ivan Denisov
A2 Cooperative Design
Bureau (Krasnoyarsk)
Olga Uspenskaya
Siberian Federal University
Boris Shatalov
A2 Cooperative Design
Bureau (Krasnoyarsk)

*Родное село – самое главное, самое светлое
место у человека.
Где бы я ни был, где бы ни жил всегда помнил об этом.*

В. П. Астафьев

Введение

Овсянка для красноярцев и тысяч поклонников творчества В. П. Астафьева – это особый пласт культуры, это ключ к пониманию не только творчества писателя, но и самой сибирской души.

Село Овсянка расположено на правом берегу Енисея, в городском округе города Дивногорска Красноярского края. Непосредственная близость к Красноярску делает Овсянку одним из главных центров притяжения Красноярского туристического кластера. Благодаря Виктору Петровичу Астафьеву Овсянка приобрела всероссийскую известность. Многие годы своего творчества Астафьев напитывался вдохновением от родного сердца села. Его литературное наследие по праву оценивают как последнюю главу русской классической прозы. В Овсянке расположен мемориальный комплекс, посвященный писателю.

Работа по созданию мемориального комплекса началась сразу после ухода писателя из жизни. В. П. Астафьев

В статье представлены материалы по созданию историко-культурного центра Виктора Петровича Астафьева в рамках концепции устойчивого развития села Овсянка Красноярского края, приуроченного к 100-летию великого сибирского писателя.

Ключевые слова: астафьевские места; сибирский писатель; мемориальный комплекс; музей; Енисей; Овсянка; Национальный центр. /

The article presents materials on creation of the historical and cultural centre of Victor Petrovich Astafiev within the framework of the concept of sustainable development of Ovsyanka village in the Krasnoyarsk region timed to the 100th anniversary of the great Siberian writer.

Keywords: Astafiev's places; Siberian writer; memorial complex; museum; Yenisei; Ovsyanka; National Centre.

завещал свою избу в Овсянке Красноярскому краеведческому музею и распорядился поступить с ней так, как сочтет нужным музей. В 2001 году писатель был похоронен на погосте села Овсянка, а год спустя, 29 ноября 2002 года, был открыт Дом-музей Астафьева. Здесь сохранена вся обстановка, в которой жил писатель. Первого мая 2004 года, к 80-летию Астафьева, рядом с Домом-музеем был открыт музей повести «Последний поклон», он же дом бабушки Е. П. Потылицыной. Усадьба бабушки Катерины восстановлена до мельчайших подробностей по воспоминаниям родственников и сочинениям писателя. Первого мая 2014 года, в день рождения писателя, открылось дополнительное здание с выставочным залом, а во внутреннем двореке разместились уличная площадка для выступлений, игровая зона и зона отдыха с беседками.

В 2021 году администрацией Красноярского края было принято решение на базе имеющегося мемориального комплекса Виктора Петровича Астафьева, в непосредственной близости с Домом-музеем писателя и музеем повести «Последний поклон» возвести Национальный центр – главный объект притяжения Овсянки, который будет включать литературно-этнографическую экспозицию «Во глубине России». Комплексная музеефикация территории позволила вобрать в себя астафьевские места и развить сервисную зону села Овсянка.

Литературный критик Валентин Курбатов, которого связывала более чем двадцатилетняя дружба с Виктором Астафьевым, писал: «И уже сейчас можно с утверждением сказать, что Астафьевский центр естественно станет центром не только великого Сибирского “треугольника” (Астафьев-Шукшин-Распутин), но общерусской мысли, и опять Россия будет “прирастать Сибирью”, и крепиться ее духовной силой. И мы будем опять сильны и по-русски неодолимы. <...> И туризм становится одной из самых мощных отраслей сегодняшнего русского хозяйствования. Можно быть уверенным, что Национальный Астафьевский центр станет самым заметным центром притяжения думающей России и приглядывающего-

< Виктор Петрович Астафьев на берегу Енисея.
Фото РИА Новости / Анатолий Белоногов





< Северо-западный угол.
Фото «КПМ А-2»

ся к России мира. А там, глядишь, и заметной статьей Красноярского бюджета» [1, с. 10; 2].

Советский и российский режиссер, потомок нашего земляка великого художника В. И. Сурикова, Никита Михалков писал об Астафьеве: «Он прожил столь прекрасную, столь же тяжелую жизнь, ставшую основой его удивительных книг и, самое главное, он сумел мощь и величие своего таланта сделать нашим достоянием. Достоянием своего народа. И сколько будет существовать русская литература – столько и будут жить бесконечно дорогие русскому сердцу книги Астафьева» [1, с. 5].

В. П. Астафьев был признан и в советское, и в постсоветское время, он был лауреатом множества литературных и государственных наград: Герой Социалистического Труда; кавалер орденов Красной Звезды и Дружбы Народов; ордена «За заслуги перед Отечеством» второй степени; лауреат двух Государственных премий СССР (1978, 1991); одной Госпремии РСФСР (1975); Государственной премии РФ (1995) и премии «Триумф» (1994); почетный гражданин городов Красноярск и Игарки.

Но главное его наследие – это более двух сотен книг, изданных в нашей стране и за рубежом. По его произведениям поставлены спектакли в лучших театрах страны, сняты художественные фильмы. А для красноярцев и для всех граждан нашей многонациональной Родины Астафьев оставил в наследство свою дорогую сердцу Овсянку, село на берегу великой сибирской реки Енисей, где он родился, творил, просто жил, жил как простой крестьянский мужик, как великий писатель, как гуманист и патриот, Овсянку, которая проводила его в последний путь, путь вечности и памяти. И наша миссия, следуя завещанию великого писателя, – сберечь и приумножить его наследие. И это будет наш «последний поклон» Великому земляку.

Его последняя «затесь», последний прижизненный поклон – это завещание всем нам: поколению, идущему за ним, поколениям, идущим за нами.

«Я думаю, что, в конечном счете, все же главное вот это – Енисей, береза на скале, светлая осень, и когда придет последний час, все это и будет видением. И спасибо

жизни за жизнь, а памяти за то, что она очищает прошлое от скверны» [3, с. 26].

Виктор Петрович Астафьев – великий русский прозаик, один из последних представителей серебряного века наряду с такими писателями, как В. Распутин, Б. Бондарев, В. Шукшин. Кто для нас Виктор Петрович Астафьев? Писатель... Гражданин... Человек... Личность... Он один из тех русских писателей, кого по праву называли великими еще при жизни.

Открывшийся в селе Овсянка первого мая 2024 года к 100-летию юбилею писателя Национальный центр Виктора Петровича Астафьева – объект мультикультурной направленности, демонстрирующий богатства сибирской земли через произведения и творческий путь писателя. Это многофункциональное современное пространство, отражающее наследие Астафьева в контексте русской культуры и национального сознания.

Основным ресурсом для создания центра стали фонды Красноярского краевого краеведческого музея, которые располагают уникальной коллекцией семьи Астафьевых.

Авторский коллектив:

Архитекторы:
Денисов Иван
Бочарова Любовь
Кулаковский Антон
Шаталов Борис
Элли Артем
Инженеры:
Соломатин Дмитрий
Тимофеева Ольга
Якубчук Владимир
Исследователь-консультант:
Успенская Ольга

в Национальный центр
В. П. Астафьева в
с. Овсянка. Южный фасад.
Фото «КПМ А-2»



Юго-восточный угол.
Фото «КПМ А-2»





Размещение здания в пространстве села

Национальный центр расположен между двух основных продольных осей села – улиц Щетинкина и Набережной, в непосредственной близости с домом-музеем В. П. Астафьева и музеем повести «Последний поклон».

Своим расположением в застройке объект формирует два общественных пространства: аванплощадь с юга, со стороны ул. Щетинкина и арьерплощадь с севера, со стороны ул. Набережная. Площади используются для проведения выставок, праздников и фестивалей, с них же обеспечиваются основные входы в здание. Главный вход расположен с южной стороны участка и оформлен большим «порталом».

Функциональное описание

Здание Национального центра представляет собой четыре этажа современных экспозиционных и образовательных пространств. Площадь здания – более двух тысяч квадратных метров и включает в себя четыре

экспозиционных зала, зал для конференций; мультимедийный зал; детский центр и небольшое кафе. В одном из экспозиционных залов полностью воссоздана обстановка личного кабинета писателя из его квартиры в Красноярске. Крыша центра эксплуатируемая; отсюда открываются прекрасные виды на окружающий село природный ландшафт, на могучую сибирскую реку Енисей, противоположный берег которого укрывает тайга и, как исполины, возвышаются над водой могучие скалы.

Концептуальное описание

В основе архитектурного образа лежит комбинация трех различных по материалу и смыслу «оболочек»: деревянная, стилизованная под сельскую застройку (клети, избы), призвана вписать объект в окружающую среду; каменная, оштукатуренная служит основой всего здания, она символизирует каменный подклет избы и большую русскую печь; стеклянная, символизирующая мощь Енисея, объединяет все «оболочки» в единый образ

v Юго-восточный угол.
Фото «КПМ А-2»





< Южный фасад. Вид с территории музея повести «Последний поклон». Фото «КПМ А-2»

и растворяет объект в панорамах села, визуально расширяет прилегающие к зданию пространства, приглашает зайти и прикоснуться к истории жизни и творчества великого писателя, а также познать глубину сибирской души и сибирской природы.

Окна издревле были глазами дома. Само слово «окно» восходит к старинному слову «око». Бычий пузырь, слюда и, наконец, стекло, сквозь которое дом смотрит на мир. Согласно концепции, центр Астафьева, отождествляемый с образом писателя, смотрит на мир широко открытыми глазами, наблюдая за будущими поколениями.

Через стекла вестибюля просматривается несущий каркас здания, выполненный из нарочито грубых стальных и бетонных элементов, отсылая к старым вагонам-теплушкам времен Великой Отечественной войны и к образу первого железнодорожного моста через Енисей.

В информационной зоне висит большой портрет писателя с подсветкой, который проецирует его образ наружу, в село, тем самым давая понять, что и после ухода Астафьев остался в родной его сердцу Овсянке. А на самой высокой точке здания горит Астафьевский маяк, призванный стать визуальным и нравственным ориентиром для туристов и жителей села. «Личность писателя выросла из Овсянки, из окружающей мощи сибирской природы. Так и мы “вырастили” Астафьев-центр из пространственно-временной ткани жизни Виктора Петровича. Тактичная доминанта архитектурного объема мягко вписана в панораму и планировочную структуру села. Сам объем – соединение тепла русской печи, незаемности таежного дерева, жесткости военного металла и студеной прозрачности Енисея. А еще свет, который днем входит в интерьер вместе с соседними улицами, а вечером выходит наружу, чтобы их осветить. Астафьев-центр впитывает Овсянку и сам выплескивается в нее, между ними нет границы» [5].

«Пусть имя мое живет до тех пор, пока труды мои будут достойны оставаться в памяти людей. Желаю всем вам лучшей доли; ради этого жил, работал и страдал» [4].

Период реализации проекта

Проектирование: октябрь 2021 – декабрь 2022; строительство: февраль 2023 – апрель 2024.

Цели и задачи проекта

Создание многофункциональной площадки для изучения и публичного представления культурного наследия Виктора Петровича Астафьева. Развитие внутреннего и внешнего туризма в Красноярском крае. Обогащение комплексного развития досуговой инфраструктуры не только села Овсянка, но и Дивногорска, и Красноярска.

Целевая аудитория

Туристы, жители окрестных поселений, красноярцы и жители края всех возрастных категорий.

Стратегия продвижения проекта

В соответствии с указом президента «О праздновании 100-летия со дня рождения В. П. Астафьева» от 22 марта 2023 года включение Мемориального комплекса и Национального центра В. П. Астафьева в список литературного и общекультурного туристического кластера страны.

Финансирование проекта

Средства бюджета Красноярского края.

Результаты

Основным ожидаемым результатом было увеличение туристического потока в мемориальный комплекс Астафьева. Ежегодно комплекс посещало более 20 тыс. человек (до строительства центра). Объект открыт 1 мая 2024 года. За месяц работы Национальный центр посетило свыше 18 тыс. человек.

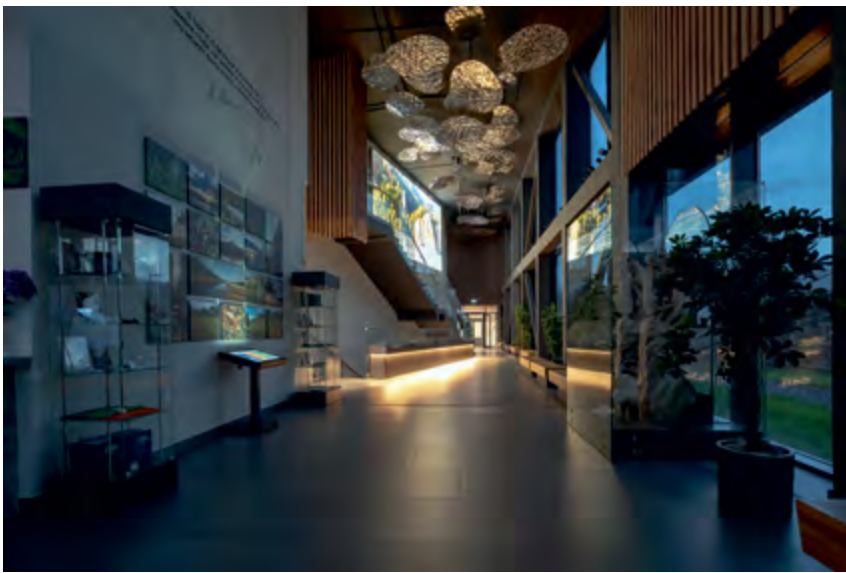
– Заказчик: Краевое государственное бюджетное учреждение культуры «Красноярский краевой краеведческий музей»

– Генеральный проектировщик: ООО «Кооперативная проектная мастерская А-2»

– Экспозиция и интерьеры: ООО «Проектмаркетинг +1»

– Генеральный подрядчик: ООО СК «Георг»

Проведенная работа над эскизным проектом Национального центра В. П. Астафьева в селе Овсянка во многом положила начало разработке концепции развития всей его территории. В рамках развития и благоустройства села Овсянка, приуроченного к 100-летию со дня рождения писателя был выполнен суще-



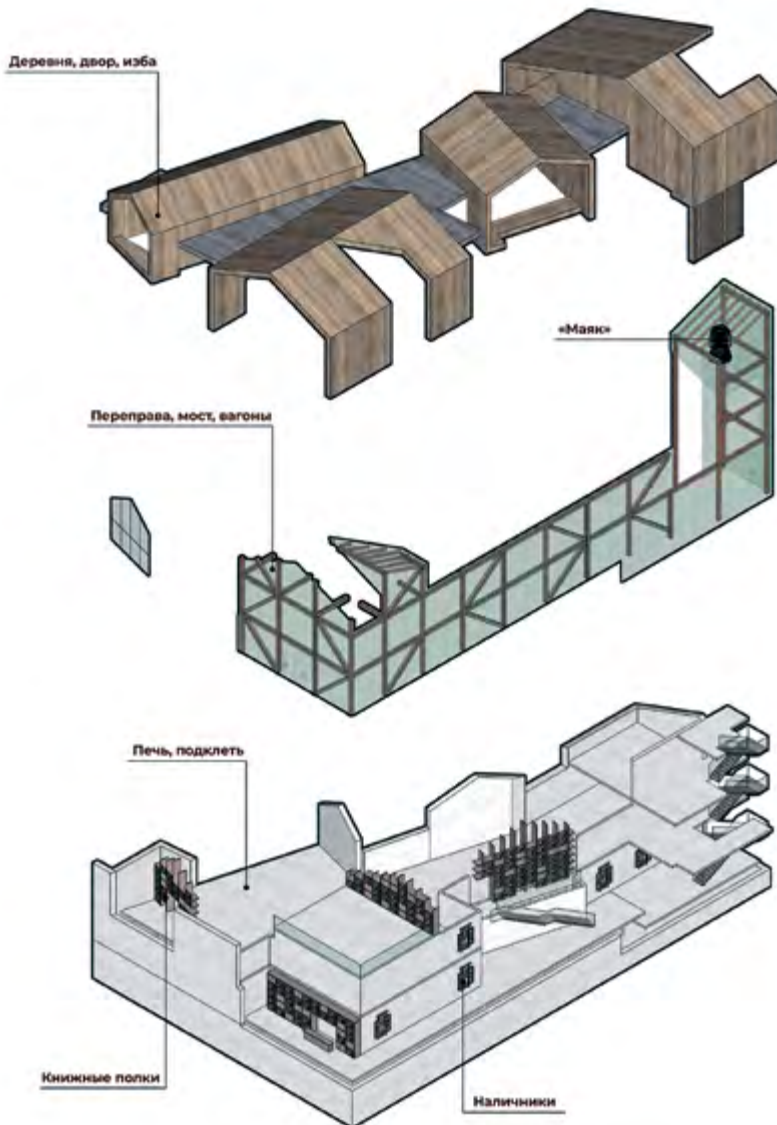
^ Интерьер вестибюля. Фото «КПМ А-2»

ственный ряд работ по благоустройству центрального ядра села:

- благоустроены два фрагмента береговой линии: публичная набережная, замыкающая главный переулочек села, и «Астафьевские мостки» – более приватный участок напротив Национального центра, добраться до которого можно по узкой исторической тропке между заборами;
- построена новая железнодорожная платформа и устроена плоскостная гостевая парковка на въезде в село;
- реконструированы оба сквера: памятный сквер Великой Отечественной войны и Литературный сквер у библиотеки;
- все электрические кабели вдоль улиц и переулков были обновлены и убраны под землю;
- отремонтировано около 2 км улиц и переулков, по возможности устроены тротуары.

> Интерьер вестибюля. Фото «Проектмаркетинг +1»

v Структура образа. Изображение «КПМ А-2»



v Планы. Чертеж «КПМ А-2»







^ Набережная Овсянки. Фото «КПМ А-2»

Литература

1. Концепция Национального центра В. П. Астафьева в с. Овсянка / Краевое государственное бюджетное учреждение культуры «Красноярский краевой краеведческий музей». – Красноярск, 2016. – 32 с.
2. Крест бесконечный : письма из глубины России / Виктор Астафьев, Валентин Курбатов ; сост. Г. Сапронов. – Иркутск : Издатель Сапронов, 2003. – 528 с. : ил.
3. Затесь на сердце : Астафьев в памяти людской : фотоальбом / авт.-сост. Майстренко В. А. – Красноярск : РАСТР, 2009. – 172 с. : ил.
4. Наш Астафьев : художественно-биографический альбом / ред.-сост. : Т. Елинская. – Красноярск : Поликор, 2011. – 141 с. : фот.
5. Кооперативная проектная мастерская А-2. Национальный центр В. П. Астафьева – URL: <https://www.proa2.ru/project/natsionalnyy-tsentr-v-p-astafieva/> (дата обращения: 29.07.2024).
6. Кооперативная проектная мастерская А-2. Село Овсянка. – URL: <https://www.proa2.ru/project/selo-ovsyanka/> (дата обращения: 29.07.2024).

в «Астафьевские мостки».
Фото ООО «КПМ А-2»

в «Око дома».
Выступающий объем
экспозиционного зала.
Фото «КПМ А-2»

References

- Astafiev, V., & Kurbatov, V. (2003). *Krest beskonechnyi: Pisma iz glubiny Rossii [The cross is endless: Letters from the depths of Russia]*. Irkutsk: Saproinov Publisher.
- Elinskaya, T. (Ed.). (2011). *Our Astafiev: Artistic and biographical album*. Krasnoyarsk: Polikor.
- Kontseptsiya Natsionalnogo Tsentra V. P. Astafieva v s. Ovsyanka [Concept of the V. P. Astafiev National Centre in the village of Ovsyanka]*. (2016). Regional State Budgetary Institution of Culture 'Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore'. Krasnoyarsk.
- Maistrenko, V. A. (2009). *Zates na serdtse: Astafiev v pamyati lyudskoi [A notch on a heart: Astafiev in people's memory: Photo album]*. Krasnoyarsk: RASTR.
- Natsionalnyi tsentr V. P. Astafieva [V. P. Astafiev National Centre]*. (n.d.). A2 Cooperative Design Bureau. Retrieved July 29, 2024, from <https://www.proa2.ru/project/natsionalnyy-tsentr-v-p-astafieva/>
- Selo Ovsyanka [Ovsyanka village]*. (n.d.). A2 Cooperative Design Bureau. Retrieved July 29, 2024, from URL: <https://www.proa2.ru/project/selo-ovsyanka/>



личность / personality

Роль личности в любом деле тем больше, чем более творческим это дело является. Для процессов, протекающих по отработанной схеме, личность неважна. Но там, где пути решения задач приходится изобретать по ходу этого самого решения, – в этом случае результат полностью зависит от свойств личности художника.

Тема ЛИЧНОСТЬ красиво прозвучала на ежегодном фестивале ЗВС-24 в Красноярске – на круглом столе, в новом Астафьевском центре в Овсянке, на площадках, где демонстрировались фильмы, посвященные архитекторам Владимиру Соколовскому и Арэгу Демирханову, на открытии мемориальной доски архитектору Виталию Орехову... ПРОЕКТ БАЙКАЛ вносит свой вклад в разговор о личностях и расширяет географию, включая Санкт-Петербург, Новосибирск и Ереван.

В этом блоке материалов мы разместили публикации о нескольких ярких личностях прошлого и настоящего. Открывает раздел выступление Андрея Бокова об архитектуре Владимира Павлова как явлении мировой культуры, прозвучавшее на круглом столе, инициированном РАНХиГС.

В этом блоке – первая развернутая публикация о Владимире Колпикове и его иркутском периоде.

Вместе с шаржами Александра Худина ПРОЕКТ БАЙКАЛ возвращается к любимому циклу – «Конферюшкам». Это слово изобрел Вячеслав Глазычев для случайных набросков, которые руки бессознательно рисуют во время скучных конференций. Но даже наброски и почеркушки могут многое сказать о творческой личности.

Елена Григорьева, Константин Лидин

The more creative the activity is, the greater is the role of personality. For the processes that proceed according to proven schemes, personality is unimportant. But if the ways of solving problems have to be found in the course of this very solution, the result depends entirely on the properties of the artist's personality.

The theme of PERSONALITY sounded beautifully at the annual Festival in Krasnoyarsk ZVS-24: at the Round Table, at the new Astafiev Centre in Ovsyanka, at the venues where films dedicated to architects Vladimir Sokolovsky and Arag Demirkhanov were shown, at the unveiling of the memorial plaque in honor of architect Vitaly Orekhov... PROJECT BAIKAL contributes to the conversation about personalities and expands its geography, including St. Petersburg, Novosibirsk and Yerevan.

In this section we have placed publications about several bright personalities of the past and present. The section opens with Andrey Bokov's speech on Vladimir Pavlov's architecture as a phenomenon of world culture, which was delivered at the round table initiated by RANEPG.

This section also includes the first detailed publication about Vladimir Kolpikov and his Irkutsk period.

Together with Alexander Khudin's caricatures, PROJECT BAIKAL returns to its favourite collection - Conferyushki. Vyacheslav Glazychev invented this word for the random sketches that hands unconsciously draw during boring conferences. But even sketches and rough drawings can say a lot about a creative person.

Elena Grigoryeva, Konstantin Lidin

Дается краткая обобщающая характеристика иркутского периода творчества архитектора Владимира Павлова. Рассматриваются региональные корни, интернациональный контекст и российские условия появления архитектурного своеобразия его деятельности. Архитектура Павлова видится как явление мировой культуры.

Ключевые слова: Владимир Павлов; Иркутск; архитектура; интернациональный стиль; локальное; Иркутский ренессанс; идентичность. /

The article gives a brief general characteristic of the architect Vladimir Pavlov's work in Irkutsk. It considers regional roots, international context and Russian conditions of the emergence of his unique architectural projects. Pavlov's architecture is seen as a phenomenon of world culture.

Keywords: Vladimir Pavlov; Irkutsk; architecture; international style; local; Irkutsk Renaissance; identity.

0 Павлове / About Pavlov

текст

Андрей Боков

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства text

Andrey Bokov

Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning

Павловский Иркутск – явление исключительное и удивительное, результат случая, редкого совпадения, из тех, что в истории отечественной архитектуры XX столетия исчисляются единицами. Это совпадение субъективных и объективных обстоятельств. Сильная личность, человек одаренный, с отчетливыми, ясными, внятными представлениями о том, как должен выглядеть окружающий мир, получает возможность эти представления реализовать. Способность понимать, принимать и убеждать единомышленников и начальников, готовность власти и архитектора к риску, их взаимная тяга, вменяемость, ощущение доверия друг к другу – все это породило нечто выходящее за границы, определяемые словами «советский модернизм».

Советский модернизм исчерпывался двумя полярными достижениями. Огромными жилыми образованиями, гигантскими промзонами и целыми городами, созданными по воле бюрократов и технократов, решающих крупные народно-хозяйственные задачи. На другом полюсе нынешние исследователи советского модернизма с удивлением и восторгом обнаруживают непонятно откуда взявшиеся шедевры, авторам которых, даже если они избегали наказания, обычно редко удавалось повторить свой подвиг.

Павловский Иркутск был не тем и не другим. Он оказался устойчивым, мощным, системным явлением, оставившим не исчезающий поныне след. Иркутский архитектурный ренессанс был пробуждением города после долгого периода неопределенности и упадка. Город решил не просто меняться, но меняться по-своему. Предубеждения и запреты, которые навязывались огромной стране, здесь чудесным образом ослабли и утратили силу.

Эпизодические и дозированные отступления от общих правил, от типового и стандартного, разрешались союзным республикам, вроде Армении и Эстонии. Но даже там они не становились правилом и нормой и не достигали той концентрации, той определенности, целостности и единства, которые демонстрировал Иркутск.

Иркутский ренессанс содержал скрытый, неявный вызов Москве. Он был покушением на право столицы определять в том числе и культурную повестку, по край-

ней мере в пределах Российской Федерации. Москва полагала себя ведущей, а провинцию – ведомой. И в роли ведущей настаивала на предельной нейтральности архитектуры. Вольно или невольно Москва советская, социалистическая создавала свой интернациональный стиль, некую противоположность и некое подобие послевоенному интернациональному стилю, возникшему в Америке.

Эта программа, возможно, была бы успешной, если бы советская архитектура 1960–1970-х стала опираться не на скрытые и неявные заимствования, но искать собственные пути, культивировать собственных лидеров вроде Павлова.

Большим советским архитектурным чиновником было невдомек, что глобальные открытия, завоевывающие сердца и умы, рождаются снизу, на локальном уровне, усилиями людей, наделенных способностью к видению.

Иркутский ренессанс можно было бы уподобить достижениям Нижегородской школы, вдохновленной Харитоновым, и тому, что удалось сплоченной группе пиетеров в составе Явейна, Мамошина, Романова, Земцова, Орешкина и других, если бы не одно обстоятельство. Иркутский ренессанс состоялся в иную эпоху, двумя десятилетиями раньше. Павлов едва ли не первый в России открыто выводит архитектуру из тени или из-под пресса стройкомплекса и превращает решение практических задач в художественный акт, в нечто формирующее культуру, неповторимый культурный ландшафт.

Павлов и его коллеги построили, казалось бы, не так много. Возможности и время, отпущенные им, были ограничены, но они среагировали на все вызовы, дали ответы на все вопросы, воспользовавшись всем, чем располагала индустрия того времени, что мог позволить себе не самый богатый советский город.

Современная архитектура, в противоположность ее предшественнице, архитектуре ордерной, классической, опирается на местные локальные или региональные корни. Даже интернациональный стиль, интернациональная архитектура, изменившая лицо профессии, превратившая архитектуру в индустриальный дизайн, имела вполне определенные локальные корни. Эта архитектура рождалась из веры в великое общее будущее, носителем ко-



торой был российский ВХУТЕМАС, и убежденности в силе технологий, на которой вырос германский Баухаус. Усилиями Гропиуса и Миса ван дер Роэ эти представления были перенесены и привиты на американской почве. Они впитали энергию американской индустрии и сами наполнили ее смыслами.

Индустриальный дизайн, возможно, стал бы монополистом и полностью преобразил бы мир, если бы не столкнулся с волной сопротивления, с яркой, волнующей, романтической и разнообразной послевоенной региональной архитектурой.

В отличие от дизайнера, который похож на архитектуру, но работает на индустрию, создающую безразличный к месту массовый типовой продукт, архитектура принадлежит месту и создает места. Архитектура вбирает локальные признаки, особенности и черты, откликается на широкий и узкий конкретный контекст, и сама этот контекст или идентичность создает.

Существуют две идентичности. Одна собрана из материала прошлого, знакомого, старого и привычного; другая – из материала будущего и неведомого. И эти идентичности трудно уживаются друг с другом.

Попытки создания на рубеже XIX–XX веков собственной региональной национальной архитектуры из своего местного исторического материала, из готики, «тюдоров» или нарышкинского барокко особого успеха не имели. Новая региональная архитектура, возникшая после войны, отказывается от прямого копирования и избирает путь поиска новой идентичности, новых отличий, наполняется жизнью, обогащается великими прозрениями и открытиями. Мексика нашла Баррагана, а Финляндия – Аалто. Иркутску судьба предложила Павлова.

Архитектура Павлова принадлежит культуре. Она ощущалась культурным вызовом и манифестом, посягательством на права других, тех, кто считал себя за культуру ответственным, кто видел мир другим, состоящим из материала прошлого, из «почвы» и архаики.

«В моменте», на коротких дистанциях прошлое выглядит более убедительно, чем будущее. Тем более предложенное, увиденное малоизвестным и «не местным» человеком, носителем странных настроений и представителем профессии, постоянно подвергавшейся со стороны

власти жесткому давлению и резкой критике. На стороне будущего оказывается время.

Спустя четыре десятилетия архитектура Павлова стала предметом интереса и внимания, оказалась неотъемлемой частью городского пространства, подобной которой нет ни в одном другом месте.

Иркутский ренессанс, его неожиданный приход, появление и утверждение сопровождался все более ожесточенным и напряженным диалогом между Павловым и Распутиным. У Распутина не возникало претензий к массовой типовой застройке, поглощавшей и уничтожавшей, подобно цунами, близкие его сердцу российские города. Его протест вызывало то, что было отлично от массового и типового, то, что рождалось культурой и было частью культуры ему не близкой и незнакомой. По существу это было продолжением известной российской драмы, продолжением Гражданской войны с участием одаренных, ярких людей, художников, которые видели мир по-разному и каждый считал его своим.





Это была гражданская война в иной форме, продолжение противостояния сибирского консерватизма и сибирского прогрессивизма, представлений, которые были привнесены в Сибирь человеком, воспитанным Питером, имперской столицей, и представлениями людей, долго и не без оснований этот Питер недолюбливающих.

Правы были оба. Каждый по-своему и лишь отчасти. Они не собирались и не пытались прийти к согласию. Результатом был проигрыш, и проигравшим оказался город.

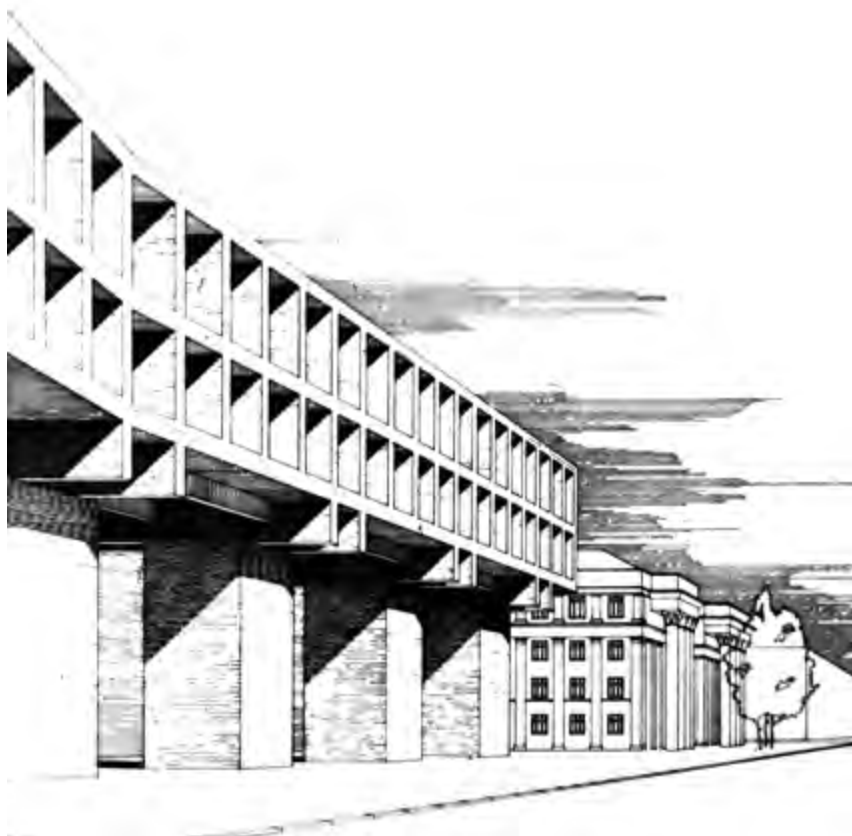
Примирение состоялось спустя десятилетия, без участия обоих оппонентов, после их ухода. Мечта Распутина об «архитектуре корней, почвы и возвращения» была воплощена создателями 130 квартала, учениками и последователями Павлова при активном покровительстве губернатора Мезенцева. Иркутск не на словах, но воочию продемонстрировал себе и миру второе свое лицо, второй ресурс развития. 130 квартал способен вызвать не меньше критики, чем павловское наследие. И важен он, ценен и значим не только сам по себе, но как участник диалога, как обязательный компонент формулы, как часть города, без которой город не является полным и полноценным.

Иркутский ренессанс был уникальной попыткой создания новой российской региональной архитектуры. За пределами нашего Отечества таких в XX веке было немало. И среди создателей региональной архитектуры встречались люди приглашенные, люди неместные, кто, возможно, оказывался более чувствителен и менее обременен предрассудками, те, кто, в отличие от условных «туземцев» или «аборигенов», ощущал более остро и более точно характер пространства, в котором оказался.

Корбюзье вдохновил целый ряд национальных школ и национальных архитектур. Он разбудил Нимейера, ставшего основателем и протагонистом новой бразильской архитектуры. Он вдохновил японскую архитектуру, Танге и тех, кто назвал себя «метаболистами». Йорн Утзон, датчанин, создал театр, ставший символом Австралии. Почти все они еще при жизни были оценены, признаны и обласканы.

Павлов сделал не меньше, но обласкан не был. Мало кто ощущал его человеком миссии, создателем нового лица Сибири и Отечества. Возможно, что он и сам не вполне понимал сложность и характер задачи, которую пытался решить. Сегодня эта задача кажется решенной, и решение это, его последовательность, точность и бескомпромиссность с каждым прожитым годом ощущается все острее.

Павловское видение питалось по меньшей мере из двух источников. Петербург убедил его в том, что правильная архитектура должна быть монументальной, строгой и величественной, под стать гигантской стране. Он





избегал случайных, немотивированных, иррациональных, произвольных движений и жестов, которые поощрялись входившим в моду постмодернизмом. Второй источник был открыт им в Сибири.

Его рука приобрела уверенность, концепции обрели стройность и завершенность при работе с деревом. В одной из первых наших бесед он рассказывал о деревянном «Доме приемов» на Байкале, построенным к предстоящему и отмененному впоследствии визиту американского президента. Врезанные друг в друга, пересекающиеся под прямым углом брусья сруба стали своего рода пластической формулой, ключом к пространственным построениям, которые задумывались и осуществлялись им с использованием всех технологий и материалов, включая ненавистный сборный железобетон и бесценный лицевой кирпич.

Павлов создал современную региональную архитектуру без прямых заимствований, подобно тому как это делали Нимейер и Танге. Он чувствовал, что Сибирь и Иркутск имеют не меньше прав на свою архитектуру, чем любое государство, заведомо уступающее его региону размерами и не превосходящее культурным потенциалом. Он создал архитектуру, основанную на тонких связях и отличиях, на том, что присутствует в атмосфере, что угадывается немногими, а признается и принимается всеми.

Павлов существовал почти в одиночестве, в узком кругу единомышленников, среди которых были лично ему неизвестные герои зарубежных журналов и книг. И этого было ему достаточно для устойчивой убежденности в своей правоте. Это состояние было столь же вдохновляющим и удивительным, сколь и рискованным. Трагедия была неизбежна. Трагедия жизни, карьеры и судьбы.

Павлов слился с тканью и судьбой города, вошел, врос в город и, лишившись его, ушел.

Трудно поверить в то, что один из основных его домов, «дом-манифест», который оказался недостроенным и снесенным, может быть воссоздан. Этот дом существует в мифах и в воображении. Он остается проектом, или той архитектурой, для которой проектное состояние и состояние мечты и нереализованности более характерно, необходимо и важно для сохранения и выживания,

чем состояние присутствия. Сорок лет назад Иркутский дом Павлова в профессиональной среде ассоциировался с его сталинградским тезкой, символом сопротивления и торжества духа. Бесспорные качества в сочетании с трагической судьбой похоже объединят Павловский проект и с несбывшимися монументами, вроде Дворца Советов Иофана или леонидовского Наркомтяжпрома. Эпическая трагедия вызывает больше сочувствия, чем банальное воплощение и тихая незаметная рутинизация.

Все явления глобального свойства имеют локальные корни, локальные истоки, место и дату рождения. Архитектура, лишенная региональных корней, нежизнеспособна, она обязана быть связанной с тем местом, на котором произрастает. Сделанное Павловым было прямой проекцией современной культуры. Проекцией яркой, убедительной и волнующей. С ним можно не соглашаться и спорить, но трудно остаться равнодушным.

Литература

1. Боков, А. Владимир Павлов // Проект Байкал. – 2010. – № 26. – С. 29–31. – DOI : <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.26.154>
2. Боков, А. Архитектура как школа // Проект Байкал. – 2020. – № 64. – С. 26–31. – DOI : <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1630>
3. Кудрявцев, А. Архитектурные школы и практики регионов. Записки очевидца. – Проект Байкал. – 2020. – № 64. – С. 32–36. – DOI : <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1631>
4. Антипин, К. Влияние архитектурной школы Иркутска на авторский почерк ее мастеров // Проект Байкал. – 2020. – № 64. – С. 88–97. – DOI : <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1640>

References

- Antipin, K. (2020). The impact of Irkutsk architecture school on its masters' unique manner. *Project Baikal*, 17(64), 88-97. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1640>
- Bokov, A. (2010). Vladimir Pavlov. *Project Baikal*, 7(26), 29-31. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.26.154>
- Bokov, A. (2020). Architecture as a school. *Project Baikal*, 17(64), 26-31. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1630>
- Kudryavtsev, A. (2020). Architecture schools and regional practices. Notes of the eyewitness. *Project Baikal*, 17(64), 32-36. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1631>

Выставка в Доме-музее Мартироса Сарьяна в Ереване «Мартирос Сарьян. Портреты армянских архитекторов. К 100-летию генерального плана Еревана» побудила к размышлениям о личностях, заложивших основы изучения армянского архитектурного наследия, с одной стороны, и основы строительства нового Еревана – с другой. Анализируется проводимая Сарьяном параллель между строительством средневековой столицы Армении Ани и созданием столицы советской Армении в годы возрождения национальной культуры. Подчеркнуто значение аниийской архитектурной тематики и изучения наследия Ани для становления как новой научной школы, так и нового стиля в творчестве зодчих XX в.

Ключевые слова: Мартирос Сарьян; Торос Тораманян; Александр Таманян; Ани; Ереван; архитектура Армении; строительство столицы./

The exhibition at the Martiros Saryan House-Museum in Yerevan dedicated to the portraits of architects in the oeuvre of this artist prompted reflections on the personalities who laid the foundations for studying the Armenian architectural heritage, on the one hand, and the construction of a new Yerevan, on the other. The article analyzes the parallel drawn by Saryan between the construction of the medieval capital of Armenia, Ani, and the creation of the capital of Soviet Armenia during the renaissance of national culture. It also emphasizes the importance of the Ani architecture and the study of the heritage of Ani for the formation of both a new scientific school and a new style in the creativity of architects of the 20th century.

Keywords: Martiros Saryan; Toros Toramanian; Alexander Tamanian; Ani; Yerevan; architecture of Armenia; construction of the capital.

Ани – Ереван: тема преемственности на полотнах Мартироса Сарьяна / Ani – Yerevan: The topic of succession on the canvases by Martiros Saryan

текст

Армен Казарян

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

text

Armen Kazaryan

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Введение

3 апреля 2024 года в ереванском Доме-музее Мартироса Сарьяна состоялось открытие камерной и привлекательной своей содержательной основой выставки «Мартирос Сарьян. Портреты армянских архитекторов. К 100-летию генерального плана Еревана». Экспозицию составили живописные полотна 1930–1950-х годов, представляющие десять ведущих архитекторов, творчество которых было связано с преобразованием Еревана в большой столичный город. Кураторами ее выступили широко известный в России историк советской и современной армянской архитектуры кандидат архитектуры, профессор МААМ Карен Бальян и кандидат искусствоведения старший научный сотрудник Института искусств НАН Армении Алис Нерсисян. Если ее научная работа связана с изучением

творческого наследия Сарьяна, то К. Бальян посвятил себя, прежде всего, исследованиям Еревана и проблеме становления национального зодчества в Новейшее время. По его оценке, «сохраняя лица архитекторов для истории, Сарьян обозначил роль архитектора – главного строителя в создании новой армянской столицы – города, раскрытого на Арарат» (рис. 1).

Портретный жанр – один из первостепенных в творчестве Сарьяна наряду с пейзажной живописью и натюрмортом. Мартирос Сергеевич, будучи учеником В. Серова и К. Коровина в портретном классе, который он посещал по окончании в 1903 году Московского училища живописи, ваяния и зодчества, виртуозно создавал композиции и схватывал образы. Художник не просто великолепно владел приемами колористики и светотени, но предлагал новаторские решения, извлекая некоторые принципы из восточного, преимущественно армянского наследия. Десятки портретных образов русской и армянской интеллигенции кисти этого мастера отразили масштаб свершений 1910-х – 1950-х гг., мысли и настроения тех лет [1]. Портреты армянских архитекторов, творивших как в Армении, так и в России, заняли в этом ряду достойное место, что и было замечено инициаторами нынешней выставки. Александр Таманян, Торос Тораманян, Каро Алабян, Микаел Мазманян, Рафаел Израелян, Ованнес Маргарян, Самвел Сафарян, Марк Григорян, Григор Агабабян, Вараздат Арутюнян – эти десять архитекторов были запечатлены на полотнах мастера.

«Великая миссия возрождения страны объединяла архитекторов Армении и Сарьяна. В строителях Еревана и себе самом художник видел и превыше всего ценил творческую личность – человека, наделенной высокой созидательной энергией как движущей силой жизни», – так видит Алис Нерсисян побудительные мотивы создания Сарьяном этих портретов (анонс выставки) (рис. 2).

Центральные портреты в экспозиции

Фактически экспозицию составляют портреты почти всех ведущих архитекторов первых десятилетий советской Армении, за исключением трех-четырех крупных зодчих. Со многими из них Сарьяна связывали теплые, даже дружеские отношения, с некоторыми жил по соседству,

> Рис. 1. К. Бальян рассказывает о концепции выставки перед портретами А. Таманяна. Фото А. Казаряна. 2024



Исследование выполнено за счет гранта Российской научной фонды № 22-18-00354, <https://rscf.ru/project/22-18-00354/> в Национальном исследовательском Московском государственном строительном университете (НИУ МГСУ) /

Acknowledgements: The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00354, in the Moscow State University of Civil Engineering (MGSU), National Research University



на той же улице, ныне носящей его имя. Это был ряд индивидуальных домов ереванской творческой интеллигенции: «Александр Таманян представлял этот район как Монмартр, как уголок для творческих людей» [2]. На основе особняка Сарьяна еще при жизни художника (в 1967) и по проекту Марка Григоряна было построено здание музея, тогда как на месте находящегося рядом дома архитектора Рафо Исраеляна высится современная гостиница, а в доме историка архитектуры Вараздата Арутюняна функционирует ресторан.

Двое из десяти портретируемых Сарьяном зодчих занимали особое место в его представлениях о миссии архитектора-ученого и архитектора-практика в строительстве нового будущего армянского народа. Это патриарх истории армянской архитектуры, автор сотен обмерных чертежей, множества выдающихся реконструкций и ценных фотографий Торос Тораманян и академик, мастер неоклассики, создатель нового национального стиля, автор генерального плана Еревана 1924 года и проектов наиболее значимых монументальных построек 1920-х – 1930-х годов Александр Таманян. Первый из них был родом из пределов Османской империи, учился в Константинополе, работал в Болгарии и с 1903 года на полтора десятилетия поселился в Ани, среди руин средневекового города ради изучения и спасения из небытия архитектурного наследия. Второй, как и Сарьян, был родом из России и, получив образование и сделав блистательную карьеру зодчего в столице империи, с начала 1920-х годов избрал местом жительства Армению, становившуюся на путь самостоятельного развития спустя века после уничтожения последних царств.

Свое отношение к этим двум личностям и их роли в истории страны великий армянский художник передал нам в мемуарах на свойственном ему ярком и образном языке и с элементами глубокого анализа. Сарьян написал портрет Тороса Тораманяна через много лет после знакомства с ним, а еще через годы записал свои впечатления о герое одного из лучших своих полотен: «Много лет спустя, когда я писал портрет Тораманяна, вновь ожило первое произведенное им на меня впечатление силы, непоколебимости и благородства. А между тем передо мной сидел уже постаревший, мучительно страдающий от аст-

мы, изнуренный человек. Но в глубине старого и больного организма ярким пламенем горел огонь творчества, знакомый мне по первой нашей встрече. На моих глазах шла упорная борьба между силами, разрушающими тело, и творческим гением, величием духа.

И вот в споре между этими двумя противоположностями я увидел истинный облик Тораманяна. Выдержав борьбу с ужасающе трудными бытовыми условиями, болезнями и горестями, Тораманян остался стойким и творчески сильным, как великий дух родившего его народа. Ценой титанических усилий, напряжения мысли и чувств, благодаря огромному труду, глубокому изучению сокровищ мировой и армянской культуры он заглянул вглубь веков и извлек оттуда те жемчужины, которые явили миру изумительные шедевры национального творческого гения во всей их кристаллической чистоте» [3, с. 52].

Не менее впечатляюще художник оценивает творчество Александра Таманяна, который «строил город своих давнишних грез, расстилавшийся у подножия Арагаца, обращенный лицом к Большому и Малому Арарату, которые, как могучие столбы, подпирают наше синее небо, нашу кровлю.

Таманян был одарен исключительным инстинктом и разумом созидателя. Он резко повернул от стиля ампира к чисто национальному, и с такой естественностью, с такой опытностью! С изумительной прозорливостью изучил, прочувствовал и полюбил памятники и руины нашей многовековой архитектуры. На этой основе возвел здания, такие национальные по форме, такие, казалось бы, идущие из глубины веков и вместе с тем такие современные!.. Никаких следов анахронизма и лженоваторства! Такие случаи в истории всемирного искусства единичны. Поистине удивительный человек был Таманян. А какое у него было чувство строительных материалов!..» [3, с. 245].

Новаторство, прежде всего в русле поиска новой стилистики, отличало творческое кредо Таманяна от последующего стереотипного представления его роли как соединителя классических основ архитектуры с декоративными формами средневековой архитектуры. Нужно вновь отметить, что идея возвращения армянской архитектуры к высшим мировым ценностям превалиро-

^ Рис. 2. Фрагмент экспозиции выставки «Мартiros Сарьян. Портреты армянских архитекторов. К 100-летию генерального плана Еревана». Фото А. Казаряна. 2024



^ Рис. 3. М. Сарьян. Портрет Александра Таманяна. Х., м. 1933. Национальная картинная галерея Армении



^ Рис. 4. М. Сарьян. Портрет Тороса Тораманяна. Х., м. 1934. Национальная картинная галерея Армении

вала над задачей создания национальной архитектурной формы [4, с. 277].

Портретов Таманяна и Тораманяна на выставке по два; первые два создавались при их жизни, в 1933 и 1934 году соответственно (рис. 3; 4). Вторые два – через десятилетие, когда не было в живых ни одного из них. Попарно расположенные, портреты двух этих крупнейших личностей преднамеренно демонстрируются друг против друга, тем самым словно поддерживая диалог между собой.

Портреты остальных зодчих размещены в их окружении, составляя часть того сообщества, которое начинало работать еще при этих корифеях и продолжило творческий путь в послевоенный период развития Еревана. Их деятельность была, несомненно, в общем русле нового армянского зодчества, но несла в себе и черты модернистской архитектуры, как это видно в произведениях Мазманяна, а также самостоятельной интерпретации достижений средневековых мастеров, что было свойственно особенно Израеляну. Последовательность картин на выставке призвана также отразить изменения стилистических предпочтений мастера в отмеченные десятилетия.

Ани и Ереван – историческая параллель в проекте Сарьяна 1943 года

В этом году варпет (мастер), как его величали ереванцы, создает вторые портреты архитекторов Таманяна и Тораманяна, которых уже не было в живых (рис. 5, 6). Первый из них умер в 1934, второй – в 1936 году. Сарьян, успевший изобразить их при жизни на своих самых выразительных портретах с разницей в один год, теперь пишет их посмертно и передает эти картины в Союз архитекторов Армении. Два произведения, фактически составляющие диптих, призваны были обеспечить присутствие в доме творческого союза двух великих зодчих периода становления новой армянской архитектуры – того, кто внес главный вклад в изучение средневековой армянской архитектуры и, в частности, Ани, и того, кто внес важнейший вклад в проектирование новой столицы.

Сарьян почти не меняет ни расположения своих героев на холсте, ни их поз, ни черт их лиц. Он лишь упрощает живописную палитру портретов, одновременно в боль-

шей мере акцентируя внимание зрителя на фоновой панораме. На портрете Таманяна вместо присутствовавшего в левом верхнем углу изображения ереванского оперного театра теперь во все пространство «задника» изображена панорама нового города – несомненно, строившегося Еревана, с характерными чертами Дома Правительства в правой узкой части фона. Сарьян подчеркивает именно те черты в архитектуре Еревана, которые воспевают идеалы традиционной архитектуры: впечатляющие, во многом инновационные объемы композиции Оперного театра, заменены на картине 1943 года на здания, в которых главная составляющая – монументальная аркада. Это изменение демонстрирует динамику ценностей на протяжении двух десятилетий. Другим нововведением является присутствие небольшой ереванской церкви в панораме. На нее обратил внимание К. Бальян на представлении выставки как на деталь, свидетельствующую о значимости наследия в творчестве и деятельности Таманяна. «В создании своей амбивалентной модели академик Таманян основывался на новейших исторических исследованиях: открытиях памятников прошлого как результате археологических раскопок академика Н. Я. Марра и средневековой армянской столицы Ани архитектора Тороса Тораманяна и опубликованном в Вене капитальном труде австрийского ученого Йозефа Стржиговского, обозначившем роль армян в строительной деятельности Европы. Подобно мастерам Ренессанса, открывшим для себя Рим, Таманян открыл для себя Ани», – заключает К. Бальян [5, с. 53].

Сарьян, конечно, рисует Ереван солнечным, в свойственной ему манере, и это качество роднит его с самим Таманяном, о котором другой великий деятель армянской культуры Егише Чаренц возглашает: «Он видел, наверное, солнечный город». Именно эта фраза выбита на постаменте памятника великому зодчему в Ереване.

У нас нет сведений об изучении развалин средневековой армянской столицы самим Таманяном. Но даже тот факт, что еще в 1908 году Таманян по просьбе руководителя Анийской экспедиции Н. Я. Марра работал над проектом здания нового музея древностей в Ани, свидетельствует о вовлеченности архитектора в этот крупнейший археологический проект, затронувший также



^ Рис. 5. М. Сарьян. Портрет Александра Таманяна. Х., м., 1943. Палата архитекторов Армении



^ Рис. 6. М. Сарьян. Портрет Тороса Тораманяна. Х., м., 1943 г. Палата архитекторов Армении

интересы армянской общины Санкт-Петербурга и всей России [6, с. 7]. Нам известно, что Марр, планомерно разворачивая работы на городище, с самого начала уделял особое внимание организации там музея [7; 8]. Этот эскизный проект музея, оставшийся нереализованным, осуществлялся задолго до переезда Таманяна в Ереван и последующего увлечения им разработкой нового армянского архитектурного стиля. Но именно этот проект можно расценивать как первую попытку работы архитектора-неоклассика в национальном стиле.

Сарьян – один из тех художников Серебряного века, которые совершали путешествия на Восток, черпая художественные идеи в духе ориентализма. Но, в отличие от многих других, он испытывал особые родственные чувства к Востоку и особенно Армении, куда и совершил свое первое путешествие в 1902–1903 годы. Ярким языком, напоминающим настроение европейских и русских путешественников XVIII–XIX вв. при встрече с таинственными развалинами древних цивилизаций [9], Сарьян передает впечатления от Ани: «Вид местности казался жутким. Когда мы подошли к полуразвалившимся стенам и башням, повисшим над ущельем, нам показалось, что они вот-вот обрушатся на нас. Через одно из отверстий в стене мы вошли в город, в этот страшный мир развалин. Издали донеслись человеческие голоса. Где-то лаяла собака». И далее, оказавшись вскоре в гостях у одинокого монаха, в его домике Сарьян впервые встретился с той личностью, которой обязана историография армянской архитектуры и история изучения Ани: «В углу комнаты при свете лампы за столом работал человек. Это был Торос Тораманян. Зарывшись в кипу лежащих перед ним чертежей, он изучал архитектуру Ани. Немного побеседовав, усталые от множества впечатлений, мы уснули... Когда мы проснулись, Тораманян еще работал. Он был похож на окружающие его памятники, на монументальное изваяние, на простую и по-своему прекрасную скульптуру» [3, с. 52]. Как же это описание похоже на образ другого великого архитектора – Александра Таманяна, присутствующего в центре Еревана в виде монументальной каменной глыбы, с максимально обобщенными формами (скульптор А. Овсепян, арх. С. Петросян; 1974).

И позже Сарьян делится впечатлениями о самом Тораманяне: «Большие широко раскрытые глаза отражали всю глубину его интеллекта. Он напоминал мне виденные в Ани грозные скалы, и казалось, что шестувует он из тысячелетий и столь же суждено ему прожить...

Это был несчастный человек, но в конечном счете и счастливый, ибо он выполнил свой долг перед родным народом своим гениальным трудом, равным по силе труду сотен людей. Таков был Тораманян в моем представлении. И таким я постарался запечатлеть его на холсте.

...А описывать Ани бессмысленно. Ани надо видеть...» [3, с. 53–54].

Создавая в 1943 году примерную копию первого портрета Тораманяна, Сарьян представил крупным планом его лицо на фоне большого городища, где посреди пустынных обожженных солнцем холмов вырастают отдельные постройки и комплексы с характерными для армянских церквей формами остроконечных куполов. Несомненно, это Ани, «город тысячи и одной церкви». Образы отдельных сооружений напоминают конкретные памятники древней столицы, но в целом живописец не стремился к буквальному уподоблению, допуская вольность интерпретации обликов зданий и взаимного их расположения. Над правым плечом Тораманяна – ущелье с рекой, показанной одним голубым мазком, чуть выше – мост, а ниже и внизу – центрическая церковь с активно членящимся барабаном и складчатым или зонтичным шатром. Скорее всего, это ущелье реки Ахурян, с мостом, от которого сохранились опоры, и Девичьим монастырем (Кусанац-ванк; 1215). Справа вверху представлена гигантская трехъярусная ротонда с аркатурным оформлением стен. Это, несомненно, храм Св. Григория, построенный царем Гагиком Багратуни около 1001 года по образцу храма Звартноц. Трехъярусный объем анинской церкви изображен так, как его реконструировал Тораманян. Интерпретация аркатуры первого яруса несравненно более мощная, чем была на самом Гаггашене, и похожа на тот материально значимый ордер, который разработал Таманян для Дома Правительства советской Армении. Вверху слева – пара ансамблей, которые могли представлять постройки вблизи вышгорода и сам вышгород. На панораме не видно главного

здания Ани – кафедрального собора. Его место было бы там, где размещена закрывающая центр города голова Тораманяна – символическая аналогия между главным собором и главным исследователем армянского наследия? Возможно.

Был ли связан выбор панорамы Ани на этом портрете лишь с историей изучения Тораманяном древностей средневековой армянской столицы? Или Сарьян как один из лидеров возрождавшейся армянской культуры мог вкладывать нечто большее в изображение Ани на портрете его исследователя? Например, передачу чувства глубокой ностальгии по этому важнейшему историческому городищу, которое было утрачено вместе со всей Карсской областью в 1917, а затем в 1920 году. Недаром образ самого Тораманяна, человека сильного, мужественного и мудрого, отражает на портрете прежде всего глубокую печаль. А может, Сарьян хотел тем самым выразить надежду на возвращение городища в связи с ходом Второй мировой войны? 1943 год был ознаменован переломом в борьбе советского народа и открывал надежду на освобождение всех территорий страны, утраченных не только в ходе Второй мировой войны, но и по результатам Первой. Конечно, сложно предугадывать мысли художника, творившего в сложнейшую эпоху, только по его живописному полотну. Однако стоит помнить о масштабе национального подъема в годы Великой Отечественной. Именно тогда была создана Академия наук Армении, в том числе благодаря активной роли И. А. Орбели – ее первого президента, директора Эрмитажа, а также бывшего сотрудника Анийской экспедиции Марра, исследователя исторического Мокса, Ванской скалы и памятников на острове Ахтамар. Именно тогда была организована публикация трудов Тораманяна, изданных в двух томах в 1942 и 1946 году [10]. В 1946 году в Ереване вышла в свет монография другого участника экспедиции, Н. М. Токарского, в которой широко представлено архитектурное наследие Ани и Западной Армении [11]. Это были научные публикации последних очевидцев руин древней столицы, и это было обращение к национальному наследию в трагический и судьбоносный период, когда молодая Армянская республика, не окрепшая еще от ран геноцида 1915–1923 годов, вносила самый активный вклад в общую победу.

Это был переломный исторический момент защиты истинных культурных ценностей посреди длительной эпохи возрождения национальной культуры и собственного достоинства. И именно в это время, по прошествии четверти века создания нового генерального плана Еревана, уже можно было подводить промежуточный итог строительства новой столицы, сравнивая ее масштаб и образы с прославленной столицей прошлого.

Поэтому очевидна программная параллель между Ани и Ереваном, которую мысленно проводили в армянской интеллектуальной среде и которую образно представил Сарьян в портретах двух своих современников. Недаром оба полотна были предназначены для размещения их в здании Союза архитекторов, где и поныне находятся.

Заключение

Представленная выставка позволила взглянуть на творчество Мартироса Сарьяна с новых точек зрения, оценив его мысли в контексте тревоживших умы армянской интеллигенции проблем создания нового архитектурного языка и строительства новой столицы. Один из величайших художников XX в. предстает в роли личности, обозначающей круг архитектурно-градостроительных идей посредством создания образов ведущих зодчих и символического представления знаковых построек и городских пространств.

Литература

1. Мартирос Сарьян. Портреты : каталог выставки / сост. Л. Л. Мирзоян, Ш. Г. Хачатрян. – Москва : Советский художник, 1988. – 42 с. : 46 л. ил.
2. Солнце Сарьяна. Интервью: Светлана Сидорова. – URL: <https://kiozk.ru/article/seasons-of-life/solnce-saryana> (дата обращения: 07.07.2024).
3. Сарьян, М. С. Из моей жизни / отв. ред. Ш. Г. Хачатрян. – Москва : Изобразительное искусство, 1990. – 303 с. : ил.
4. Казарян, А. Ю. Архитектурная идея Народного дома в Ереване размышление о творческом методе Александра Таманяна // Вопросы театра. – 2014. – № 1–2. – С. 267–279.
5. Бальян, К. Архитектура Армении в поисках национальной формы // Проект Байкал. – 2020. – № 64. – С. 52–63. – DOI: <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1634>
6. Зорян, Л. Таманян. – Ереван : Советакан грох, 1978. – 40 с.
7. Казарян, А. Ю. Анийский археологический институт. Диапазон деятельности и основы достижения успеха // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 7. – Москва; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2016. – С. 9–27.
8. Медведева, М. В. Шестнадцать Анийских кампаний Н. Я. Марра: репрезентативность фотодокументов в архивном собрании ИИМК РАН // Актуальные проблемы теории и истории искусства : сб. науч. статей. Вып. 13. / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. – Москва : МГУ имени М.В. Ломоносова; Санкт-Петербург : НП-Принт, 2023. – С. 213–228. – DOI: 10.18688/aa2313-2-17
9. Казарян, А. Ю. Русские путешественники об архитектурном наследии Ани // Проект Байкал. – 2023. – 1(75). – С. 153–160. – DOI: <https://doi.org/10.51461/pb.75.31>
10. Թորամանյան, Թ. Նյութեր հայկական նարտարապետության ցանկության (Тораманян, Т. Материалы по истории армянской архитектуры). – Т. 1–2. – Ереван, 1942–1948. – Т. 1. – 403 с. Т. 2. – 307 с.
11. Токарский, Н. М. Архитектура древней Армении. – Ереван : Издательство Академии наук Армянской ССР, 1946. – XVI, 383 с. : ил.

References

- Balyan, K. (2020). Armenian architecture in search of its indigenous form. *Project Baikal*, 17(64), 52–63. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1634>
- Kazaryan, A. Yu. (2014). Arkhitekturnaya ideya Narodnogo doma v Erevane. Razmyshlenie o tvorcheskom metode Aleksandra Tamanyana [The architectural idea of the People's house at Yerevan. Reflections on artistic method of Alexander Tamanyan]. *Prosaenium. Voprosy teatra [Prosaenium. Questions of the Theatre]*, 1–2, 267–279.
- Kazaryan, A. Yu. (2016). Ani Archaeological Institute. Range of activity and what achieving headway is based on. *Questions of the History of World Architecture*, 7, 9–27.
- Kazaryan, A. Yu. (2023). Russian travellers on the architectural heritage of Ani. *Project Baikal*, 20(75), 153–160. <https://doi.org/10.51461/pb.75.31>
- Kazaryan, A. Yu., Kukina, D. A., & Medvedeva, M. V. (2022). Records “On the N. Ya. Marr’s Mission to Russian Armenia for carrying out archaeological researches there”: The first experience of excavations at Ani. *Archaeological news, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*, 37, 214–227. St. Petersburg. DOI: 10.18688/aa2313-2-17.
- Mirzoyan, L. L., & Khachatryan Sh. G. (Eds.). (1988). *Martiros Saryan. Portrety. Katalog vystavki [Martiros Saryan. Portrets. Katalog of the exhibition]*. Moscow: Sovetskiy khudozhnik.
- Saryan, M. S. (1990). *Iz moey zhizni [From my living]* (Sh. G. Khachatryan, Ed.). Moscow: Izobrazitelnoe iskusstvo,
- Saryan, S. *Solntse Saryana [Sun of Saryan]*. (Interview by S. Sidorova). Retrieved July 7, 2024, from <https://kiozk.ru/article/seasons-of-life/solnce-saryana>
- Tokarskiy, N. M. (1946). *Arkhitektura drevney Armenii [Architecture of Old Armenia]*. Yerevan: Armenian Academy of Sciences Publ. XVI.
- Toramanyan, T. (1942–1948). *Nyuter Haykakan tchartarapetutyana patmutyan [Materials on the history of Armenian architecture]* (Vol. 1–2). Yerevan: ARMFAN Publ.
- Zoryan, L. (1978). *Tamanyan*. Yerevan: Sovetakan grogh.

Статья посвящена иркутскому периоду жизни и творчества выдающегося советского и российского архитектора Колпикова Владимира Игоревича (1936–2005), председателя Иркутского отделения СА СССР (1968–1975). В ней представлены новые факты и сведения о его биографии, становлении в профессии, большом опыте практической работы в разных сферах, в том числе в соавторстве с видными мастерами 1960–1970-х. Раскрываются формирующийся интерес в поиске своего творческого пути, активная жизненная позиция и черты сибирского характера архитектора и художника. Уточняется список его проектов и построек в Иркутске и Иркутской области.

Ключевые слова: В. И. Колпиков; Иркутск; архитектор; творчество; проект; здание. /

The article is devoted to the Irkutsk period of life and work of the outstanding Soviet and Russian architect Vladimir Igorevich Kolpikov (1936–2005), chairman of the Irkutsk branch of the Union of Architects of the USSR (1968–1975). It presents new facts and information about his biography, his professional formation, his extensive practical work experience in various spheres, including co-authorship with prominent masters of the 1960–1970s. The article reveals the emerging interest in the search for his creative path, active attitude to life and features of the Siberian character of the architect and artist. The list of his projects and buildings in Irkutsk and the Irkutsk region is specified.

Keywords: V. I. Kolpikov; Irkutsk; architect; creativity; project; building.

Колпиков Владимир Игоревич: портрет сибирского архитектора / Vladimir Igorevich Kolpikov: Portrait of a Siberian architect



^ Владимир Игоревич Колпиков. Середина 1970-х. Фотография из личного архива семьи

Пожалуй, всякому знакомы ассоциации, которые вызывают у окружающих слово «сибиряк». Особенно если оно произносится не в Сибири. Сибиряк – значит человек, на которого можно положиться, надежный, выносливый, добрый, справедливый и сильный, страшный в гневе, верный в дружбе и т. п.

В. Колпиков

«Не источило легенду время...» [1, с. 3]

С Владимиром Игоревичем я познакомилась в начале 1970-х годов, учась в иркутской средней школе № 15. Нашим классным руководителем в четвертом классе стала учитель математики Колпикова Людмила Александровна. Это было время открытого общения и взаимной поддержки, почти семейных отношений. Иногда всем классом нас приглашали домой на ул. Киевскую, где в неформальной обстановке проходили тематические беседы, а муж нашей учительницы Владимир Игоревич Колпиков, известный иркутский архитектор, рассказывал нам о странах и городах, в которые он ездил с рабочими поездками, об их природе и архитектуре, на импровизированном экране показывая с помощью диапроектора цветные слайды, которые он сделал во время поездки

(в то время это было в диковину). Не раз он приходил к нам по субботам на классные часы, беседуя об истории Иркутска, о новых проектах, которые создавались группами ведущих архитекторов и им самим для города. Подробно рассказывал и показывал фотографии макетов и чертежи будущего культурного центра с музыкальным театром и Домом торжеств, мемориала «Декабристы в Иркутске», эскизы памятников, посвященных жёнам декабристов, и многое другое. Это было особенно интересно, потому что мы прикасались к какому-то таинству изменения нашего города, к тому, какой он будет в будущем, где мы будем вскоре жить, учиться и работать. Возможно, именно тогда у меня появились первые мысли о выборе профессии, которая казалась нам романтической, увлекательной и загадочной.

И позже, когда семья Колпиковых переехала жить и работать в Москву, мы не переставали постоянно общаться: писали письма, приезжали в гости, встречались. Помню, как в очередной приезд в Москву по пути в Ленинград на проектную практику (уже будучи студенткой архитектурного факультета Иркутского политехнического института) я заехала домой к Людмиле Александровне в Отрадное и застала Владимира Игоревича за работой в его живописной мини-мастерской, сооруженной на лоджии. Он непрерывно занимался творчеством, даже дома не расставался с красками и кистями, дописывая холсты после очередной прогулки с этюдником по окрестностям. Всегда увлеченный и очень занятой, при этом он оставался приветливым, общительным и очень красивым человеком – с яркими выразительными глазами, темной окладистой бородой и доброй улыбкой. Жизнь его хранила и вела, несмотря на все перипетии судьбы, и он был благодарен ей, отдавая себя всего без остатка работе, творчеству, жене, детям и друзьям. Мой рассказ об этом удивительном человеке и профессионале с большой буквы основывается на воспоминаниях и документах, которые мне предоставила его жена – Людмила Александровна Колпикова, с которой тесно общаюсь, дружу и которую нежно люблю уже более полувека.

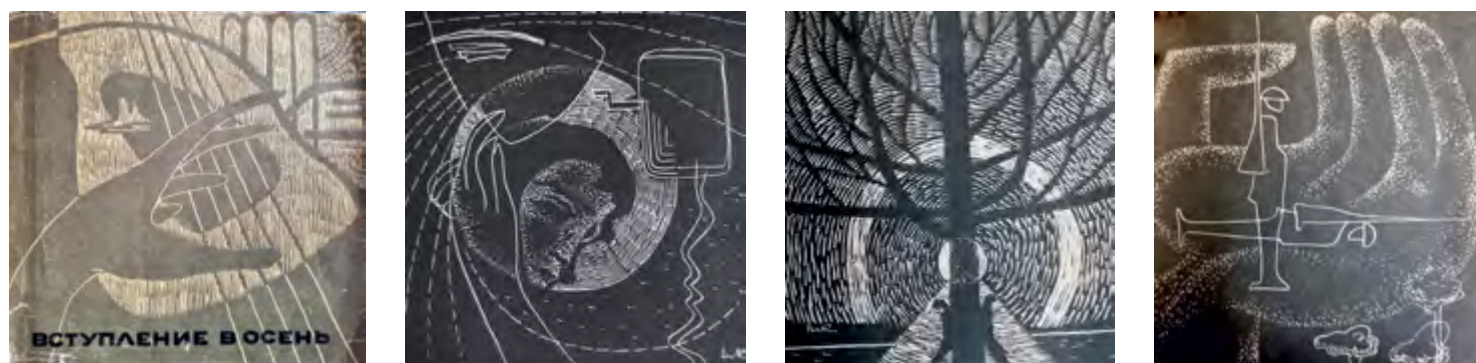
Владимир Игоревич родился 24 декабря 1936 года в Петергофе в благополучной семье государственно-

текст

Наталья Сапрыкина
Международная академия
бизнеса и новых
технологий (Ярославль)

text

Natalia Saprykina
International Academy
of Business and New
Technologies (Yaroslavl)



^ Рис. 2. Иллюстрации к книге М. Д. Сергеева «Вступление в осень» [9]

го служащего, руководителя администрации района Николая Герасимовича Герасимова. С 1930 года город находился в составе Ленинградского Пригородного района, а в 1936 году был передан в подчинение Ленсовета. В 1938 году был образован Петергофский район Ленинграда, и в Петергофе разместилась его администрация [2]. Великая Отечественная война стремительно уничтожила жизнь и надежды на будущее его близких людей: через три месяца после начала войны в сентябре 1941 года Петергоф был захвачен немецко-фашистскими войсками, родители Володи были схвачены и расстреляны оккупантами. Но судьба благоволила мальчику: чудом спасенный и оказавшийся вследствие разных событий в детском доме, он недолго пробыл в казенных стенах. Его забрал и привез после войны в суровый сибирский край потомственный транспортный строитель из Иркутской области – Колпиков Игорь Николаевич. Гибель в годы войны единственного сына его жены, а позже поездка в 1948 году на место обнаружения сбитого самолета и захоронения экипажа в Белоруссию (обнаружилась единственная уцелевшая гильза с именем

v Рис. 1. Фрагмент генплана комплекса Декабристов [5]



сына) были связаны с сильнейшими переживаниями матери: случился удар, и жизнь для нее потеряла смысл. Решение об усыновлении Игорю Владимировичу пришло спонтанно; это была единственная надежда на выздоровление Варвары Андреевны. Отправив ее домой на лечение, он поехал в Ленинград, где после блокады осталось очень много сирот без родителей. В детском доме взгляд упал на темненького худенького мальчика, который вдохновенно рисовал, погруженный в мир своих фантазий и грез, он был чем-то неуловимым похож на жену. И эти два фактора стали определяющими, что это – свой ребенок, сын. Домой они вернулись вместе, жизнь семьи стала постепенно налаживаться.

Рисование для Володи стало главным увлечением в жизни, и родители активно поддерживали его, видя талант и упорство мальчика. Поэтому после окончания школы в 1955 году в поселке Заярск Братского района было принято решение: он поедет в столицу поступать в Московский архитектурный институт, чтобы по стопам родителей строить города, дороги и магистрали, проектировать здания и сооружения. Талантливый абитуриент был по достоинству оценен и в этот же год стал студентом градостроительного факультета. Его преподавателями были выдающиеся профессора МАРХИ, архитекторы и градостроители Николай Харлампиевич Поляков (1898–1969), Виктор Вениаминович Бабуров (1903–1977), Тимофей Игнатьевич Макарычев (1904–1980).

По окончании института в 1961 году Владимир Игоревич по комсомольской путевке и собственному выбору поехал «поднимать целину» в Целиноград. Первым местом его работы стал аппарат главного архитектора города, откуда он вскоре перешел работать в институт «Целинпроект» на должность старшего архитектора, чтобы заниматься реальным проектированием и творчеством; это было ему ближе по натуре и душе. А проектировать приходилось много и разные объекты, в ряду которых были проекты реконструкции краевого драмтеатра и жилых районов Целинограда, Дома политпросвещения и комплекса отдыха в Боровом. Кроме этого, как художник он приложил свою фантазию и руки к оформлению декоративных панно в интерьерах различных зданий и сооружений. Среди них «задник»



^ Рис.3. Иллюстрации к книге Л.И. Шинкарева «Длинная командировка» [10]

танцевальной веранды на тему «Ритмы/джаз» и триптиха «Прекрасное – жизнь» (4,5 × 1,5 м) в Боровом, триптиха «Ноктюрн. Баллада. Оратория» (3 × 1 м) для краевого драмтеатра.

По итогам творческой проектной деятельности в 1964 году Владимир Игоревич был принят в члены Союза архитекторов СССР и в декабре этого же года организовал свою первую профессиональную выставку в краевом драмтеатре, где представил 60 преимущественно графических работ на разные темы, открыв тем самым своеобразную творческую страницу – художественный отчет, который станет для него регулярным традиционным событием.

Здесь же, на целине он встретил свою судьбу и будущую жену Людмилу, с которой познакомился на городских мероприятиях, где она принимала участие, работая третьим секретарем горкома и отвечая за работу школ. Молодая, стройная и красивая девушка с яркими синими глазами, застенчивой милой улыбкой стала верной спутницей жизни и постоянной музой архитектора, помогая, вдохновляя и поддерживая его во всех творческих начинаниях и проектах. В 1964 году у них родился сын Андрей, ставший достойным продолжателем династии архитекторов.

В 1965 году Владимир Игоревич с семьей вернулся в родной сибирский край: он переехал в Иркутск и пришел в недавно организованный и активно развивающийся проектный институт «Иркутскгражданпроект», куда его пригласили на работу на должность главного архитектора проектов. Это был очень вдохновенный и плодотворный период, когда вокруг было много коллег-единомышленников, говорящих на одном языке и делающих одно дело, много новых тем и территорий, много индивидуальных архитектурных и градостроительных проектов, несмотря на то, что это был расцвет модернизма, в основе которого в качестве приоритетов были унификация, типизация и стандартизация [3, с. 76–78].

Перечень его основных проектов и построек за десятилетний период жизни и работы в Иркутске, приведенный на страницах журнала «Проект Байкал. Шестидесятники» (№ 39–40, 2014), сравнительно невелик: проект Дворца гражданских обрядов в составе Культурного центра

(продолжил работу после отъезда Б. Халдеева); учебный корпус медицинского института по ул. 3 Июля; плавательный бассейн на площади Конституции (проект); реконструкция фасадов зданий и благоустройство ул. Урицкого; административное здание Аэрофлота по ул. Декабрьских Событий; здание ВАМИ, пристрой (вторая очередь) совместно с В. Сухановым (каркасный блок, примыкающий под прямым углом к блоку Л. Крупской) по ул. Советская, 55» [4, с. 187].

Но, конечно, список значительно шире. Благодаря сохранившейся биографической справке в личном архиве семьи можно значительно его восполнить. Кроме упоминаемых выше объектов, в нем перечислены разные известные и малоизвестные проекты и постройки в Иркутске: жилой район «Лисиха» в низовье р. Ангары и кафе «Золотой петушок» (1965), спортивный корпус с двумя залами и плавательным бассейном (1965), предместная площадь города (1967) и благоустройство острова Юность (1974), производственный и лабораторный корпуса института редких металлов (ВАМИ) и торгово-общественный центр Советского района (по ул. Советской (?) в Иркутске (1969), коммунально-строительный техникум (1970), обелиск в честь награждения Иркутска орденом В. И. Ленина (1968) и музей трудовой славы (1971), спецучилище «Интурист» (1971) и проект ресторана «Интурист» (1974), реконструкция Дворца пионеров (бывш. «Дом Глотова») (1974) и туристская гостиница на 850 мест (1975).

Кроме этого, в нем приведен целый ряд объектов по Иркутской области: Дом культуры в с. Хомутово (1967), детский сад в г. Братске, проект благоустройства поселка Усть-Орда (1966), пионерлагерь «Лукоморье» издательства «Восточно-Сибирская правда» на 51 км Байкальского тракта (1968), городок интуриста на Байкале в пос. Голоустное (1972), прогнозный комплексный проект заповедной зоны отдыха на юго-западе озера Байкал (1971), юбилейный комплекс «25 лет Ангарстроя» в Братске (1971) и многое другое [5].

Особое место в данном перечне занимает проект мемориального комплекса «Декабристы в Сибири» (так первоначально назывался проект в биографической справке), который длился весь период пребывания

> Рис. 4. Общий вид центра. Фото с макета. 1970-е. Авторы-архитекторы: В. С. Воронежский, В. А. Павлов, В. Ф. Бух, В. И. Колпиков, В. Е. Суханов, Б. Халдеев, И. А. Дагданова, А. А. Папанян и др. [11, с. 30]



^ Рис. 5. Главный архитектор проектов института «Иркутскгражданпроект» В. Колпиков (в центре) знакомит молодых архитекторов с проектом застройки одного из микрорайонов города Иркутска. Фото В. Лысенко. 1972 [12]

Владимира Игоревича в Иркутске. Работа началась сразу же по приезде в Иркутск в 1965 году, когда ему дали задание составить проект благоустройства переулка имени Волконского. Идея создания мемориального комплекса декабристов возникла еще в середине шестидесятых годов. С этого известного имени начался поиск исторических фактов и объектов – усадеб, связанных с жизнью декабристов, встречи и консультации со специалистами, изучение трудов современников декабристов и декабристоведов. В итоге родилась идея создания мемориального комплекса декабристов как памятника культуры с привлечением уникальных специалистов по реставрации памятников деревянного зодчества. В их числе были Васильев Леонид Сергеевич, Оранская Галина Геннадьевна, Барановский Евгений Юрьевич и московский трест «Росреставрация», у которого, несмотря на его «молодость», за плечами уже были подобные работы в других городах (например, в Шушенском). «Первым определенно высказался о ней тогда еще молодой архитектор, теперь главный архитектор проектов института “Иркутскгражданпроект” В. И. Колпиков» [6, с. 4]. Были единомышленники среди жителей города и общественных организаций, которые убеждали, помогали поверить в идею. Среди них – работники Общества охраны памятников, краеведы, поклонники декабрьской тематики и любимого города, деятели культуры, журналисты, писатели, в том числе известный сибирский писатель поэт Марк Давидович Сергеев, книга которого «Своей судьбой гордимся мы» имела большой успех и помогала в переговорах об увековечивании памяти декабристов.

Но проект комплекса родился не сразу, это был путь проб и ошибок, ярких идей и сомнений. Вначале была идея строительства подземного «Пантеона декабристов», устройство «Аллеи пяти казненных», уголок воспоминаний о Петербурге со звеном Летнего сада. Но в итоге, по мнению автора, было принято единственно правильное и одновременно простое решение, близкое к реальной жизни декабристов, – это восстановление мемориальных усадеб, соединенных улицей старинных домов, с церковью, где их венчали, крестили детей и отпевали; во всем этом была правда эпохи (рис. 1). «Они шли на восстание и в Сибирь без театральной

аффектации и прожили жизнь в простых, а потому особенно значительных заботах. И памятник им будет прост и доступен каждому. Основная задача его – реставрация усадеб Волконского и Трубецкого, создание музея в доме Кузнецова, реставрация Преображенской церкви и площади вокруг нее. Из центральной части будут перенесены в эту заповедную часть наиболее ценные в архитектурном и историческом плане деревянные дома первой половины XIX века – это создаст достоверный историко-архитектурный фон для мемориала» – так было написано в очерке о проекте в газете «Восточно-Сибирская правда» в 1975 году [7, с. 4].

Исполком Иркутского городского Совета депутатов практически с самого начала поддержал идею установления заповедной зоны деревянного зодчества в районе, ограниченном улицами Дзержинского, Октябрьской революции, Фридриха Энгельса и Декабрьских событий.

Проектом предполагались консервация и частичное воссоздание части старого Иркутска эпохи декабристов. Общая площадь территории комплекса определялась в 50 га и включала в себя, кроме домов С. Г. Волконского и С. П. Трубецкого, ряд зданий, исторически связанных с пребыванием и деятельностью декабристов в Иркутске. Среди них – Сиропитательный дом Е. Медведниковой (где учились дети декабристов), Преображенская церковь, дом гражданского губернатора (известный как дом купца Е. А. Кузнецова), дом сибирского генерал-губернатора в 1819–1822 графа М. М. Сперанского, а также ряд ценных деревянных построек первой половины – середины XIX века. Уже в конце декабря 1970 года состоялось открытие в Иркутске Дома-музея декабристов – филиала Иркутского областного краеведческого музея. Первая выставка называлась «Декабристы в Иркутске».

В 1973 году первый этап работы над мемориалом был окончен. Было принято решение исполкома Иркутского городского Совета депутатов трудящихся «О создании историко-мемориального комплекса “Декабристы в Иркутске”» и была открыта постоянная экспозиция «Декабристы в Восточной Сибири», рассказывающая о 30-летнем периоде пребывания декабристов на каторге и поселении.



^ Рис. 6. Дворец гражданских обрядов. Аксонометрия, макет и интерьер зала бракосочетания. Архитекторы Б. Халдеев, В. Колпиков, В. Суханов (фото из журнала «Архитектура СССР») [11, с. 30, 38]

В это же году архитектором по собственной инициативе был подготовлен и прочитан цикл лекций об этом проекте среди коллег и общественности города, выполнены эскизы памятника женам декабристов. «В течение года в Доме-музее декабристов проведено четыре литературно-музыкальных салона. Самые значимые: встреча с актрисами театра кукол и монгольскими студентами; встреча «Прошлое, настоящее, будущее Иркутска» (с архитектором В. А. Колпиковым, профессором Ф. А. Кудрявцевым)», – так описаны события тех лет в летописи Иркутского областного историко-мемориального музея [8].

В конце 1974 года проект генплана мемориального комплекса был доработан, утвержден на местном уровне и отправлен в Москву в трест «Росреставрация» и Министерство культуры РСФСР, где его ждало новое рассмотрение, возможные дальнейшие корректировки и продвижение в жизнь.

Эта работа позволила Владимиру Игоревичу не только погрузиться в мир и историю выдающихся людей страны и Сибири, но и познакомиться с широким кругом современных деятелей культуры и истории, писателями и поэтами сибирского города, которые активно участвовали в становлении мемориального комплекса – дома-музея Трубецких, в открытии и работе литературно-музыкального салона, клуба-студии театрального училища.

Результатом этого стало новое увлечение и вид творческой деятельности архитектора – оформление и иллюстрирование книг. В их числе книги сибирских писателей, поэтов и журналистов Марка Давидовича Сергеева «Вступление в осень» (1966) (рис. 2), Леонида Иосифовича Шинкарева «Длинная командировка» (1968) (рис. 3), Анатолия Михайловича Шастина «Пират» (детская серия издательства «Восточно-Сибирская Правда», 1967). Как художник он попробовал себя в создании плакатов, в оформлении мероприятий, продолжал участвовать в выставках. Так, в областном конкурсе, посвященном 100-летию В. И. Ленина, Владимир Игоревич получил первую премию за плакат «Плюс электрификация» (1969) и в этом же году организовал свою очередную отчетную выставку в Доме Союза архитекторов по теме: архитектура, живопись, графика. Спустя три года он принял участие в оформлении международного симпози-

ума на Байкале «Физика магнитных пленок», был отмечен знаком книжно-журнальной графики (1972). В 1973 году ему доверили оформить раздел архитектуры на иркутском телевидении. Кроме этого, архитектор выполнил и реализовал проекты интерьеров Дома политпросвещения и кинотеатра «Хроника» (1968), Дома Советов (1972) и Дома дружбы (1973) в Иркутске [5].

Другим не менее значимым творением для архитектора стал проект Дворца гражданских обрядов в структуре ансамбля нового культурного центра Иркутска (совместно с Б. Халдеевым, не осуществлен), за который коллектив авторов в 1971 году был удостоен Диплома третьей степени Иркутского областного комитета ВЛКСМ.

Все началось с концепции проекта нового комплекса культурного центра, разработанного авторским коллективом (архитекторы В. С. Воронежский, В. А. Павлов, В. Ф. Бух, В. И. Колпиков, В. Е. Суханов, Б. Халдеев, И. Б. Дагданова, А. А. Папанян), обращенного к Ангаре и расположенного рядом с Центральным парком культуры и отдыха и памятником архитектуры XVIII в. – Крестовоздвиженской церковью. По мнению ведущих специалистов-градостроителей, в формировании архитектурно-художественного облика городов большую роль должны были играть общественные центры или крупные комплексы общественных зданий и сооружений, площади, имеющие градостроительное значение. Поэтому особое внимание было уделено формированию именно такого образования в историческом городе, которого не хватало «для типично старинного купеческого города с разностильными сооружениями и узкими интимными, уютными улицами» [11, с. 31].

Основой реконструкции центра Иркутска стал проект его детальной планировки, разработанный ЦНИИП градостроительства, для которого город уже не первый год служил своеобразным полигоном, где применялись последние достижения градостроительной науки и практики. По проекту центр, развиваясь, выходил на три холма, амфитеатром спускающихся к Ангаре в районе острова Юность. Здесь формировались три крупных комплекса: культурный, административный и туристический, связанные единой пешеходной системой.



^ Рис. 7. Участники пленума творческих союзов (слева направо): художник А. Шипицын, артистка ТЮЗа О. Филатова, архитектор В. Колпиков, кинематографист Б. Лапин, артисты Драматического театра В. Сизова и В. Венгер, журналист Н. Матханова, писатель Г. Машкин. 1973 [14]

Новый культурный центр города, являющийся важным элементом системы городского центра и объединяющий Музыкальный театр, библиотеку, информационный центр и Дворец гражданских обрядов, стал примером творческого поиска архитектурно-градостроительного решения, выполненным на новом качественном уровне (рис. 4).

Это было время, когда на фоне модернизма все активнее и настойчивее стали проступать черты постмодернизма, уже достаточно широко распространившегося за рубежом. Но дерзким и новаторским мыслям было очень непросто пробиться, сломать устоявшиеся доктрины декларируемого стилистического предпочтения в СССР. С одной стороны, раздавались восторженные отклики, с другой – звучала критика, в том числе на страницах журнала «Архитектура СССР», где указывалось на «издержки архитектуры» иркутских архитекторов: недостаточное функциональное и архитектурно-композиционное единство отдельных его сооружений, разнохарактерность, авторы обвинялись в формализме, поиске ложной выразительности, надуманности решений.

Не обошла эта участь и Дворец гражданских обрядов. На страницах «Восточно-Сибирской правды» 25 ноября 1972 года был опубликован восторженный отзыв на проект «Дворца»: «Пройдет немного лет, и мы с вами <...> будем отмечать золотые свадьбы, давать имена своим детям, получать паспорта в Доме гражданских обрядов по проекту архитекторов В. Колпикова и Б. Халдеева. И после нас придут другие и будут восхищаться нашим городом, потому что в облике его будет заложена мечта о будущем, представление о прекрасном и целесообразном, забота о благе человека наших молодых архитекторов» [12, с. 4] (рис. 5). Профессиональные критики резко «приземлили» пафос восторга от многих идей иркутских архитекторов: «В последнее время участились случаи искажения реалистической направленности советской архитектуры. <...> Яркими примерами такого «формотворчества» могут служить сооружаемые в Иркутске здания гражданских обрядов, где практически нет ни одной прямой линии или, наоборот, весь в «прямых» объемах ступенчатый «зиккурат» вычислительного центра с многочисленными плоскими, явно не для иркутского климата кровлями. Слишком увлеклись игрой

объемов и скошенными их завершениями архитекторы, запроектировавшие сложный комплекс общежитий пединститута в Иркутске...» [11, с. 37–38].

Спустя полвека можно уверенно говорить, что все было оправданно, и это были отнюдь не «издержки». Талантливые архитекторы творчески, даже «с огоньком» (как писал один из авторов критического очерка) подошли к разработке каждого из проектов, упорно искали новые решения, свой «иркутский почерк» в архитектуре, пробуя разные методы, формы, смыслы, образы, пробивая новые стратегии в проектной деятельности.

Суть концепции «Дворца» состояла в том, что это было универсальное здание, где предполагалась не только регистрация браков, но и совершение других гражданских обрядов: регистрация новорожденных, свадебные юбилеи, проводы в армию, вручение паспортов, а также планировалось заверять нотариальные акты. Именно поэтому проект здания отличался сложной композиционной структурой, где формировалось несколько входных групп, чтобы можно было одновременно и удобно проводить разноплановые мероприятия.

Главный зал для регистрации браков проектировался просторным, торжественным, с высокими потолками и был рассчитан на большое количество посетителей. Вход в него планировалось сделать свободным, с широкими лестницами. Для камерных мероприятий предусматривались небольшие помещения также с отдельными входами (рис. 6).

Мягкая, обтекаемая линия контура здания струилась как линия жизни, непрерывно и последовательно, делая остановки, восклицания и продолжая вновь создавать рисунок ритма человеческой судьбы. Это решение было глубоко философично для авторов, что, к сожалению, не увидели, не разглядели, не поняли и не дали до конца реализовать. «Коробка здания была уже возведена, но неожиданно стройка остановилась. Теперь уникальный объект искажен и приспособлен под автомобильный центр», – вспоминал коллега авторов Люциан Федорович Антипин [13].

В этот период было обыденным явлением, когда какое-то авангардное, спорное по мнению критиков и власти здание замораживалось на определенной стадии



< Рис. 8. Поездка в Японию. В. И. Колпиков фотографирует океан. 1969 [5]

реализации, а спустя какое-то время либо перестраивалось, либо разбиралось. Сегодня мы сожалеем о таких потенциально значимых и неординарных объектах, которые остались только на страницах журналов, газет в виде фрагментов проектных набросков, фотографий с макетов. Это были опережающие свое время проекты в стиле необрутализма, постмодернизма, структурализма, хай-тека, символизирующие новый виток развития архитектурных тенденций в мире, но пока еще не принятые, выбивающиеся из ортодоксальной «реалистической направленности». Современники ярко описывали впечатление о творчестве Владимира Игоревича: «Вспоминается выставка работ иркутских архитекторов, проходившая два года назад в Доме дружбы (в 1973 – авт.). Проекты Колпикова вызвали споры если не чаще всего, то были они жарче всего. И сводились к одному: «Разве это возможно? Такого не бывало!» [7, с. 4]. Как показало время, именно такие проекты прокладывали дорогу для новой архитектуры, служили своеобразными маяками, освещающими своими лучами путь для новых поколений творцов и создателей.

К счастью, многие из этих «маяков» В. И. Колпикова состоялись и были реализованы в структуре города. Среди них – новый корпус мединститута, туристская гостиница в микрорайоне Солнечный?; одной из последних его работ в Иркутске стал проект реконструкции Дворца пионеров.

Не менее плодотворной и разнообразной была личная и общественная жизнь архитектора. В 1970 году в семье произошло радостное событие: родилась дочь Анастасия. Артистичная с детства, большая выдумщица и «маленький вечный двигатель» – «вся в папу», она в будущем нашла свое призвание в театре, стала ведущей актрисой Московского театра на Таганке, заслуженной артисткой России.

За время жизни на Иркутской земле Владимир Игоревич не просто активно участвовал в деятельности Иркутского отделения Союза архитекторов СССР, но и в 1968 году (так написано в биографической справке архитектора) был избран председателем ее правления, где работал вплоть до 1975 года, оставил добрые воспоминания коллег и иркутян о своей деятельности

на этом посту: «Колпиков Владимир Игоревич, избранный председателем правления после отъезда Нечволодова, первоочередной задачей поставил организовать для архитекторов свое клубное помещение, подобное тому, что уже были у иркутских писателей, художников, артистов. И к 1973 году организация СА получила цокольный этаж особняка на улице Чкалова. После ремонта и обустройства свой дом стал любимым местом встреч архитекторов» [3, с. 77]. Последним личным признанием архитектору из Сибири стало благодарственное письмо в связи со знаменательной датой – 70-летним юбилеем Иркутской организации Союза архитекторов России, подписанное заместителем главы администрации Иркутской области Е. В. Королевым в 2005 году, в год смерти архитектора.

1970-е годы были наполнены большим количеством событий для архитектора: став в 1971 году делегатом V Съезда архитекторов СССР, В. И. Колпиков был избран в состав центрального правления СА СССР. В это же время как руководитель секции архитекторов принимал участие в VII областной конференции «Молодость. Творчество. Современность», где был удостоен Диплома первой степени Иркутского областного комитета ВЛКСМ за большую работу в подготовке и проведении конференции, посвященной 50-летию образования СССР (рис. 7).

В июне 1973 года Владимир Игоревич принял участие в специальном VI Пленуме правления СА СССР, который состоялся в Алма-Ате и был посвящен проблемам архитектуры жилища и массовых типов общественных зданий [15]. Наравне с ведущими советскими архитекторами, теоретиками и практиками жилищного и общественного строительства из всех союзных республик – лауреатом Государственной премии РСФСР архитектором Ф. А. Новиковым, главным архитектором Таллина Д. В. Брунц, председателем правления Московского отделения Союза архитекторов СССР В. А. Нестеровым и многими другими, председателем Иркутского отделения Союза архитекторов СССР принимал участие в обсуждении насущных проблем, делился достижениями и идеями, перенимал опыт коллег с всей страны.

> Рис. 9. Архитекторы Иркутска встречают коллег из Японии (в центре группы – В. И. Колпиков)



Кроме этого, было и несколько зарубежных творческих поездок: в Японию (1969) и на семинар Международного Союза архитекторов в Румынию (1972). Они дали ему новый творческий импульс и вдохновение для создания оригинальных архитектурных решений, остались во многих набросках, фотографиях и воспоминаниях, которыми он щедро делился с коллегами, друзьями, учениками (рис. 8, 9).

«Да, Колпикову не откажешь в проницательности. Может быть, это особенность профессии – архитектор постоянно мыслит категориями будущего. А вернее – широкая эрудиция помогает ему в глуби веков искать и находить истоки явлений современности. И по тому, что он делает в архитектуре и как он это делает, его вероятнее причислить к тому типу людей по-особому счастливых, для которых идея, еще лишь носящаяся в воздухе – уже творческий импульс, поиск приложения своих сил», – так описывали творческий характер Владимира Игоревича в прессе [7, с. 4].

Параллельно с творческой и общественной работой В. И. Колпиков пробовал себя и в преподавательской деятельности в Иркутском училище искусств, где с 1970 по 1975 год (вплоть до отъезда из Иркутска) вел курс «Основы архитектуры и композиции», передавая свои знания и подходы подрастающим поколениям художников Сибирского региона.

В 1975 году Владимир Игоревич стал делегатом очередного VI съезда СА СССР и получил официальное приглашение переехать в Москву от Главного управления по строительству БАМ, заниматься стратегической стройкой века: вдоль возводимой крупнейшей железнодорожной магистрали от Восточной Сибири до Дальнего Востока проектировать и строить новые города и поселки, здания и сооружения, создавать новую социалистическую мечту.

Казалось бы, все прекрасно и благополучно, но неуёмная душа (эта формулировка личности архитектора звучит именно так в благодарственном письме) требовала новых путей и открытий, новых видов деятельности. Новая стройка, ее размах и перспективы манили и рисовали в воображении архитектора грандиозные проекты, возможности и перспективы. В январе 1976 года

Владимир Игоревич решил на переезд: сначала в Москву главным архитектором СКБ Главстройпрома. Там он в основном выезжал в длительные и частые командировки на трассу, а в конце года уехал вместе с семьей в Тынду работать главным архитектором СКТБ Главбамстроя, где продолжил профессиональную деятельность вплоть до декабря 1982 года. Но это уже следующая страница жизни, которая достойна того, чтобы стать отдельной историей творческого и жизненного пути замечательного профессионала и человека с сибирским характером.

Список проектов и построек В. И. Колпиковав в Иркутске и Иркутской области (из биографической справки)

1965

- жилой микрорайон «Лисиха» в низовье реки Ангары
- кафе «Золотой петушок»
- плавательный бассейн со спортзалом
- начало работы над мемориалом «Декабристы в Иркутске»

1966

- благоустройство центра пос. Усть-Орда
- культурный центр г. Иркутска

1967

- Дом культуры в с. Хомутово
- жилой дом станкостроительного завода в г. Иркутске
- предместная площадь в г. Иркутске

1968

- пионерлагерь «Лукоморье» издательства «Восточно-Сибирская правда» на 51 км Байкальского тракта
- обелиск в честь награждения Иркутска орденом В. И. Ленина
- интерьер Дома политпросвещения в г. Иркутске
- интерьеры кинотеатра «Хроника» в г. Иркутске

1969

- производственный и лабораторный корпуса института редких металлов в г. Иркутске
- торгово-общественный центр Советского района (по ул. Советской?) в Иркутске

1970

- комплекс коммунально-строительного техникума в г. Иркутске

1971

- юбилейный комплекс «25 лет Ангарстроя» в г. Братске
- музей трудовой славы в г. Иркутске
- спецучилище Интурист в г. Иркутске
- прогнозный комплексный проект заповедной зоны отдыха на юго-западе озера Байкал

1972

- городок интуриста на Байкале в пос. Голоустное
- Дворец гражданских обрядов в системе культурного центра г. Иркутска
- интерьеры Дома Советов в г. Иркутске

1973

- здание центральной диспетчерской службы Облавто-транса в г. Иркутске
- новый учебный корпус мединститута в г. Иркутске
- окончание первого этапа работы над мемориалом «Декабристы в Иркутске»
- разработка эскизов памятника женам декабристов

1974

- благоустройство острова Юность в г. Иркутске
- реконструкция Дворца пионеров (бывш. «Дом Глотова») в г. Иркутске
- проект ресторана «Интурист» в г. Иркутске

1975

- туристическая гостиница на 850 мест в г. Иркутске
- разработка эскизов памятника Ю. А. Гагарину
- генплан мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске» [5]

Литература

1. Колпиков, В. Не источило легенду время... // Советская молодежь. – 1975. – 26 июля.
2. Большая российская энциклопедия : Интернет-портал. – URL: <http://bigenc.ru/c/petergof-097037> (дата обращения: 10.06.2024).
3. Антипин, Л., Григорьева, Е., Ляпин, А. Хроника Иркутской организации Союза архитекторов СССР – РФ / Летопись Иркутской организации Союза архитекторов СССР – РФ // Проект Байкал. – 2015. – № 12 (44). – С. 74–82. – DOI: <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.44.834>.
4. Колпиков Владимир Игоревич (1938–2004) // Проект Байкал. – 2014. – № 11 (39–40). – С. 187. – DOI: <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.39-40.661>.
5. Владимир Игоревич Колпиков (биографическая справка). Личный архив семьи Колпиковых.
6. Преловская, Б. Сюда не зарастет народная тропа... // Восточно-Сибирская правда. – 1974. – 28 дек.
7. Преловская, Б. Обязаны самым лучшим. Декабристы в Сибири // Восточно-Сибирская правда. – 1975. – 24 янв.
8. Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов. – URL: <https://imd38.ru/about/chronicle/> (дата обращения: 07.06.2024).
9. Сергеев, М. Д. Вступление в осень : Книга новых стихов и переводов. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. – 108 с.
10. Шинкарев, Л. И. Длинная командировка. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. – 226 с.
11. Васильченко, В. Новосибирск, Томск, Иркутск. Некоторые проблемы формирования архитектурно-художественного облика городов Сибири // Архитектура СССР. – 1980. – № 2. – С. 24–43.
12. Главный архитектор проектов института «Иркутскгражданпроект» В. Колпиков (в центре) знакомит молодых архитекторов с проектом застройки одного из микрорайонов города Иркутска / Текст к снимку // Восточно-Сибирская Правда. – 1972. – 25 ноября.

13. Дворец гражданских обрядов превратился в автоцентр / Дома, которые не построили (нереализованные архитектурные проекты города Иркутска) // ИРКИПЕДИЯ – портал Иркутской области: знания и новости. – URL: http://irkipedia.ru/content/doma_kotorye_ne_postroili_nerealizovannye_arhitekturnye_proekty_goroda_irkutska?ysclid=lxdq9egdhr774865583 (дата обращения: 17.05.2024)

14. Дороги к людским сердцам // Советская молодежь. – 1973. – 27 янв.

15. Орлов, Г. Шестой съезд советских архитекторов // Архитектура СССР. – 1975. – № 11. – С. 1–25.

References

Antipin, L., Grigorieva, E., & Lyapin, A. (2015). Chronicle of the Irkutsk Organization of the Union of Architects of the USSR-RF. *Project Baikal*, 12(44), 74-82. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.44.834>

Big Russian Encyclopedia (2023). Petergof. Retrieved June 10, 2024, from <http://bigenc.ru/c/petergof-097037>

Doma, kotorye ne postroili (nerealizovannye arkhitekturnye proekty goroda Irkutsk) [Houses that were not built (unrealised architectural projects of Irkutsk)] (n.d.). *IRKIPEDIA*. Retrieved May 17, 2024, from http://irkipedia.ru/content/doma_kotorye_ne_postroili_nerealizovannye_arhitekturnye_proekty_goroda_irkutska?ysclid=lxdq9egdhr774865583

Dorogi k lyudskim serdtsam [Roads to people's hearts]. (1973, January 27). *Sovetskaya molodezh*.

Glavnyi arkhitekto proektov instituta "Irkutskgrazhdanproekt" V. Kolpikov (v tsentre) znakomit molodykh arkhitektorov s proektom zastroiki odnogo iz mikroraiionov goroda Irkutsk [V. Kolpikov (centre), chief architect of the Irkutskgrazhdanproekt Institute, introduces the development project for one of the Irkutsk micro-districts to young architects] [Photo caption]. (1972, November 25). *Vostochno-Sibirskaya Pravda*.

Irkutsk Regional Historical and Memorial Museum of Decembrists. (n.d.). *Letopis muzeya [Chronicle of the museum]*. Retrieved June 7, 2024, from <https://imd38.ru/about/chronicle/>

Kolpikov, V. (1975, July 26). Ne istochilo legendu vremya... [Time has not exhausted the legend...]. *Sovetskaya Molodezh*.

Kolpikov Vladimir Igorevich (1938-2004). (2014). *Project Baikal*, 11(39-40), 187. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.39-40.661>

Orlov, G. (1975). Shestoi syezd sovetskikh arkhitektorov [The Sixth Congress of Soviet Architects]. *Architecture of the USSR*, 11, 1-25.

Prelovskaya, B. (1974, December 28). Syuda ne zarasten narodnaya tropa... [The people's path thereto will never be overgrown...]. *Vostochno-Sibirskaya Pravda*.

Prelovskaya, B. (1975, January 24). Obyazany samym luchshim. Dekabristy v Sibiri [We owe the best. Decembrists in Siberia]. *Vostochno-Sibirskaya Pravda*.

Sergeyev, M. D. (1967). *Vstuplenie v osen: Kniga novykh stikhov i perevodov [Entry into autumn: A book of new poems and translations]*. Irkutsk: East-Siberian Book Publishing House.

Shinkarev, L. I. (1968). *Dlinnaya komandirovka [A long business trip]*. Irkutsk: East-Siberian Book Publishing House.

Vasilchenko, V. (1980). Novosibirsk, Tomsk, Irkutsk. Nekotorye problemy formirovaniya arkhitekturno-khudozhesvennogo oblika gorodov Sibiri [Novosibirsk, Tomsk, Irkutsk. Some problems of formation of architectural and artistic appearance of Siberian cities]. *Architecture of the USSR*, 2, 24-43.

Vladimir Igorevich Kolpikov (biographical note). (n.d.). *Personal archive of the Kolpikov family*.

текст
Олег Романов
 Санкт-Петербургский
 государственный
 архитектурно-
 строительный университет
 text
Oleg Romanov
 St. Petersburg State
 University of Architecture
 and Civil Engineering
 Иллюстративный материал
 предоставлен заведующим
 кафедрой дизайна
 пространственной среды
 Санкт-Петербургского
 государственного
 университета
 промышленных технологий
 и дизайна А. Н. Фешиным.

Статья посвящена деятельности выдающегося теоретика и практика архитектуры Санкт-Петербурга Б. Г. Устинова. Описываются его новаторские разработки и проекты. Подчеркивается значение педагогической деятельности Устинова, упоминаются его учебные пособия, ставшие хрестоматийными.

Ключевые слова: Борис Георгиевич Устинов; подземный вестибюль Эрмитажа; архитектурные проекты; педагогическая деятельность; «школа Устинова»; Дворец бракосочетаний Выборгского района. /

The article is devoted to the activity of B. G. Ustinov, an outstanding theoretician and practitioner of architecture of St. Petersburg. His innovative solutions and projects are described. The author emphasizes the importance of Ustinov's pedagogical activity and mentions his textbooks, which have become well-known.

Keywords: Boris Georgievich Ustinov; underground vaults of the Hermitage; architectural projects; pedagogical activity; Ustinov's School; Marriage Registration Hall of the Vyborgsky District.

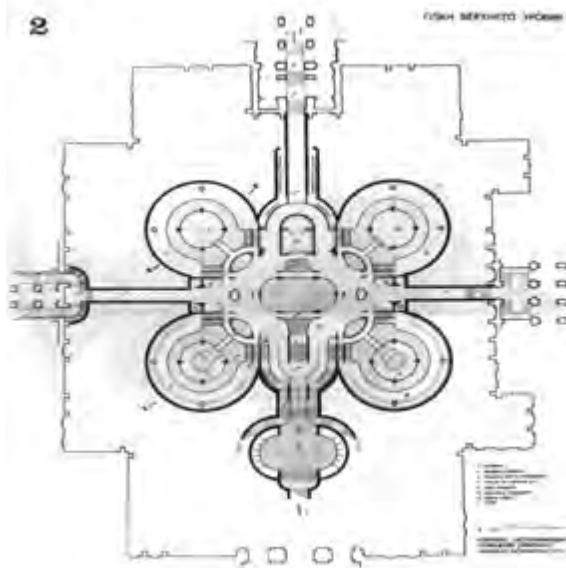
Борис Георгиевич Устинов – архитектор и учитель / Boris Georgievich Ustinov, architect and teacher

Помимо традиционной системы архитектурного образования, у каждого из нас есть учителя – личности, дополнительно формирующие творческие позиции и взгляды. Таким учителем для меня лично был Борис Георгиевич Устинов. Не будучи знаком с ним в начале своей профессиональной деятельности, я учился у него уже по его работам, смелым и неожиданным проектам.

Работая в институте Гипротееатр, он создал проект подземного вестибюля Эрмитажа под парадным двором – сквером Зимнего дворца. Сама идея в те времена (1973) была на грани фантастики по пространственному решению и по исполнительским возможностям. Тем не менее Борис Георгиевич сделал остроумный проект как функционально обоснованный, так и органично вписанный в выделенное пространство. Было разработано два варианта вестибюльной группы помещений. Главная особенность обоих вариантов – отзвук архитектуры Зимнего дворца – «барочная пластика» как наружных строений, так и внутреннего современного функционального построения (рис. 1; 2; 3; 4). Верхний свет органично сочетался с ландшафтом сквера (рис. 5; 6). Борис Георгиевич писал: «Разработка двух вариантов была рождена разнородностью пространственного развития одного и того же функционального содержания. Первое решение построено как совокупность «улиц», второе – как совокупность «площадей». Уже позднее, в восьмидесятые годы идеи, опыт и примеры дерзких предложений Устинова помогли моей команде в проектных попытках организации подземного пространства под площадью Искусств и курдонёром Михайловского дворца – главного здания Государственного Русского музея.

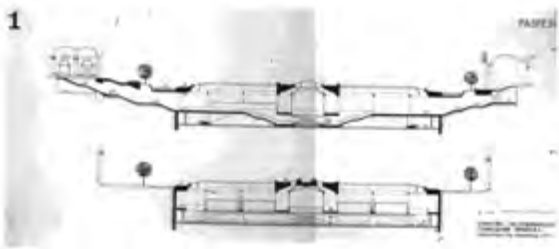
Необходимо отметить резкое неприятие некоторых нормативов, СНИПов и т. п. документов Борисом Георгиевичем. Это не позволило ему в полной мере реализоваться в реальной проектной деятельности. Позднее он полностью проявил себя в преподавании, фактически создав «Школу Устинова» при кафедре «Дизайн пространственной среды» в СПбГУПТД.

Всегда, в любом проекте Борис Георгиевич поражал новизной подхода и неожиданностью объемно-пространственного решения. Таким был реализованный проект здания Дворца бракосочетаний Выборгского района.



^ Рис. 1, 2

Сегодня это здание взято под охрану как выдающееся произведение архитектуры советского времени (рис. 7). Привычная схема сложившегося процесса бракосочетания была смело реформирована. Им был предложен



^ Рис. 5, 6



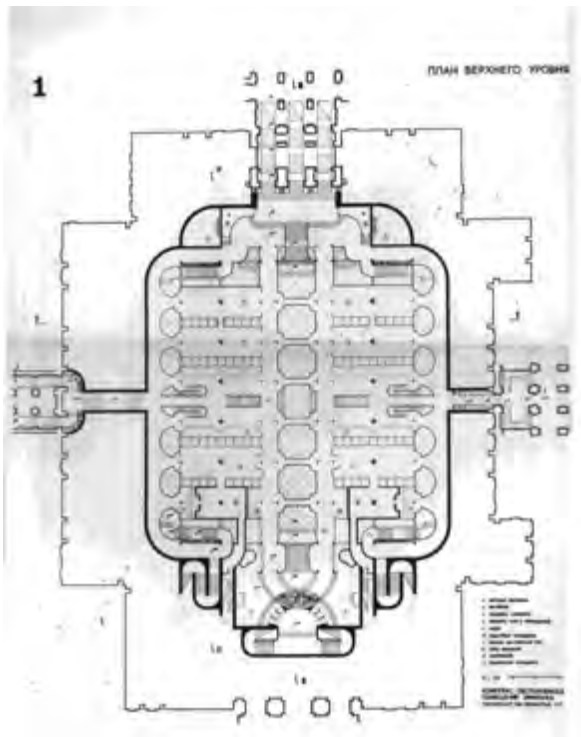
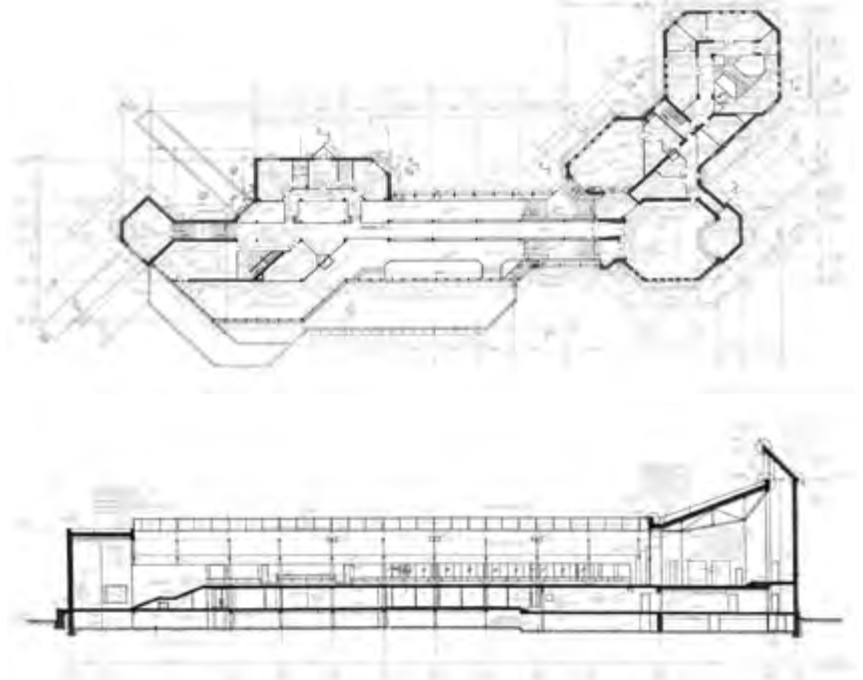
^ Рис. 7



v Рис. 3, 4



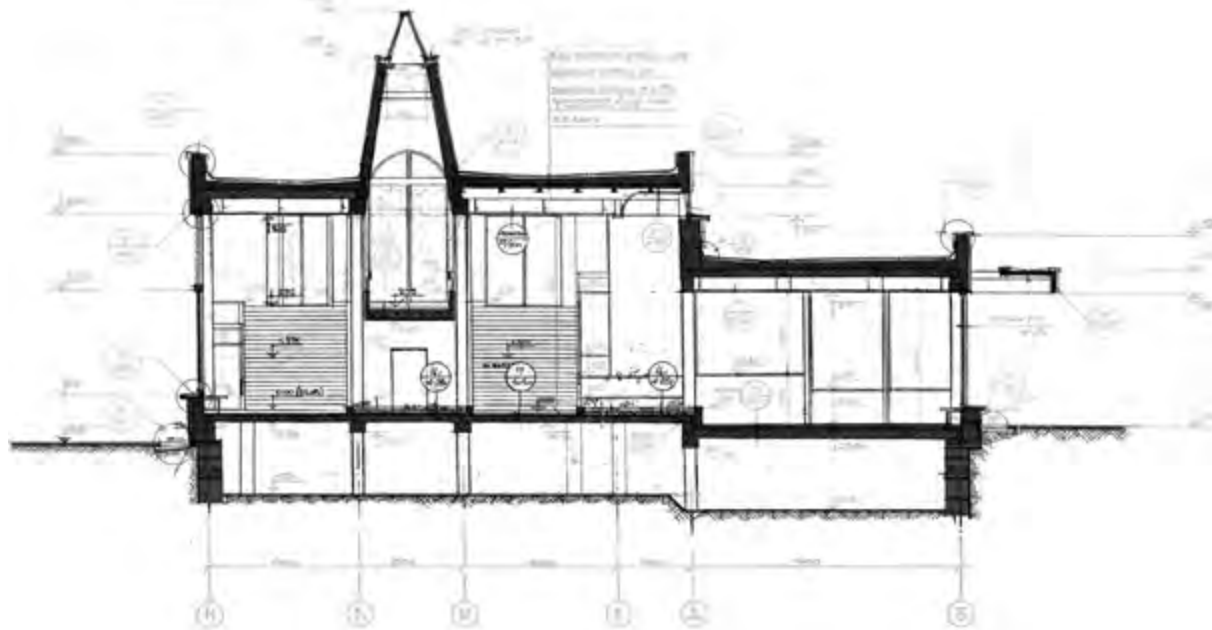
v Рис. 8, 9



торжественный путь молодоженов в виде церемониального моста с подчиненным решением всего пространства здания (рис. 8; 9). Представляется, что это было подсознательное стремление придать ритуалу духовную

торжественность по аналогии с «наказуемой» в те годы церковной процедурой. Не случайно во внешнем построении формы здания над главным залом регистрации помимо поздравительного «алтаря» создается доминантное «храмовое» возвышение (рис. 10). В советские времена лучшим материалом для качественной отделки был признан сааремский доломит. Борису Георгиевичу с характерной для него энергией удалось, преодолевая бюрократические и прочие препоны, добиться этой облицовки. Позднее администрация ЗАГСa начала «улучшать» фасады, но ныне, по положению о сохранении объектов культурного наследия, фасады вернут к прежнему авторскому решению.

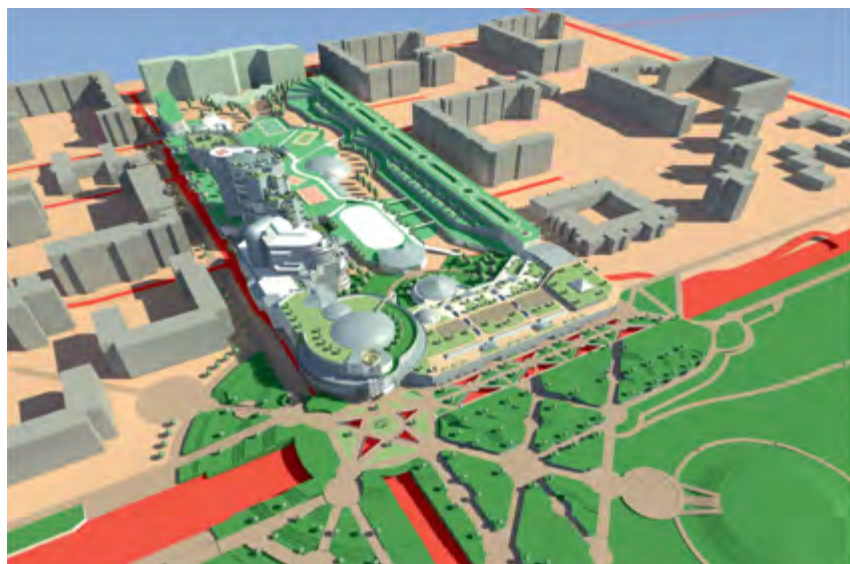
Еще один замечательный новаторский проект Бориса Георгиевича – комплекс зданий и сооруже-



> Рис. 10

ний, занимающий целый квартал в Санкт-Петербурге по Бухарестской улице. Проект был создан по просьбе руководства Детской клинической больницы № 5 имени Н. Ф. Филатова. В его состав входил полнопрофильный «Детский госпиталь», жилые блоки для проживания врачей, крупный торгово-развлекательный центр с соответствующим благоустройством всего квартала (рис. 11). Отдельно хочется остановиться на Медицинском центре. Все выполнено с любовью к пациентам, стремлением создать наиболее комфортное их пребывание и психологически позитивную среду. Продумано все до деталей. Борис Георгиевич требовал полного проникновения в технологию. Объемная технологическая схема – отдельное произведение искусства (рис. 12). Оригинальным и необычным была организация четырех основных башен: приемно-административной, хирургической, педиатрической и инфекционной (рис. 13). На нулевой отметке существовали две отдельные улицы – «служебная» и «общественная». Для описания всех достоинств проекта потребовался бы значительный формат статьи.

> Рис. 11, 12

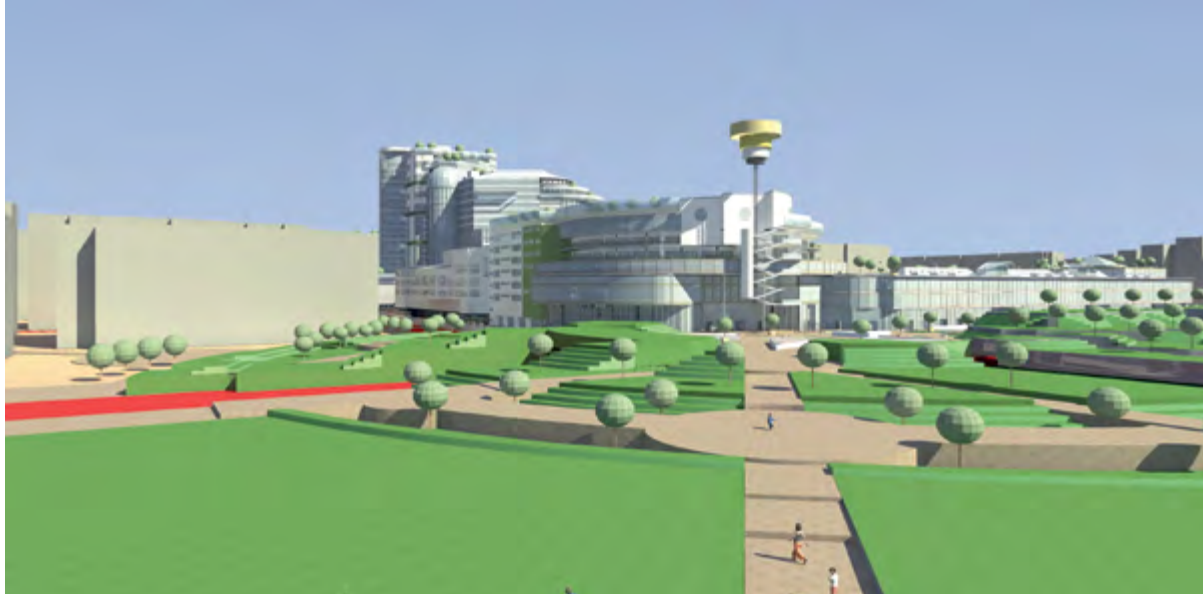


В целом градостроительное решение, архитектурно-пространственное построение, объемная пластика на основе безукоризненных технологических предложений создают неординарный образ медицинского учреждения «для людей» (рис. 14). К сожалению, этот проект не был реализован, как и некоторые другие интересные работы Устинова, опередившие свое время.

Об общей деятельности Бориса Георгиевича Устинова можно с уверенностью сказать, что вокруг его личности архитектора, художника, педагога сформировался «творческий оазис» в ряду архитектурных школ России.

В свое время многие авангардисты, несогласные с линией «социалистического» реализма, уходили в преподавание. Борис Георгиевич как новатор, осознав в некоторой степени непреодолимость современных нормативных препон, сделал акцент на формирование образовательной архитектурной школы Устинова. У него есть великолепные теоретические разработки по теме «Архитектоника». По разным разделам архитектуры есть его работы под общим названием «Основоположения Архитектоники обустройства среды обитания человека». Также у него была разработана оригинальная концепция современного жилища с коррекцией существующих нормативов.





< Рис. 14

И отзвуком уникальности воззрений Бориса Георгиевича были его студенты, которые всегда отличались неординарными проектами и выделялись в общем ряду выпускаемых специалистов другими вузами. Эту традицию образования сегодня продолжают его последователи – кафедра дизайна пространственной среды Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна. Органично и заслуженно в 2023 году было принято решение – учредить награду имени Бориса Георгиевича Устинова за лучшие архитектурные работы студентов.

Литература

1. Лобанов, Б. Последний архитектор // Проект Балтия. – 2020. – 16 января. – URL: http://projectbaltia.com/down_news-ru/19586/?ysclid=lz14u5puwr132952535 (дата обращения: 10.07.2024).
2. Устинов, Б. Г. Фешин А. Н., Коркин В.Д. Основы инженерного оборудования в дизайне среды. Инженерно-технологическое оборудование. Инженерное оборудование зданий : учебное пособие. – Санкт-Петербург : СПГУТД, 2015. – 181 с.

References

- Lobanov, B. (2020, January 16). Poslednii arkhitektonik [The last architectonic]. *Project Baltia*. Retrieved July 10, 2024, from http://projectbaltia.com/down_news-ru/19586/?ysclid=lz14u5puwr132952535
- Ustinov, B. G., Feshin, A. N., & Korkin, V. D. (2015). *Osnovy inzhenernogo oborudovaniya v dizaine sredy. Inzhenerno-tehnologicheskoe oborudovanie. Inzhenernoe oborudovanie zdaniy: Uchebnoe posobie [Fundamentals of engineering equipment in environmental design. Engineering-technological equipment. Engineering equipment of buildings: Textbook]*. Saint Petersburg: SPGUTD.



v Рис. 13

Шаржи нижегородского архитектора Александра Худина рассмотрены с точки зрения искусствоведческого анализа. Показано, что стилистика шаржей тяготеет к минимализму. Рассмотрены также основы истинного минимализма в сравнении с подделками под него. Показано, что настоящему минимализму присущи такие стилеобразующие черты, как лаконичность при наполненности смыслами и аллюзиями, элегантность, искренность и объективность.

Ключевые слова: архитектор Худин; шаржи; стиль; минимализм; лаконичность; конферюшки. /

Caricatures of Nizhny Novgorod architect Alexander Khudin are considered from the point of view of art history analysis. It is shown that the style of the caricatures gravitates towards minimalism. The basics of true minimalism are also considered in comparison with fakes. It is shown that true minimalism is characterised by such style-forming features as brevity while being filled with meanings and allusions, elegance, sincerity and objectivity.

Keywords: architect Khudin; caricatures; style; minimalism; laconism; conferyushki.

Искусство говорить мало / The art of talking less

текст

Константин Лидин
Федерация «Союз
соотечественников»
(София, Болгария) /

текст

Konstantin Lidin
Federation of Fellow
Citizens (Sofia, Bulgaria)

Греческий юноша из аристократической семьи Аристокл по прозвищу Широкий (Платон) очень уважал Сократа и считал его своим учителем и образцом мудрости. Когда Аристоклу исполнилось около двадцати лет (греки невнимательно относились к точным датам), его родные Афины в череде Пелопонесских войн проиграли своему основному сопернику – союзу городов Лаконии во главе со Спартой. В результате власть захватили проспартанские Тридцать тиранов, а лаконские (спартанские) обычаи вошли в большую моду.

Позже, став знаменитым философом, Платон ввел фигуру Сократа практически во все свои сочинения, вкладывая в его уста те мысли, которые он считал наиболее ценными. В одном из ранних диалогов «Протагор» Сократ, в частности, говорит:

«...Если бы кто захотел сблизиться с самым никчемным из лаконцев, то на первый взгляд нашел бы его

довольно слабым в речах, но вдруг, в любом месте речи, метнет он, словно могучий стрелок, какое-нибудь точное изречение, краткое и сжатое, и собеседник кажется перед ним малым ребенком» [1, с. 49].

Лаконическая речь вовсе не обязательно блещет изысканностью и аристократизмом. Сто лет назад Исаак Бабель, воспроизводя манеру старого одессита, написал: «Беня говорит мало, но он говорит смачно. Он говорит мало, но хочется, чтобы он сказал еще что-нибудь» [2, с. 128]. За эту манеру Бабеля много ругали. Трудно было принять мысль о том, что изъясняться простым, лаконичным и предельно выразительным говором одесских биндюжников способен только человек, в совершенстве знающий несколько европейских языков. Сократ у Платона говорит: «Вот поэтому-то кое-кто из нынешних, да и из древних, догадались, что подражать лаконцам – это значит гораздо более любить мудрость,



Александр Пономарев



Виктор Масанкин



Андрей Боков



Александр Скокан

чем телесные упражнения; они поняли, что уметь произносить такие изречения свойственно человеку в совершенстве образованному». Чтобы говорить кратко, надо говорить содержательно.

Спартанское презрение к многословию стало легендарным, а речь жителей Лаконии превратилась в образец кратких и точных высказываний. Лаконичность, лаконичный – эти слова относятся сегодня уже не только к речам, но и к письменным текстам, и к изобразительному искусству, и к архитектуре.

Впрочем, как раз в архитектуре лаконизм приживается долго и трудно. Эллинистическая античность, имперский Рим, Византия, международная готика, не говоря уже о барокко, ампире, модерне – все эти большие стили в основном противоположны аскетическому малословию. Декоративность гораздо чаще берет верх над лаконичностью, чем наоборот. И только на рубеже XIX и XX веков

минимализм оформляется и распространяется в различных видах и обликах, от экспериментов Лооса и Берлаге, железной методичности Баухауза и конструктивистов – к модернизму во всех его разновидностях. «Меньше – значит больше», с лаконичностью истинного спартамца провозгласил Мис ван дер Роэ. Почти сто лет спустя Пьер-Витторио Аурели, ссылаясь на Вальтера Беньямина, предложил более мягкую формулировку: «Меньше – значит достаточно».

Все это время судьба минимализма в архитектуре вызывает странное впечатление, как будто вокруг этой простой и сугубо мирной идеи не стихает ожесточенная борьба. Лоос оканчивает дни в сумасшедшем доме, Берлаге разочаровывается в человечестве, идеи Миса присваивает ловкий торговец Джонсон и превращает в коммерческий продукт. Баухауз и конструктивисты попадают под каток тоталитарного ампира, а «марсель-



Геннадий Пустоветов



Николай Крадин



Дмитрий Буш



Марк Рейнберг

ская единица» Ле Корбюзье превращается в символ безликой и бездушной массовой типовой застройки. Борьба продолжается. Сегодняшний минимализм с переменным успехом противостоит напору китча (который теперь фигурирует под псевдонимом «максимализм»), а с другого фланга – сражается с унылыми и пустыми коммерческими подделками под настоящую спартанскую лаконичность, полную спрессованных смыслов и аллюзий. Иногда минимализм в тактических целях прикидывается постмодернизмом (как в работах Роберта Стерна) или брутализмом (в проектах иркутской школы Павлова).

Трудно определить, с какой стороны подлинный минимализм получает больше критики. Максималисты издеваются над простотой и однообразием серых минималистических плоскостей. Роберт Вентури выдвинул провокационный лозунг «Меньше – значит, скучно», *Less is a Bore*, в рифму со знаменитым *Less is more* Миса ван дер Роз, и многие восприняли это всерьез, не разглядев сарказма. Честно говоря, я и сам долгое время считал минимализм надоевшим ханжеским стилем, который прячет роскошь и богатство под серой оболочкой простых объемов – так монахи из богатого и влиятельного ордена носят под своим рубищем подрясники из дорогой шелковой ткани. Но нет, показная скромность и демонстративное нищенство «псевдоминимализма» – такой же симулякр, атрибут «общества спектакля», как демонстративное потребление праздного класса.

Чтобы отличить минимализм от подделок под него, нужен развитый художественный вкус. Подлинный минимализм состоит в глубоком родстве с элегантностью. Законодательница мод и самая элегантная женщина XX века, Габриэль (Коко) Шанель, считала, что «элегантность – это когда внутри так же красиво, как снаружи» [3, с. 64]. Минимализм чужд всяческому политу и фигурам вежливости (за что и был ценен брутальными спартанцами), он правдив по определению. Его инструментарий узок и по большей части ограничен языком линий, пропорций и ритмов. «Мода, как и архитектура, вопрос пропорций» (Коко Шанель) Цвет сведен к черно-белому, линия проста и упруга, а больше, собственно, ничего и не надо – орнамент не то чтобы преступен, а просто не нужен.

Шаржи нижегородского архитектора Александра Худина минималистичны. Впрочем, это качество присуще шаржу как таковому. Аналогично эпиграмме, шарж основан на выделении самого характерного, самого главного – за счет отбрасывания всего, что можно отбросить, а разве не в этом заключается «формула минимализма»? Человек весьма разносторонний, А. А. Худин во всем, что делает, следует этому же спартанскому принципу: исключи все, без чего можно обойтись, и извлеки максимум выразительности из того, что осталось. Пусть образ будет ограничен немногими линиями, а остальное скажет напряженное пустое пространство белого листа.

Шарж иногда бывает довольно рискованным жанром. Не всякому достанет ума и юмора, чтобы принять подмеченную в шарже черту за основу образа себя. Тосюсай Сяраку за десять месяцев в 1794–1795 годах создал около полутора десятка ксилографов – портретов-шаржей актеров, сумоистов и дам из «веселого квартала Ёсивара», а потом вдруг исчез без следа, и есть версия, что он был убит разгневанными оригиналами своих портретов. Миновав середину жизни, зачастую смотреть на себя в зеркало – уже непростое переживание. Коко Шанель подметила: «В 20 лет у вас лицо, которое дала природа. В 30 – то, что сформировала жизнь. А в 50 у вас лицо, которое вы заслуживаете» [3, с. 112].

Тем не менее шаржи Александра Худина хочется разглядывать. Они изящны и элегантны, они правдивы и беспристрастны (шарж на самого себя ничем не выделяется среди других лиц). Те, кто лично знаком с прототипами шаржей, получают массу удовольствия от узнавания не только внешности – характера и манеры поведения этих самых прототипов. Но даже если вы не знакомы с этими людьми, это все равно смачно.

Постмодернистская ирония в шаржах, как и в проектах, и в статьях Александра Худина, это оболочка, скорлупа, под которой – молчаливая сдержанность минимализма. Построенная из цитат и намеков, эта оболочка, как легкая усмешка, прячет глубину мысли и тонкость, точность переживания. Лишь изредка из-за этого щита метнет он краткое и сжатое изречение на скупом языке линейной графики – и становится виден сильный боец, эрудит и профессионал. Настоящий спартаец.



Анатолий Виноградов



Евгений Асс

Литература

1. Платон. Ион, Протагор и другие диалоги. – Санкт-Петербург : Наука, 2014. – 431 с. – (Слово о сущем; т. 85).
2. Бабель, И. Э. Соб. соч. : в 4 т. - Москва : Время, 2006. – (Екатеринбург : Уральский рабочий). – Т. 1. Одесские рассказы.
3. Шанель, К. Коко Шанель. Жизнь, рассказанная ею самой. – Москва : Яуза-каталог, 2018. – 275 с. (Уникальная биография женщины-эпохи).

References

Babel, I. E. (2006). *Odesskie rassказы [Odessa stories]*. In *Collected works: In 4 vols. (Vol. 1)*. Moscow: Vremya; Ekaterinburg: Uralsky Rabochiy.

Chanel, C. (2018). *Coco Chanel. Life told by herself*. Moscow: Yauza-catalogue.

Plato. (2014). *Ion, Protogor i drugie dialogi [Ion, Protagoras and other dialogues]*. In *Word on Existence (Vol. 85)*. St. Petersburg: Nauka.



Вадим Воронков



Александр Худин

Андрей Дмитриевич Крячков – выдающийся архитектор, основоположник сибирской архитектурной школы. Его творческий путь тесно связан с основанием будущей административной и культурной столицы Сибири. Автор большинства знаковых исторических архитектурных объектов современного Новосибирска, Крячков во многом predetermined эстетический код молодого тогда сибирского города, соединив традиции и новации в региональной архитектуре первой половины XX века. Архитектура Крячкова в современном облике Новосибирска продолжает играть значительную градообразующую эстетическую роль.

Ключевые слова: Андрей Дмитриевич Крячков; архитектура Сибири первой половины XX века; сибирская архитектурная школа; история архитектуры Новосибирска. /

Andrey Dmitrievich Kryachkov is an outstanding architect, the founder of the Siberian architectural school, whose creative path is closely connected with the foundation of the future administrative and cultural capital of Siberia. The author of most of the iconic historical architectural objects of modern Novosibirsk, Kryachkov largely predetermined the aesthetic code of the young Siberian city at that time, combining traditions and innovations in regional architecture of the first half of the 20th century. The architecture of Kryachkov in the modern appearance of Novosibirsk continues to play a significant city-forming aesthetic role.

Keywords: Andrey Dmitrievich Kryachkov; architecture of Siberia of the first half of the XX century; Siberian architectural school; history of architecture of Novosibirsk.

Андрей Крячков. Человек, создавший город / Andrey Kryachkov. The man who created the city

текст

Наталья Багрова

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А. Д. Крячкова

Антон Гашенко

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А. Д. Крячкова

text

Natalya Bagrova

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts named after A. D. Kryachkov

Anton Gashenko

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts named after A. D. Kryachkov



^ Рис. 1. Андрей Дмитриевич Крячков [1]

«Человек, создавший город» – так, и никак иначе вспоминают об Андрее Дмитриевиче Крячкове его последователи в Новосибирске. «Основоположником архитектурного образования в Сибири» называют Андрея Дмитриевича его ученики.

Города создаются многие века. Поколения архитекторов складывают замысловатую мозаику культурных наслений истории городской среды. Новосибирск можно считать «импульсивным» городом, стремительный темп развития которого predetermined творческий путь и судьбу архитектора Андрея Дмитриевича Крячкова.

Или Крячков предрек эстетический код будущего Новосибирска?

Сопоставляя идеи культурно-исторической теории развития личности с суждениями о роли личности в истории, стоит разобраться в этой сложной дихотомии в отношении творческого пути архитектора.

История создания Новосибирска иллюстрирует переход от доиндустриального, аграрного общества к индустриальному на рубеже XIX и XX веков, как бы сейчас сказали, «в клиповой» манере». Новые функции, новые технологии, новая эстетика – все сошлось в исторический момент начала нового века и начала сибирского города.

Творческая судьба Андрея Крячкова оказалась синхронна бурлящим процессам средового культурообразования новой, быстрорастущей «Столицы Сибири», как позднее назовут Новосибирск. Таким образом и сложился творческий почерк архитектора, которому суждено было перебросить мост между традицией и модернизмом. Сделал это Крячков так искусно, что и сегодня традиция сопровождает современную повседневную жизнь новосибирцев как воспоминания в зрелом возрасте детства и юности.

Роль личности архитектора в культурно-историческом процессе градообразования невозможно оценить без понимания воздействия самой среды на будущего Мастера.

Происхождение

Андрей Крячков родом из семьи крестьянина, жившего в деревне Вахарево Ярославской губернии. География его родных мест не могла не оказать влияние на его мировоззрение, сформировав основу понимания архитектуры: внимание к деталям, умение отделять главное от второстепенного и обобщать – все это вскоре пригодится будущему Мастеру. Воспитанию молодого специалиста способствовало обучение в реальном училище в Выборге, а затем в Петербургском институте гражданских инженеров (ныне Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет), где учителями Крячкова были такие масштабные личности, как В. А. Шретер, В. А. Пруссаков, И. С. Китнер, В. А. Косяков и другие прославленные архитекторы и инженеры.

По окончании института в 1902 году Крячков выбрал для работы из предложенных ему 69 вакантных мест строительное отделение губернского управления Томска.



^ Рис. 2. Новосибирск. Реальное училище имени дома Романовых (<https://img-fotki.yandex.ru>)



^ Рис. 3. Новосибирск. Андреевское училище (<https://m-nsk.ru>)

Творческий путь

В Томском губернском управлении Крячков начинает работать младшим инженером, но уже в 1905 году совет технологического института избирает его сначала внештатным, а вскоре и штатным преподавателем по архитектурному проектированию и рисованию. Тогда же Крячков занимался достройкой корпусов (до 1911 года), работая архитектором университета.

В 1906 году вместе с А. Э. Сабегом, деканом инженерно-строительного отделения, Крячков инициирует открытие подотделения инженеров гражданских сооружений (архитекторов). Коллеги помогли составить учебные программы архитектурных специальностей.

В 1930 году в Новосибирске на базе инженерно-строительного факультета томского Сибирского технологического института (СТИ) был открыт Сибирский строительный институт (Сибстрин), куда из СТИ на педагогическую работу перешло 20 преподавателей, в том числе А. Д. Крячков [1, с. 78].

В 1935 году Крячков назначен деканом архитектурной специальности Сибирского строительного института в Новосибирске. Здесь на протяжении 15 лет он успел воспитать поколения учеников, среди которых были основатели будущего Новосибирского архитектурного института (ныне Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А. Д. Кряčkova).

Постройки Кряčkova

Несмотря на то, что Кряčkova часто именуют «томским архитектором», большинство его построек (порядка трех десятков) в Новосибирске. В Томске, где архитектор начинал свой творческий путь, он успел построить лишь несколько объектов.

Склад торгового дома «В. А. Горохов» исследователи считают одним из главных произведений архитектора, запроектированным им от начала до конца. Стилистика здания уже отражает характерный узнаваемый «крячковский модерн».

Дом науки им. П. И. Макушина – конкурсный проект А. Д. Кряčkova, переработанный Товием Фишелем и Андреем Лангером [2, с. 40].

В проекте факультетских клиник Томского технологического института, в котором с 1903 года Крячков работал в комитете по постройке зданий, он продолжил планировочную схему, предложенную Ф. Ф. Гугом, и до конца строительства стал самостоятельным руководителем всех построек. Проект комплекса зданий и сооружений Томского технологического института подробно описан А. Д. Крячковым в статье юбилейного сборника ТТИ [3].

Библиотека Томского государственного университета была реализована в сотрудничестве Кряčkova с автором первоначального проекта профессором Л. Шишко [1, с. 23–24].

Мост через речку Медичку – малоизвестный проект начинающего архитектора. Некогда соединяющий разделенные речкой части Университетской рощи, сейчас этот мост неприметен и выглядит старинным артефактом, изящно выполненным из железобетона в стиле модерн.

Наконец, собственный дом архитектора на Бульварной улице (проспект Кирова) отражает личные стилистические предпочтения мастера. Особняк в стиле сибирского модерна – едва ли не единственная сохранившаяся деревянная постройка Андрея Дмитриевича.

Новосибирский период творчества Кряčkova характеризуется быстрой эволюцией авторского стиля в работах архитектора – от эклектичного Реального училища дома Романовых (1912) до почти ампирного здания Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР, завершено в 1947 году.

Главенствующей стилиевой канвой, протянутой Крячковым еще из Томска, можно назвать «рационалистический», северный модерн. В этом направлении были построены первые 12 школ, выдержанных в едином эстетическом ключе, но все они индивидуальные, с различными архитектурно-стилистическими оттенками.

С середины 1920-х годов Крячков следует авангардным течениям в архитектуре, мастерски перевоплотившись и даже сотрудничая с радикальными авангардистами: так появился проект Сибкрайисполкома в соавторстве с Борисом Гордеевым и Сергеем Тургеневым.

На Кузбассе Крячков оставил несколько зданий в узнаваемом рациональном модерне, граничащем с конструктивизмом: Дворец труда в Щегловске (Кемерово),



> Рис. 4. Новосибирск.
Здание госучреждений
Сибири (МИАС
им. С. Н. Баландина)

контора Кузнецкого металлургического комбината (КМК) в Сталинске (Новокузнецке) и в этом же городе – гости-ница Верхней колонии [4].

В Омске авторству Крячкова принадлежат здание Городского корпуса («Торговые ряды»), учебный корпус механико-технического училища и здание Тверской мануфактуры. Следует отметить, что стилистика всех трех зданий отвечает томскому контексту – переходу из эклектики в неоклассические мотивы фасадного декора.

Контекстуализм Крячкова

Несмотря на происхождение из недр классической, традиционной архитектуры, работы Крячкова отличаются несколькими особенностями.

Проектирование в условиях сибирских городов означало работу в достаточно специфическом контексте, отличном от архитектуры центральной России. Во многих городах Сибири не было такой высокой плотности среды и сложившегося фона культурного наследия. Постройки Крячкова всегда соответствовали той архитектурной среде, для которой он работал. Архитектор умел находить баланс между необходимостью учитывать сложившийся контекст и созданием нового качественного образа, формирующего будущую действительность.

Второй важнейшей особенностью архитектуры Крячкова было внимание, которое он уделял сибирскому климату. В 1944 году он защитил диссертацию «Влияние климата и природы на строительство и архитектуру в Сибири», в которой на основе обширных статистических данных, результатов полевых экспедиций, натуральных обследований и фотофиксаций сформулировал принципы строительства в сибирском климате [5].

Многие современники считали А. Д. Крячкова (так же, как и К. К. Лыгина) закоренелыми консерватором и противником конструктивизма, однако, как показывают исследования [6], это не совсем так. В проектах Крячкова периода авангарда преобладают лаконичные формы, лишённые декоративных элементов. К работе над знаменитым «Стоквартирным домом» гражданский инженер привлек архитектора-художника В. С. Масленникова, обогатившего рационалистическую основу дома элементами в стиле ар-деко.

В то же время Крячкова, безусловно, можно назвать Мастером архитектурного авангарда. В пример можно привести хотя бы его здание Госбанка на площади Ленина в Новосибирске, где изящная функциональная диссимметрия подчеркивает улицу Ленина как центральную ось комплекса площади.

Исследования биографии и творчества Крячкова

Несмотря на значимость Крячкова для сибирской архитектуры, исследований творчества архитектора не так много. Если не считать системного труда, посвященного его творческой биографии [1], а также магистерской диссертации [7], в основном это научные публикации последних 15–20 лет, раскрывающие либо различные аспекты профессиональной деятельности Крячкова, либо труды, косвенно касающиеся его построек. Так, стали известны подробности участия Крячкова в проектах реконструкции церковных зданий [8], участия его в экспедициях по изучению наследия деревянного зодчества по сохранившимся рисункам архитектора [9].

Анализируя мировоззренческие истоки творчества Андрея Крячкова, скорее, по его проектам и постройкам, чем из биографических фактов, можно сделать предположение об его активной позиции: ищущей, исследующей, пропагандирующей важность выражения исторического момента в архитектуре. В каждом из своих творческих этапов Крячков разный: консервативно-умеренный, бунтующий, даже шокирующий в пору создания своих архитектурных произведений.

Следя культурно-исторической личностной типологии, можно заключить, что Крячков в Сибири оказал стратегическое влияние на многие поколения архитекторов как Мастер и Учитель. Его воздействие на эстетический код Новосибирска оказалось пассионарным: стало традицией синхронизировать темп развития города с протранственными и стилистическими новациями. Уместить многое в едином, сочетать несочетаемое – архитектурные приемы Новосибирска, оценить по достоинству которые смогут лишь наши наследники в тот момент, когда городская среда накопит достаточную для этого плотность и разнообразие.



< Рис.5. Новосибирск. Здание Госбанка на площади Ленина (Музей города Новосибирска)

Сегодня ряд примеров личного лидерства архитектора в культуuroобразовании города остается открытым: ведь до сих пор не атрибутированы и не найдены проекты А. Д. Крячкова, сделанные для Томска, Ишима, Кургана, Петропавловска, о которых упоминает в своих воспоминаниях С. Н. Баландин [1]. Одно лишь можно с уверенностью утверждать: творчество архитектора еще не раз станет яркой иллюстрацией роли личности в культуре и в жизни общества.

Литература

1. Баландин, С. Н. А. Д. Крячков. Сибирский архитектор : Докум. очерк. – Новосибирск : Кн. изд-во, 1991. – 159 с. : ил.
2. Залесов, В. Г., Залесов, Г. М. Новые тенденции в архитектуре и образовании в начале XX века: Дом науки им. П. И. Макушина в Томске // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2018. – Т. 20. – № 6. – С. 33–45.
3. Томский технологический институт за 25 лет своего существования 22 октября 1900–1925 : (Юбилейный сборник) / ред. М. И. Евдокимов-Рокотовский. – Томск : Сиб. технолог. инст-т, 1928 (типо-лит. изд-ва «Красное знамя»). – 269 с.
4. Пилипенко, В. С. Архитектор А. Д. Крячков в Кузбассе // Баландинские чтения. – 2014. – Т. 9. – № 1. – С. 367–369.
5. Крячков, А. Д. Влияние климата и природы на строительство и архитектуру в Сибири: дис. ... д-ра архитектуры. – Новосибирск, 1944. – 307 с. Цит. по: Духанов, С. С., Миронов, И. Ю. Диссертация А. Д. Крячкова как памятник научной мысли // Региональные архитектурно-художественные школы. – 2017. – № 1. – С. 169–171.
6. Духанов, С. С. Преподаватели-архитекторы Западной Сибири и идеи авангарда 1920-х – начала 1930-х годов // Теория и история архитектуры. – 2020. – № 2(2). – С. 230–248.
7. Мясягина, М. Ю. Творчество гражданского инженера А. Д. Крячкова в контексте теории и практики архитектуры конца XIX – начала XX вв. : магист. дис. / Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств. – Новосибирск, 2016. – 82 с.
8. Герасимов, А. П. Гражданский инженер А. Д. Крячков как проектировщик церковных зданий в Западной Сибири // Баландинские чтения. – 2014. – Т. 9. – № 2. – С. 103–109.
9. Скрябина, Л. А. Деревянное зодчество и домовая роспись Томского и Кузнецкого уездов в рисунках архитектора А. Д. Крячкова // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». – 2019. – № 9. – С. 91–97.

References

- Balandin, S. N. (1991). *A. D. Kryachkov. Sibirskii arkhitektor: Dokumentalniy ocherk [A. D. Kryachkov. Siberian architect: Documentary essay]*. Novosibirsk: Publishing House.
- Dukhanov, S. S. (2020). Teachers-architects of Western Siberia and the ideas of the avant-garde of the 1920s – the early 1930s. *Theory and history of architecture*, 2(2), 230–248. EDN: GLGFJO.
- Evdokimov-Rokotovskiy, M. I. (Ed.). (1928). *Tomskiy tekhnologicheskii institut za 25 let svoego sushchestvovaniya 22 Oktyabrya 1900-1925: Yubileyniy sbornik [Tomsk Technological Institute for 25 years of its existence (October 22, 1900-1925): Jubilee collection]*. Tomsk: Publishing House of the Siberian Institute of Technology; printing and lithography of the publishing house "Red Banner".
- Gerashimov, A. P. (2014). Civil engineer A. D. Kryachkov as an architect of Western Siberian churches. *Balandin reading*, 9(2), 103–109. EDN: TMYQXP.
- Kryachkov, A. D. (1944). Vliyaniye klimata i prirody na stroitelstvo i arkhitekturu v Sibiri [The influence of climate and nature on construction and architecture in Siberia] [Dr. of Architecture Dissertation]. As cited in Dukhanov, S. S., & Mironov, I. Yu. (2017). Dissertation A. D. Kryachkov as a monument of scientific thought. *Regional architectural and art schools*, 1, 169–171. EDN: YXEDXG.
- Masyagina, M. Yu. (2016). *Tvorchestvo grazhdanskogo inzhenera A. D. Kryachkova v kontekste teorii i praktiki arkhitektury kontsa XIX – nachala XX vv. [Creativity of civil engineer A. D. Kryachkov in the context of theory and practice of architecture of the late XIX – early XX centuries]* [Master's dissertation, Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts]. Novosibirsk.
- Pilipenko, V. S. (2014). Arkhitekt A. D. Kryachkov v Kuzbasse [Architect A. D. Kryachkov in Kuzbass]. *Balandin readings*, 9(1), 367–369. EDN: SCKLSZ.
- Scryabina, L. A. (2019). Wooden architecture and house painting of Tomsk and Kuznetsk counties in drawings by the architect A. D. Kryachkov. *Scientific notes of the Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve*, 9, 91–97. DOI: 10.24411/2411-7838-2019-00009. EDN: AHCKOH.
- Zalesov, V. G., & Zalesov, G. M. (2018). New trends in architecture and education at the beginning of the 20th century: "Makushin's House of Science" in Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturo-stroitel'nogo universiteta. Journal Construction and Architecture*, 20(6), 33–45. DOI: 10.31675/1607-1859-2018-20-6-33-45. EDN: YRJJCH. pp. 91–97. – DOI 10.24411/2411-7838-2019-00009. – EDN AHCKOH.

Представлена творческая биография архитектора Анатолия Афанасьевича Воловика, знаковой фигуры в развитии советского модернизма в Новосибирске. Особое внимание в статье уделено известным проектам Воловика, среди которых Государственная публичная научно-техническая библиотека и аэропорт Толмачево. Кроме того, в статье рассматривается влияние Воловика на развитие архитектурного образования и подготовку молодых специалистов. Работа основана на архивных материалах, свидетельствах современников и анализе его идей в контексте архитектурного наследия XX века.

Ключевые слова: Анатолий Афанасьевич Воловик; архитектурное наследие; модернизм; XX век; архитектурные проекты. /

This article presents the creative biography of architect Anatoly Afanasyevich Volovik, a seminal figure in the development of Soviet modernism in Novosibirsk. The article devotes particular attention to Volovik's notable projects, including the State Public Scientific and Technical Library and Tolmachevo Airport. Additionally, it examines the impact of Volovik's contributions to the advancement of architectural education and the training of young professionals. It is based on archival materials, contemporaneous testimonies, and an analysis of his legacy in the context of 20th-century architectural heritage.

Keywords: Anatoly Afanasyevich Volovik; architectural heritage; modernism; 20th century; architectural projects.

Сибирский архитектор-модернист А. А. Воловик / Siberian modernist architect A. A. Volovik

текст

Елена Польская

Архитектурно-проектная студия «Контур» (Новосибирск)

text

Elena Polskaya

Project Creativity Studio "Contour" (Novosibirsk)



^ Рис. 1. А.А. Воловик за работой над проектом ГПНТБ. 1961

Есть люди, о которых даже спустя годы говорят с теплотой и восхищением, отмечая масштаб их личности. Они становятся примером для целого поколения и продолжают оказывать влияние на нас и сегодня. Судьба Анатолия Афанасьевича удивительна. Мальчик, родившийся в глухой сибирской деревне, рано потерявший родителей, смог стать профессором, построить в молодом мегаполисе важнейшие объекты, воспитать не одно поколение учеников и войти в историю как мастер своего дела.

Когда я собирала материалы для статьи об отце – архитекторе Анатолии Афанасьевиче Воловике, я не раз ловила себя на мысли, что хочу перепроверить даты. Не верилось, что в 29 лет он уже получил в работу сложнейший объект государственного масштаба – Государственную публичную научно-техническую библиотеку (ГПНТБ) в Новосибирске.

А. А. Воловик родился 29 сентября 1929 года в селе Григорьевка Ермаковского района Минусинского округа Красноярского края. Это село находилось в глуши на подступах к суровой сибирской тайге и было основано людьми, которые в свое время бежали от преследований советской власти, гонений церкви и голода 1930-х годов. Точная дата рождения отца неизвестна, так как его детство пришлось на предвоенные годы, когда не выдавали документов и не праздновали дней рождения.

В семье было девять детей, он был третьим по старшинству. Вместе с деревенскими ребятами он нянчил младших братьев и сестер, помогал маме по хозяйству, работал подмастерьем у своего отца-сапожника. До сих пор у нас сохранилась колодка сапожника: отец на ней ремонтировал нам всем обувь. Очень рано он проявил способности к учебе и талант художника. Первая учительница, Любовь Петровна, увидев его рисунки, сказала, что он станет академиком. Она убедила родителей отправить сына учиться дальше. Возможно, именно ее поддержка стала для отца важным ориентиром в жизни и привела его к успехам в архитектуре.

После отличного – на одни «пятерки» – окончания семилетки, Анатолий едет в Алма-Ату, к своему старшему брату. Там он собирался учиться на геолога: у геологов нужно было уметь рисовать, зарисовывать минеральные породы. Пришел поступать – а прием уже закончен. Но в архитектурно-строительном техникуме еще шел набор студентов, а архитекторы тоже рисуют. Он успешно сдал приемные экзамены и поступил на учебу. В техникуме Анатолий Воловик встретил блестящего преподавателя, эвакуированного в годы войны из Ленинграда. Михаил Борисович Левинсон искренне заботился о талантливом студенте и затем, в 1950-м, с красным дипломом направляет в Новосибирск «становиться мастером своего дела».

Продолжая образование в Сибстрине на архитектурном факультете, Воловик увлеченно учится и работает лаборантом на кафедре строительных материалов. Это было время студенческой дружбы с выдающимися в будущем архитекторами, знакомства с педагогами ленинградской классической архитектурной школы, работавшими в Новосибирске, и время, когда мой отец и его товарищ, Арэг Демирханов, жили настолько бедно, что по очереди ходили на лекции, так как имели одни «приличные» брюки на двоих. И все-таки они были в курсе всех новостей, посещали концерты, работали в библиотеках и участвовали в конкурсах.

В 1956 году Анатолий Воловик защищает диплом и около двух лет работает на кафедре. Однако молодого архитектора привлекает практика, и с 1957 года он начинает свой творческий путь в Новосибирском отде-



< Рис. 2. Проект ГПНТБ.
1961

лении института № 2 Министерства строительства СССР, а с 1958 – в институте «Новосибиргражданпроект».

«С большим энтузиазмом, – рассказывает Татьяна Ивановна Иванова, – взялся юный архитектор за первое задание, которым оказался... «туалет типа сортир» для эзков под открытым небом. Нарисовал великолепный антураж: сосны, ели, небо в облаках. И среди этой красоты – кирпичный нужник, спроектированный по всем строительным нормам и правилам. Этот туалет и оказался стартовой площадкой его блестящей карьеры. Руководитель проекта показал красивую работу главному архитектору «Новосибиргражданпроекта». И тот, когда увидел работу, загорелся: «Отдай мне этого парня!»» [4].

Это было невероятное везение. Сложно сказать, что именно в нем увидел этот опытный архитектор, если он так безоговорочно поверил в него и сразу поручил масштабную работу – проектирование научно-технической библиотеки, уникального общественного сооружения. Но факт остается фактом: ГПНТБ проектировал, придумывал и строил начинающий архитектор.

Вместе с коллегами-единомышленниками они забывали о времени, засиживаясь допоздна. Они спорили, предлагая все новые и новые идеи и решения.

Дерзкой и новаторской стала идея спрятать книжное хранилище под землю, разместив его на четырех подземных этажах. Несмотря на все трудности, связанные с хранением книг под землей, они обеспечили максимальную сохранность книжного фонда.

В 1966 году грандиозное здание ГПНТБ сдано в эксплуатацию, и вот как пишет доктор исторических наук Александр Леонидович Посадсков о главной библиотеке в Сибири: «Авторы ГПНТБ СО РАН наполнили здание естественным светом, соединяя внутренние пространства в единую структуру и оригинально решив функциональные связи между заглубленным книгохранилищем, каталогом и читальными залами. В известной степени это был определенный компромисс между двумя принципами в проектировании библиотечных зданий. С одной стороны, в залах необходимо хорошее естественное освещение, с другой стороны бумага, на которой печатались книги (особенно старые) подвергаются негативно-му воздействию солнечного света» [1, с. 61].



< Рис. 3. Творческий процесс создания ГПНТБ: А. А. Воловик с рабочей группой архитекторов

О масштабных процессах создания библиотеки пишет Е. Б. Артемьева: «Перебазирование книжных фондов и отделов ГПНТБ СО АН в Новосибирск началось 7 января 1961 г. (когда в город прибыл первый контейнер с книгами) и закончилось 31 мая 1965 г. (дата поступления последнего контейнера). Переезд в Сибирь, таким образом, занял свыше 4-х лет. Перебазирование из столицы на периферию столь крупной библиотеки до сих пор остается уникальным в мировой практике. Возможность работы в просторных помещениях резко улучшила как условия обслуживания читателей, так и постановку научных исследований в библиотеке. В 1967 г. при ГПНТБ СО АН была открыта аспирантура по специальностям: библиотечковедение и библиография, книговедение. С 1967 г. ГПНТБ СО АН издает научно-исследовательские труды по вопросам библиотечковедения, библиографии и книговедения, а с 1980-х гг. – и по проблемам автоматизации библиотечно-библиографических и информационных процессов. 60-е и 70-е гг. XX в. явились временем быстрого роста книжного фонда ГПНТБ СО АН и улучшения (универсализации) его количественного состава. С 1960 по 1980 г. книжный фонд библиотеки вырос с 3,5 млн до 8 млн томов. ГПНТБ сегодня – это огромный комплекс, три учреждения в одном: и научно-исследовательский институт СО РАН, и методический учебный центр для библиотек региона, и крупная библиотека – третья по величине в России. Вся литература, которая публи-



^ Рис. 4. Эскизный проект интерьера второго этажа ГПНТБ. 1961



^ Рис. 6. А. А. Воловик на авторском надзоре в ГПНТБ. 1966

куется в стране, непременно поступает сюда, хотя бы один обязательный экземпляр» [2, с. 14].

В конце 1950-х – начале 1960-х годов Новосибирск становится центром современной науки. В это время планируется и строится Академгородок, который должен был объединить и развить передовые научные достижения. Разворачиваются лаборатории, испытательные площадки, в Академгородок приезжают работать ученые с мировым именем. В этот период Анатолий Воловик участвует в конкурсе планировочного решения научного центра и одновременно проектирует на берегу реки Зырянки коттедж для семьи президента Сибирского отделения Академии наук М. А. Лаврентьева. Молодой архитектор знакомится с одним из величайших ученых и мыслителей своего времени. Для него он создает здание, которое, по его мнению, отражает не только статус ученого, но и потребности семьи в библиотеке, светлых и уютных рабочих кабинетах, красивых видах из окон и возможности незаметно выйти в сад и прогуляться по нему. Строительство коттеджа было завершено 1963 году.

v Рис. 5. Интерьер ГПНТБ: холл второго этажа. 1966



В те же годы Анатолий Воловик работал над проектом аэровокзала международного аэропорта «Толмачево». Этот объект, созданный на волне энтузиазма строительства научного центра и повышения международного культурного статуса Новосибирска, стал для отца историком большой радости. Анатолий, перенявший от своего брата-летчика любовь к авиации, мог определить пролетающую в небе модель практически мгновенно, знал марку каждого советского самолета. Эта любовь к наблюдению за самолетами, вероятно, отразилась и в архитектуре аэровокзала. Здание отличали большие панорамные окна, которые выходили на взлетно-посадочные полосы. Благодаря этому пассажиры, ожидающие свой рейс, могли любоваться видом взлетающих самолетов.

Интерьер аэровокзала был ярким и современным. На художественном панно изображены достопримечательности Новосибирска. Светлые колонны и мозаичные полы создавали ощущение простора и света. А снаружи здание украшал яркий красный козырек в форме траектории взлетающего самолета. Это здание стало одним из первых, где был установлен теплый пол, что особенно важно в сибирских условиях, где даже в теплое время года можно замерзнуть, ожидая свой рейс. Анатолий очень гордился своим братом-летчиком. Брат, в свою очередь, гордился Анатолием, потому что тот построил аэропорт, где он работал.

ГПНТБ и последующие работы выдвинули Анатолия Афанасьевича в число ведущих архитекторов не только Новосибирска, но всего региона. Он занимал ответственные посты и стал заметной фигурой в обществе.

Заслуженный архитектор России Владимир Пивкин пишет о деятельности молодого Анатолия Воловика: *«В институте сложилось трио замечательных уже в то время архитекторов – Анатолий Воловик, Михаил Пирогов и Борис Захаров. Окончив учебу, они блестяще дебютировали на творческой стезе, выиграв несколько архитектурных конкурсов разного ранга. Это прежде всего всесоюзный конкурс на памятник героям Брестской крепости, на котором они завоевали при огромном количестве участников (притою достаточно именитых) первую премию. В предложенном мемориальном ансамбле лаконизм архитектурных форм удачно сочетался с экспрессионистской скульптурой защитника*



^ Рис. 7. Проект аэровокзала в Толмачево. 1961

крепости, создавая выразительный художественный образ. Результат же выигранного конкурса проекта речного вокзала в Новосибирске красуется на берегу Оби» [3, с. 301].

Т. И. Иванова так вспоминает о Воловике: «Возглавляя творческие мастерские, он спланировал вокруг себя наиболее одаренных людей, создавал атмосферу горения, энтузиазма, поиска. Это всегда было содружество талантов, в котором никогда и никто не ущемлялся, не оттирался на задний план. Плодотворные идеи, высказанные новичком, принимались с таким же уважением, как и от признанного мэтра. С Анатолием Афанасьевичем людям всегда хорошо работалось, здесь не было ни администрирования, ни казенщины, столь еще свойственной той эпохе, в которой он начинал творить. Бесспорный талант организатора гармонично сочетался в нем с талантом коммуникабельности, умением общаться с людьми любого ранга. Сила обаяния этой личности была настолько велика, что притягивала к себе множество людей из самых различных кругов. Ученики, коллеги, чиновники и власть имущие – все с удовольствием общались с Анатолием Афанасьевичем, любили его послушать, вместе посмеяться, пошутить, вместе обсуждать дела.

Вообще Анатолий Афанасьевич не был бойцом. Когда его назначили главным архитектором «Гражданпроекта», коллеги думали, что он начнет вступать в схватки с начальством ради интересов института, будет, что называется, горлом брать. Но Воловику претили конфликты, и он никогда не шел на открытые столкновения; ему не доставляло удовольствия публично осадить человека, оскорбить его и выйти победителем из столкновения. Человек мягкий и наделенный врожденной интеллигентностью, он предпочитал отступить, если на него напирали, не выносил, когда спор превращается в крик, в ругань. Кое-кого, кто ценил сиюминутный успех, это раздражало. Но годы шли, и все увидели, что «бесхарактерный» Воловик, оказывается, способен пробить такие вопросы, какие не удаётся решить людям с твердой и решительной натурой. Всегда доброжелательный, неизменно делкатный Анатолий Афанасьевич, интересный собеседник и очень теплый человек, притягивал к себе людей.

У него повсюду были друзья и почти не было врагов. То, что у других не получалось с оружием в руках, получалось у Воловика благодаря выстроенным дружеским отношениям. Ему часто удавалось то, что не удавалось другим.

Люди, работавшие под его началом, не только трудились в атмосфере комфорта, но и были защищены перед вышестоящими инстанциями» [4].

В 1969 г. Анатолий Афанасьевич первым среди сибирских архитекторов получил звание заслуженного архитектора РСФСР.

В течение 1970–1994 годов Воловик активно работал в Союзе архитекторов СССР и РСФСР, а также в Новосибирском отделении Союза архитекторов России. Под его председательством объединялись все творческие силы Новосибирска, воспитывалась молодежь, решался вопрос архитектурного образования в Сибири. Проведение выездных заседаний правления прямо на строящихся объектах, организация выставок и дней архитектуры, участие в работе градостроительного совета – все это было возможно благодаря Анатолию Афанасьевичу.

«На всех уровнях он заявлял, – пишет Т. И. Иванова, – что даже талантливый архитектор в сложившейся системе, где господствует бесправие зодчего, практически бессилён. СССР – единственная страна, где отсутствуют градостроительные законы, где законодательно не оформлен статус архитектора, где права зодчего никак не защищены. Он считал, что архитектура во многом формирует и воспитывает человека. Он рисковал утверждать, что архитектура влияет даже на уровень преступности, что в грязной, однотипной, замусоренной среде человек способен озлобиться. И наоборот, яркая цветовая палитра улиц и площадей формируют людей с искрой Божьей в душе, способных поклоняться красоте и созидать ее» [4].

Наряду с крупными общественными объектами Анатолий Афанасьевич строит в 1971 году дом «для себя» – небольшую летнюю дачу в поселке Новом под Академгородком. Согласно ограничениям, дом можно было построить без капитального фундамента и только в один этаж. Однако архитектор нашел элегантное решение: он сделал небольшой треугольный объем и спрятал наверху мансардную комнатку.



^ Рис. 8. Новосибирск. Проект речного вокзала с гостиницей. 1972

Эта форма была необычной для строителей. Они думали, что строят крышу, а не целый дом и постоянно спрашивали у Анатолия Афанасьевича, как он собирается строить стены, если крыша стоит на земле. Но он отшучивался и говорил, что в конце приедет кран и поднимет всю конструкцию наверх.

В этом объекте видны замечательные черты сибирской сельской архитектуры, которые он наблюдал ребенком. Спальные места были решены в виде деревенских полатей, расположенных на наклонной стене с лестницей. Дети и гости могли лежать на полатах, а открытые форточки прямо у головы позволяли дышать свежим воздухом всю ночь. Когда кто-то болел, мы клали его на верхнюю полать, там было теплее всего, потому что поднималось тепло от печки. Там же в июне сушилась липа, с которой мы потом пили чай.

Я помню, как на даче мой отец вставал с рассветом, шел в лес, рисовал там и приносил букеты. Огромные охапки полевых цветов. Они у нас стояли в ведре на пеньке или веранде. Часто заглядывал к знакомым, дарил цветы, возвращаясь из леса.

В своей профессиональной жизни он искал пути обучения студентов новой архитектурной пластике. Он хотел, чтобы молодежь не только разбиралась в технической стороне современной архитектуры, но и умела создавать пространственные архитектурные композиции и заниматься конструированием. Он ввел новую дисциплину – беспредметную композицию. Для ее преподавания он привлек выдающихся художников и архитекторов. Под его руководством повысилось качество образования выпускников. Дипломированные специалисты НИСИ становятся востребованными сотрудниками в проектных организациях страны.

В 1979 году Анатолия Афанасьевича избирают членом-корреспондентом Академии художеств СССР.

С 1982 года он возглавляет кафедру архитектуры гражданских зданий НИСИ. За многолетний профессиональный труд и участие в проектно-строительном деле в 1986 году ему присваивают звание профессора. В эти годы Анатолий Афанасьевич проводит исследования по подготовке архитекторов в вузах СССР. Он активно участвует в организации первого за Уралом архитектур-

ного ВУЗа – Новосибирского архитектурного института, используя площадки съездов Союза архитекторов.

Л. Х. Усепян, исследователь архитектуры: «На V съезде декан архитектурного факультета НИСИ, член секретариата правления СА СССР, доцент А. А. Воловик, объясняя ситуацию с подготовкой архитектурных кадров в Сибири, отмечал, что сибирские институты, выпуская до 400 специалистов в год, не могут достичь должных качественных результатов из-за отсутствия архитектурных конкурсов, слабой материально-технической базы и нехватки квалифицированных преподавателей. Он подчеркнул, что за последние 30 лет ни один человек не получил звание профессора. По его мнению, назрела острая необходимость в организации в Сибири научно-методического центра высшей архитектурной школы, которым должен стать архитектурный институт, объединяющий лучшие преподавательские силы Сибири. Он выразил надежду на конкретную помощь и решение Министерства высшего и среднего специального образования».

Правление Союза архитекторов России неоднократно обращалось в Министерство высшего и среднего специального образования и правительство РФ с предложением об организации архитектурного института в Новосибирске. В итоге проблема была решена. Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР «О дальнейшем развитии советской архитектуры и градостроительства» от 19 сентября 1987 года предусматривалось открытие в 1988 году в Новосибирске архитектурного института на базе архитектурного факультета НИСИ имени В. В. Куйбышева. Официальное открытие состоялось 13 августа 1989 года согласно приказу № 345 Министерства высшего и среднего образования РСФСР. Таким образом, надежды многих поколений сибирских архитекторов стали реальностью [3, с. 304].

В 1993 году Анатолий Афанасьевич стал академиком, действительным членом РААСН.

В 1994 году при непосредственном участии Воловика было организовано Сибирское отделение РААСН, которое он возглавлял до своей смерти в 1999. Задачей СО РААСН являлось координирование сил архитекторов и других представителей строительных наук в решении специ-



< Рис. 9. Здание речного вокзала с гостиницей «Обь». Сдано в эксплуатацию. 1974

фических региональных проблем архитектуры и строительства. Суровый климат, расстояния, неразвитость инфраструктуры побудили к созданию научного центра, способного решить весь комплекс этих проблем. Во всех крупных сибирских городах от Урала до Тихого океана были созданы представительства Академии и ряд творческих мастерских. Ассоциированными членами СО РААСН стали Новосибирский архитектурный институт, Томская архитектурно-строительная академия, Тюменский и Красноярский инженерно-строительный институты.

В 1996 году Анатолия Афанасьевича награждают орденом Почета за многолетнюю плодотворную работу и за заслуги в области архитектуры и строительства. В 1998 году Воловику было присвоено звание профессора Международной Академии архитектуры.

Когда я изучаю работы моего отца, мне кажется, что они создавались легко и непринужденно. Каждое принятое архитектором решение, простое и спокойное, всегда направлено на благо человека. Однако так же ясно, что эти постройки требовали от него колоссального трудолюбия и таланта. Анатолий Афанасьевич говорил, что «хорошая архитектура незаметна, как хорошая обувь, а плохая мешает, как гвоздь в ботинке». И действительно, его архитектура не только не мешает, но и создает много возможностей для развития. Она показывает, что архитектор отлично разбирается в своем деле и виртуозно сотрудничает с конструкторами, технологами и художниками. Все объекты Анатолия Афанасьевича полны уважением к ремеслу и материалу, радостью нового дела и начинания. Здесь хочется снова вспомнить его деревенское детство, когда он мальчишкой помогал мужикам на стройке. Рубить избу для новой семьи всем миром – это была очень светлая и устойчивая традиция на селе.

Мне кажется, что настоящим архитектурным почерком Анатолия Афанасьевича можно назвать открытость, заботу о человеке, качество всех деталей, художественность, использование новейших методов и разработок, а также смелость первопроходца. В ограниченных условиях «борьбы с излишествами» он все-таки нашел возможность яркого творческого выражения.

Его увлеченность профессией и влюбленность в нее вдохновили многих людей заниматься архитектурой.

Сотни архитекторов считают его своим учителем и человеком, определившим их профессиональный выбор. Они вспоминают его с уважением и признательностью за переданные знания, терпение и понимание. Анатолий Афанасьевич дал начало целой архитектурной семейной династии из трех поколений: в нашей семье сейчас насчитывается 9 архитекторов, работающих по всему миру от Новосибирска до Базеля. Мы выбрали архитектуру и активно продолжаем работать в этом направлении.

Анатолий Афанасьевич многие годы занимался педагогической деятельностью и успел выпустить сотни высокопрофессиональных и компетентных специалистов в области архитектуры. Профессор архитектуры В. М. Пивкин вспоминает, что он часто бывал с А. А. Воловиком в рабочих поездках и постоянно удивлялся его обширным знакомствам и наличию почти в каждом городе, прежде всего в сибирских городах, многочисленных учеников.

Вот несколько воспоминаний его учеников, опубликованных впервые.

Игорь Поповский, архитектор и преподаватель (Новосибирск): *«Харизма архитектора в нем была колоссальной. Впечатление от первой его лекции было настоящим волшебством, пробуждающим жертвенную любовь к архитектуре. Я благодарен ему за привитую на всю жизнь любовь к архитектуре и воспитание во мне архитектурного трудоголика в течении всего одной лекции на первом курсе».*

Ирина Швецова, архитектор и преподаватель (Новосибирск): *«Помню одно из занятий по Архитектурному проектированию, на которое А. А. Воловик привел своего друга архитектора Арзга Демирханова. Эта форма “Беседы об архитектуре” стала основой созданного на кафедре спецкурса “Индивидуальный творческий метод”, на которые приглашались ведущие и молодые архитекторы-практики. А. А. Воловик был “гением общения”. Его обаяние рассказчика, любовь к профессии располагали к нему людей также неравнодушных к профессии, профессионалов и тогдашних руководителей города Новосибирска».*

Николай Филиппов, архитектор, Новосибирск: *«Очень хорошо запомнил немногочисленные лекции, которые читал Воловик А. А. всему потоку. Это действительно был*



^ Рис. 10. А. А. Воловик в холле второго этажа ГПНТБ. 1966



^ Рис 11. Бердск. Дача архитектора А. А. Воловика. 1970

глоток свежего воздуха для студентов... Воловик А. А. – это глыба в истории сибирского постсоветского модернизма. Факт!»

Ирина Мазнева, архитектор (Новосибирск): *«Бесконечно благодарна судьбе за то, что подарила мне огромное счастье соприкоснуться, знать, сотрудничать и учиться у такого замечательного Человека, Архитектора, Личности фантастического масштаба гражданского, и творческого, и духовного мировоззрения и его команды. Он нас вдохновлял творческим дерзновением и ставшей крылатой фразой: “Держайтесь, ничего не бойтесь! Дальше Сибири не сошлют, ниже Архитектора не разжалуют!”. Мы и не боялись, исчезли нерешительность, страхи, нас, как птенцов учили летать!»*

Александр Деринг, архитектор, Барнаул: *«Меня потрясли его душевные чисто человеческие качества. Он защитил меня в трудный момент от несправедливых нападок преподавателей. Он любил студентов! Помогал чем мог. Я до сих пор считаю, что именно Воловик подарил мне веру в выбранный мною путь архитектора!»*

Анатолий Афанасьевич Воловик был воплощением архитектурной эпохи 1960-х годов. *«Он мечтал, – пишет Татьяна Иванова, – чтобы архитекторы стали избранными членами общества, интеллектуальной и духовной элитой, людьми с богатейшим внутренним миром, чтобы, обладая всесторонними запросами и широким кругозором, они не замыкались в своей кастовой скорлупе. Он всегда говорил, что архитектура – это не профессия, а состояние духа» [4].*

Сегодня в Новосибирске продолжает вести работу образовательное учреждение, которое стало самостоятельным и превратилось в университет НГУАДИ им. Д. И. Крячкова. Также существует Сибирское отделение РААСН. А около главного детища Анатолия Афанасьевича – ГПНТБ – находится сквер, названный в его честь.

Жизнь продолжается на и даче, где жил и работал Анатолий Афанасьевич.

Он оставил после себя богатое наследие и вдохновил многих архитекторов следовать своей мечте.

Литература

- Усепян, Л. Х. Сибирский архитектор Анатолий Афанасьевич Воловик // Баландинские чтения: сборник статей VIII научных чтений памяти С. Н. Баландина, Новосибирск, 18–20 апреля 2013 г. – Новосибирск, 2014. – С. 300–308.
- Артемьева, Е. Б. Крупнейшая научная библиотека Сибири и Дальнего Востока в портретах основателей и руководителей // Библиотечное дело. – 2018. – №14(320). – 48 с.
- Роль ГПНТБ СО РАН в развитии информационно-библиотечного обслуживания в регионе: к 90-летию ГПНТБ СО РАН, 50-летию в составе Сибирского отделения РАН: межрегиональная научно-практическая конференция (г. Новосибирск, 6–10 октября 2008 г.): тезисы докладов / Гос. публичная научно-техническая б-ка Сибирского отд-ния Российской акад. наук; редкол.: О. Л. Лаврик (отв. ред.), Н. С. Редькина. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2008. – 218 с.: ил.,
- Иванова, Т. И. Архитектура – не профессия, а состояние духа // Созидатели: очерки о людях, вписавших свое имя в историю Новосибирска. – Новосибирск: Клуб меценатов, 2003. – Т.1. – С. 82–91. – URL: <http://bsk.nios.ru/content/volovik-anatoliy-afanasevich> (дата обращения: 02.08.2024).

References

- Artemyeva, E. B. (2018). Krupneishaya nauchnaya biblioteka Sibiri i Dalnego Vostoka v rtretakh osnovatelei i rukovoditelei [The largest scientific library of Siberia and the Far East in the portraits of founders and leaders]. *Bibliotchnoye delo*, 14(320).
- Ivanova, T. I. (2003). Arkhitektura – ne professiya, a sostoyanie dukha. In N. A. Alexandrov, E. A. Gorodetsky (Eds.), *“Sozidateli”: Ocherki o lyudyakh, vpisavshikh svoye imya v istoriyu Novosibirsk* (Vol.1, pp. 82–91). Novosibirsk: Klub metsenatov. Retrieved August 2, 2024, from <http://bsk.nios.ru/content/volovik-anatoliy-afanasevich>
- Gosudarstvennaya publichnaya nauchno-tekhnicheskaya biblioteka Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. (2008). *Rol GPNTB SO RAN v razvitii informatsionno-bibliotchnogo obsluzhivaniya v regione (k 90-letiyu GPNTB SO RAN, 50-letiyu v sostave Sibirskogo otdeleniya RAN)*. Proceedings of the interregional scientific and practical conference (Novosibirsk, 6–10 October 2008). Novosibirsk: GPNTB SO RAN. ISBN 978-5-94560-153-6.
- Usepyan, L. Kh. (2013). Sibirsky arkhitektor Anatoliy Afanasyevich Volovik (1929–1999) [Siberian architect Anatoliy Afanasyevich Volovik (1929–1999)]. In *Balandinskie Chteniya: Sbornik statei VIII nauchnykh chtenii pamyati S. N. Balandina* (pp. 300–308). Novosibirsk.

место встречи / meeting place



Встречи сами по себе воспринимались как позитивное явление вплоть до семидесятых годов XX века. Начиная с последней четверти прошлого столетия нарастала «эпидемия одиночества». Сегодня значительная часть общества, особенно в богатых западных странах утратила навыки встреч и привыкла к одиночеству. Данная тенденция отразилась в современной архитектуре и градостроительстве в виде сильных трендов сегрегации и геттоизации городов, а также в строительстве маленьких домов для одиночного проживания. Показан негативный эффект от распространения одиночества и пути преодоления этого тренда.

Ключевые слова: архитектура; урбанистика; места встреч; одиночество; социология; психология. /

Meetings in themselves were perceived as a positive phenomenon until the seventies of the twentieth century. Since the last quarter of the last century, there has been a growing 'epidemic of loneliness'. Today, a large part of the society, especially in wealthy Western countries, has lost the skills of meeting and has become accustomed to loneliness. This trend is reflected in modern architecture and urban planning in the form of strong trends of segregation and ghettoisation of cities, as well as in the construction of small houses for solitary living. The negative effect of the spread of loneliness and the ways to overcome this trend are shown.

Keywords: architecture; urbanism; meeting places; loneliness; sociology; psychology.

Места встреч на фоне одиночества / Meeting places against the background of loneliness

текст

Константин Лидин
Федерация «Союз соотечественников»
(София, Болгария)

text

Konstantin Lidin
Federation of Fellow Citizens (Sofia, Bulgaria)

Введение

Слово «встреча» имеет чрезвычайно давнее происхождение. Великий языковед Бодуэн де Куртенэ считал, что слова «встреча, встретить» ведут свою родословную от древнеиндийского корня *su-* (счастливый случай, удача). Один из самых своеобразных славянских языков – сербскохорватский – сохранил эту связь в слове «срећа», которое так и означает «счастье».

В большинстве человеческих сообществ встречи по большей части полагались событиями положительными. Правда, позитивная коннотация встреч то нарастала, то спадала. Около ста лет назад, в эпоху первых пятилеток, случился ярко выраженный максимум, когда встречи действительно почитались как счастье. В 1932 году на экраны вышел (и сразу же стал популярным) фильм «Встречный». Сюжет картины в сегодняшнем контексте вызывает скорее недоумение: на одном из ленинградских заводов группа прогрессивных рабочих предлагает выдвинуть встречный (повышенный) план выпуска продукции, а группа малoverов не соглашается. В конце, как положено, малoverы перевоспитываются, и коллектив дружно движется к новым трудовым свершениям. Громкую и долговечную славу, однако, приобрел даже не сам фильм, а песня из него, написанная гениальным Дмитрием Шостаковичем на слова Бориса Корнилова. С тех пор бодрый мотив и слова песни воспринимаются как символ и гимн оптимистичного коллективизма. В сло-

вах песни встречам радуются не только люди, но и вся природа:

И радость поет, не скончая,
И песня навстречу идет,
И люди смеются, встречая,
И встречное солнце встает...

Итак, встречи – это пересечения, столкновения, даже конфликты людей, но в целом они несут позитивный характер. Встречи – это счастье. По крайней мере – удача. Но так было не всегда.

1. Встречи и не-встречи

Кто виноват, скажи-ка, брат,
Один – женат, второй – богат.
Один смешон, другой влюблен,
Один – дурак, другой – твой враг.

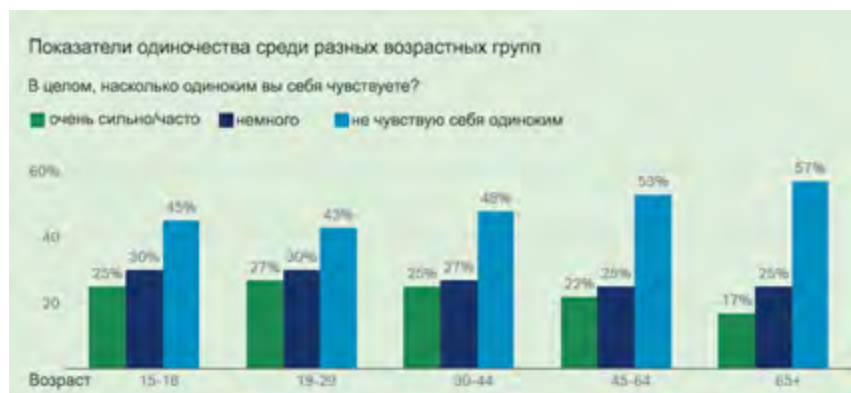
Группа «Воскресение»

Доктор Вивек Мэрфи, бывший главный хирург США, недавно написал: «Одиночество и слабые социальные связи связаны с сокращением продолжительности жизни, аналогичным тому, которое вызывается выкуриванием 15 сигарет в день».

Это неожиданное сопоставление произвело большой резонанс тем более, что одержимые цифрами американцы уже давно подсчитали: одна сигарета сокращает продолжительность жизни на 11 минут. Одиночество почти так же опасно, как ожирение, пишет доктор Мэрфи, оно увеличивает вероятность гормональных расстройств, сердечно-сосудистых заболеваний и раннего слабоумия [1].

Недавно институт Гэллага совместно с социальной сетью Мета провели обширное исследование феномена одиночества в 142 странах мира [2]. Результаты, мягко говоря, огорчительные. Почти половина людей по всему миру признается, что чувство одиночества им знакомо, а четверть опрошенных сообщают, что постоянно чувствуют себя одинокими в средней или высокой степени. Как ни странно, с возрастом этот показатель снижается, то есть, пожилые люди (65+) реже сообщают о своем одиночестве, а самая молодая группа (15–18) – чаще всех.

в Рис. 1. Чувство одиночества по возрастным категориям, согласно опросу Гэллага-Мета



На этом фоне массовый характер принимает строительство небольших и совсем крошечных домов [3]. Популярность квартир на одного жителя и отражает, и стимулирует тенденцию к одиночеству. Тяготение к маленьким индивидуальным квартирам оправдывается экономическими соображениями, но статистика опровергает эти попытки. Процент людей, живущих в одиночестве, наиболее высок именно в странах с максимальными доходами населения. Лидерами по количеству жильцов-одиночек являются богатые страны ЕС – Норвегия, Дания, Финляндия, а реже всего это явление встречается в самых бедных странах Азии, Африки и Латинской Америки – Пакистан, Конго, Колумбия и так далее. В разоренном бесчисленными войнами Афганистане практически никто не живет поодиночке.

Рост одиночества проявляется в структуре городов еще на одном уровне – в форме различных разновидностей сегрегации. Внутри городского пространства образуются районы компактного проживания по разным признакам. Обычным явлением стали обособленные кварталы иммигрантов. Никак не перепутаешь характер застройки и образ жизни в кварталах, различающихся по уровню доходов. Замкнутые фрагменты городской ткани выделяются по профессиональному признаку (университетские кампусы, городки сотрудников крупных корпораций и прочие наследники фабрично-заводских поселков прошлого и позапрошлого веков). Все эти «гетто» обособляются от остальных районов городов при помощи разных приемов, но все они в той или иной степени препятствуют встречам людей. Границы сегрегированных фрагментов движутся: в некоторых районах преобладает джентрификация, другие районы теряют престижность и заселяются бедной, массовая миграция формирует кварталы «понаехов» и так далее, но все эти процессы развиваются на фоне общего роста разобщенности. Круг людей, с которыми встречается типичный горожанин, все время сокращается: одни говорят не на том языке, у других не те политические убеждения, профессиональные интересы, уровень доходов... Любые различия между людьми превращаются в причину для того, чтобы ограничить или совсем прекратить встречи.

2. Как мы к этому пришли?

Ничего на свете лучше нету,
Чем бродить друзьям по белу свету.
Тем, кто дружен, не страшны тревоги!
Нам любые дороги дороги!

Ю. Энтин

«Эпоха встреч» завершилась вместе с концом шестидесятилетия. Шестидесятые (понимаемые как определенная идеология, мировоззрение и образ жизни) опираются на образы динамичные, наполненные перспективами, открытиями и новыми знакомствами. Именно в период расцвета этой идеологии возникали мощные проекты, основанные на идеях линейного городского пространства.

Яркие и значительные явления в архитектуре родились и сформировались на энергии творческого взрыва шестидесятников. Британская группа Аркигрэм и московская группа НЭР в период между 1961 и 1968 годами прошли путь от дерзких дипломных проектов до отдельных павильонов на престижнейшей Миланской Триеннале. В те же сроки свой героический период проходила иркутская школа Владимира Павлова, только иркутяне сосредоточились на практических задачах развития одного конкретного города. Имена И. Лежавы и А. Гутнова стали синонимами новой концепции «города встреч», а В. Павлов сформировал стиль сибирского брутализма.

Но в течение последующих десятилетий отношение к «встречной архитектуре» постепенно менялось. В начале восьмидесятых произошел очень показатель-

Доля домохозяйств, состоящих из одного человека в связи с ВВП на душу

Размер кругов соответствует численности народонаселения страны, цвет кругов показывает регион в мире



ный конфликт между двумя творческими личностями, которыми по праву гордится Иркутск – В. Павловым и В. Распутиным. Наш журнал уже писал об этом конфликте [4], а недавние события заставили снова о нем вспомнить. Поводом вернуться к этой старой (и не очень эстетичной) истории стал визит в Иркутск авторитетного архитектурного критика В. Ревзина. Замечательный архитектор-исследователь и обладатель великолепного острого пера, В. Ревзин вместе с группой студентов РАНХИГС пробыл в Иркутске меньше трех дней, но успел составить представление о характере города и написать эссе [5]. Заметное место в этом блестящем тексте занимает история конфликта между В. Павловым и В. Распутиным.

Оставим в стороне фактические ошибки, которые вкрались в эссе – так, например, первое открытое столкновение двух иркутских «звезд» произошло не в 1986 году (как написано у В. Ревзина), а в 1982, то есть на вершине «брежневского застоя». И основой для разногласий архитектора и писателя стала в основном не судьба деревянного Иркутска. Их антагонизм, как видно из подробного отчета об этой дискуссии, сводился к трактовке городского пространства [6]. Иркутские бруталисты исповедовали идеологию проницаемых пространств, свободно текущих потоков, стимулирующих встречи и столкновения людей. Распутин принадлежал к апологетам городской ткани, повторяющей структуру деревенской застройки – с узкими, кривыми и запутанными проходами между особняками и их заборами. Эта сложная структура, как лабиринт, проницаема только для «своих», для тех, кто хорошо знаком со всеми ее ловушками и тупиками. Для всякого «чужого» она непреодолима и опасна. Идеи длинных, прямых осей и лучей – в основном вдоль Ангары, до самого Байкала – для иркутских «деревенщиков» выглядели страшными и грозными символами потока городской жизни, сметающего старенькие, уютные домики и дворники, а с ними и традиции привычного уклада.

Для меня было большой неожиданностью сегодня встретить похожую точку зрения у авторитетнейшего московского критика. Было странно, что такой многознающий и проницательный человек не распознал характер Иркутска – города в основе своей линейного. Сто тридцатый квартал, который и сами иркутяне, и туристы охотно воспринимают как символ иркутского горожанства и любимое место встреч, показался гостю безлюдным сборищем китчевых новоделов. Сквозная структура квартала, засасывающая потоки людей и снабжающая клиентурой процветающие лавочки и рестораны, ускользнула от его внимания.

^ Рис. 2. Соотношение доли домохозяйств, состоящих из одного человека, с уровнем ВВП на душу населения



^ Рис. 3. Фрагмент мастер-плана парка Мадурейра. Сайт бюро Ruy Rezende Arquitetos (<https://www.rra.com.br/>)

Впрочем, эссе В. Ревзина о ближайшем соседе Иркутска – Улан-Удэ – тоже не свидетельствует о доверительной встрече с городом. Застройка Улан-Удэ, напоминающая старое Замоскворечье, удивила и разочаровала уважаемого критика [7]. К сожалению, никто не объяснил гостю, что у бурят нет, да и не может быть своих архитектурных и градостроительных традиций. Буряты, как и монголы, переходили от кочевого образа жизни к оседлому всего двести-триста лет назад и просто не успели наработать свой национальный архитектурный стиль. Вот в Улан-Баторе, скажем, до сих пор войлочные юрты стоят между многоэтажками из сборного бетона. И даже «буддийская» архитектура дацанов на самом деле почти без изменений перенесена из Китая и Тибета, где так строили не только храмы и монастыри, но и дворцы, и крепости.

3. Встречи надо подтолкнуть

Нет рядом никого, как ни дыши.

Давай с тобой организуем встречу!

В. Высоцкий

Старая история и ее сегодняшнее продолжение в концентрированном виде отражают те процессы, которые привели нас от упоения встречами к нынешней эпидемии одиночества. Современный город не помогает встречам потому, что множество горожан не хотят встреч. Поток событий выглядит непредсказуемым и опасным явлением, вроде горной лавины, и лучше бы его как-нибудь замедлить, а еще лучше – совсем остановить. Современный горожанин не ждет ничего хорошего от своих сограждан и смотрит в будущее с унынием и тревогой. Рост социального пессимизма тот же институт Гэллага отмечал неоднократно, и эта пренебрежительная тенденция также нарастает от поколения к поколению [8].

Впрочем, следует отметить и наличие прямо противоположных тенденций. Растет и ширится движение «коливинга» – реинкарнация коммунальных квартир, в которых люди живут не только из-за дефицита жилья, но также и по желанию более частых встреч [9]. Общественные пространства привлекают постоянное внимание архитекторов. Снова и снова возвращаются в поле зрения градостроителей проекты шестидесятников и их преем-

ников – в Иркутске это Сто тридцатый квартал (который все еще далек от запроектированного вида), Зеленый диаметр, Байкальский луч.

Замечательным примером организации общественного пространства, которое прямо-таки делает встречи неизбежными, является парк Мадурейра в Рио-де-Жанейро, Бразилия (Parque Madureira, проект архитектурного бюро Ruy Rezende Arquitetos, 2016). Парк сильно вытянут между двумя крупными автомобильными трассами и имеет ярко выраженную линейную структуру. Основным магнитом парка стали многочисленные фонтаны и бассейны, которые приглашают жителей жаркой Бразилии к разнообразным водным процедурам. Для того чтобы обеспечить этот непрерывный водный фестиваль, авторы проекта построили сложную многоуровневую систему подачи, отвода, очистки и повторного использования воды, высадили тысячи крупномерных деревьев и пальм и разработали множество оригинальных вариантов уличной мебели, защищающей от тропического солнца.

Опыт успешных проектов общественных пространств, которые на самом деле становятся местами встреч, показывает: недостаточно просто расчистить площадку и расставить скамейки. Современный горожанин научился искать встреч. Одиночество гнетет его, сокращает ему жизнь, но привычка мешает насытить свою жизнь встречами. Избавиться от одиночества не легче, чем от курения, а ведь по расчетам американских врачей это эквивалентно 15 сигаретам в день, каждая – минус 11 минут жизни. Итого два с половиной часа каждый день; шесть недель за каждый год своей жизни современный горожанин теряет оттого, что ему не хватает мест для встреч или эти места недостаточно властно подталкивают к общению его обленевшую душу.

Разумеется, архитекторы сами по себе не смогут решить обозначенную проблему. Никакое место встреч нельзя спроектировать, если не сформулирован социальный заказ: какого рода встречи должны происходить в этом месте? Какие люди будут здесь встречаться? Для чего? Что эти люди будут делать вместе и какой из этого должен получиться результат? На все эти фундаментальные (в рамках проекта) вопросы должны отвечать заказчики – городские власти, общественность – после



^ Рис. 4. Плакат, призывающий участвовать в общественных мероприятиях по озеленению парка. Жителей Рио-де-Жанейро призывают отказаться от потребительского отношения к парку и принять участие в его развитии

того, как ситуацию изучат социологи и социальные психологи, историки и краеведы. Для создания настоящего места встреч нужно, чтобы встретились специалисты, управленцы и будущие пользователи этих самых мест. Чтобы встречаться, надо встречаться. Как разорвать этот замкнутый круг? Пока что не очень понятно.

Литература

1. Global State of Social Connections (2023) Washington, DC: Gallup – Meta file:///C:/Users/User/Downloads/Gallup-Meta-Global%20State%20of%20Social%20Connections%20Report-2023.pdf (дата обращения: 09.08.2024).
2. Murthy Vivek (26 Sept. 2017) Work and the Loneliness Epidemic. Reducing isolation at work is good for business. Harvard Business Review. – URL: <https://hbr.org/2017/09/work-and-the-loneliness-epidemic> (дата обращения: 05.08.2024).
3. Маис Радхи Аль-Рувайшеди и др. Метаморфозы традиционного жилья // Проект Байкал. – 2024. – № 80. – С. 114–119. – DOI: <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/80.2341>
4. Ревзин, В. Город большого мифа и большой обиды. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6836394> (дата обращения: 24.07.2024).
5. Ревзин / В. Город в поисках культурной идентичности. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6690157> (дата обращения: 01.06.2024).
6. Лидин, К. Такие разные звезды // Проект Байкал. – 2017. – № 52. – 126–127. – DOI: <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.52.1182>
7. Преловская, Б. Лица необщим выраженьем. Память Сибири // Восточно-Сибирская правда. – 1982. – 26 июля.
8. Gallup International Association “End of Year” Global Polling Tradition: Fears of War are Serious and Economic Prospects are Gloomy (28 December 2023). – URL: <https://www.gallup-international.bg/en/47898/gallup-international-association-end-of-year-global-polling-tradition-fears-of-war-are-serious-and-economic-prospects-are-gloomy/> (дата обращения: 10.08.2024).
9. Балакина, А., Павлюк, А. Коливинг – трансформации инфраструктуры // Проект Байкал. – 2021. – № 70. – С. 156–161. – DOI: <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.70.1907>

References

- Al Ruwaisheidi, M. R., Khraisat, D., Al Rawashdeh, S. bashir, Wafeq, A. A., & Hussien, R. (2024). Metamorphosis of the traditional dwelling. *Project Baikal*, 21(80), 114–119. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/80.2341>
- Balakina, A., & Pavlyuk, A. (2021). Coliving: Infrastructure Transformations. *Project Baikal*, 18(70), 156–161. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.70.1907>
- Gallup International Association “End of Year” Global Polling Tradition: Fears of War are Serious and Economic Prospects are Gloomy (2023, December 28). *Gallup International*. Retrieved August 10, 2024, from <https://www.gallup-international.bg/en/47898/gallup-international-association-end-of-year-global-polling-tradition-fears-of-war-are-serious-and-economic-prospects-are-gloomy/>
- Global State of Social Connections*. (2023). Washington, DC: Gallup – Meta. Retrieved August 9, 2024, from file:///C:/Users/User/Downloads/Gallup-Meta-Global%20State%20of%20Social%20Connections%20Report-2023.pdf
- Lidin, K. (2017). Such different stars // Project Baikal. - 2017. - № 52. - 126–127. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.52.1182>
- Murthy, V. (2017, September 26). Work and the Loneliness Epidemic. Reducing isolation at work is good for business. *Harvard Business Review*. Retrieved August 5, 2024, from <https://hbr.org/2017/09/work-and-the-loneliness-epidemic>
- Prelovskaya, B. (1982, July 26). Litsa neobshchim vyrazheniem. Pamyat Sibiri [Uniqueness of the face. Memory of Siberia]. *Vostochno-Sibirskaya Pravda*.
- Revzin, V. (2024, May 17). Gorod v poiskakh kulturnoi identichnosti [City in search of cultural identity]. *Kommersant*. Retrieved June 1, 2024, from <https://www.kommersant.ru/doc/6690157>
- Revzin, V. (2024, July 19). Gorod bolshogo mifa i bolshoi obidy [The city of big myth and big offence]. *Kommersant*. Retrieved July 24, 2024, from <https://www.kommersant.ru/doc/6836394>

Елена Григорьева
Российская академия
архитектуры и
строительный наук
Константин Лидин
Федерация «Союз
соотечественников»
(Болгария)

Александр Гимельштейн
Иркутский
государственный
университет

Виталий Барышников
ООО «Гранд Байкал»

Руслан Хотулев
ООО «Градостроительная
мастерская «Линия»»

Сергей Маяренко
АНО «Иркутские кварталы»

Татьяна Анненкова
Журнал «Проект Байкал»

Екатерина Гладкова
Технологический институт
Карлсруэ (Германия)

Татьяна Титова
Проектная мастерская
Open Project Studio

Анастасия Малько
Технологический институт
Карлсруэ (Германия)

Анастасия Холявко
Сибирская лаборатория
урбанистики

Elena Grigoryeva
Russian Academy
of Architecture and
Construction Sciences

Konstantin Lidin
Federation of Fellow
Citizens (Bulgaria)

Alexander Gimelshteyn
Irkutsk State University

Vitaly Baryshnikov
ООО Grand Baikal

Ruslan Khotulev
ООО Urban Planning Bureau
“Liniya”

Sergey Mayarenkov
АНО Irkutsk Quarters

Tatyana Annenkov
Project Baikal journal

Ekaterina Gladkova
Karlsruhe Institute of
Technology (Germany)

Tatiana Titova
architectural bureau Open
Project Studio

Anastasia Malko
Karlsruhe Institute of
Technology (Germany)

Anastasia Kholiyavko
Siberian Laboratory of
Urbanistics

10 июля 2024 в Иркутском доме архитектора собрался Дискуссионный клуб ПБ по теме номера. К постоянным участникам клуба присоединились новые; модераторами выступили Константин Лидин и Елена Григорьева. Речь на этот раз шла не только об Иркутске, но и о Енисейске, Черемхово, Софии, Вене, Шанхае, Копенгагене, Берлине...

Ключевые слова: разобщенность; виртуальные контакты; игры и игрушки; транспорт.

On July 10, 2024, the PB Discussion Club held a meeting on the topic of the issue in the Irkutsk House of Architects. New members joined the regular members of the Club; Konstantin Lidin and Elena Grigoryeva acted as moderators. This time, the discussion was not only about Irkutsk, but also about Yeniseisk, Cheremkhovo, Sofia, Vienna, Shanghai, Copenhagen, Berlin. . .

Keywords: disunity; virtual contacts; games and toys; transport.



Дискуссионный клуб ПБ. Город как место встреч / PB Discussion Club. The city as a meeting place

Единственная известная мне роскошь – это роскошь человеческого общения.

Антуан де Сент-Экзюпери

Елена Григорьева Позволю себе небольшое топонимическое вступление.

Торонто – крупнейший канадский город, культурный и торговый центр англоязычной Канады, международный эталон чистоты и порядка – на языке гуронов означает МЕСТО ВСТРЕЧИ. Здесь есть все: стадионы четырех знаменитых спортклубов, музей кленового сиропа, развлечения, театры; полноценный город с небоскребами и в то же время с парками и белками в них.

Еще один город на другом конце света, где живут антиподы, – столица Австралии Канберра – и тоже в переводе с языка аборигенов – МЕСТО ВСТРЕЧИ.

Вот еще пример: город на южном берегу Северного Ледовитого океана (у этого океана все берега южные) Тикси – его название тоже переводится с якутского как МЕСТО ВСТРЕЧИ. Трое из здесь присутствующих побывали там совсем недавно.

Словосочетание МЕСТО ВСТРЕЧИ очень устойчивое, раз дало название сразу нескольким – и таким разным – городам. А есть еще одноименные памятники, скульптуры: в российском Петрозаводске (подарок норвегов, между прочим); в Туле; в Лондоне (на вокзале Сент-Покрасс знаменитая статуя «Место встречи») – двое встречаются, соприкасаясь лбами). И в нашем Усть-Илимске самое популярное кафе тоже называется «Место встречи».

Город на самом деле является местом встречи – и не только людей, но и разных культур. Иркутск – он такой, многонациональный, многоконфессиональный. Встреча разных религий происходит на относительно небольшой территории нашего проекта «Иркутские кварталы»: вокруг два православных храма, армянская церковь, мечеть, синагога.

Здесь и разные субкультуры. Как они сосуществуют, дружат или конфликтуют? А как люди? Встречи или разобщенность, депопуляция, падение рождаемости? Семья и роль городского образа жизни в этих процессах, в том, что сейчас происходит с населением. Может быть, стоит поговорить об утрачиваемой способности договариваться.

Константин Лидин Я хочу сосредоточиться на той теме, которая меня больше всего волнует, потому что, живя в Европе, я вижу, насколько сильно встает вопрос разобщенности людей.

София – исторически торговый город на перекрестке, и здесь очень много людей, приехавших из совершенно разных мест. И все эти люди предпочитают жить изолированно друг от друга; это проявляется даже в географическом плане. Есть, например, арабская улица: там магазинчики маленькие торгуют халялем и другими товарами, привезенными откуда-то из арабского мира. И эта улица выглядит совершенно по-другому. Арабы проводят очень много времени на улице, традиционно так же, как турки. Прямо ставят стулья на тротуар, сидят, стоят, обсуждают прохожих и какие-то свои актуальные темы. А рядом улица, где больше болгар, и там пусто. Если арабская улочка чистая, подметенная, прибранная – болгарская улица рядом завалена мусором.

А совсем неподалеку может находиться локальный фрагмент города, где живут высокооплачиваемые специалисты в области IT. Это такой кусочек богатого квартала по международным стандартам: зелено, малоэтажная высококачественная застройка, охрана, просто так не зайдешь. Резервация для умников.

Пестрота необычайная, вплоть до того, что можно увидеть на улице историческое здание, у которого четверть отреставрирована: восстановлена лепнина, оштукатурено, покрашено. А три четверти этого же здания – это руины с вышибленными стеклами. Половина черепичной крыши здания восстановлена, а полкрыши провалилось. Значит, люди очень мало разговаривают друг с другом, минимум общения. Я живу в Болгарии уже больше пяти лет, но у меня минимум болгарского, мне он не нужен. У меня английский сейчас лучше, чем болгарский, потому что в интернете английский преобладает. И есть множество людей, которые живут здесь десятилетиями, так и не выучив язык.

Города, в которых люди не встречаются, совсем не обязательно какие-то проблемные, неблагополучные города. К примеру, тот же самый Торонто уже много лет входит в пятерку наиболее комфортных для жизни городов мира. Но в то же время там достаточно много людей



очень несчастливых, очень тревожных. Недавно институт Гэллага опубликовал большой отчет. Они измеряли эмоции, проводили опрос почти в 40 странах мира, как себя люди чувствуют и какие эмоции испытывают. И тревожность зашкаливает как раз в тех странах, которые мы считаем благополучными: Канада, Соединенные Штаты, Испания, Япония. А ведь страх – эмоция, разрушающая связи между людьми. Для того, чтобы случилась встреча людей, нужно доверять, а страх доверию противоположен.

Вопрос очень болезненный. Что мы можем сделать, в первую очередь для самих себя? Мы-то ведь тоже живем в этой среде. Иркутск находится в географическом центре Азии, от Иркутска до границ Азии во все стороны одинаковое расстояние. Но тем не менее это европейский город, западный. Соответственно, нас тоже эти тенденции накрывают несмотря на то, что в России уровень тревожности гораздо ниже, чем в Западной Европе и Северной Америке. Но выше, чем в Китае.

У нас в Иркутске люди тоже теряют навыки общения с другими людьми и навыки общения внутри себя – с самим собой. Я очень надеюсь услышать мнение образованных и профессиональных людей – вас: что можно сделать в этой ситуации. Ситуация жутковатая, но есть еще вторичное явление: как влияет тревожность и разобщенность на семейные отношения, и на воспроизводство следующего поколения, и на быт, и на работу – на все влияет.

Александр Гимельштейн Существует совершенно устоявшееся мнение, что современная система коммуникаций, интернет-мессенджеры и прочее разобщают людей.

У меня есть очень серьезное сомнение в правоте этого стереотипного тезиса: у молодежи высокий уровень коммуникабельности и контактности, хотя именно эти современные формы коммуникации занимают абсолютно доминирующее положение. И в нашем поколении уже очень значительное место занимают. Уровень деловой коммуникации в соцсетях, в мессенджерах огромен на данный момент. Есть ли от этого ощущение одиночества? Я бы сказал, что наоборот: есть ощущение постоянного коммуникационного нажима, и я понимаю, что и я такой же инструмент нажима в обратную сторону.

У нас чрезмерное количество контактов, которые резко облегчили общение; может, в депрессии нас вгоняют именно они, а не разобщенность. Виртуальные контакты можно заменить очным общением, но за счет эффективности. И если весь этот объем общения становится очным, коммуникации прямыми – эффективность потеряется, а коммуникационный нажим будет сохраняться.

КЛ Цифровое общение – это суррогатное общение, совершенно очевидно. Главное – имеет ли оно отношение к вопросу города? Или это другая реальность, она перпендикулярна к этой плоскости, в которой наши города располагаются? Какое отношения пространство города имеет к интернету? Они по-разному устроены, они по разным законам существуют, по-разному развиваются, и общение в интернете – это совсем другое общение. Встречи в интернете – совсем другие встречи, это даже не людей-встречи, это встречи аватарок, полувыведанных персонажей. Это интересная тема, важная, но это другая тема, отдельная.

АГ Но я в данном случае говорил не о мистических встречах, не о создании какой-то новой реальности, что многим людям психологически необходимо. Я говорю о коммуникациях с людьми из сферы нашего общения.

И в этом смысле мы не вне города, мы не находимся в какой-то отдельной виртуальной реальности. Это всего лишь технологическая форма наших коммуникаций внутри города, по городским проблемам.

КЛ Вы знаете, на детях особенно виден дефицит реального общения, несмотря на все эти гаджеты и интернет. Здесь, в Европе обычная практика – нанимать кратковременную няню, когда родители куда-то уезжают, а детей оставить негде. Дети чуть ли не с рождения в интернете, половина игрушек с выходом в виртуальные реальности, но все-таки присматривать надо. А в русскоязычной среде норовят нанять русскоязычного человека, потому что в семьях большинство людей говорят на русском. Ну и такая вот семья, довольно состоятельная, у них девочка 4-х лет. Дом завален игрушками, очень дорогими, высокотехнологичными. И в один гостевой визит мы ей принесли игрушку – собачку и показали девочке, как с этой собачкой можно играть. На следующий день нам звонит

фото
Евгения Сурикова
photo by
Evgeniya Surikova

мама девочки и говорит: что вы сделали? Она с этой собачкой спит, ест, в туалет ходит; она теперь эту собачку не выпускает. Ребенку впервые в жизни показали, как играть с обычной плюшевой собачкой. Получается, родители покупают игрушки, и на этом общение заканчивается. Насколько же должно отсутствовать общение между родителями и детьми, чтобы ребенка некому было научить играть с игрушкой?

Сергей Маяренко Я бы не игнорировал влияние виртуального пространства на эти процессы. В истории человечества не было современных средств, не было интернета никогда. И вот появляются все эти транзакции в сфере коммуникаций, которые заменили в каком-то смысле потребность живого общения. И многие вещи стали доступнее, чем были в очном формате, особенно когда мы говорим о быстром общении, в более короткий промежуток времени. Я бы ввел сюда индикатор времени, который влияет, когда люди пытаются упростить процедуру встречи, куда-то не ездить, ускорить процессы, меньше говорить. Это век делового человека, который все время хочет в определенный промежуток времени сделать гораздо больше. Есть какое-то влияние времени и желания человека не тратить время на поездку физического тела, на долгий глубокий разговор.

Вот у меня отец всегда звонил и говорил: «Сережа, приезжай ко мне, надо поговорить». Ты собираешься, едешь. Вопрос такой, что можно было за минуту созвониться и решить. Но нет – надо приехать, поговорить, порешать. И я все время удивлялся: зачем это? Раньше не понимал его, теперь все больше понимаю. Интернет позволяет людям очень быстро решать гораздо большее количество вопросов технических, я бы так сказал. Но потерялась способность чувствовать другого человека. Люди, которые испытывали это в своей жизни, конечно, это чувство высоко ценят. И здесь возникает большая разница – люди, которые испытали живое общение, жили в нем, а уже потом попали в виртуальное пространство. Они могут владеть и тем, и тем: и живым общением, и виртуальным. А люди, которые родились в двухтысячных годах – это, правда, уже совсем другие люди. Здесь уже начинается дефицит того, что мы имели в нашем детстве без интернета. Возникает интересный сюжет о разнице воспитания у разных поколений.

Сейчас идешь по улице, а три четверти встречающих пешеходов идет либо с наушниками в ушах, либо они переписываются на ходу, либо разговаривают. То есть налицо уже единство виртуального мира и мира городского, поэтому все-таки речь о городе. Современный горожанин удовлетворяется дешевым дофамином: в рекламе, в сериалах, в игровых форматах. Мне кажется, что на этом стыке тоже большая проблема: общение и с игрушками другое, и с детьми все иначе, и с новым поколением. Я бы, наверное, в эту сторону данного суждения пошел, не игнорировал бы влияние виртуального пространства на эти процессы.

АГ У поколения Z нет проблем с коммуникацией. Напомню, что весь функционал виртуальных каналов создали мы, а не они. Наши дети/внуки получили его от нас, пользуются и развивают. Это практически полностью закрывает и функциональные проблемы «взрослых», а привычку встречаться очно в большей степени теряем мы, а не наши дети. Мы теперь не встречаемся, условно говоря, для игры в карты, лото и бильярд, и даже не часто встречаемся, чтобы выпить и просто посидеть, поговорить. Нам нужен повод, нам нужна география, энергетика. А у молодежи есть спрос на пространства, которые сейчас есть в городе: «отдыхательные», «игральные», развлекательные; и они, а не мы и не 12-тилетние туда ходят. 16–22-летние, условно говоря. Они начинают с того, что в сети знакомятся. И после этого все-таки,



несмотря на то, что потом всю ночь переписывались в мессенджере, они пойдут как раз куда-нибудь гулять, «живьем». А нашему поколению вроде бы и незачем: мы были уже везде в городе. Кстати, не помню вообще, чтобы я в юности играл в настольные игры. А сейчас огромное количество настольных игр. Это пришло из американского времяпрепровождения, и огромное количество 18–20-летних людей встречаются для того, чтобы играть в настольные игры.

Миф о том, что вся молодежь уселась в телефоны, уже неактуален: они продолжают гулять, жить и любить в городе. И далее вопрос: насколько хорошо город обеспечивает их необходимыми условиями? Сам бизнес на потребности среагировал – создал эти пространства. Но что происходит в городе? Кто знает, какой сейчас фестиваль есть в Иркутске? Книжный. Каждый столб должен об этом кричать. Но не кричит. Если мы сейчас сядем в машину или пешком пройдем до центра города, мы увидим, что ничего не происходит. Хотя должно. В Иркутске нет движения.

ЕГ По поводу событий, которые не происходят, а должны были бы. Год с небольшим остался до 200-летия восстания декабристов. Возможно, тут, в Иркутске, какие-то интересные вещи затеваются по этому поводу, но я почему-то о них не слышу. Готовятся ли город и места, куда они прибыли после каторги? Что планирует научное сообщество?

АГ Я думаю, будет проблема, но не в части активизации научной работы. Музей декабристов с этим достойно справится не с точки зрения Музея научности, а с общим отношением к декабристскому наследию в нашей стране в контексте оценки восстания как аристократического бунта, который нервирует очень сильно людей, определяющих современные дела.

Поэтому я с трудом представляю себе оргкомитеты на уровне губернаторов даже сибирских декабристских регионов. Думаю, будут точечные и локальные события.

ЕГ Мое отношение к декабризму сформировалось в советские времена, когда здесь издавались серии книг «Полярная звезда», работали Марк Сергеев и Евгений Ячменев, немного раньше – дядюшка Марка Мееровича



Марк Азадовский. Теперь некоторые высказывают кардинально иное мнение по поводу декабристов, называют их клятвопреступниками. А между тем я считаю, что сибирские города, такие как Иркутск и Чита, должны быть благодарны декабристам, людям, которые повлияли на культуру, образование, атмосферу города и общества, на ту самую столичность, о которой потом Чехов и некоторые другие говорили.

КЛ Коллеги, я хотел бы обратить ваше внимание, что мы плавно переходим ко второму вопросу.

Такая парадоксальная ситуация у нас образовалась: общество разделилось на группы, и внутри каждой группы своя правда. Есть группа людей, которые считают декабристов клятвопреступниками, а есть группа людей, которые считают, что это герои и локомотивы нашей провинциальной культуры. Возможно, обе группы по-своему правы, но главная проблема не в этом, а в том, что эти группы между собой не хотят даже разговаривать. Каждый со своей правдой живет, и наплевать ему на всех остальных. Но есть же темы гораздо более жесткие и острые, по которым общество расколото буквально на части. И эти части не хотят контактировать друг с другом. Можно договориться, можно поругаться, поспорить, подраться. Но если нет никакого диалога, то и шансов нет. Мы никогда не договоримся, если не будем разговаривать.

Анастасия Малько На мой взгляд, место встреч и общение в городе очень сильно зависят от страны. Я хотела бы поделиться небольшим анализом-наблюдением за городской средой, и как в ней живут люди. Мне довелось сначала прожить 6 лет в Германии, в городе Дрезден (средний по численности, недалеко от Берлина, 2 часа езды, сравним с Иркутском по своему масштабу). Потом 3 года в Париже (столичный крупный город), и потом почти 3 года – в маленьком городе, около 20 тысяч жителей, между Пизой и Флоренцией, Марина-де-Каррара, расположенном прямо на берегу моря в Италии. И каждый раз для меня по ощущениям происходила кардинальная революция именно в восприятии самого города, общении между людьми и общении внутри города. Когда вы рассказывали про Болгарию, мне пришла в голову мысль, что действительно в любом из названных

много городов есть улочки, где люди концентрируются в зависимости от культуры. Но как люди общаются между собой, очень сильно зависит от страны.

Например, в Германии, по моим наблюдениям, чувствуется стремление на 100% создать так называемые мультипространства, комфортные, разноплановые, где всем хорошо. Несмотря на это, в зависимости от квартала в Дрездене можно наблюдать концентрацию субкультур и концентрацию людей классических, однако сами пространства всегда рассчитаны на разный возраст, разные интересы, разные потребности и содержат разные функции. Таким образом, чувствуется единая стратегия немцев на федеральном уровне: разработать механизм создания рецепта идеального пространства, который в свою очередь воспринимается горожанами по-своему, и проводится постоянный мониторинг – что изменить, что улучшить, что добавить в пространства. Уже разработано несколько руководств-рекомендаций по развитию общественных пространств в Дрездене.

Во Франции город Париж предполагает минимальные точки для туристов, где есть пространства «все для всех», но тем не менее именно французы постоянно борются с новыми технологиями и даже в новых условиях дигитализации, при постоянном наличии интернета они умеют замедлять время. Люди абстрагируются и досконально следят за наличием «моего собственного пространства и времени», они могут не отвечать на телефонные звонки, просто сидеть в парке, выйти во время рабочего дня, чтобы выпить чашечку кофе и просто поговорить о своей жизни с барменом, который им совсем незнаком. Для французов культура приема пищи, культура того, что сейчас я в парке, я отдыхаю, я отключаюсь, намного больше, чем, скажем, у немцев. Французы жестко ограничивают себя от других и проводят свое время не в тех туристических точках, а в скрытых своих пространствах города.

Когда же мы переехали в Италию, в провинциальный маленький городок, я поняла, что, по сравнению с французами, они еще не настолько умеют замедлять время. У итальянцев именно общение является стилем жизни, все заключено в эти рамки, что нужно успеть быть в моменте: когда закат – нужно бросить все и идти смотреть закат на море, время апери-го – когда я ничего не делаю, сижу, пью свой кофе. И это отражается не только на коренных жителях, но и на всех остальных: если туристы приехали, но сейчас время сиесты – три часа абсолютного покоя, никто ее не отменял; с 12 до 15 все магазины закрыты. Таким образом, итальянцы свою консервативность, традиции, культуру и обычаи до сих пор распространяют на весь город и приезжих в него людей. Ощущение, что время в городе застыло, очень сильное: до сих пор старого типа вывески, сохранена аутентичность исторической среды в дорожках, заборах, палисадниках, домиках и покрытиях крыш. Такое ощущение, что как будто до Италии прогресс не дошел. Или они, может быть, умеют настолько его сохранять, что они сохраняют вот это историческое, но настоящее, живое пространство, пронизанной аутентичностью во всем городе.

В России я только год, и я пытаюсь понять, как пространство наших городов меняется. Мне кажется, если сравнивать, то мы близки к Германии, потому что попытка создания таких разных пространств, где удобство сервиса, различные варианты времяпрепровождения, где можно выполнить все задуманное на максимальной скорости, возможно. Именно в Москве это особенно чувствуется: выезжая в любую точку, люди пытаются решить не одну, а сразу несколько задач.

Мы как архитекторы должны думать именно об этом. Наша задача как специалистов понять, как мы, создавая эти пространства в городе, вновь научим людей общаться. И мне кажется, здесь хорошо посмотреть на примеры



той же Италии, потому что там люди общаются душевно, общаются очень много, они знают новости соседа и с теплотой встречают каждого прохожего. А когда наступает летняя пауза, у них вообще все замедляется. И во Франции так же. У них, например, в августе все говорят: ничего не пишите, никакие бюрократические вопросы не нужно решать, все равно будет ответ в конце сентября. То есть люди выключаются из этой жизни и общаются.

АГ Южные страны – очень специфические страны.

Есть такой культ ничегонеделания и нахождения в кофейне с утра до вечера. Его исповедуют черногорские мужчины. Но вы сказали очень важную вещь о Германии. На самом деле всю жизнь это была нация скучных и не очень коммуникабельных людей. И вдруг именно эта страна с этими людьми создала абсолютный эталон европейского города в виде современного Берлина. Именно в части общения, движения, способности ощутить полноту жизни, причем не только 20-летние, но и 40-е, и 50-е, и даже старше. Не склонные к коммуникабельности люди сломали систему и создали такое пространство. Да здравствуют архитекторы и градостроители! Они дали толчок. И в этом смысле наше прекрасное народонаселение, как мы знаем, с большой духовной составляющей, способное припасть к глубинам русской культуры, но не любящее соседа – может измениться, если изменится среда.

КЛ Анастасия, вы в Западной Германии не пробовали побывать? Был период, когда я ездил очень часто, не жил постоянно, но ездил по несколько раз в год как раз в Швабию на границе со Швейцарией, юго-западная Германия. Там совершенно другое впечатление. Совершенно. Там люди абсолютно изолированы друг от друга, хотя обычная практика – когда несколько человек живут в одной квартире: так дешево. Пользуются в очередь стиральной машиной и даже автомобилем. Получается что-то вроде коммуналки, но общения между людьми нет. Люди могут жить годами под одной крышей и не знать, кто чем живет и какие у кого проблемы.

Я думаю, что здесь граница в отношении к общению не совпадает с границами государств. Австрийцы, например, гораздо более похожи на то, что вы описали. Это

люди, которые умеют жить, которые с огромным юмором относятся к жизни. Поэтому Вена – один из лучших для жизни городов, а Берлин до сих пор производит впечатление какого-то воспаленного города. Такое ощущение, что, знаете, как после неудачной трансплантации орган пришили, а он воспалился. Отторжение между людьми. У меня от Берлина осталось очень болезненное впечатление.

Екатерина Гладкова Помимо пространств, которые рассчитаны на разные целевые группы и очень хорошо организованы, очень большую роль там (в западных странах) имеет малый бизнес. Когда ты знаешь своего булочника, он знает тебя, тревожность в твоём квартале снимает как рукой.

И таких вот лавочек в той же Германии очень много. И когда ты там живешь, постепенно все люди в квартале чувствуют себя гораздо комфортнее, чем здесь, когда этот малый бизнес задавливается большими супермаркетами-монополистами. И, например, в Иркутске мне не достает мест, где я могу купить отдельно хлеб, сыр и другое в моем районе, и все меня знают, и я их знаю.

Мы как-то с Анастасией тоже начинали проводить исследования по малому бизнесу в Академгородках Иркутска и Новосибирска, там они и обустроивают вокруг себя благоустройство своими силами, и жителей дома всех знают.

ЕГ Возможно – это свойство наукоградов.

АГ А интересно, сколько в Иркутске осталось коммуналок?

Руслан Хотулев Я жил в коммуналке полтора года. Из моего опыта коммунальная квартира – это как раз понимание негласных правил: что можно, чего нельзя, уважение к личным границам соседей, человеческие взаимоотношения. Жил еще полтора месяца в Германии в коммуналке. И там тоже было все пронизано негласными договоренностями, но это не напрягало вообще.

Хорошо, это коммуналка. Но вот я переехал в маленький дом в центре города, где девять квартир на всю усадьбу. Мне сразу дали понять, где у меня во дворе мои два парковочных места. Не было скандалов каких-то. Я даже не понимаю, как это произошло. Если вы не хоти-

те «напрягать» соседей, с уважением к ним относиться, то вы здесь паркуетесь. В городе все пронизано такими договоренностями.

Меня, скорее, удивляет желание людей жить в коттеджных поселках. У тебя на участке за забором все «позолоченное», ты на шикарном автомобиле выезжаешь за пределы этого своего участка в грязь по колону, и тебе уже все равно, кто там и что там. Это просто скотопрогон, по которому ты проехал. Это ведь тоже история про возможности для договоренностей.

СМ Руслан поднял проблему, что люди живут вместе, договоренности соблюдаются, но они перестали вообще в социальном плане между собой взаимодействовать, изолировалась жизнь.

КЛ Для того, чтобы все было пропитано договоренностями, надо же договариваться, а чтобы договариваться – надо общаться; проблема в этом.

АГ А можно, я зацеплюсь за реплику про одиночество в коттеджном поселке? На улице Грязнова строится новый «клубный» дом. Огромные цены за квадратный метр. Но что там происходит? Улицы, по которой все время все ездят. В доме подземные парковки. Одиночество в толпе. Там действительно вокруг нет никакой среды для того, чтобы жить в дорогом доставшемся жилье. Я уж не говорю, что они живут на улице, названной в честь человека, по доносу которого был арестован будущий маршал, дважды Герой и один из главных творцов Победы Константин Рокоссовский.

Татьяна Титова А потому что это те люди, которые хотят получить все радости и комфорт от жизни в центре, но не хотят жить в старом ветхом доме, поэтому и готовы платить не совсем адекватные деньги за эти новые кварталы в сердце города.

АГ Сделаем допущение, что дом прекрасный (возможно), но среды-то нет. Ну, кроме того, что есть подземный гараж.

РХ Про позицию о том, что мы не понимаем этих людей. В том и дело, что в городе, в его центре, очень разные люди живут рядом. И есть возможность, хоть какая-то, может быть, эфемерная, что эти люди между собой как-то взаимодействуют. Передают друг другу какие-то знания, отношение к жизни и так далее. Город тем и отличается от того же коттеджного поселка или от деревни, что у тебя каждый день есть возможность, вероятность узнать кого-то еще. Кинорежиссер и сценарист Роман Либеров в одном из интервью рассказывал о том, что у него на каждый день есть план познакомиться с новым человеком.

ТТ Но в хорошем коттеджном поселке также есть свой парк, прогулочные зоны, есть свой ресторан, фитнес-клуб, магазины. Может даже и школа, и детский сад.

РХ Малая плотность не подразумевает возможности большого количества контактов. В городе каждый день есть возможность с новыми людьми познакомиться. Хотя не исключено, конечно, что ты ходишь в один и тот же спортклуб и там одних и тех же людей постоянно видишь. Один и тот же магазин, один и тот же пекарь.

ТТ И это, как правило, приятно, когда он один и тот же. Это какая-то стабильность, постоянство.

РХ Поэтому я готов понимать людей, которые делают выбор в пользу покупки дома в коттеджном поселке.

При этом очень надеюсь, что появится больше странных людей, которые захотят десятки миллионов вкладывать в исторические дома, понимая, что это усадьба в центре города, вместо вкладывания десятков, сотен миллионов в коттедж на Байкальском тракте на берегу водохранилища, которое они, наверное, видели один раз за десять лет, потому что приезжают поздно вечером,

на рассвете уезжают. Вместе с восстановлением ценной усадьбы ты еще получаешь и как бы весь центр за эти деньги.

И чем разнообразнее, чем больше странных людей вокруг, тем больше шансов, что город будет местом для встреч.

ТТ Чтобы город стал желанным местом встреч, нужно создавать условия для общения и комфортного пешеходного и велосипедного движения. Отличным примером создания таких условий может служить Копенгаген.

Городские власти решили проблему увеличивающихся пробок, стихийных парковок и непрерывно растущего числа автомобилей в центре города в пользу пешеходов и общественного транспорта. Они стали разрабатывать стратегии, при которых людям намного удобнее было передвигаться по городу пешком, на велосипедах и на общественном транспорте, а не на автомобилях.

В 1962 году они начали уникальный эксперимент по созданию полностью пешеходных пространств в городе. Знаменитую сейчас улицу Строгет закрыли для автомобилей, и сначала это было встречено довольно настороженно как владельцами магазинов, так и, естественно, владельцами автобусов, автомобилей. Около 3000 автомобилей просто исчезли из центра города.

Эксперимент был удачным: после закрытия Строгет для автомобилей через два года в 2 раза больше людей вышли на улицу. Удивительно, что если в 1962 году у них было около 16 тысяч кв. м пешеходных зон, то в 2005 году около 100 тысяч. А улица Строгет вообще переросла в сеть пешеходных улиц, ведущих к набережной. И это сейчас самый яркий и популярный туристический маршрут.

Подобное преобразование произошло с набережной Ньюхавн, которая сейчас является визитной карточкой Копенгагена по той же самой схеме. Убрали парковочные места, освободили проезд от машин, и люди начали общаться, гулять, танцевать и веселиться, появились столики кафе под зонтиками, играют музыканты, жизнь просто бьет ключом.

И это две радикально разные картинки: заполненная общающимися людьми набережная, вызывающая радость и воодушевление – и набережная, на которой припарковано 38 автомобилей и пара идущих по узкому тротуару одиноких пешеходов; эта картина навеивает тоску.

Сейчас тема автомобильной переполненности и некомфортной среды для пешеходов стоит остро как никогда. В Иркутске не предпринимаются даже попытки решить эту проблему.

Конечно, у нас нет таких потрясающих широких тротуаров и парков, как в Барселоне, нет такой привлекательной городской среды, как в Вене, да и климат этих городов разительно отличается от нашего.

Поэтому пример Копенгагена нашему городу ближе. Там в 1967 году впервые официально было открыто первое уличное кафе. И сам мэр, написав об его открытии, сомневался, что люди будут сидеть на улице без стеклянной защиты. Климат не самый дружелюбный, и все же даже в холодную погоду люди сидят под обогревателями, в пледах, общаются, знакомятся, пьют горячие напитки и наблюдают. Многие кафе не убирают уличную мебель всю зиму.

На самом деле люди очень хотят общаться. Надо просто предоставить им такую возможность, как это сделали городские власти Копенгагена.

СМ Предлагаю вернуться к нашей проблематике. Тот ребенок, который не играет в игрушки, или то пространство, которое создает одиночество – это новые явления. С одной стороны, все позитивно, город общается, все у нас прекрасно, но большие города действительно создают одиночество, количество суицидов увеличивается,

и тренд-то негативный. Если про ребенка разговаривать, здесь непонятно: возможно, это отмирают ненужные современному человеку функции, потому что мы же тоже не играли в такие игрушки, в которые играли наши родители. Посмотреть на динамику и провести исследование – действительно ли надвигается социальная катастрофа или дети просто играют в совершенно другие игры? Другие дети, у них по-другому вырабатываются те навыки, которые у нас вырабатывались, когда мы играли в наши игрушки. Это любопытно. Если большой город делает тебя одиноким, то в малых городах ситуация немного лучше, там в подъезде и во дворе все знакомы. Сейчас появляются еще большего размера города, 10 миллионов – это уже средний город; появились численностью 100 миллионов жителей. Появился и новый формат удаленной дистанционной работы. То есть у вас на удаленке семья: мама, папа. Конечно, до офлайн-игр в таком пространстве и в такой организации далеко. Все это накладывает свой отпечаток: плотность появления виртуального мира, изменение человеческих потребностей и желаний, где развиваться и действовать.

АГ Известный анекдот. Пациент впервые приходит к врачу, жалуется на депрессию, говорит, жизнь груба и жестока, что он чувствует себя одиноким в угрожающем мире. Врач предлагает простой рецепт:

– Великий клоун Пальяччи сегодня в городе, сходите, это вас подбодрит.

Мужчина взрывается слезами:

– Но, доктор! – говорит он. – Я и есть Пальяччи...

КЛ В сегодняшней ситуации сошлись сразу несколько трендов нарастания одиночества.

В этом году Всемирный Банк отнес Россию к странам с высоким уровнем доходов. У нас был до сих пор средний. И мы теперь вошли в сообщество стран, где средний доход высокий. Есть люди, для которых 30 миллионов за квартиру заплатить это нормально. У меня есть знакомые, которые платят за квартиру, ну, на русские деньги, 150 тысяч в месяц. Снимают, не покупают. У этих людей уровень денежных потоков совсем другой. И, как ни странно, они как раз и есть самые одинокие люди. Они никому не доверяют, все время настороже и все время думают о своих деньгах. Они всю жизнь посвящают обслуживанию своих денег. И поэтому богатые люди очень одинокие. Я не знаю, почему так получается. Почему-то я не встречал серьезных исследований на эту тему, но это так, это я вижу своими глазами. И по мере того, как Россия становится богаче, в России появляется реальный осязаемый класс богатых людей; это люди самые одинокие.

У нас в центре города есть бабушка, которая часто сидит в подземном переходе ночью, постелила себе три слоя картона, укрылась старым пальто и читает Достоевского в подлиннике. А рядом постоянно какие-то ее приятели, студенты, другие бомжи, какой-то парень с гитарой... У нее больше шансов на полноценное общение, чем у товарища, который проживает сотни тысяч в месяц на текущие расходы? Мы становимся богаче – мы становимся более одинокими?

С другой стороны, мы все больше виртуализуемся, и мы становимся все более одинокими, потому что не общение то, что в интернете происходит. Это все равно суррогат. Это все равно, что питаться попкорном.

Мы становимся все более занятыми. Производительность труда растет, а работаем мы почему-то все больше. Вот что за парадокс такой? Свободного времени у людей все меньше и меньше, общаться и встречаться нет времени. Какого черта вообще, да? Роботизация есть, а жить некогда? И все сходится, как в фокусе, в нарастании одиночества.

АГ Я экстраполирую свою жизнь подростка начала 80-х годов – конца 70-х. Я не думаю, что это была ситуация чем-то уникальная. С раннего детства я все лето проводил на даче у родителей. Причем дача была коммуналкой: двоюродный брат отца, его семья и мы. А на одной из соседних дач был пацан, с которым я подружился с семи лет и до шестнадцати, каждое лето мы проводили вместе как близкие друзья.

В Иркутске я жил всю жизнь на левом берегу, он в центре города. Мы никогда не встречались и не создавались во время учебного года, а потом с огромным удовольствием с ним встречались в июне. Так что это не вызовы XXI века, а психология подростков, которые формируют особые коммуникации. Мы знаем много хулиганствующих, разгильдяйничающих людей в 18–19 лет, но много ли мы знаем таких же людей в 24-летнем возрасте? А это они же. Только уже взрослые, увы.

ТТ Я могу привести свой пример, показывающий, что и сегодня подростки общаются вживую и гуляют, играют, дружат. Мои старшие дети, двойняшки, мальчики, 17 лет, ходят в танцевальный ансамбль Узорочье – ансамбль народного танца. У них там друзья, человек шесть. И вот они с этими друзьями исследуют каналы, с удовольствием проваливаются под лед на Ушаковке и Ренатке, жгут костры, где-то гуляют, что-то ищут, исследуют. У них есть реальная живая жизнь.

КЛ У вас бюджет превышает двести тысяч в месяц на текущие расходы? Я говорил о людях, у которых денежные потоки большие. Это к вам относится?

ТТ Возможно, для людей со сверхдоходами состояние некоего отчуждения комфортно. Если бы им было некомфортно, то они, как люди деловые, подумали, почему испытывают дискомфорт, поняли и стали бы эту проблему конструктивно решать. Выходить на улицу, знакомиться принудительно, устраивать мероприятия публичные, создавать места для встреч, преобразовывать среду. Но их пока проблема общения в городе не беспокоит.

АГ В Иркутске нет ни одной школы, которую можно уверенно назвать «школой для богатых». Ни одной. А если бы она им была нужна, они бы ее создали.

КЛ Я как раз хотел сказать, что Иркутск, возможно, в этом смысле уникальный город, потому что в Иркутске, видимо, эти проблемы еще пока не такие свирепые. Может быть, имеет смысл сейчас оглянуться вокруг и понять: а что предохраняет Иркутск от впадения в эти нехорошие тенденции. Почему иркутяне не становятся такими болезненно одинокими людьми. Это очень важно, потому что, если это есть, тогда его надо сохранить.

РХ Богатство не предопределяет на самом деле одиночество. Потому что, например, премьер-министр европейской страны ездит на работу на велосипеде. Я не думаю, что он от бедности это делает.

Я как архитектор все время возвращаюсь к теме нашей встречи и думаю, каким надо сделать наш город. И опять мы возвращаемся к автомобилям. Как сделать так, чтобы человек, который может позволить себе автомобиль, в котором комфортно передвигаться по сравнению с автобусом, все-таки пересел на автобус. Два пути, одновременно проводимых действия. Первое – сделать невыносимым передвижение на автомобиле: платная парковка, выделенные полосы под автобус. Мы, с одной стороны, делаем так, чтобы на автомобиле было передвигаться дороже и проблематичнее, и тогда меньшее количество людей смогут на автомобиле в центр города проезжать. А второй момент – это сделать так, чтобы на автобусах было передвигаться комфортнее. Например, что в первую очередь меня останавливает в передвижении на автобусе – это грязь в салоне. Особенно эти ощущения были заметны во время пандемии. Ты заходишь в автобус



и понимаешь, что боишься за себя. Если сейчас начать задумываться, как сделать так, чтобы богатые, как вы говорите, начали передвигаться на автобусах, то тогда и бедным станет проще. Потому что богатые смогут платить за автобус больше и, соответственно, можно будет сделать за счет этого льготы бедным.

ЕГ Мне кажется, в Иркутске просто беспорядок.

Татьяна Анненкова Я вынуждена ездить на работу на своей машине только потому, что утром невозможно сесть в общественный транспорт: все маршрутки переполненные, порой даже не останавливаются. В Академгородке эту проблему усугубляют еще и жители микрорайона Березовый, которые доезжают до нас и пересаживаются на городской транспорт. А это не иркутяне, а жители Иркутского района, но они в часы пик существенно нагружают общественный транспорт.

АГ Я думаю, в счастливых снах мэрии города Иркутска есть вообще присоединение к городу всего этого пояса микрорайонов-районов. Но все-таки я согласен с Еленой Ивановой: главный вопрос – разумное управление. Не будет никаких частных грязных автобусов и маршруток, если будет нормальное количество муниципальных автобусов. Или даже пусть муниципальных вообще никаких не будет, но будет нормальный уровень конкуренции. Все само придет. Но поскольку на этом зарабатывают системные люди, ничего позитивного не произойдет, пока это все глубоко коррумпировано.

Есть еще один вопрос, связанный со средой общения. Я не люблю восславления советского образа жизни и нового культа советского, в основном возникшего у людей, которые по возрасту сами ничего прославляемого не застали. Но против одного факта не попрешь. Мы с шести-семи лет спокойно играли во дворах: на улицах было безопасно.

А своего 10-летнего младшего ребенка мы одного еще не отпускаем. Нет ощущения безопасности. У нас камеры только на дорогах, чтобы пополнять бюджет штрафами. И говоря об уровне проникновения контроля, в данном случае я за контроль. Если бы на всех наших улицах внутренних были камеры и была бы быстрая реакция передвижных полицейских постов. Это не сразу, но со временем создало бы безопасную среду.

ЕГ Мне показалось, что в Нерюнгри и Краснокаменске другая ситуация с безопасностью. В Краснокаменске точно дети гуляют во дворах.

СМ Это маленькие и компактные города, одновременно построенные в советское время. В центре такого города ты ощущаешь себя, как в центре большого.

РХ Я хотел бы возразить. Вопрос же не в объективном и абсолютном размере города. Москва. Огромный ли город? Или вот Шанхай – 25 млн. население. Я видел, как там взаимодействие происходит. Проектировать можно и в огромном городе так, чтобы создавать пространства, в которых возможно знакомство людей друг с другом, неважно, живешь ты в маленьком дворе, где виден весь двор, или в гигантском дворе с домами в 25 квартир на этаже. Создавать какие-то границы пространства, внутри которых люди между собой вынуждены просто познакомиться, для той же социальной безопасности.

ТА В советские времена в Академгородке все друг друга знали, родители работали в Академии наук, дети учились возле дома. Все магазины были в шаговой доступности, даже кинотеатр был. Поэтому там было уютно и безопасно.

АГ Это все в 90-х годах в Академе закончилось, на что есть объективные причины: во-первых, сокращение вообще научного персонала в 2–3 раза, во-вторых, люди уходили на пенсии, умирали, завещали, продавали...

ТА Сейчас ситуация немного изменилась, но все равно люди друг друга узнают и прекрасно общаются. А если население живет в одном конце города, а работает в другом, то как раз и не происходит никаких связей, каждый замыкается в своем пространстве, порой даже не знает своих соседей.

Виталий Барышников Мне кажется, что у нас много иллюзий по поводу Академгородка, который все знают. Я вспоминаю рассказ товарищей чуть постарше о том, как в 90-е годы после того, как люди ушли с улиц вообще (после всеобщих демонстраций советского периода истории) и скрылись за железными дверями с зарешеченными окнами, городские власти поставили задачу – попытаться вытащить людей на улицы. И на каком-то эта-

пе это удалось. Главным местом городских праздников была набережная бульвара Гагарина, а остров Юность в какой-то момент стал очень криминальным местом в городе.

На каком-то этапе управление культуры города вытасило людей в пространство города. Они их вытасили – получили кучу проблем. С одной стороны, вернулись на улицы, вернули общение, с другой стороны, это общение стало очень конфликтным, потому что тогда людям разрешали все, лишь бы они были, ну, типа вместе. Поэтому алкоголь лился рекой. Потом городские власти (я уже работал в управлении культуры в начале 2000-х) стали убирать тот самый «малый бизнес»: сосиски с пивом, пиво и сигареты из общественных пространств города, чтобы у людей было трезвое общение.

Сейчас государство не случайно поднимает темы комфортной городской среды. Национальный проект появился. Потому что те привычные нам места общего пользования, места встреч ужасно деградировали с советских времен, и требования к ним от пользователей-горожан изменились. Когда-то Капков (руководитель департамента культуры Москвы) рассказывал про парк Горького, как им незадолго удалось изменить контингент посетителей: они провели интернет, запустили Wi-Fi и убрала заросли в парке. Вместо алкоголиков и темных личностей туда пришли студенты и молодежь; это сразу изменило среду, сделало ее более безопасной. И эти вещи можно и нужно планировать не только управленчески, но и архитектурно-планировочно, этим тоже можно регулировать места встреч и общения. Появилась задача создать комфортные места и общегородские пространства не только в центре, но и в локальных микрорайонах. То, что их еще не хватает – однозначно.

Ощущение того самого комфорта – не факт, что безопасности, но комфорта – может ощущаться, если микрорайон снабдить теми пространствами, в которых ты, возможно, и не будешь всех знать по имени, но будешь видеть знакомые лица и здороваться. Появился вот тот самый главный бизнес. Он представлен овощными лавочками и т. д. – это люди из Средней Азии, которые стремятся укорениться без всякого криминала. Общаемся и понимаем, что какая-то иллюзия комфорта, устроенности в хорошем смысле есть.

У нас в районе построили спортивную площадку в довольно опасном месте, рядом с дорогой и, несмотря на сетку в 3–4 метра, мячи вылетают все равно. И теперь с шести утра и до часу ночи колотят мячом баскетболисты, так что их милиция после 23:00 разгоняет, рядом гимнастики тренируются на брусках и еще рядом сидят бабушки и общаются. Тот, кто научится соединять разновекторные интересы жителей одного подъезда и одного двора, тот будет лидером местного общего сообщества, местных властей – кого угодно. Потому что всем людям нужны разные вещи, и важно сложить этот пазл.

Город Иркутск как город исторический. С одной стороны, это его глубочайшее достоинство, но и его проклятие, потому что многие вещи очень сложно внедрить в историческую ткань. Малые города построены разумно, по некоему единому плану. На примере Томска: есть Томск исторический и есть Томск – «советский». Отодвинули старый город и рядом построили новый; не факт, что лучше, но разумнее и более планомерно.

Задача архитекторов смотреть и искать общие места, места встреч, а задача управленцев – фиксировать и давать эту возможность. Тогда не будет конфликта ни межнационального, ни религиозного.

Мы сейчас работаем с китайцами, они смотрят на Россию через образ Иркутска. Байкал – это для них ворота в Россию. Не факт, что это самые правильные ворота и самое правильное впечатление, но тем не менее. Но и для какой-то части наших сограждан встреча

с китайской цивилизацией начинается в Иркутске. Мы сейчас работаем с Сибэкспоцентром, который морально и физически устарел. Если сохранять его павильоны, то его надо приспособить подо что-то другое (павильоны под спорт или производство в другом месте).

А на месте Сибэкспоцентра нужно создать некое новое выставочное пространство, конгрессное, которое будет отвечать международным требованиям. И более того, я бы отдал строительство другому государству; проектировщики были бы наши, а строили бы, например, китайцы или югославы и т. д. Другая культура строительства. Это даст нам, в определенном смысле, какое-то преимущество. И с нашей точки зрения надо понять, как они мыслят, как они строят и как это работает, чтобы нам стать лучше.

Когда-то Денис Мацуев сказал очень точно: «Пока нет в городе концертного зала – город не виден на гастрольной карте планеты».

Возвращаясь к теме спортплощадки: в силу круглогодичной ее эксплуатации ее уже надо ремонтировать. Я попросил коллег, они мне посчитали, сколько стоит просто отремонтировать. Я вот сейчас с этим документом сижу и думаю: может, прийти не к властям, а все-таки прийти к людям, к соседям на эту площадку? Сказать: ребята, вы здесь живете, да? Давайте что-то вместе сделаем, чтобы принудить власти увидеть и отремонтировать.

У нас это общая проблема. То, что имеем – не храним, мы все время стремимся что-то новое строить, а просто поддерживать у нас не очень модно – это те же расходы, а пиара нет.

И у властей, и у бизнеса нет такой цели. Зачем ремонтировать то, что работает? Пусть оно работает, деньги приносит. А то, что оно ухудшается и завтра упадет... Вот когда упадет – тогда построят.

Но, с другой стороны, я же понимаю, что проще построить один стадион, даже экономически, чем содержать все 1500 площадок в городе.

АГ Мы же понимаем, что до Центрального стадиона не доедет Ново-Ленино, не доедет 2-й Иркутск. И это как раз единственно верное решение – поддерживать, обновлять и ремонтировать тысячи площадок.

ВВ Вопрос в том, что, если мы будем надеяться на власти, то это никогда не «взлетит».

АГ Чтобы надеяться, нужно формировать позицию, настаивать и заставлять. В этом суть избирательных процессов. К монарху можно только броситься в ноги с прошением, а они якобы служат народу, кроме того, мы налогоплательщики.

ЕГ Самые тревожащие нас стройки происходят от депутатов. Возле музея ВСОИРГО на углу Карла Маркса и набережной – гостиница шестизэтажная почти вплотную к памятнику федерального значения. В свое время в Солнечном засыпали часть залива возле канадской деревни, где ручей в него впадает – тоже застройщик депутат. Понимаете, о чем я говорю? Тренд налицо.

АГ Это называется политическая коррупция.

ЕГ По поводу стадионов общедоступных – актуальное. После того как в центре уничтожили почти все спортплощадки, которые мы много раз перечисляли, мне кажется, что самым нормальным жестом было бы под флагом здоровья нации, другими лозунгами, которые сейчас на государственной повестке стоят, сделать стадион «Труд» общедоступным для всех – для пенсионеров, для детей. Я видела такой первый раз в Байдаихэ в олимпийский 2008 год, перед пекинской олимпиадой. Мы там бесплатно играли в олимпийском парке в теннис, катались на роликах, а на великолепных дорожках с первоклассным покрытием бегали все, кто хотел, в том числе пожилые люди 75–80 лет.

В Ярославле (а мы попали туда в Пасху) набережная полна народу, и между ней и кафедральным собором – открытый стадион: незарешеченный, открытый для всех желающих. И там бегают по тартановым дорожкам и дети, и пенсионеры, что напомнило мне идеальную китайскую картинку. Вот оптимальное и справедливое будущее стадиона «Труд».

АГ Еще мы знаем и понимаем, что строительная отрасль как бизнес абсолютно коррумпирована, абсолютно аморальна, во всяком случае, в городе Иркутске. Потому что никаких позитивных коннотаций относительно иркутских строителей, на мой взгляд, у населения не осталось. В основном я о застройщиках, но различать уже трудно. Архитекторы все-таки люди высокой пробы и менее корыстных интересов. Но при этом уровень проявленности их общественной позиции мизерный.

Когда архитекторы начинают квалифицированно говорить, мы все начинаем слушать и уши оттопыривать, потому что вы компетентны, причем очень сильно компетентны. Компетентнее властей, компетентнее общественности и так далее.

И вы убедительны очень. Но только вот эту убедительность вы как-то очень щедро отдаете.

ЕГ Недорабатываем, согласна. Однако пытаемся и медленно, но движемся. Очередной эффект нашей работы по теме архитектуры Павлова. Сейчас приехали сюда из РАНХИГС бакалавры с сопровождающими лицами, а следом за ними и магистры. Те, кто выбрал тему павловской архитектуры темой диссертации. Вчера был круглый стол небезынтесный, эксперты реагировали на экскурсионные маршруты по архитектуре брутализма, предложенные студентами, и на способы приведения в порядок фасадов жилых зданий этого периода.

А сразу после этого разговора последовала встреча с экскурсоводами, жителями и архитекторами, давно завладевшая со стороны экскурсоводов Иркутска, по 130-му кварталу. Мы рассказывали историю проектирования и реализации этого культового квартала. Договорились, что и дальше будем встречаться. Аудитория просит рассказать про период советского модернизма; условились на сентябрь.

ВБ А в деревне могла бы быть такая встреча? Это вопрос о нашей теме сегодня. Это же тоже встреча.

ЕГ Меня приглашают в разные города рассказывать на эти две темы (за последний год в Екатеринбург, Тюмень, Красноярск), но по-настоящему интересно про Павлова и про 130-й квартал рассказывать местным иркутянам. Им заодно передаешь то, что не доделано, указываешь на то, что сделано не так, и они это воспринимают совсем иначе, потому что они все это видят каждый день. Меня приятно удивила недавняя встреча с блоггером Даниилом, наблюдающим за иркутянами в своих подкастах: на нашу встречу он принес книгу про Павлова – он ее распространяет здесь, в Иркутске, закупает в столицах. Он сказал, что эта книга перевернула его жизнь, его отношение к Иркутску. То есть на страницах ПБ мы не зря эти темы поднимаем. Такой вот реальный результат 20-летней работы «Проекта Байкал» и наших разговоров здесь за этим столом.

Анастасия Холявко Хотелось бы в заключение немного рассказать о замечательном кейсе под названием Черемхово. Мне посчастливилось поработать с этим городом и его командой и реализовать проект «Парк-театр» – благоустройство главного Парка в городе, единственного Парка аттракционов в нашей области. Эти эпитеты уже говорят о том, что пространство изначально было популярным и востребованным местом встречи для горожан. Посредством благоустройства мы реализовали тему театра через творчество Владимира

Гуркина, который тесно связан с Черемхово. Получилось сделать небольшой музейный павильон про творчество Владимира Павловича. Мы ожидали, что музей будет главным объектом в Парке, но не ожидали, что павильон станет новой точкой притяжения для всего города – как для жителей, так и для его гостей, некоторые из которых целенаправленно приезжают в Черемхово, чтобы посетить музей и Парк. Там так жизнь кипит! Проводят мастер-классы для детей разных возрастов, интерактивы для взрослых. Тематика меняется каждый месяц, регулярно проходит показ к/ф «Любовь и голуби», на который приходят целыми семьями – это ли не место встречи! Казалось бы, какой-то павильон, какой-то маленький музей с одним крохотным залом, а такой мощный социальный эффект. И это как раз то, ради чего стоит работать и продолжать творить. Потому что ты видишь, как меняется жизнь не только города, но и людей, даже какие-то их привычки. Вообще стоит отметить, что весь этот проект и его успешная реализация – заслуга в том числе команды администрации под руководством мэра города Вадима Александровича Семенова. Интересный также случай в Парке: мэр заложил, чтобы мы заложили беседки, хотя мне как главному архитектору проекта они казались избыточными. Но кто как не человек, болеющий за свой город и знающий его весь изнутри, понимает, что нужно жителям? По итогу эти беседки стали новым местом встречи для молодежи, которой всегда не хватает чего-то модного, немного уединенного и при этом находящегося в центре событий. Меня не перестает удивлять, что при абсолютно стандартном наборе элементов среды получается так менять пространства. Но опять же повторюсь, что успех напрямую зависит от того, как позиционирует себя основной заказчик на территорию в лице администрации.

ЕГ Черемхово, действительно, преобразился за последние годы, проявляется стиль, цвет. И отношение жителей к городу изменилось в лучшую сторону.

О роли личности. В этот раз ехала в Иркутск через 7 городов, и одним из них был город Енисейск – бывшая столица губернии. Потрясающий город и, что отличает его от других – он в порядке. Малый город, всего 18 тысяч жителей, памятники, монастыри, берег Енисея. Мэр – архитектор, который родился в этом городе, учился в Красноярске, потом вернулся в Енисейск, работал в отделе городской архитектуры, вырос до главного архитектора города и вот уже лет пять как мэр. Пользуется всеми программами, которые только есть: федеральными и региональными. Город методично и последовательно приводится в порядок, малый город с никаким бюджетом.

КЛ Прежде чем перебраться в Софию, мы несколько лет прожили в Варне. Там сложилась очень своеобразная ситуация: за шесть лет четырех мэров посадили. Каждый раз место исполняющего обязанности мэра занимал городской архитектор. Это все время был один и тот же человек. Совершенно замечательная многосерийная история. Так что, видимо, действительно, архитекторы имеют определенную перспективу в качестве градоначальников.

Я бы хотел напоследок на будущее поставить задачу. У меня осталось впечатление, что мы довольно успешно обсудили, как нам встречаться с единомышленниками. Но у нас абсолютно выпала тема, как нам встречаться с теми, кто думает иначе и живет другим образом жизни. Мы не любим богатых: богатые, если они хотят, чтобы мы с ними разговаривали, пусть откажутся от своего богатства. Чиновники – нет, мы с ними не будем разговаривать, они все коррумпированные, там безнадежно все. Строители просто сволочи, поэтому с ними разговаривать не о чем. Может быть, мы когда-нибудь вернемся к этой проблеме: как нам встречаться с людьми, которые думают и живут иначе, чем мы? А ведь придется...

Предметом рассмотрения является диалектика культурного пространства, среды жизнедеятельности как сочетания деятельности и места. Вводятся понятия «интра» и «экстра» – комплексов, имеющих разное внутреннее устройство и отношение к окружению. «Интра» (закрытое) и «экстра» (открытое) взаимопределяют друг друга, предъясляют сущность через конфликты, спор, диалог. Отношения границ и дорог – результат разных стратегий, разных взглядов на пространство. Онтологическая предрасположенность к открытости и закрытости культурных пространств характеризует разные этапы цивилизационного пути, разные уровни организации и разную архитектуру.

Ключевые слова: культурное пространство; «интра» и «экстра»; открытое и закрытое; границы; коммуникации; иерархия; архитектура./

The subject of the article is the dialectics of cultural space and living environment as a combination of activity and place. The author introduces the concepts of 'intra' and 'extra' as complexes with different internal structure and relation to the environment. 'Intra' (closed) and 'extra' (open) mutually define each other and present the essence through conflicts, dispute and dialogue. The relationship of boundaries and roads is the result of different strategies and different views on the space. The ontological predisposition to openness and closedness of cultural spaces characterizes different stages of the civilizational path, different organization levels and different architecture.

Keywords: cultural space; 'intra' and 'extra'; open and closed; boundaries; communication; hierarchy; architecture.

Интра и экстра / Intra and extra

текст

Андрей Боков

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства /

text

Andrey Bokov

Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning

«Место встречи», ставшее темой этого номера, к счастью для приглашенных авторов, оказывается не только памятным образом или волнующей метафорой, но вполне содержательным понятием. Окружающий рукотворный мир легко представить совокупностью по-разному организованных мест встречи – малых, средних, больших и огромных. Места встречи сродни культурному пространству или среде жизнедеятельности. Это агрегаты, «экосы», «покусы», являющиеся нерасторжимыми сочетаниями действий, деятельности или встреч и мест или пространств. Место встречи, сколь бы случайным ни были его выбор и его присутствие в отдельной судьбе, это итог долгой взаимной адаптации пространства, его формы, его организации и бытия.

Места встречи или культурные пространства, пространства, измененные человеческим участием, надежны собственной волей, имеют свою природу, свои особенности, способные стать предметом рассмотрения. Одной из таких особенностей является диалог закрытых и открытых пространств, пространств «интра» и «экстра».

Пространства «интроверты» и «экстраверты», закрытые и открытые, не нуждаются в особых определениях. Они легко идентифицируются интуитивно и обнаруживаются на всех уровнях от дома до страны. «Интра» и «экстра» – это комплексы, агрегаты, физические образования с принципиально разным внутренним устройством и разным отношением к окружению.

В основании «экстра» и «интра» лежат разные типы пространства и пространственного поведения, разные сущности, соотносимые, связанные с движением и пребыванием. Полная противоположность становится основанием теснейших взаимоотношений между этими сущностями, что описывается простым примером. Площадь или улица является пространством движения, связью, коммутатором разного рода адресов, магазинов, ресторанов и гостиниц, расположенных по периметру в окружающих домах. Но, как только на площади начинается цирковое представление или когда улица становится местом шествий, парадов или сезонной торговли, окружающие дома превращаются в места для зрителей или в нейтральный, сопровождающий фон, а открытое

пространство закрывается и из посредника делается главным, основным компонентом.

Интроверты имеют четкие границы и ориентированы вовнутрь. Экстраверты обращены вовне и настроены на преодоление внешних рубежей. Интроверты и экстраверты – порождения разных взглядов на пространство. Для одних мир состоит из путей и дорог, другим он представляется совокупностью стен и границ. И у стен, и у дорог свой характер и своя логика, которыми определяется морфология пространства, его разделение и объединение.

«Экстра» и «интра» обычно не встречаются в чистом виде. Они присутствуют в разных сочетаниях, как правило, отмеченных доминированием тех или иных признаков. В большинстве случаев справедливо говорить о степени открытости, о действенности и числе внешних, исходящих связей и о степени закрытости, определяемой эффективностью и числом стен, границ, рубежей. Это значит, что центр города, обеспеченный множеством связей, более открыт, чем любой из окружающих этот центр районов, что город более открыт, чем деревня, что столица более открыта, чем провинциальный город, а глобальный город более открыт, чем национальные и региональные столицы. Примеры закрытых образований легче искать в истории, когда созданию стен и укреплений уделялось несравнимо больше внимания, чем строительству дорог, и когда семейный дом являлся вполне реальной, а не метафорической крепостью.

В зависимости от выбранных акцентов, от «оптики», культурный ландшафт предстает или множеством закрытых, дискретных единиц, или непрерывным потоком открытых пространств. Одни видят дом совокупностью вестибюлей, лестниц и коридоров, другие замечают лишь места пребывания, комнаты и залы. Для одних город – это сеть улиц, для других – набор кварталов. Одни видят на картах узлы и магистрали, другие замечают сферы влияния центров и границы разного рода. Для одних реки и железные дороги – коммуникации, для других – непреодолимые барьеры.

Снаружи и внутри города выглядят по-разному. На карте это открытые, узловое образования, точки с расходящимися в разные стороны магистралями.



На генплане город предстает закрытым и завершенным, с четкими очертаниями, внутри которых обнаруживается центр с окаймляющими, охватывающими его поясами или зонами.

Открытость и закрытость – «экстра» и «интра» – тесно связаны и взаимно предопределены, как дом и улица. Материальным, физическим воплощением этой связи становятся особые промежуточные устройства, пространства-посредники, «открыто-закрытые». Это ворота, входы-выходы, обрамленные, акцентированные и превращаемые в целые сооружения вроде портиков, лоджий, балконов, колоннад и аркад. «Город-окно» – Петербург, портовые города – «ворота страны» – метафоры лишь отчасти, по сути это те же пересечения важнейших границ и путей, места встречи «экстра» и «интра».

Открытое и закрытое взаимопределяют друг друга. Связь этих противоположностей такова, что им удобнее и проще выражать, предъявлять свою сущность через диалог, спор и конфликт с оппонентом. Безграничная пустыня и бескрайний океан рассказывают об открытости менее убедительно, чем распахнутое окно. Бесконечная, доходящая до небес стена не столь ярко свидетельствует о закрытости, как наглухо заколоченные ворота и двери. Символом, воплощением закрытости становится плотина, а торжеством открытости кумулятивный, однонаправленный, сосредоточенный выброс, вроде того, что изобретен создателями Версальского паркового ансамбля или предложен «параболой Ладовского».

«Экстра» и «интра», открытость и закрытость, – результаты разных стратегий пространственного поведения. Эти стратегии рождаются практически одновременно в практике первых человеческих сообществ, перемещавшихся в поисках средств существования с одной стоянки на другую, попеременно пребывающих «в пути» и «на месте». С наступлением аграрной революции одни сообщества переходят к оседлости и созданию постоянных поселений, другие продолжают мигрировать, делая свои перемещения разве что более организованными и упорядоченными. Между носителями разных стратегий разгорается непримиримая борьба, в итоге которой номады, вроде гуннов, носившиеся по степям, или варяги, бродившие по морям, грабившие и разорявшие оседлых

земледельцев, в конечном счете сами становятся обитателями и пленниками городов.

Выбор в пользу закрытости и оседлого образа жизни, в пользу активно обустраиваемых, отделенных от природного окружения пространств, был выбором цивилизационного пути, пути медленно набиравшего силу прогресса. Начальная, первая традиционная фаза этого пути, растянувшаяся для разных цивилизаций на столетия и тысячелетия, сопровождалась упорным возведением стен и укреплений, выход за пределы которых был сопряжен со множеством рисков. Стремление к максимальному контролю культурного пространства, возможному в условиях изоляции и закрытости, приобретает базовый, фундаментальный характер, прочно впечатывается как в персональное, так и в коллективное сознание и поведение. Программа и стратегия земледельца, домоседа, семьянина, крестьянина, буржуа и мещанина по сей день оказывается понятной, естественной и привычной для абсолютного большинства.

Доминирование «интра», оседлости и закрытости не означает искоренения и преодоления «экстра» и его носителей, активного и агрессивного меньшинства, путешественников и авантюристов, тех немногих, кого непредвиденность, непредсказуемость и открытость не пугают, а вдохновляют. Их мятежный дух пробуждается при первой возможности, и следствием пробуждения оказываются преодоленные рубежи и разрушенные стены. В отличие от своих дальних родственников – кочевников, растворявшихся в природном окружении, неотделимых от природных ресурсов, новые номады, почитатели «экстра», родившиеся в городах, воспитанные городами, создают принципиально новый тип открытых культурных пространств, основой которых становятся рукотворные искусственные, более надежные, устойчивые связи и коммуникации, каналы, порты, причалы, дороги и мосты. Выход за пределы стен и границ из девиации превращается в норму.

Движение культурного пространства с момента распада традиционного жизненного устройства – это движение к открытости. За этим движением стоит активное, деятельное меньшинство, каждый шаг которого требует огромных усилий по преодолению инерции и естественной тяги к закрытости. Классический город, избавившийся от стен и обзаведшийся прямыми проспектами, еще сохраняет фискальные границы и систему укреплений. Исчезают эти последние видимые рубежи с рождением современного города.

Самой яркой, шокирующей, непривычной, неожиданной принадлежностью современного города, полностью изменившей его ландшафт на глазах одного-двух поколений, оказываются скоростные многополосные магистрали безостановочного движения. Через полторы тысячи лет, прошедших с момента его рождения, европейский город превратился в нечто противоположное тому, чем был вначале. На месте города-стен возник город коммуникаций. Все более проницаемыми и условными делаются когда-то священные и неприкосновенные границы, главной особенностью современного пространства становятся связи, точки, магистральная инфраструктура, образующая глобальную сеть.

Идеальный город теперь видится открытым, быстро растущим, уверенно опирающимся на инфраструктурный каркас. Парабола Ладовского и Динополис Доксиадида движутся в одном направлении, линейные города Сориаи-Мата и Милютина, как и положено линиям, развиваются в двух направлениях. Большинство реальных городов движется во все стороны. Города утрачивают границы и сливаются с окрестностями. В процессе интеграции, в движении от центра к периферии меняется морфология застройки, тип городской ткани, расселение и характер

землепользования. За пределами зон и поясов, заполненных замкнутыми периметральными кварталами, появляются все большие по размеру межмагистральные территории, с местными проездами и свободно стоящими домами. Открытое, разомкнутое, перетекающее, принадлежащее всем жителям пространство – не возврат к сельским, аграрным образцам и архаическим порядкам, но новое явление, ставшее реакцией на классический индустриальный город, описываемый Диккенсом и Горьким.

С приходом современного мира меняется облик общественных зданий. Демонстративно открываются ранее недоступные, закрытые и изолированные резиденции властей и хранилища сокровищ. Открытые, общедоступные пространства вытесняют закрытые и изолированные. Открытость становится одним из главных отличий современной архитектуры, отказавшейся от отдельных замкнутых комнат и залов в пользу свободно перетекающего, непрерывного, открытого пространства и прозрачных стен. Строго симметричные дома-монументы, символы, манифесты неподвижности и покоя, уступают место свободным, динамичным, произвольным сочетаниям объемов и плоскостей. Новыми предметами проектирования становятся сетевые инфраструктурные постоянно меняющиеся образования и среда, принципиально лишенная замкнутости и закрытости.

Реакция на быстро распространяющуюся и все более агрессивную открытость не заставила себя долго ждать. Естественная, инстинктивная тяга к завершенности и определенности ограничила и затормозила процесс разрушения границ. Работа с открытыми системами оказалась непростой и далеко не всегда успешной. Не столь привлекательной оказалась и жизнь в условиях открытости и постоянных изменений. Попытки сделать открытым, проницаемым, «коммунальным» весь мир, включая мир семьи, к чему склонялись левые и социалисты, успеха не имели. Причиной тому естественная, онтологическая предрасположенность к открытости и закрытости культурных пространств разного уровня.

Вне зависимости от принадлежности к традиционному, классическому или современному мирам, пространства меньшего уровня склонны к большей закрытости, чем пространства более крупные. Степень открытости, интенсивность и число внешних контактов повышается по мере движения от квартиры или частного семейного дома к кварталу, району и городу. Прямым, самым объективным показателем открытости становится число и пропускная способность входов-выходов, принадлежащих пространственным образованиям. Квартира, стоящая в начале этого ряда, имеет один вход, а город, находящийся на верхних уровнях, даже в периоды его максимальной закрытости, имел несколько ворот.

Примирение «экстра» и «интра» становится одной из главных задач современного градостроительства, остающейся нерешенной. Суть того, что предлагалось в прошлом веке, в момент рождения современного мира, что продолжает волновать умы, сводится к созданию новой идеальной и оптимальной единицы с четкими количественными параметрами, своего рода клетки, «кирпича», из которого собирается город любого размера. Предполагалось, что город может расти, тогда как единица, в которой протекает повседневная жизнь, остается неизменной. Идеальный город классического периода из целого, каким он был в мечтах утопистов, на новом этапе превращается в часть меняющегося целого. Целью, по словам Доксиадиса, является вынос динамичных, разрушительных сил за пределы повседневного, видимого мира, который обязан быть стабильным, понятным, защищенным и закрытым.

Поводом к интенсификации поисков становится строительство новых городов и новых столиц.

В Британии и СССР такой единицей избирается микрорайон. Корбюзье придумывает для Чиндигарха «сектор», Нимейер и Коста возводят в Бразилиа «супер-квадры», а Доксиадис строит в Исламабаде «общины». Все эти единицы объединяет ряд общих черт – это межмагистральные территории со схожими, «пешеходными» параметрами, имеющие в своем составе общественный центр, школу и детсад. В отличие от кварталов, бывших совокупностью независимых землеуладений, новые единицы – это социально-пространственные образования, организованные соседства, становящиеся промежуточным звеном между семейным домом и муниципалитетом или городом в целом.

Не отрицая необходимости и возможности существования составляющих города единицы, практика заставляет усомниться в том, что такие единицы могут быть одинаковыми, универсальными, придуманными и предписанными кем-то, кто находится вне них и прямого отношения к ним не имеет. Судя по тому, что происходит в реальном современном городе, замкнутые устойчивые соседские сообщества – явления не универсальные, а их возникновение во многом результат самоорганизации, характерной для периферийных, удаленных от центра районов. По мере движения к центру, к центральному узлу, социальные и пространственные связи приобретают все большую независимость, границы размываются и пространственные единицы выделяются все с большим трудом. Сколь-либо заметным и действенным интегратором становится не территория, а улица или площадь, открытые образования, сливающиеся с себе подобными.

Жители центра менее зависимы от локальных связей, не обречены ходить в одну школу, один супермаркет, не всегда знакомы с соседями и не особо ощущают присутствие каких-либо границ. Наряду с границей и дорогой, у закрытых и открытых пространственных образований есть не менее наглядные признаки и маркеры – это по-разному устроенные центры. В одном случае центр – главный компонент пространства, определяющий его форму и содержание, основная цель и начало всех маршрутов. Таковы основная, «жилая» комната любой квартиры или семейного дома, зрительный зал театра, залы заседаний и собраний. Этот ряд продолжают центры городов с резиденциями власти и главным храмом, а завершают его столицы государств и «глобальные» города.

В других случаях центр не более чем посредник, узел, коммутатор, соединяющий всех со всеми и не являющийся чем-то самостоятельным, самостоятельным и завершенным. Примерами такого рода центров, возникающих внутри зданий и сооружений, являются моллы, атриумы, пешеходные улицы, пассажи, вроде тех, что составляют основу Верхних торговых рядов в Москве или Галереи Виктора Эммануила в Милане. В городах центрами такого рода становятся вокзалы со множеством сопровождающих их объектов. В европейском городе вокзал – это конкурент исторического, административно-общественного и культурного центра, второе по значению ядро или второй полюс городского пространства. В американском городе, не успевшем обзавестись замками и кремлями, центральный вокзал и его комплекс, вроде нью-йоркского Гранд-централа, – главный претендент на первое место.

«Центры-иерархи» и «центры-коммутаторы» предопределяют, задают характер пространства как «экстра» или «интра». Город обычно изоморфен своему центру, воспроизводит своим устройством тот порядок, который задан центром.

Центры-иерархи – интеграторы, собиратели пространства, ответственные за его внутреннюю целостность. Прямым предком этих центров и их постоянным участником является резиденция власти, рядом с кото-

рой часто оказывается храм и его производные, музей и театр. Центры-иерархи имеют и административные, и эмоционально ощущаемые, «конвенциональные» границы, в пределах которых сосредоточено все то, без чего город немислим. Центр-иерарх консервативен, склонен к закрытости, а сопровождающий его транспортный узел является подчиненным ему обеспечивающим устройством. Центр-коммутатор, городской хаб, главный логистический узел, главный вокзал, развязка, место встречи основных магистралей – открытое образование. Это распределитель и регулятор потоков, ответственный за внешние связи. Его историческим предшественником являлся рынок, рыночная площадь, от которой центр-коммутатор унаследовал сопровождение в виде множества попутных объектов, сконцентрированных в главном узле и разбегавшихся вдоль исходящих центростремительных направлений.

Интересы центра как узла, коммутатора, перекрестка и главного места пребывания, от которого ведется отсчет, далеко не всегда совпадают. Центр-коммутатор и центр-иерарх предпочитают существовать на известном расстоянии, сохраняя относительную независимость. Если это не удается, возникает пространственный конфликт, самым наглядным проявлением которого оказываются или бесконечные пробки и заторы, или транзитные магистрали, пересекающие центр города. Решить этот принципиальный спор обычно удается ценой создания сложных, огромных, дорогостоящих многоуровневых сооружений, подтверждающих трудность компромисса между «экстра» и «интра».

Интровертность и экстравертность, обращенность вовнутрь и обращенность наружу, хоть и имеют отчетливые пространственные корни, пространственное происхождение, легко распространяются на иные сферы жизнедеятельности, на процессы и явления в политике, экономике и культуре. «Экстра» и «интра» – общесистемные, универсальные, «парадигматические» категории, «метасвойства», приписываемые не только пространству, но и деятельности, ее организации, ее институтам. Отношения пространственного порядка и жизненного устройства на разных этапах, в разные периоды складываются по-разному – от почти полной синхронности, которую обнаруживает традиционный город, до почти полной независимости, наблюдаемой в городе современном.

Пространственная открытость сегодня становится привычной, но далеко не всегда свидетельствующей об открытости, общедоступности институтов и учреждений, а за видимой, физической закрытостью и непроницаемостью может обнаружиться нечто гостеприимное и расположенное к контактам.

«Экстра» и «интра» определяются не только внешним и видимым; они имеют системные корни, системные толкования и коррелируются с двумя главными видами систем, с двумя базовыми типами отношений части и целого, которые называются по-разному: то «иерархическими» и «коммуникативными», то «вертикальными» и «горизонтальными», то «пирамидальными» и «сетевыми».

Эти толкования в равной мере применимы и к культурному пространству, и к протекающей в нем жизнедеятельности. Системная зависимость снимает мучительный вопрос о том, кто за кем следует: пространство за деятельностью или деятельность за пространством. Все следует общим системным закономерностям.

Система определяется связями, отношениями элементов и целого. В иерархических системах элементы полностью, без остатка входят в состав образования более высокого уровня, становятся его частями и пребывают в его границах. Связи внутри такой системы обеспечиваются и контролируются иерархом, ясно выделенным в срав-

нении с другими и определяющим степень закрытости и открытости целого. Иерархические системы принципиально моноцентричны, а их рост и развитие приводят к появлению многоступенчатых «пирамидальных» конструкций. Самым популярным примером пространственной иерархии является канонический советский город с отдельными домами, входящими в жилые группы, с жилыми группами, входящими в микрорайон, с микрорайоном, входящим в жилой район, который, в свою очередь, становится частью города. Образования всех уровней изоморфны одной модели, имеют обособленный центр, границы, а составляющие их элементы отмечены несомненным сходством. Системы такого рода создаются усилиями, командами и предписаниями, исходящими сверху, от иерарха. Естественной, родовой чертой таких организаций становится стремление к закрытости.

Антиподом иерархических систем являются системы коммуникационные или сетевые. Они объединяют на равных элементы любой мощности, любых размеров и разного качества. Такие системы становятся итогом самоорганизации усилий снизу и производятся самими участниками. Участники коммуникативных систем поначалу связываются друг с другом напрямую. При росте числа участвующих и числа связей, связи объединяются в единый коммутатор, в общую связь или единое посредническое устройство, коммутатор. Коммутатор занимает центральное место в системе, но, в отличие от иерарха, не ограничивает систему, а обеспечивает ее открытость и инклюзивность, способность вбирать новые и разные элементы.

Коммуникативные пространства, в отличие от иерархических, наделены пластическим разнообразием, они стремятся к расширению, к внешней экспансии, и агентом, инициатором этой экспансии становится коммутатор, задающий очертания пространства. Простейшие коммутаторы напоминают точку, превращающуюся в хаб, площадь, или линию, ставшую коридором, улицей, к которым тянутся, вокруг которых собираются все участники или элементы. Сочетание таких точек и линий порождает решетку или сети коммуникаций – прямое воплощение, пространственный символ всех горизонтально организованных систем. Наглядным примером сетевых образований являются пешеходные зоны, торгово-развлекательные комплексы и центры городов, вроде Монреаля и Сингапура, все компоненты которых связаны непрерывной единой сетью пешеходных путей.

Роль коммутаторов и распределителей существенно возрастает, когда вместо одного доминирующего центра возникают конкурирующие, дополняющие друг друга очаги влияния, и система приобретает признаки «полицентричности». Полицентричными выглядят Сеул, Токио и даже Лондон, разные, отдельные, сопоставимые по влиянию, относительно самостоятельные центры которых связаны в единую сеть. Сходный полицентрический эффект пытаются получить ценой создания новых центров, вроде парижского Дефанса или московского Сити, – конкурентов мощному историческому, иерархическому центру.

Рассматриваются два противоположных типа взаимодействия человека с социумом – экстравертный и интровертный. Процесс экстравертного взаимодействия нацелен на прямой контакт с городским сообществом, а интровертный – на воображаемую реальность, художественный образ происходящего. Первый тип поддерживается культурной практикой большинства и правилами системы, второй – ассоциируется с минимальным присутствием в системе и игровой интерпретацией контекста. Ключевыми элементами архитектурной интерпретации взаимодействия являются дом и город – одновременно как реальные объекты и как метафоры противоположных смыслов. Архитектура в своем сущностном проявлении воплощается в экстравертном проекте как город, а в интровертном – как дом.

Ключевые слова: город и дом; экстравертное/интровертное; общение/уединение; городской код; геометрические паттерны; планировочная сетка; гостиная/лабиринт.

Two conditionally opposite types of human interaction with society are considered: extroverted and introverted. The process of extroverted interaction is aimed at direct contact with the urban community, and introverted – at the imaginary reality, the artistic image of what is happening. The first type is supported by the majority cultural practice and the rules of the system, while the second type is associated with a minimal presence in the system and a playful interpretation of the context. The key elements of architectural interpretation of the interaction under consideration are the house and the city – simultaneously as real objects and as metaphors of opposite meanings. Architecture in its essential manifestation is embodied as a city in the extroverted project, and as a house in the introverted one.

Keywords: city and house; extroverted/introverted; communication/solitude; city code; geometric patterns; planning grid; living room/labyrinth.

Человек и город: две модели взаимодействия / The individual and the city: Two models of interaction

текст

Сергей Малахов

Национальный
исследовательский
Московский
государственный
строительный университет

Евгения Репина

Национальный
исследовательский
Московский
государственный
строительный университет

text

Sergey Malakhov

National Research Moscow
State University of Civil
Engineering

Eugenia Repina

National Research Moscow
State University of Civil
Engineering

Дом и город – два контрастных сюжета: уединение и общение

Взаимоотношения между домом и городом образуют чрезвычайно богатую палитру сюжетов, в массе которых привлекает особое внимание идея двух контрастных состояний индивида – уединения и общения. Это контрастное разделение – приблизительная оценка сущности противостояния двух принципиальных архитектурных феноменов, в определенной степени понимаемых как объекты. Будучи объектами, дом и город одновременно представляют собой феномены космического уровня, заключающие в себе аспекты, касающиеся – на самом взлете сюжета – судьбы индивида. «Приземление» означает разные типы практики от социальной и политической до строительной и проектной. Дом и город то сжимаются до привычных образов и представлений, то невероятно разрастаются до уровня энциклопедии всего происходящего с нами.

В интересах исходного аспекта рассматриваемой темы – противостояния дома и города, равно как и их потенциального воссоединения, – представим для начала идею дома как существование абсолютно персонифицированного убежища, все пространство в котором принадлежит одному человеку. Условимся считать домом пространство, предназначенное для одного¹, городом – все, что за пределами дома².

С психологической точки зрения подобное разделение определяет два выше упомянутых состояния: дом – это пространство и состояние уединения, город – это пространство и процессы общения. Уединение – достаточно емкое понятие, указывающее на обеспеченный доступ индивида к защите, ночлегу и воображаемому проекту всего насущного. Общение – погружение в город – факт и сценарий самоопределения в социуме, сопряженный с адаптацией к пространству города и правилам системы. И что будет означать подобная адаптация – борьбу, компромиссы или отстранение – дом и уединение, помогают увидеть и сформулировать в виде «проекта». Покидая дом³, мы на время утрачиваем защищающую оболочку; теперь, странствуя по городу, мы жаждем подтверждения своей состоятельности как субъекта: внутри системы, в интеграции с ней или вовне.

Архитектурный дискурс в аспекте выявленной оппозиции дома и города представляет концептуально осмысленное материальное оформление, сценографию двух жизненных эпизодов: уединения, в котором прорабатывается «проект выхода в город» (взаимодействия с системой), и общения – этапа реализации «проекта». И здесь выясняется, что «авторами» подобных «проектов выхода в город» становятся субъекты, имманентно принадлежащие противоположным культурно-социологическим программам предполагаемого контакта.

Два типа взаимодействия субъекта и города

Первая программа – экстравертная, означающая системно адаптированный тип общения, когда человек принимает и ожидает тех архитектурных ответов, которые встроены в «правила системы», ее культурные коды и иерархическую модель. Вторая программа – интровертная, нарушающая эти коды, демонстрирующая отстранение от общепринятого сценария и основанная на выборе собственных целей и маршрутов внутри «городского пространства»⁴. При этом оба типа взаимодействия субъекта и города в инварианте сопровождаются собственными пространственными и типологическими паттернами, максимально гарантирующими реализацию как экстравертных, так и интровертных «проектов» (моделей взаимодействия с городом) (рис. 1).

Успешный город – это пространство общения, обеспечивающее сосуществование и цивилизованную практику культурной репрезентации (эффективного компромисса) двух определяемых здесь типов взаимодействия (двух субъектно-ориентированных программ). Стратегия достижения успеха оказывается не такой простой, так как проектное действие является вторичным по отношению собственному выбору системы. Любому городу, независимо от уровня развития цивилизационной модели, присуща организация явного или скрытого принуждения, когда каждому из обсуждаемых сценариев предшествует безмолвный вызов (проект) системы, инструменты манипуляции которой смешивают счастье и удовольствие, поэзию и фельетон, эмпатию и политекс.

Проблема заключается в том, чтобы увидеть обозначенный архитектурный дискурс и скрытые намерения



^ Рис. 1. Экстравертная модель. Кафе на улице Лютеции (Rue de Lutèce) в Париже. Фото авторов (а). Интровертная модель (bangkokbook.ru) (б)

системы не только как сложившуюся сценографию, но и как проектные действия, соучаствующие в поддержке, регенерации или критическом пересмотре соответствующих декораций. Это означает артикуляцию материально организованных мест общения человека с городом через предварительно выясненные обстоятельства их возникновения, распознавание логики городского кода системы, его элементов, пространственных паттернов и архетипов (программ) взаимодействия субъекта с городом.

Паттерны архитектурного дискурса

Гипотетически модель пространства общения экстраверта может отвечать классическим элементам городского кода: гостиной, улице, площади; при этом понятие гостиной универсальным образом соответствует любому пространству, собирающему людей на дистанции, поддерживающей диалог.

Геометрической фигурой, максимально соответствующей идее гостиной, является квадрат; улице – прямоугольник; площади – круг.

В комплекте классического городского кода площадь поплощает идею эпицентра, прямо или метафорически выражающую суть иерархической конструкции системы. Площадь – это пространство больших дистанций и одновременно пространство единодушия. Круг представляется геометрической фигурой, соответствующей функции подобного эпицентра, «места событий».

Интровертной модели общения субъекта с городом заданные системой паттерны не подходят. Город для интроверта – смесь реально происходящего и воображаемого. Интроверт не столько стремится к общению с «живыми встречными», сколько полагается на свое чувственное, художественное, поэтическое конструирование реальности. Город предстает в этой эмоциональной модели как лабиринт, соединяющий физическую конструкцию с воображаемой и игровой. Материально не оформленная «городская пустота» также становится для интроверта второй подосновой параллельной реальности. Для интроверта даже сам «выход в город» зачастую может оказаться ненужным, так как на замену физическому контакту с городом приходит его игровая модель.

Артикуляция экстравертной модели

Город – инструмент соблазна и пространство принуждения к общению с помощью городского кода, правил поведения, фетишизируемых стандартов успеха. Общение горожан в широком смысле – факт совместного пребывания в одном городском пространстве: вступаете ли вы в диалог, участвуете ли в производственном процессе или минуете расстояние между объектами, лавируя среди пешеходов. В этой картине происходящего сценография городского пространства занимает почетное место координирующего инструмента системы. Иерархически выстроенными элементами эволюционно выращенного городского кода являются планировочная сетка, главные и второстепенные улицы, дома, перекрестки, площадь, ратуша, городские ворота и храм. Дома – в приведенном перечне элементов кода – емкости, упаковывающие наши убежища, подлинные или мнимые, в замкнутые или прозрачные оболочки, архитектурно декорированные и предназначенные для названных или неназванных функций.

Благодаря наличию сформированных элементов кода, мы можем дискутировать по поводу собственных смыслов «экстравертных программ», не задумываясь о том, насколько сформированные системой элементы определяют размах и направления наших инициатив.

Прототипами такой предопределенности являются планы древних восточных и эллинистических городов, план римского лагеря, план и структура романской базилики, петровские и екатерининские городские планы, проект Османа реконструкции Парижа, города-крепости, модернистские концепции зонированного города (рис. 2, а)

Правила застройки китайских городов VIII–V веков до н. э. жестко формулировали расположение ключевых городских объектов – квадратной сетки плана, ориентации по сторонам света, положения императорского дворца (на юге), рынка (на севере), императорского храма на востоке и алтаря, посвященного богам плодородия (на западе) [1].

План и структура базилики может рассматриваться как инвариантная структура любого иерархически организованного пространства – будь то Форум Траяна, Вандомская площадь в Париже, ГУМ на Красной площади

1. За пределами формулы дома, определяемого как своего рода обитаемое гнездо одиночки, располагается любая типология, связанная с коллективным обитанием, в том числе дом для семьи. Любой конкретный проект всегда будет отличаться от принятого допущения.

2. «Все, что за пределами дома» – понятие города намеренно расширяется до «вообще всего, что физически не включается в дом»: дома, улицы, общество, всякого рода правила и процессы – все то, что заложено системой: автономной, иерархически устроенной, социополитической платформой, зависящей от уровня развития цивилизации и демонстрирующей искренне или в меру ценностных установок элиты намерения улучшать качество среды и поддерживать гуманистические идеалы.

3. «Покидая дом» – факт пересечения его границы напоминает выход корабля из уютной гавани в открытое море: мы отправляемся в странствие. В тексте усиливается ассоциация с судьбоносными процессами. Город метафорически – это в том числе и море, и даже пространство самой судьбы.

4. «Городское пространство» для интроверта – это нечто гораздо большее, чем конкретное место.



^ Рис. 2. План Милета, алгоритм городского кода (а). Улица Росси в Санкт-Петербурге (б)



5. Н. Павлов: «Некогда круглое в плане жилище постепенно трансформировалось в квадратное. Со временем проявились «идеальные» ортогональные планы городов. Еще позднее ортогональной сеткой координат был «обтянут» весь земной шар».

6. Фрактальная организация в классической версии городского кода демонстрирует непрерывность планировочной (модульной и ритмической) сетки на пути из городского пространства внутрь дома. Иерархия улиц и площадей, главных и второстепенных объектов – фрактально воспроизводится в доме, но, разумеется, в другом масштабе. Поддерживать эту непрерывную связь – задача архитектора.

в Москве или улица Росси в Санкт-Петербурге в единстве с замыкающим перспективу Александринским театром (рис. 2, б)

Игра заключается в том, чтобы, вовлекаясь в потоки, сходящиеся к алтарям, площадям, ратушам или театрам, а также к своим рабочим местам, человек все же находил в себе возможность позиционирования как субъекта, добровольно распоряжающегося выбранной стратегией взаимодействия с городом и системой. Экстравертная модель, отчужденно или радушно воспринимаемая системой, находит соответствующий отклик в иницируемых ею сценариях, соединяющих архитектурные декорации, варианты социальной стратификации, культурные программы, качество обслуживания и степень контроля.

Отчужденная реакция системы присуща ее авторитарным моделям. Радушная – к более продвинутым цивилизационным конструкциям системы, как это, к примеру, происходило в деятельности французских реформаторов городской среды – префектов Парижа Рамбуто и барона Османа. Знаменитые парижские бульвары, уличные кафе, а заодно демократичное классовое смешение горожан и возникновение «бульварной культуры» есть следствие этой деятельности [2].

В результате упомянутых преобразований иерархия системы не исчезает, так же как не деконструируется контроль системы над происходящим, но при этом пространство города усложняется, становится архитектурно оформленным, наполняется комфортными приспособлениями для общения и повышения самооценки участников городских программ.

Базилика как инвариант пространственной и социальной организации городского кода обогащается признаками демократичного хаоса; общение, поддержанное разнообразием сюжетов, помогает поддерживать добродушное выражение лиц и неспешность. У горожан и туристов в подобной среде все чаще возникает соблазн оставаться подольше в уличном кафетерии или принять участие в предвыборном митинге следующего префекта Парижа. Жизнь экстраверта в целом начинает выглядеть интересней.

Квадрат как модуль «сетки благоустройства»

Минимальным модулем, единицей сценографии экстраверта – является квадратный стол уличного кафе (в несезон дислокация предполагает расположение в интерьере). Квадратный стол удобнее круглого – особенно

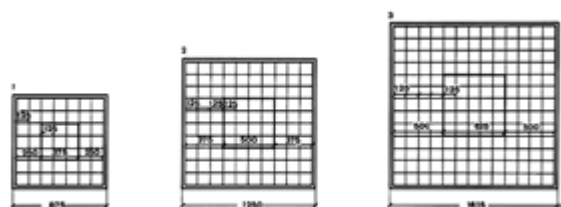


> Рис. 3. Квадратный стол уличного кафе. Ним (а). Место встречи. Париж (б). Фото авторов





< Рис. 6. Экстравертная модель. Открытая городская гостиная. Париж (а). Пристроенный модуль гостиной. Клермон-Ферран (б). Фото авторов



в том случае, если его расположение реагирует на планировочную сетку террасы, площади, гостиной и городского квартала (рис. 3).

Все перечисленные элементы исторически эволюционировали из того минимального комплекта инструментов «устройства блага», заполнив которые система приступила к первым робким шагам самоорганизации. С той поры, несмотря на вклинившийся период Средневековья, преобразовавший ортогональную гипподамову сетку в паутину из треугольников, квадрат всегда оставался материально осуществимой или подразумеваемой единицей измерения и упаковки пространства⁵ [3] (рис. 4).

Современная практика предполагает возобновление продвинутой версии гипподамовой планировочной сетки (grid plan), основанной на фрактальной организации городского пространства как целостной формы⁶. Система, позитивно реагирующая на демократизацию городских контактов, поручает проектировщикам работу над чертежами тотальной планировочной сетки, пронизывающей не только городское пространство, но и внутреннюю емкость дома, соединяя тем самым в единое целое внешние и внутренние элементы. Как только эти связи устанавливаются на уровне единого чертежа, возникает картина, мотивирующая артикуляцию акцентно или равномерно распределенных квадратов, т. е. гостиных, отвечающих сценарию экстравертной программы субъекта. В физическом смысле подобная артикуляция может означать буквальное добавление, наращивание, встраивание, блокировку, надстраивание, вольную расстановку «гостиных» в доступном поле единого чертежа, ориентируясь на интуитивный прогноз «благополучной экстравертной среды». Подобный чертеж с добавленными элементами может в дальнейшем существовать как дорожная карта,

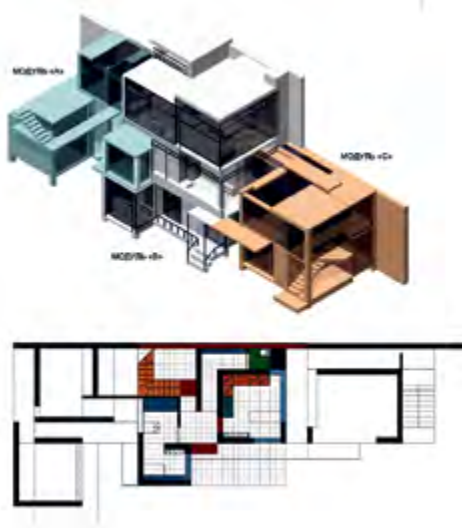
вдохновляющая подоснова для мастер-плана, ориентир для реального проектирования. (рис. 5; б, б)

Разумеется, нет цели утверждать, что все места для общения в городе должны иметь форму квадрата в плане, но на концептуальном уровне существует внятное представление, как осуществляется общение: двое располагаются или напротив друг друга, или бок о бок, спиной к фасаду кафе, обращая взгляды на улицу. Четверо устраиваются по четырем сторонам квадрата лицом друг к другу. И если встречающихся больше, то это уже не стол, а само пространство гостиной. И это все же квадрат (рис б, а).

В этих простейших формулах заложен потенциал простого и эффективного усиления сценария реализации экстравертной программы «выхода в город», и в частности – «акта встречи и диалога».

По истечении акта встречи (человеческого контакта) в уличном кафе или в гостиной программа экстравертного взаимодействия с городом не исчерпывается, но рутинизируется, становится жестче, так как в отношении с субъектом вступают следующие, более прагматические конструкты системы, например обучение или работа.

< Рис. 4. Квадрат в китайской традиции – регулярные планы городов разного ранга. По материалам статьи Н. Павлова [3]



< Рис. 5. Дом-Тетрис. Включение гостиной в городской контекст. Ритмическая сетка на основе квадратного модуля. Мастерская Малахова – Репиной. Studio Celebration

Подopleкой системы, несмотря на ее цивилизационный инструментарий, остаются рынок, иерархия и капитал. Сценография и геометрические паттерны «следующих конструкторов» системы не являются предметом настоящего сообщения, но поддерживаются ассоциативно в общем анализе взаимоотношений субъекта (его дома) и города.

Другой город в стратегии интровертной модели. Концепция лабиринта

Феномен интровертной модели взаимодействия субъекта и города лишен понятной логики для системы, что и мотивирует ее находить для этой культурной практики наиболее доступные объяснения, опять-таки встраиваемые в последующем в экстравертный сценарий. Дома, маршруты и могилы странствующих по городу интровертов становятся объектами паломничества и построения коммерческих практик, ориентированных на внутренний и внешний туризм (комната Ван Гога в Овер-сюр-Уаз, дом Сальвадора Дали в Кадакесе, могила Иосифа Бродского на острове Сан-Микеле в Венеции).

Тем не менее факт существования интровертной модели общения с городом (с миром) является обнадеживающим сюжетом, так или иначе озадачивающим систему и заставляющим ее включать в свой сценарий самовывживания поначалу неконтролируемые проекты. Современная цивилизационно настроенная практика все же научилась обращать внимание на культурный конфликт проектов как на вероятный источник собственного благополучия: разумеется, неповсеместно.

Интровертный проект исходно опирается на непризнание экстравертного выхода в город как на этический императив. Нет для интровертно ориентированного субъекта ничего привлекательного в том, чтобы ежедневно встречаться в кафе с соседями или на совещаниях с сотрудниками компании, обсуждать муниципальные новости, организовывать детский утренник и оповещать в социальных сетях, насколько восхитительным был вчерашний закат на Малибу. Не существует в интровертном проекте обязательного посещения «памятных мест» по маршрутам, обозначенным в путеводителе. Интроверт вообще не видит город таким, как все. Его встреча с городом – это прежде всего встреча с самим собой, своей памятью, персональной интерпретацией реальности.

Уместно будет привести пример, как Бродский путешествовал в свои рождественские приезды в Венецию. В обзоре Daily Moscow «Иосиф Бродский как одинокий путешественник», описывающем опыт общения поэта с городом, подчеркивается, что он «любил приезжать в этот город снова и снова, особенно в зимнее время, когда исчезает поток туристов» [4]. Сам Бродский довольно резко отзывался о преобладании экстравертной модели, ему «невыносимо видеть потребление города туристами-обывателями». «Венеция не принадлежит всем, и она не для всех. Обывательщина <...> разъедает [Венецию] <...> сильнее, чем волны каналов» [4], уничтожая магию места – типичная позиция интроверта.

В этом же обзоре автор высказывает важное замечание про осознаваемый поэтом сценарий городского пространства [4]: «В эссе «Место не хуже любого» Иосиф Бродский писал: "Чем больше путешествуешь, тем сложнее становится чувство ностальгии. Во сне, в зависимости от мании или ужина, или того и другого, либо преследуют нас, либо мы преследуем кого-то в закрученном лабиринте улиц, переулков и аллей, принадлежащих одновременно нескольким местам; мы в городе, которого нет на карте. Паническое беспомощное бегство, начинающееся чаще всего в родном городе, вероятно, приведет нас под плохо освещенную арку города, в котором мы побывали в прошлом или позапрошлом году. Причем с такой неотвратимостью, что, в конце концов, наш путешественник всякий раз бессознательно прики-

дывает, насколько встретившаяся ему новая местность потенциально пригодна в качестве декорации к его ночному кошмару"» [5]. В необыкновенно талантливом описании своих впечатлений о странствиях по разным городам Бродский рисует образ универсального морфотипа – фактически несуществующего города, служащего ему инвариантным набором сформулированных системой объектов и правил, пригодных для объяснения специфики любого из упомянутых мест. Но именно лабиринт определяется поэтом в качестве объединяющего все мыслимые маршруты конструктором – метафизическим и пространственным императивом.

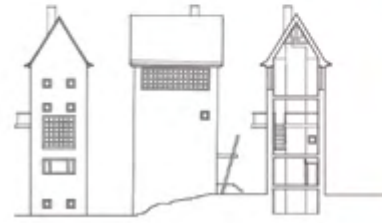
Общим принципом описания обозначенного морфотипа и у Иосифа Бродского, и у Петра Капустина [6] является единственность субъекта внутри лабиринта: то есть это все-таки выбор и сценарий одного героя, по-нашему сюжету – интроверта! Герой пробирается внутрь лабиринта и оказывается там в одиночестве, будто он и есть тот самый Тесей, которому предстоит в глубоких потемках отыскать Минотавра. Он один единственный, и ему не с кем разделить свои предчувствия, впереди неминуемая развязка.

Петр Капустин определяет суть лабиринта с разных сторон, но одно определение нам представляет близким, когда он формулирует следующую мысль: «Основная и латентная категория Лабиринта – путь. Основная – потому, что всякий лабиринт и все они вместе есть воплощенный Путь, с его заблуждениями и тупиками, с постоянным ожиданием находок и неожиданно обнаруживающимися выходами. Латентный – потому, что верный путь скрыт, и это сокрытие – миссия лабиринта...» Однако «путь», замечает автор, звучит как-то «очень оптимистично» и «слишком прямолинейно для лабиринта. Скорее нужно говорить о поиске пути – и «тогда на первый план выходит Поиск. Ведь путь скрыт, а поиск – нагладен...» [6]

Лабиринт трактуется у разных авторов и как метафизический концепт (Ж. Делёз, Ф. Гваттари), и как загадочный архитектурный феномен (П. Капустин), и как пространство странствия по «тотальному городу» (И. Бродский). Во всех случаях речь идет о странствиях одиночки, героя, профессионально ссылающегося на свое неприятие или отстраненность от предначертанной системой порядка вещей. Мир заданной реальности в этих странствиях перестраивается в собственную модель реальности, в разной степени драматичную, пафосную, игровую.

Архитектура практически в каждой версии лабиринта выступает как ключевая материальная форма. Его графические построения лишь ассоциативно ссылаются на загадочный архетип. Формальная геометрия странствия фиксируется в самых разных масштабах – от спонтанного маршрута по улочкам Венеции или Стамбула до воображаемого чертежа «тотального города» Бродского.

Физическое присутствие лабиринта проявляется в концептуальной модели дома: в масштабе макета и чертежа, публикации и в реально построенном виде. Дом интроверта – это всегда причуда высшего порядка. Одиночество интроверта свершается в пространстве города-лабиринта без особой возможности выбрать кратчайший путь, да и концепция интровертного проекта не предполагает скорейшего достижения цели. Самой интригующей задачей становится выбор очередного гнезда [7], «станции остановки» для пересмотра сюжета, медитативной кельи, наблюдательного пункта, окна, убежища для ночлега и того отделения лабиринта, где появляется более долговременный дом героя. Все, что возникает как «архитектурное необычное», являет себя в двух вариантах: или как шоу для экстравертов, или как персональный дом-гнездо интроверта, пропитанный смыслами Поиска.



^ Рис. 7. Интровертная модель. Дом Холостяка (а, б). Мастерская Малахова – Репиной. Studio Celebration

Джованни Брино в своей книге об итальянском архитекторе-дизайнере Карло Моллино, интроверте в высшей степени смысла, описывает его квартиру на улице Напионе в Турине: «Моллино переделывает квартиру <...> создавая необычный и софистический интерьер с намерением сохранить ощущение тайны. Никто никогда не приглашался сюда, никто никогда не жил здесь, кроме самого Моллино» [8].

Пространство квартиры сжато двумя сходящимися бортами с выходом на балкон – полная иллюзия корабля, не достает лишь ростры или осцлус. Хозяин устроил здесь свой внутренний мир – лабиринт зазеркалья, разместив в нем композиции из разных оригинальных вещей и комнат, включая копию греческой скульптуры, книжный шкаф с пространством для радиogramм, большое античное блюдо, панцири гигантских черепах, футляры и декорации с бабочками, зеркало в гнутой деревянной раме, окрашенной черным лаком; устроил спальню для «отдыхающего воина» с кроватью-лодкой в стиле ампир на подиуме, добавил шторы, раскрашенные собственноручно, выстроил портал двери и полку из белого мрамора – все в основном спроектированное им самим. И это вовсе не скопление антиквариата, а сценографическое оборудование к постоянно воображаемому им кинофильму про существующий и несуществующий город.

Напротив, комната Ван Гога в Овер-сюр-Уаз поразительным образом игнорирует всякое представление о перформансе и вещах. Кровать и стул – всего две вещи – достаточно ли, спросим мы, этого для того, чтобы вообразить что-то большее, чем четыре стены? Достаточно – отвечает Ван Гог. Остальное – в 74 картинах, написанных за эти последние семьдесят дней.

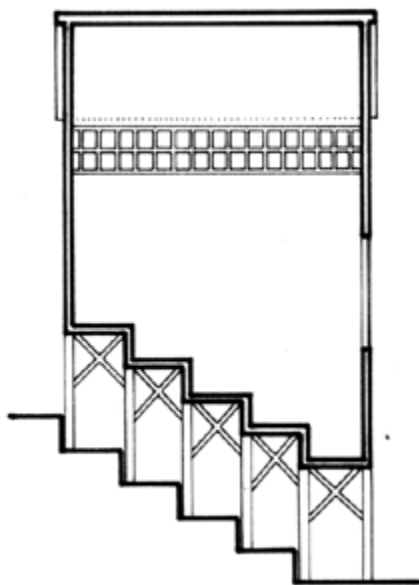
Различие двух проектов – экстравертного и интровертного – также заключается в отношении к двум противоположным состояниям: радостному и тревожному. Экстравертный проект предполагает нагнетание позитива: все лозунги системы направлены на «благое устройство» контролируемой ею среды. Дом экстраверта – это обстоятельно оборудованное пространство семейного благополучия. Чертежи этого объекта сопровождаются 3D-моделями, рендером с зелеными лужайками и безоблачным небом. Стиль подобного жилища – максимально

пафосен или нейтрален и коммерциализирован до корней. Правильно спроектированный дом экстраверта в идеале соединяется с бурлящей атмосферой и плотной тканью городской среды или окружен собственным садом, террасами и имеет выход к реке. День экстраверта посвящен семье, общению и карьере. Отдыхающий и турист своим происхождением обязаны служебному отпуску экстраверта. Ходить на коллективные экскурсии, научные конференции и футбол – востребованное занятие экстраверта. В отличие от него, интроверт отстранен от предоставленных системой объяснений и правил. Ему, блуждающему в Лабиринте, интересно общаться с самим собой. Его дом, по определению, – это и есть архитектурный продукт, в то время как архитектурным пристанищем экстраверта – в идеале – становится город.

В ситуации, когда экстравертная модель требует умножения числа гостиных и превращения города в оптимистичный сюжет, гнездо интроверта, изъятое из Лабиринта, отличается нестандартным, а порой – невероятным сюжетом.

В проектах Studio Celebration сформулировано условное задание анонимного интроверта, представленного в качестве странствующего персонажа. Каждое из его пристанищ (домов-архетипов) отличается уникальной формой, при этом очень простой, так чтобы стало понятным, к какому специфическому переживанию (состоянию) приходится быть готовым: в Башне – обзор округи, в Бумеранге – зависание над дорогой, в Хижине – теплая печь, в Доме над Водопадом – шум потока, в Треугольнике – сжатие пространства, в Доме Холостяка – взгляд в стену (рис. 7 а, б; 8 а, б).

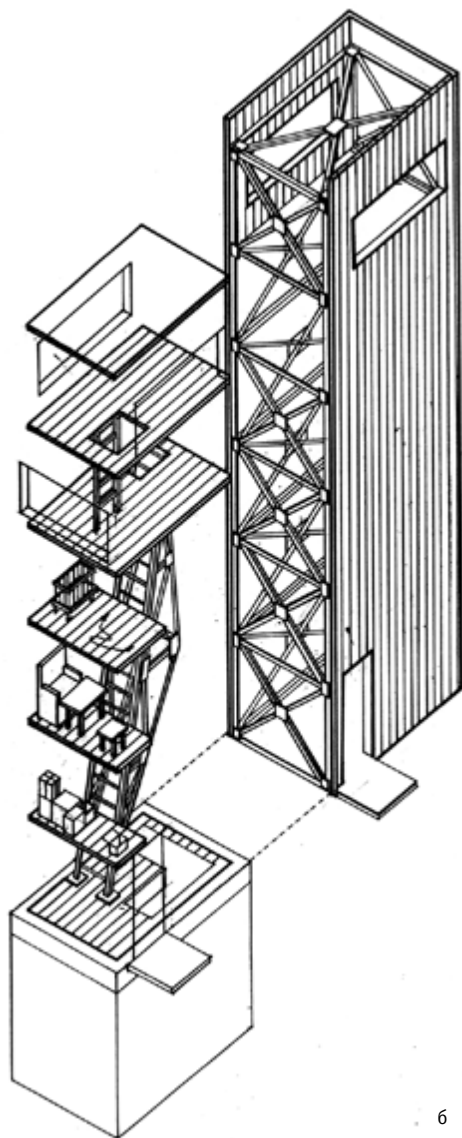
Каждое из этих «архетипических состояний» могло в обычной жизни оставаться незамеченным. Артикуляция формы до уровня архетипа (простого знака) размыкает скомканную массу пространственных переживаний в цепочку артикулированных эпизодов (мгновений). Таким образом, странствие интроверта внутри Лабиринта поддерживается архитектурной стратегией устройства «множества домов», обнаруживая для героя возможность «строить свой город» как спонтанно развивающуюся реальность. Архитектурная материализация Пути сжимает перечень переживаемых мгновений, как бы останавливая



a



^ v Рис. 8. Концепт-проект «Дом-архетипы». Дом над водопадом (а), Дом-башня (б). Мастерская Малахова – Репиной. Studio Celebration



б

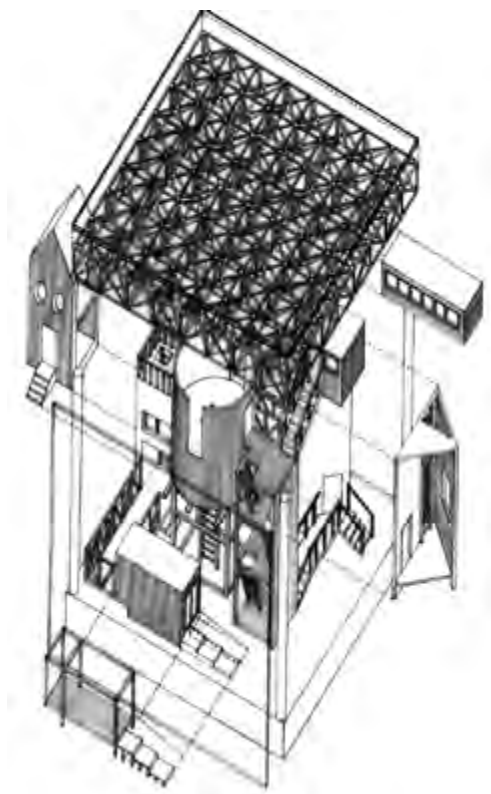
линейное время, но при этом для интроверта открывается медитативный портал «простой пространственной формы». И тогда время начинает двигаться поперек и вглубь эпизода, что фактически означает контакт субъекта с бессмертием.

Игровая конструкция интровертной модели, преисполненная импровизации и иронии, настраивает субъекта на особое отношение к позиционированию границы дома как пространства конфликта между домом и городом, игровой реальностью и системной, представляющей себя как единственная. Граница в этой концепции осмысливается или как слияние с домом, или как третье пространство, сохраняющее все признаки игрового присутствия «страшного и чужого», что осознается интровертом в качестве сертифицированного примыкания к Лабиринту. Лабиринт, загадки которого иллюминированы в статье П. Капустина, на архетипическом уровне связан с переживанием ужаса. При этом в той же «классической истории» Лабиринт не включает спасительные убежища для Тесея, в то время как в интровертной модели реальности, в сущности – игровой и счастливой – весь путь интроверта складывается из «ризомы» маршрутов, дистанций, переходов между домами: ночлегами, медитативными гнездами, порталами «очередных эпизодов Пути».

Концепт-проект «Дом-Город» актуализирует два игровые позиции: пространство границы и «внутренний город», позволяющий субъекту обитать внутри физически смоделированной игровой сценографии Лабиринта – придуманного приключения в относительно безопасной оболочке. Благодаря дистанции между оболочкой и «внутренним городом» возникают предпосылки для осознанного встраивания в дом отголосков того беспокойного состояния, которое сопровождает интроверта в странствиях по Лабиринту. Ночью перформанс обитания нашего персонажа обогащается холодным запустением интервала, порождаемыми им напоминаниями об архетипическом переживании ужасного, страхом проникновения города внутрь дома (рис. 9).

Все это вкупе лишь художественно и архитектурно артикулированный сценарий привычных нам состояний, но именно такие архитектурные жесты стабилизируют в культуре цивилизованный баланс между реально

> Рис. 9. Концепт-проект «Дом-Город». Мастерская Малахова – Репиной. Studio Celebration



катастрофическим и игровым, между пафосным и ироничным. Театрализация конфликта между двумя типами реальности – экстравертной и интровертной – есть признак достижения системой того уровня благоразумия, который разрешает архитектуре осваивать ее законное место в городе, принадлежащем экстравертам, и в доме, приютившем одинокого интроверта. И, возвращаясь к его Величеству Квадрату, отметим еще раз его незаменимую роль в импровизационном построении единой планировочной сетки, соединяющей дом и город, пронизывающей все слои этого единого тела, чередуя метр и ритм, запланированное и спонтанное, прекрасное ясное и прекрасное запутанное. Эта импровизация в состоянии частично примирить и смешать интровертный проект с экстравертным, лабиринт и квадрат, медитацию и разговоры, ограничения и свободу.

Литература

1. Принципы планировки древних городов. – URL: <https://urbanru.ru/printsipy-planirovki-drevnih-gorodov> (дата обращения: 29.11.2023)
2. Новиков, А. Париж и реформы барона Османа – URL: <https://arzasmas.academy/materials/2426> (дата обращения: 29.11.2023).
3. Павлов, Н. Л. Тема круга и квадрата в китайской, индоевропейской и некоторых других культурных традициях // АМИТ. – 2023. – № 1 (62). – С. 30–44. – DOI: 10.24412/1998-4839-2023-1-30-44
4. Иосиф Бродский как одинокий путешественник // Daily Moscow – URL: <https://dailymoscow.ru/sankt-peterburg/28405-iosif-brodskii-kak-odinokii-putesestvennik> (дата обращения: 29.11.2023).
5. Бродский, И. Место не хуже любого / Пер. с англ. Е. Касаткиной. – URL: <https://iosif-brodskiy.ru/proza-i-esse/mesto-ne-khuzhe-liubogo-1986.html> (дата обращения: 29.11.2023).
6. Капустин, П. Лабиринт // Проект Байкал. – 2018. – № 58. – С. 68–75. – DOI: 10.7480/projectbaikal.58.1405
7. Лэнг, О. Одинокий город. Упражнения в искусстве одиночества / пер. с англ. Ш. Мартыновой. – Москва : Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2020. – 352 с.
8. Brino, G. Carlo Mollino: Architecture as Autobiography. – London : Thames & Hudson Publication, 2001. – 176 p.
9. Малахов, С. А., Репина, Е. А. Архетипы на полке // Проект Волга. – 2002. – № 2. – С. 1–2, 66–72.

References

- Brino, G. (2001). *Carlo Mollino: Architecture as Autobiography*. London: Thames & Hudson Publication.
- Brodsky, I. (1997). *A place as good as any* (E. Kasatkina, Trans.). Retrieved November 29, 2023, from <https://iosif-brodskiy.ru/proza-i-esse/mesto-ne-khuzhe-liubogo-1986.html>
- Iosif Brodskiy kak odinokii puteshestvennik [Joseph Brodsky as a lonely traveller]*. (2015, May 25). Daily Moscow. Retrieved November 29, 2023, from <https://dailymoscow.ru/sankt-peterburg/28405-iosif-brodskii-kak-odinokii-putesestvennik>
- Kapustin, P. (2018). Labyrinth. *Project Baikal*, 15(58), 68-75. DOI: 10.7480/projectbaikal.58.1405
- Lang, O. (2020). *The lonely city. Adventures in the art of being alone* (Sh. Martynova, Trans.). Moscow: Ad Marginem Press, Museum of Modern Art "Garage".
- Malakhov, S. A., & Repina, E. A. (2002). Arkhetipy na polke [Archetypes on the shelf]. *Project Volga*, 2, 1-2, 66-72.
- Novikov, A. (n.d.). *Parizh i reform barona Osmana [Paris and the reforms of Baron Osman]*. Arzamas. Retrieved November 29, 2023, from <https://arzasmas.academy/materials/2426>
- Pavlov, N. L. (2023). The theme of the circle and the square in Chinese, Indo-European and some other cultural traditions. *AMIT*, 1(62), 30-44. DOI: 10.24412/1998-4839-2023-1-30-44
- Printsipy planirovki drevnikh gorodov [Principles of planning of ancient cities]*. (2020, September 23). City. Retrieved November 29, 2023, from <https://urbanru.ru/printsipy-planirovki-drevnih-gorodov>

Функция архитектуры – быть местом встречи, обозначающей контакт в сфере судеб. Города, площади, перекрестки, дома – субъекты социальной и экзистенциальной коммуникации. Новости и события, торговля сегодня уходят в виртуальное пространство планетарной или региональной жизни, и города с их площадями, перекрестками и домами начали становиться узлами и швами этой жизни. Но архитектура как «вещь из камня» не утратила значимости в формировании культурных смыслов и людских судеб.

Ключевые слова: архитектура; город; перекресток; дом; встреча; судьба; со-бытие. /

The function of architecture is to be a meeting place, signifying a contact in the realm of destinies. Cities, squares, intersections and houses are subjects of social and existential communication. Today, news, events and trade go into the virtual space of planetary or regional life, so cities with their squares, intersections and houses are becoming knots and seams of this fabric. But architecture as a “thing made of stone” has not lost its significance in the formation of cultural meanings and human destinies.

Keywords: architecture; city; intersection; house; meeting; fate; co-existence.

Место встречи лиц и душ / A meeting place for faces and souls

текст

Александр Раппапорт
(Латвия)

text

Alexander Rappaport
(Latvia)

Архитектура как лицезрение

На мой взгляд, становится понятной новая функция архитектуры – быть местом встречи лиц и душ.

7 декабря 2022

Коммуникация и Встреча

Смысл коммуникации на уровне индивидуации воплощается в схеме Встречи. Но это не встреча в пространстве. Это встреча во времени, и не просто во времени, а во времени судьбы. Возможность встречи во времени Судьбы иногда трактуется как событие свидания. Но свидание – лишь случайная тень встречи. Ибо на свидании встречаются не люди, а некоторые события их будней. Встреча обозначает контакт в сфере судеб и простирается за пределы событий в их «здесь и теперь» – встречи всегда «в там» и в Событии как Со – Бытии.

Но встреча порой выглядит как случай, то есть буквально случайное событие, хотя именно случай есть не просто встреча, а совокупление судеб, разумеется, тайное для участников и тем притягательное. Роковая встреча есть именно событие во времени судеб, а пространственное ее расположение есть случайность в чистом виде.

25 ноября 2019

Перекресток и судьба

В цивилизациях древнего мира и средних веков понятие перекресток сложилось как символ судьбы и путей жизни, то есть в нем на первый план выходили индивидуальные судьбы и время – как время истории жизни и истории мира. Перекрестки обрели в те времена особую сакрально-символическую функцию и символику – гермы, столбы с указаниями путей и символами непредсказуемости судьбы через образ бога Гермеса.

В прошлом жители поселков и городов путешествовали редко, и далеко не все дороги были местом странствий паломников и купцов. Паломники отправлялись в путь в поисках смысла жизни, купцы везли товары в города и поселения.

С развитием урбанизации и расширением городских территорий загородные пути и дороги сменялись улицами, которые точно так же, пересекаясь, образовывали перекрестки или даже небольшие площади, где сходились

уже не две или четыре, а больше улиц. Но перекрестки внутри городов располагались недалеко друг от друга, так что с одного можно было увидеть следующий или даже несколько расположенных рядом. Окружены эти перекрестки в городах были уже не полями и лесами, а стенами домов, заборами и калитками, дверями, то есть плотно застроенными фасадами улиц.

Эти новые улицы и перекрестки все реже становились символами судьбы и времени. Они все чаще вплетались в городскую структуру распределения функций и власти, плотную сеть символов и функций городского быта с его иерархией собственников и нормативным режимом, обеспечивающим порядок расселения и соблюдение правил.

Дома вдоль улиц часто выражали принадлежность их владельцев к сословиям и разделение городской территории на зоны и функции – как мирные, так и оборонительные. Вся внутригородская сеть улиц и зданий замыкалась городскими стенами и рвами, обеспечивая самому городу защиту и неприкосновенность.

Позднее, после разрушения городских стен города стали растекаться по ландшафту, и городские улицы уже могли бы напоминать некогда бывшие дороги. Но этого не произошло: новые длинные городские магистрали переходили в дороги или замыкались внутри городской планировки, но никакой фатальной символики уже не несли. Их символические значения полностью исчерпывались значением кварталов, их функциями – то есть смыслом частных жилых и общественных зданий и сооружений. Совокупность или система таких зданий в большей мере выражала систему социальных, производственных, властных или экономических статусов владельцев, бытовых, производственных, торговых и культурных отношений внутри города, а фасады домов становились своего рода физиономиями семей.

Тем не менее следующий этап расползания городов по ландшафту начал превращать в обособленные функциональные зоны и символические места целые районы, чем-то похожие на прежние ландшафтные уголья лесов, лугов или водоемов. И жизнь человека в таких больших мегаполисах распределялась по этим крупным районам уже как факт своего рода судьбы семьи или человека. Время больших дорог отчасти возвращалось в эти огромные города, но смысл этого времени становился уже



иным, скорее, не индивидуальным, а сословным или социальным. Дороги же, превращаясь в улицы и вновь становясь дорогами, теряли свою исключительную роль путей и превращались в границы ареалов, зон, районов.

Когда в середине XX века появилось понятие городской среды и средового подхода, мы уже имели дело со своего рода утратой той социальной иерархии, которая поддерживалась еще в городах XVII–XVIII и XIX веков и становилась своего рода текстовой массой разных символов и признаков. В них жизнь горожанина протекала как в декорациях нового городского спектакля, в котором естественные свойства мещанской драмы с ее хаотичностью и случайностью уступали место социальной сегрегации и ее плановой организации в проектировании и управлении. Горожане отчасти сохраняли свои роли мещан или дворян, но все в большей степени превращались в статистов, сгруппированных в организованные массы рабочих, полицейских, учащихся, покупателей, продавцов. Слои населения разделялись по возрасту, этническому происхождению, уровню обеспеченности, образованию и даже способам одеваться, говорить и двигаться, отличались по правилам бытовой традиции, воспроизводившейся нередко в отрыве от условий своего возникновения.

Драматургия этой мещанской сцены в пространстве города менялась по большим праздникам – церковным или торговым дням, ярмаркам или особым событиям. И здания невольно воспроизводили эту драматургию, отражая смыслы и индивидуальные особенности владельцев.

Совершенно новый оборот приняла история, когда планировка и застройка городов стали жестко определяться принципами и нормами распределения функций на территориях и прочими нормами совместной жизни, прежде всего транспорта, который постепенно становился все более общественным и все более мощным по объемам и скоростям перевозок. Перекрестки, создающие пробки и заторы, потеряли символический смысл и стали превращаться в развязки.

Средовой, то есть стилистически мещанский смысл сохраняли только те районы города, которые возникали еще более или менее стихийно, и к нашим дням стали своего рода оазисами естественности в городе, где уже

пространство и время горожан регулируется бюрократическими методами. Это новое пространство и время уже никак не связано с индивидуальным горизонтом судеб, ибо превращает людей из артистов в статистов.

Такова самая простенькая схема перекрестка как темы фатальной судьбы человека разных эпох. Новейшие перекрестки исчезли из города и переехали в сети телевидения и интернета, где мы вновь получили возможность выбирать и менять (или сохранять) маршруты и привычки, но уже в мире социальных ролей, в которых архитектура города и ландшафта уступила место структуре культурных сред и исторических событий.

Новости и события, равно и торговая толчея, ушли из городов в виртуальное пространство планетарной или региональной жизни, в которых судьба, счастье и несчастье, удачи и невзгоды начали ткать совсем иную ткань, и перекрестки стали становиться узлами и швами этой ткани.

28 февраля 2018

Литература

1. Капустин, П. Формы мыслимости города XX века: пространство, субстанция или среда? // Проект Байкал. – 2021. – № 69. – С. 54–57. – DOI : <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.69.1847>
2. Раппапорт, А. Г., Высоковский, А. А. Среда и архитектура // Городская среда: проблемы существования. – Москва : ВНИИТИАГ, 1990. – С. 157–178.
3. Раппапорт, А. Г., Сомов, Г. Ю. Форма в архитектуре: проблемы теории и методологии. – Москва : Стройиздат, 1990. – 344 с.
4. Багина, Е. Огонь и дом – со-частье бытия // Проект Байкал. – 2022. – № 73. – С. 128–135. – DOI : <https://doi.org/10.51461/pb.73.23>

References

- Bagina, E. (2022). Fire and home: A part of a happy life. *Project Baikal*, 19(73), 128–135. <https://doi.org/10.51461/pb.73.23>
- Kapustin, P. (2021). Forms of conceiving the city of the XX century: Space, substance or environment? *Project Baikal*, 18(69), 54–57. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.69.1847>
- Rappaport, A. G., & Somov, G. Yu. (1990). *Forma v arkhitekture: Problemy teorii i metodologii [Form in architecture: Problems of theory and methodology]*. Moscow: Stroyizdat.
- Rappaport, A. G., & Vysokovsky, A. A. (1990). Sreda i arkhitektura [Environment and Architecture]. In *Urban Environment: Existence Problems* (pp. 157–178). Moscow: VNIITIAG.

Одна из самых распространенных градостроительных систем в европейской культуре названа именем Гипподама Милетского. Философско-религиозные смыслы, которые придавали прямоугольной сетке улиц и геометрически правильным кварталам, много раз менялись во времени. В античности эта сетка была подобием представлений древних греков и римлян о строении мироздания, в эпоху классицизма смыслы формировала философия рационализма, в начале XX века гипподамова система представлялась рациональной, функциональной и демократичной, что соответствовало философскому миропониманию этого времени. Смысл гипподамовой системы может быть раскрыт посредством метафоры плетения и архетипов щита и ткани.

Ключевые слова: Гипподам Милетский; религиозно-философские смыслы прямоугольной сетки; ткань; сеть; решетка; щит в градостроительной семантике; Genius loci. /

One of the most widespread urban planning systems in European culture is named after Hippodamus of Miletus. The philosophical and religious meanings that were attached to the rectangular grid of streets and geometrically regular neighbourhoods changed over time. In antiquity, this grid was similar to the ancient Greeks' and Romans' ideas of the structure of the universe. In the Classical era the meanings were shaped by the philosophy of rationalism. In the early twentieth century the Hippodamean system was seen as rational, functional and democratic, which corresponded to the philosophy of life of that time. The meaning of the Hippodamean system can be revealed by means of the metaphor of weaving and the archetypes of shield and fabric.

Keywords: Hippodamus of Miletus; religious and philosophical meanings of the rectangular grid; fabric; network; lattice; shield in the urban semantics; Genius loci.

Гипподам Милетский: щит города и ткань истории / Hippodamus of Miletus: The shield of the city and the fabric of history

текст

Петр Капустин

Воронежский государственный технический университет

Елена Багина

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical University

Elena Bagina

Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

О жреце и архонте Гипподаме Милетском и его системе

Кто не слышал о гипподамовой системе? Улицы под прямым углом. Квадратики или прямоугольники кварталов. Так строили города в античности, в эпоху классицизма, да и теперь гипподамова система не забыта. Гениальный градостроитель, архитектор, инженер Гипподам Милетский... Казалось бы, все просто. Но и до него такая система существовала. Улицы, пересекающиеся под прямым углом, прокладывали в городах в разных странах и до V века до н. э., и позже. Так почему же такая градостроительная система называется гипподамовой в европейской культуре? Вероятно, дело не в строгой геометрии планировки, а в тех смыслах, которые ей придавали. И оказывается, придавали различные смыслы в разные эпохи.

Письменных источников о жизни и деятельности Гипподама сохранилось мало. Наиболее достоверными считают свидетельства Страбона, Демосфена и Аристотеля. Родился Гипподам около 498 г. до н. э. в Милете и прожил около 90 лет. Такая продолжительность жизни не была уникальной для Древней Греции. Известно, что философ Ксенофан прожил около 92 лет, Пифагор – 80 лет, Парменид – около 95 лет¹.

Известно, что после 446 года до н. э. Гипподам Милетский участвовал в разбивке улиц портового города Пирея и, вероятно, принимал участие в строительстве Длинных стен между Пиреем и Афинами. После 443 года он был послан Периклом в Италию для основания колонии Фурии (Турии). В 408 году на острове Родос он заложил город с одноименным названием. Возможно, в 411 году до н. э. Гипподам принимал участие в перепланировке Милета и колонии Милета Приены [1].

Проектов в современном понимании во времена Перикла при основании новых городов не было, как не было и архитекторов, инженеров, градостроителей – так, как мы понимаем смысл этих профессий сегодня. Хранителями и носителями знаний о мире были жрецы, практических умений – ремесленники. Философы принадлежали, как правило, к жреческому сословию. Понимание их трудов доступно было, как и во все вре-

мена, интеллектуальной элите, к которой, безусловно, принадлежал и Гипподам Милетский.

Закладка новых поселений в Античности была актом огромной значимости. Выбор места и разметка нового поселения сопровождалась огромным количеством ритуалов и жертвоприношений. Различные части города имели свою символику.

В Греции V века до н. э. будущие полисы разбивались прямо на земле с помощью плуга. Но сначала верховный жрец (архонт), у которого были также функции военачальника и законодателя, то есть царя, должен был обратиться к Дельфийскому оракулу и узнать, благосклонны ли боги к выбору места для будущего города. Если боги были благосклонны, выбранная территория опаживалась плугом. Там, где должны были стоять ворота, плуг поднимали. Землю, которая оказывалась за чертой города, аккуратно переносили вовнутрь. Потом архонт проводил ряд ритуалов, чтобы на выбранном месте поселить... нет, не людей – сначала богов-покровителей. Для этого нужно было каждому гражданину будущего города принести по горсти земли с могил своих предков и сыпать ее в одну яму, которую заранее вырывали. Считалось, что таким образом души предков поселятся на новом месте. Там, где была насыпана ритуальная земля, должен был возникнуть храм – очаг города. В этот храм не пускали чужих, и ритуалы там проводил архонт. В каждом полисе были особые ритуалы и молитвы. Учитывая, что у каждой семьи были свои обожествленные предки, на прямоугольном участке земли, выделенной семье, проводили ритуал переселения душ предков точно такой же, как и для города в целом. На месте, где зарывалась земля с могил предков семьи, возникал очаг – центр дома. Там же был и домашний алтарь. И если общегородские ритуалы проводил архонт, то в семейном доме это было привилегией главы семьи, который мог по своему усмотрению распоряжаться жизнью и судьбой домочадцев. Были ли все квадратики городского плана равны? И да, и нет. Рядом с храмовым местом селились наиболее уважаемые граждане, поближе к городским стенам – рядовые, у которых участки были меньше. И на больших, и на маленьких квадратах городской земли, отданной под строительство домов, располагались

1. См.: Почему древние греки доживали до древнего возраста? (<https://www.nkj.ru/archive/articles/10069/>)



^ Рис. 1. Творческая реконструкция щита Ахилла (прорисовка). А.-К. Катрмер-де-Кенси. 1815



^ Рис. 3. Одна из реконструкций урбанистических грез Платона. Город Посейдонис, столица Атлантиды

семейные алтари, и считалось, что там обитают домашние боги – лары. Именно от них члены семьи хотели получить поддержку, поэтому и молились в основном им, тем более что и общий городской очаг тоже был местом их обитания [2]. Считалось, что семейные боги граждан собираются вместе, когда проходят общегородские ритуалы. У равных граждан были относительно равные участки земли. Но как всегда и во все времена – есть равные, и есть равнее.

Как только меняются система власти и религиозно-философские взгляды – меняется и планировка города. Когда относительно равных граждан много, они владеют и примерно равными наделами городской земли. Равенство площади земельных наделов – фиксация общественных взаимоотношений в полисе. Форма наделов, близкая к идеальным квадратам, – отражение религиозно-философских представлений. Город мыслился как фрактальное подобие космоса.

Гипподам Милетский, именем которого названа, пожалуй, самая известная система планировки городов, таким образом, должен был иметь жреческое звание, чтобы участвовать в закладке новых поселений. В списке архонтов он есть: Гипподам был им один год – с 375 по 374 год до н. э. Дата, конечно странная. Тот ли Гипподам упомянут в этом списке, то ли архонтом в это время был человек, имевший такое же имя. Возможно, Гипподам родился значительно позднее, чем принято считать.

Поначалу архонты имели это звание пожизненно. Впоследствии правила 10 лет, затем – один год. Во времена, когда они выбирались сроком на один год, города были уже достаточно крупными, иногда с населением более пяти тысяч жителей. У архонта в это время были помощники, ибо управление городом было делом сложным и требовало разделения обязанностей. Скорее всего, Гипподам, когда он участвовал в закладке новых поселений, был помощником архонта, а потом на год мог стать уже верховным жрецом.

Принадлежность к жреческому сословию он должен был иметь в любом случае. Иначе ему не позволили бы участвовать в закладке новых городов. Итак, жрец Гипподам, возможно, один год бывший архонтом, уча-

ствует в закладке городов и пишет философское сочинение об устройстве города на 10 тысяч жителей. Григорий Ревзин назвал это сочинение Гипподама первой утопией. В чем же утопичность этого сочинения? Города-государства, имевшие 10 тысяч жителей в Античности существовали, а вот такого законодательства, какое предлагал Гипподам, конечно, не имели.

Политический проект Гипподама, согласно Аристотелю и в изложении Г. Ревзина, выглядит так: "Он проектировал государство с населением в десять тысяч граждан, разделенное на три части: первую образуют ремесленники, вторую – земледельцы, третью – защитники государства, владеющие оружием. Территория государства также делится на три части: священную, общественную и частную. Священная – та, с доходов которой должен отправляться установленный религиозный культ; общественная – та, с доходов которой должны получать средства к существованию защитники государства; третья находится в частном владении земледельцев. По его мысли, и законы существуют только троякого вида, поскольку судебные дела возникают по поводу троякого рода преступлений (оскорбление, повреждение, убийство). Он предполагал учредить одно верховное судилище, куда должны переноситься разбирательства по всем делам, решенным, по мнению тяжущихся, неправильно; в этом судилище должно состоять определенное число старцев, назначаемых путем избрания. <...>. Все должностные лица должны быть избираемы народом, т. е. теми тремя частями государства, о которых упомянуто ранее". За исключением фиксации на числе «три», ничего утопического в этом проекте не наблюдается, а в тех городах, которые мы так или иначе можем связывать с именем Гипподама, следов трехчастного деления нет» [3].

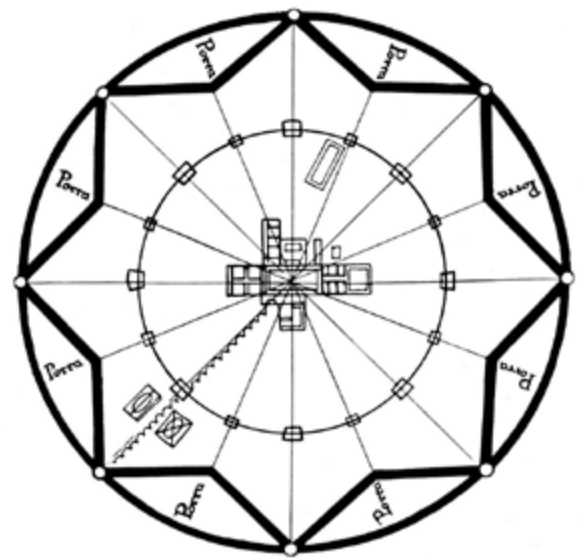
Итак, закладка города была магическим актом, и прямоугольная сетка квадратов имела сакральный смысл. Для рядового гражданина полиса основным, вероятно, было осознание того, что на квадрате городской земли, принадлежащей его семье, есть очаг-алтарь, где обитают домашние боги, и устройство семейного мира подобно устройству города и мира, в котором правят боги в целом. Фрактальность божественного и человеческого-



^ Рис. 2. Бюст Перикла. Римская копия с греческого оригинала. Музей Пио-Кристиано, Ватикан. Гипподам принадлежал к кругу друзей и советников Перикла, что определяло содержание его идей, как планировочных, так и социально-утопических



^ Рис. 5. Пальманова – образцовый город-крепость, основанный правительством Венецианской республики в 1593 году. Архитектор Винченцо Скамоцци



^ Рис. 4. Антонио Аверлино (Филарете) (около 1400–1469). Проект идеального города Сфорцинда

го мироустройства гарантировала ощущение порядка и устойчивости.

Закономерны предположения, что Гиппократ Милетский был сторонником философии Пифагора: «Пифагорейство подходило для этого идеально, ведь простые числа, фигуры и отношения между ними мыслились в этой парадигме как начала мироздания, и их изучение было мало отличимо от поклонения им. <...> Заключение городской жизни в квадрат – это не планировочный прием. В парадигме пифагорейства это придание ей высшего смысла» [3].

Гипподамова система: переосмысление

В Средние века от гипподамовой системы планировки городов отказались. В городах, которые имели давнюю античную историю, городские кварталы, разбитые в соответствии с гипподамовой системой, стали к X–XII веку н. э. почти незаметны. Каркас улично-дорожной сети мог частично сохраняться, однако повсеместно не только менялась античная городская ткань, но и перестраивался каркас. Смена религии и характера власти определила и новый порядок планировки. Радиально-кольцевая система была более приспособлена к образу жизни и миропониманию, сложившемуся в Средневековье. Круг и квадрат – вечные антагонисты городской планировки, они борются друг с другом с переменным успехом.

Повсеместное возвращение к гипподамовой системе произошло уже в XVIII–XIX веках, но смысл четкой геометрической разбивки на правильные квадраты и прямоугольники был уже иным. Связь философии рационализма и способа планировки городов, конечно, не была прямой. Но образованная элита, принимающая решения о строительстве новых городов и реконструкции старых в XVIII–XIX веках была знакома как с античной философией, так и с трудами Рене Декарта, Готфрида Лейбница, Джона Локка и других. Но даже на повседневном уровне на формирование представления о порядке, основанном на математическом расчете и строгой геометрии, философия влияла. Уровни понимания философов были различны, но четкая геометрия новых кварталов городов говорила сама за себя. Однако религиозный мистический

смысл гипподамова система в XVIII–XIX веках потеряла – новоевропейский рационализм взял свое.

Геометрическая четкость и регулярность городского плана была связана также с представлениями об управляемости городского хозяйства. Недаром в России в 1782 году учреждена полицейская должность – кварталный надзиратель.

Градостроительство начала XX века имело иную философскую основу по сравнению с XIX веком. Идеи функционализма и города-сада определили во многом идеологию урбанизма XX века. Гипподамова система никуда не исчезла, ведь ее простота и рационализм были созвучны функционалистам. Однако она сочеталась уже со вставками широких зеленых полос, со свободной планировкой, связанной с идеей включения ландшафтных особенностей в городскую среду и пр. Если прямоугольная сетка и имела высший сакральный смысл в головах архитекторов-градостроителей, то населению городов этот смысл был уже совсем непонятен. А уже к середине XX века она начала терять и универсальную рациональность, став причиной серьезных транспортных проблем.

Однако гипподамова система осталась в истории и – в том или ином виде – остается в арсенале градостроительных средств и до наших времен. А раз так, не лишним будет реконструкция ее культурных значений и ситуативно-исторических смыслов, ведь они со всей очевидностью имели место. Да и категория места сегодня может получить в отношении этой древней планировочной системы новые смыслы.

Ткань и плетение

Огромный пласт смыслов, таящихся за гипподамовой сетью, может быть раскрыт посредством метафоры плетения. В самом деле, множество пересекающихся под прямым углом «нитей» есть не что иное, как архетип ткани. Ткань же с Древней Греции, если не раньше, – метафора континуума, непрерывной и протяженной материи. Ткань есть структура мироздания, а плетение – миропорождающее действие. Это онтологические константы Древнего мира, которые, наряду с техниками обработки глины и отливки меди, легли в основу ремесленно-деятельного мироощущения Античности, с Платона и Аристотеля.



^ Рис. 6. Городской план Милета. Около 400 года до н. э. Классическое применение гипподамовой системы при реконструкции города



^ Рис. 7. Планировка Пирея, осуществленная по системе Гипподама Милетского. 411–402 годы до н. э.

Они благополучно дожили до Нового времени, где были безжалостно изгнаны из пантеона порождающих техник, заменены на метафоры разума и знания – метафоры, как мы понимаем сегодня, обернувшиеся химерами *par excellence*. Однако заметим, и в новейшей архитектуре это не мешает образам ткани получать разнообразное отражение [4]: ткань конститутивна для образа мира.

У Платона в «Политике» встречаем впечатляющий образ так называемого царского плетения: рассматривая все имеющиеся в государстве ремесла, искусства, дискурсы и занятия, пренебрежительно именуемые Платоном поэзисами, идеальный правитель, согласно Платону, обязан не выдвигать собственный поэзис в ряду существующих, но поверх всех поэзисов должен выстраивать истинный и единственно возможный праксис, – соединяя многие «нити», плести ткань реальности государственного управления [5]. «Итак, вот что называем мы завершением государственной ткани: царское искусство прямым плетением соединяет нравы мужественных и благо-разумных людей, объединяя их жизнь единомыслием и дружбой и создавая таким образом великолепнейшую и пышнейшую из тканей. Ткань эта обвивает всех остальных людей в государствах – свободных и рабов, держит их в своих узлах и правит и распоряжается государством, никогда не упуская из виду ничего, что может сделать его, насколько это подобает, счастливым» [5, с. 70]². Полис Греции – самостоятельное государство, управление им начинается с организации «тела» (ср. латинское *tela*, см. ниже), с планировки, с дела посвященных (Гипподам, напомним, входил в круг Перикла).

Даже в поздних рефлексивных реконструкциях творческого действия можно найти античный след. Так, В. Л. Глазычев, описывая метод социального проектирования, прибегает к метафоре челнока, сплетающего основу и уток, снующего туда-сюда между «нитями» смысла или содержания, соединяющего их в единстве рефлексивной интерпретации [6]. То же и в случае метода художественного проектирования, сплетающего своим «челноком» различные виды проектности, связывающего слово и изображение в единство представления [7].

Ткань Мира плетется в гетерогенных мирах, над ними и посредством их. Города – часть этой ткани или уже

цветастые лоскуты-заплаты, выделяющиеся на фоне ландшафтов, также отнюдь не наивных с точки зрения их искусственности и искусности артикуляции (особенно, если мы говорим о Греции и Италии). Возможно, это значительно более поздние смыслы, Гипподам Милетский вряд ли осмыслил свою систему в таких или подобных категориях, хотя о греках ничего нельзя сказать наверняка.

В статье, посвященной творчеству Джузеппе Терраньи, О. И. Адамов обращается к древнему образу, названному им «концептом решетки-telaio»: «...происходит метафорический перенос образа и способа действия, характерных для изготовления и функционирования «превеликого» ткацкого стана Пенелопы (*telaio*) и «плетения» ею судеб героев» [8].

«Слово *telaio*, – пишет О. И. Адамов, – происходит от латинского – *tela* [из *texla*, от *texo*], что означает – «ткань» (в том числе «полотно», «холст»), «паутина», а также – «ткачество», «ткацкое искусство», «ткацкий станок» и «основу ткани». Помимо того, *tela* ассоциируется с «выдумкой», «замыслом», «планом»... Рассматривая множество значений, связанных с понятием *telaio*, обнаруживаем, что за всеми ними угадывается некая двусоставная пространственная конструкция... Примечательно, что такое ткачество также устойчиво связывается с выдумкой и сочинительством. Происходит своего рода метафорический перенос смысла с физического действия по поступательному плетению ткани – ряд-за-рядом – на действие, связанное с развитием повествования, рассказа или написанием текста. И обе эти осмысленные и последовательные активности требуют составления некоего плана действий, т. е. предполагают включение фантазии и сочинительство. Подобный перенос смысла с одного действия на другое может иметь древнее происхождение в средиземноморской истории и мифологии, где совершению событий сопутствуют пространственные построения» [8, с. 56–57].

Последнее суждение знаменательно: для греко-римской цивилизации характерны пространственно-событийные переносы, сплетающиеся в многослойное и многорядное целое; а метафора письма с неотъемлемым от него «опространствлением» (*esracement* у Ж. Деррида) – конститутивное значение, проявлен-

2. Так Платон завершает свой диалог «Политик». Значимо и то, что в диалоге Платона эту и все предыдущие идеи об идеальном правителе полиса (политике) высказывает некий Чужеземец – перед нами прием остранения, который станет классическим для жанра утопии.



^ Рис. 10. Фуллер Р. Б. Проект защиты Манхэттена геодезическим куполом. 1968



^ Рис. 11. Римский Ариминум, нынешний Римини. Билборд на Кардо (Corso D'Augusto). Фото П. Капустина. 2018

v Рис. 9. Декорированный умбон скутума 8-го легиона Августа (лат. Legio VIII Augusta). Первая половина II века н. э. Британский музей. Круг сделался квадратом (прямоугольником), но в нем самом вновь восходит центр

v Рис. 8. Римский щит скутум (лат. scutum). Примерно с начала IV века до н. э. стал использоваться римскими легионерами вместо круглого гоплитского щита

ное новоевропейской культурой и поименованное ее позднейшей рефлексией. Идеи порядка и единства также искони являются здесь ведущими.

Порядок и форма

Фундаментальное исследование европейской склонности к систематизации осуществил Умберто Эко в Vertigo [9]. В частности, он рассматривал вопрос о форме организации разнообразных перечней, столь любимых во все века западной истории. Начинает У. Эко со щита Ахилла, легендарного круглого элемента воинского снаряжения, изготовленного Гефестом (Вулканом) по просьбе матери Ахилла Фетиды для сына после утраты его оружия Патроклом в поединке с Гектором. Щит, согласно Гомеру, представлял собой картину мироздания с пупом земли в центре и всей географией, общественным укладом, мифологией et cetera Эллады, изображенными вокруг, на нескольких концентрических кольцах. «Щит Ахилла – это торжество Формы, пример того, как искусству удастся создавать гармоничные изображения, в которых оформлены порядок, иерархия и отношение «образ – фон» между представленными вещами», – пишет У. Эко, подчеркивая, что его суждение не эстетическое, оно определено эффективностью организации повествования [9, с. 12]. Однако, тут же замечает У. Эко, круг – формавершенная, она не предполагает развития.

Сегодня мы знаем: круговая форма станет чрезвычайно распространенной в урбанистических утопиях от Платона до Пальмановы, однако универсальность прямоугольной решетки остается вне конкуренции – ее реализации несравнимо больше по всему миру. Завершенными в себе города оставаться не желают, в них порядок требует какой-то иной формы организации. Вообще, статика и динамика – вечные антагонисты в архитектуре [10], что справедливо не только для визуальных форм, но скорее – для форм организации мышления и деятельности: не случайно самую известную, «классическую» реконструкцию щита Ахилла выполнил Антуан-Кризостом Катрмер-де-Кенси (1755–1849), основоположник архитектурной типологии, у которой, как известно, те же проблемы с открытостью к развитию.

Гипподам, живший и творивший почти через семь столетий после Троянской войны, подходящую форму предложил.

Затем прямую, тоже по линейке, Я проведу, чтоб круг квадратом сделался. Здесь, в центре, будет рынок. К рынку улицы Пойдут прямые. Так лучи расходятся, Сверкая, от звезды. Звезда округлая, Лучи прямые – так иронизировал над Гипподамом, выведенным под именем Метон, Аристофан в «Птицах», не подозревая,





^ Рис. 12. Современный Римини, Италия. Центр города – пересечение древних Кардо и Декуманус Максимус. Фото П. Капустина. 2018

что описал все основные планировочные приемы градостроительства на века вперед [11].

«Круг квадратом сделался...» Несомненно, система Гипподама – вариант решения задачи на квадратуру круга, плод рефлексии разнообразных «упаковок» и способов упорядочивания, но ведущим и наиболее практичным принципом для него стала универсальная уместность, довольно просто выполняемая «привязка» к участку любой геометрии с более или менее спокойным рельефом. Сетка может расти в любом направлении, может и сокращаться безболезненно, без утраты целостности. Заметим также отсутствие идеи контроля, которая хорошо обеспечивается центрально-осевыми планировками (ср. Паноптикон И. Бенгама), – идеи, которая овладеет европейской цивилизацией позже. Равные кварталы Гипподама – клеточки городских свобод, детище века Перикла.

Многие исследователи не раз отмечали удивительную емкость поквартальной застройки: при нейтральности «нарезки» она создает условия разнообразия в наполнении своих клеточек. Кварталы Санкт-Петербурга, Барселоны или Нью-Йорка обладают потрясающей информационной емкостью, пресловутой «избыточностью», способностью соединять противоречивое; демонстрируют повествовательность, намного превосходящую повествование щита Ахилла.

Крест и центр

Сколь бы ни был проблемным вопрос об авторстве прямоугольной сетки в городской планировке, сегодня он закреплен, как гвоздиком, именем Гипподама Милетского. В конце концов, надо же как-то маркировать столь значимое достижение рациональной мысли, а кто, кроме Гипподама, столь ярко и персоналистично заметен на этом поле?

Достижением Гипподама (действительным или приписываемым ему) является не столько сетка пересекающихся под прямым углом улиц, сколько философское и идеологическое прочтение такой сетки. Равные друг другу кварталы были для Гипподама целью и ценностью, а улицы лишь способ их «нарезки» и средство доступа. Римляне остались холодны к демократической и утопи-

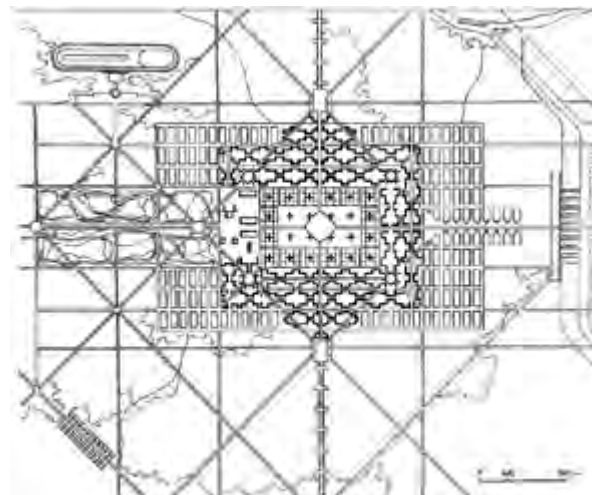
ческой идее кварталов и равных возможностей; «вывернув» схему наизнанку (ведь «отношение "образ – фон" между представленными вещами» подвержено инверсии, даже провоцирует ее), они выявили основное, что присуще всякой прямоугольной сетке, – крестообразный рисунок улиц. Кардо и Декуманус лежат отныне в сердцевине сетки, делая ее не монотонной, но центрированной: у нее появляются две оси и появляется центр – пересечение основных осевых улиц. Доныне живую пульсацию этой схемы – а она всегда индивидуальна в своих конкретных воплощениях – можно наглядно видеть, например, в нынешнем Римини (римский *Agimimum*).

Пересечение Кардо и Декуманус Максимус образует городской центр. Римские военные лагеря, очевидно, мало ориентировались на то, что сегодня принято именовать общественным пространством города. Легионерам было нужно не столь уж много, а все необходимое входило в довольствие. Ведь городской центр сегодня – концентрация излишеств, того, что Кр. Александер называл избыточностью, характерной, даже конститутивной для исторических городов. Но римские поселения «на местах» еще не были избалованы избыточностью, они лишь закладывали под нее инфраструктуру, они сами творили грядущую историю. Мало заботились они и о категории (тем более о метафоре) городской среды. Но вот вопрос: как смотрели их создатели на категорию места? Можно вполне уверенно сказать: смотрели инженерными глазами, в нынешней терминологии – искусственно-технически. В отличие от греков, входивших в транс для диалога с духом места, римляне, кажется, назначали духов себе на службу – волевым и искусственным способом.

Крест, образуемый пересечением Кардо и Декуманус (*Decumanus Maximus*, ибо поперечных улиц (в ориентации запад – восток) может быть несколько) не стоит сильно символизировать. В дохристианскую эпоху крест означал вовсе не распятие или духовные ценности, но... совокупление, соитие разнонаправленного, рождающее новое. Крест был функционален, но это не значит прост. Таков городской центр, рожденный слиянием двух ортогональных векторов: на нем, на проходящей сквозь него вертикальной оси (т. е. оси «Земля – Небо», и это – далеко ведущая новация не столько в планиров-



^ Рис. 13. Genius loci до римлян был акцентирован местным духом, «прописанным» к ручьям и источникам, колодцам и пресловутым «мокрым камням»



^ Рис. 14. Ле Корбюзье. Генплан города на 3 млн жителей. 1922. Структуру римского щита скутума можно увидеть в плане без особых усилий

ке, сколько в трансцендентальном ландшафте городов) отныне «вертится» город, «наматывая» на себе непредусмотренные смыслы и непредустановленную гармонию, генерируя условия зарождения феномена среды.

Римский щит скутум (лат. scutum) вытесняет круглые щиты ранней эпохи; на его внутренней (утилитарной) стороне появляется прямоугольная структура, созданная, как и римский город-лагерь, из креста основных линий и усиления по периметру (что создает соблазн интерпретировать структуру обращенной к воину стороны щита как специфическую схему – карту лагеря, на которой центурионы легко могли бы отмечать место базирования каждого легионера, тем более что изображенные кварталы имели четкую символическую привязку). Центр же более чем выделен: изнутри за него следует держаться в прямом смысле, извне – это... металлическое полушарие, так называемый умбон. Вполне возможно, что градозащитная семантика берет свое начало от таких «простых» азов щитовой геометрии, и как тут не вспомнить купол Р. Б. Фуллера над гипподамовой решеткой Манхэттена.

Но и щит Ахилла проявляется в римской интерпретации инертной гипподамовой решетки – он приводит ее в некоторое подобие движения. Гипподам вряд ли предполагал такие эффекты, по природе своей иррациональные. Но крест, будучи выстроен, не способен оставаться пустой геометрической формой.

Место и дух

И все же еще раз о Genius loci, о возможности его присутствия в инертной и вроде бы равнодушной планировочной решетке. Дух оказывается пойманным сетью, заключенным за решетку, или же подобные метафоры неуместны? Быть может, решетка, задающая ориентацию в пространстве и ландшафте, организует окружающий космический хаос, а точка отсчета утверждаемого ею порядка, становится местом?

«Космос» по-гречески – праздничная прическа. Он упорядочен и ориентирован, он уже победил в себе хаос³. Проекция космического порядка на поверхность земли есть явления логоса, перед которым отступают всяческие «дороги ослов». Ле Корбюзье, как известно,

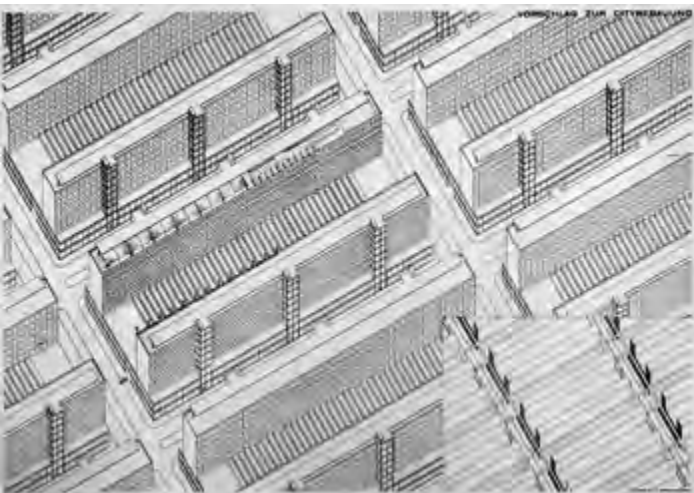
активно пользовался гипподамовой системой (но не ради лошадей, не ради людей, о которых он постоянно говорил и писал, а исключительно для торжества автомобилей), добавляя в нее свои новации. И не только он один: прямоугольный порядок был излюблен модернистами, а во что он может превратиться, наглядно показал уже Людвиг Гильберсаймер в своем «Городе высоких домов» (Hochhausstadt) 1924 года. И таким именно урбанистическим опусам мы справедливо отказываем в наличии Genius loci (хотя, возможно, какой-то извращенный и сильно травмированный дух или демон там и может обретаться). Все же, Genius loci по природе своей локален, он бежит открытых пространств и равномерно распределенных функций, да и Гипподам, очевидно, заботился вовсе не об этой пугливой змейке. Однако феномен глобального неотменен [12], жизнь всюду восстанавливает свои права, а плющ обвивает любые горделивые опусы рационализма.

Емкая на разнообразие своего наполнения гипподамова сеть в общем виде не запрещает появление индивидуальности, узнаваемости, формирование места. Скорее, она создает необходимые инфраструктурные условия, погасить которые способна лишь монотонная типовая застройка, до сих пор отчего-то видимая в качестве обязательной некоторыми при созерцании регулярного плана. Дух места, если и живет в городах (этимология славянского слова «место» играет здесь с нами злую шутку), то под видом фланера (или уж хипстера), разгуливающего по центральным улицам и улочкам, заглядывающего в парки и скверы, отдыхает по традиции у фонтанов и колодцев [13–15]. Всякая схема, сказали мы выше, индивидуальна в своих конкретных воплощениях: ни прямые, ни кривые улицы не способны ни запретить возникновение феномена среды, ни автоматически обеспечить его.

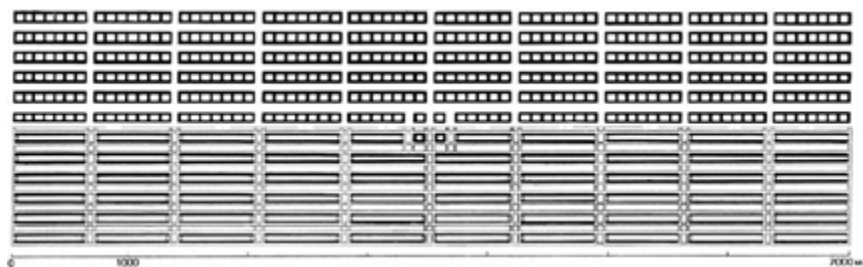
Утопия и технэ

Гипподам не был первым градостроителем ровно по той же причине, по которой Имхотеп не был первым архитектором: устойчивое занятие, фиксированное собственным именем (наименованием) еще не существовало, тем более не существовало профессии со всеми ее

4. Аристотель в «Политике» так характеризует Гипподама: «Движимый честолюбием, склонен был к чрезмерной эксцентрисности, так что, как некоторым казалось, он был очень занят своей густой шевелюрой и драгоценными украшениями, а также... желал показать себя ученым знатоком всей природы вещей» [17, с. 423]. О выдающейся прическе Гипподама упоминают и другие античные авторы.



^ v Рис. 15, 16. Людвиг Гильберсаймер. Город высоких домов (Hochhausstadt). 1924



институтами. И это обстоятельство роднит Гипподама с еще одним родоначальником устойчивого занятия с «лошадиной фамилией» – отцом медицины Гиппократом. Но их обоих все же опережает легендарный Имхотеп, соединяя в себе два этих занятия, а также и иные. Однако эти обстоятельства не мешают нам возводить историю к хрестоматийно-героическим фигурам – без них история не полна.

Не будучи зациклен на доблестях и нормах какого-то одного профессионального мира, жрец Гипподам мог позволить себе широту мышления; его не напрасно называют философом. Предложенный им идеальный город на десять тысяч человек предполагал как подобие функционального зонирования, так и социальную стратификацию, причем эти две разноприродные системы коррелировали между собой (а это и в наши времена составляет проблему городского управления). Гипподам предлагает для своего города своеобразную социальную инженерию – выражение сегодня незаслуженно приобрело коннотацию манипуляции и мошенничества (и как тут не вспомнить характеристику Метона в аристотелевых «Птицах»: «Ступай-ка ты отсюда по-хорошему... Единодушное здесь принято решение – бить мошенников» [11] – такие обвинения и последующее за ними изгнание преследовали и более поздних урбанистических фантазеров). Однако не стоит забывать, что термин *utopian social engineering* введен К. Р. Поппером для характеристики социально-политических идей Платона.

Философская традиция начинает историю утопического мышления с диалогов Платона («Политик», «Государство», «Законы»). Но Платон, хоть и был борцом и воином, оставался писателем, в лучшем случае – политическим консультантом (в Сиракузах, впрочем без успеха, со все тем же в итоге эпитетом «мошенник» и политическим преследованием). Гипподам же был человеком технэ (греч. τέχνη) – искусства, техники, персонального умения. Для Гипподама город предстает техно-магическим делом, деятельностным «проектом»⁴, но не текстом. Текст и утопия появляются позже – в рефлексивном осмыслении опыта, сплетающем нити мышления, деятельности, жизни в единство знания (ведь латинское *textus* означает «связь», «соединение», «ткань»). Чем-то этот дуэт

напоминает другую пару – опытного практика Аристотеля Фьораванти и теоретика, писателя *par excellence* Антонио Аверлино (Филарете), хотя там иная возрастная ситуация.

Молодой Платон мог быть знакомым с Гипподамом, многие идеи идеального полиса, несомненно, почерпнул у него. Но Платон вернулся к щиту Ахилла – таков его идеальный полис (в другой версии – столица Атлантиды), хрестоматийный город концентрических островов. Утилитарная сетка улиц видимо, не могла удовлетворить Платона с символических и мистериальных позиций (по аналогичным экстатическим соображениям к круглым и звездобразным планам часто прибегали и поздние мистагоги утопического урбанизма).

Все же за Платоном можно сохранить первенство в жанре литературной социально-политической утопии, получившей развитие в Ренессансе и в Новое время, вплоть до У. Морриса, и даже до антиутопий и дистопий XX века. Об этих текстах и о попытках реализации их идей написаны уже целые библиотеки критической *par excellence* литературы. Но за фигурой Гиппократа, увы, стоит нечто гораздо более опасное и тревожащее, по крайней мере тревожащее актуальную архитектурно-урбанистическую теоретическую мысль, но до сих пор не получившее должной оценки, – не в продуктах своих (таких, как проекты и реализации модернистских урбанистических идей), но в концептах, в исходных постулатах, требующих для полноценного анализа чего-то вроде «археологии знания» (проекта, выдвинутого Мишелем Фуко [16]), плюс в данном случае «археологии» метода, изобразительных средств, даже вкуса, или моды на вполне определенную морфологию городских пространств. Архитектурную и урбанистическую мысль такие исследования все еще ожидают где-то «за горизонтом» нынешней популярной тематики научных исследований.

Насколько виновен во всей неоднозначной истории нововременной и модернистской утилизации античных рационалистических идей сам Гиппократ Милетский, – вопрос, все еще требующий критических, но строгих историко-теоретических исследований. Оставим это вопрос для грядущих исследователей.

4. «Нужно представить себе процесс проектирования античного города, – пишет Г. Ревзин, – то, что, собственно, делал Гипподам. Проекта в современном смысле не было, возможно, были какие-то схемы, но переносить чертеж на землю в масштабе никто не умел. Границы города, линии улиц, жилые кварталы, места храмов и общественных сооружений обозначались прямо на земле, рвами. Рисование будущего города на земле в предшествующей традиции было магическим действием – мы хорошо знаем это по хрестоматийному описанию основания Рима (753 г. до н. э.) у Плутарха» [3].



< Рис. 17. М. Б. Атаянц и др. Горки-город. Кварталы в прямоугольной сетке улиц в сегодняшнем воплощении вполне могут быть уютными и сомасштабными человеку

Литература

1. Гипподам Милетский. – URL: <https://ru.wikipedia> (дата обращения: 10.06.2023).
2. Фюстель де Куланж, Н. Д. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима. – URL: https://historylib.org/historybooks/Fyustel-de-Kulanzh_Drevniy-gorod--Religiya--zakony--instituty-Gretsii-i-Rima/38 (дата обращения: 15.06.2023).
3. Ревзин, Г. Как сетка квадратов стала первой утопией. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5381662> (дата обращения: 10.06.2023).
4. Есаулов, Г. В. Образы ткани и орнамента в новейшей архитектуре // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. – 2016. – № 5 (365). – С. 165–171.
5. Платон. Политик // Платон. Законы / Общ. ред. А. Ф. Лосева, А. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. – Москва : Мысль, 1999. – С. 3–70.
6. Глазычев, В. Л. Язык и метод социального проектирования // Социальное проектирование в сфере культуры: методологические проблемы. – Москва : Изд-во НИИ культуры, 1986. – С. 115–128.
7. Глазычев, В. Л. Язык и метод художественного проектирования // Декоративное искусство СССР. – 1973. – № 11. – С. 23–25.
8. Адамов, О. И. Истоки и развитие концепта решетки-telaio в архитектуре Джузеппе Терраньи // Архитектура и строительство России. – 2019. – № 3. – С. 56–60.
9. Эко, У. Vertigo: круговорот образов, понятий, предметов. – Москва : Слово, 2009. – 408 с.
10. Капустин, П. В. Недвижимость и движение в архитектуре // Проект Байкал. – 2022. – № 1 (71). – С. 32–39. – DOI: 10.51461/projectbaikal.71.1939
11. Аристофан. Птицы. – URL: <https://libking.ru/books/antique-/antique-ant/211137-aristofan-ptitsy.html> (дата обращения: 30.06.2023).
12. Капустин, П. Парадоксы и перспективы глокального // Проект Байкал. – 2021. – № 3 (69). – С. 32–37. – DOI: 10.51461/projectbaikal.69.1842
13. Капустин, П. Фонтан как «первая вещь» городской генетики // Проект Байкал. – 2021. – № 4 (70). – С. 126–133. – DOI: 10.51461/projectbaikal.70.1901
14. Багина, Е. Колодец – кладезь – клад // Проект Байкал. – 2021. – № 4 (70). – С. 134–139. – DOI: 10.51461/projectbaikal.70.1902
15. Капустин, П. Колодец: глубокое vs очевидное // Проект Байкал. – 2022. – № 1 (71). – С. 190–197. – DOI: 10.51461/projectbaikal.71.1964
16. Фуко, М. Археология знания. – Санкт-Петербург : ИЦ «Гуманитарная академия», 2012. – 416 с.
17. Аристотель. Политика // Аристотель : Соч. в 4 т. – Москва : Мысль, 1984. – Т. 4. – С. 375–644.

References

- Adamov, O. I. (2019). The origins and development of the concept frame-telaio in architecture of Giuseppe Terragni. *Architecture and Construction of Russia*, 3, 56-60.
- Aristophanes. (1983). *Ptitsy [Birds]*. LibKing. Retrieved June 30, 2023, from <https://libking.ru/books/antique-/antique-ant/211137-aristofan-ptitsy.html> (date of reference: 30.06.2023).
- Aristotle. (1984). *Politika [Politics]*. In *The works of Aristotle in 4 vols* (Vol. 4, pp. 375-644). Moscow: Mysl.
- Bagina, E. (2021). A well – a wellspring – a jewel. *Project Baikal* 18(70), 134-139. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.70.1902>
- de Coulanges, N. D. F. (n.d.). *Drevnii gorod. Religiya, zakony, instituty Gretsii i Rima [The Ancient City. Religion, laws, institutions of Greece and Rome]*. History Library. Retrieved June 15, 2023, from https://historylib.org/historybooks/Fyustel-de-Kulanzh_Drevniy-gorod--Religiya--zakony--instituty-Gretsii-i-Rima/38
- Eco, U. (2009). *Vertigo: Krugovorot obrazov, ponyatii, predmetov [Vertigo: The circulation of images, concepts, objects]*. Moscow: Slovo.
- Esaulov, G. V. (2016). The images of fabric and ornamentation in modern architecture. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Tekhnologiya tekstil'noi promyshlennosti*, 5(365), 165-171.
- Foucault, M. (2012). *The archaeology of knowledge*. St. Petersburg: IC Humanitarian Academy.
- Glazychev, V. L. (1973). *Yazyk i metod khudozhestvennogo proektirovaniya [Language and Method of Artistic Design]*. *Decorative Art of the USSR*, 11, 23-25.
- Glazychev, V. L. (1986). *Yazyk i mesotsialnogo proektirovaniya [Language and Method of Social Projection]*. In *Social Projection in the Sphere of Culture: Methodological Problems* (pp. 115-128). Moscow: Research Institute of Culture Publishing House.
- Hippodamus of Miletus (2024, April 20). In *Wikipedia*. https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Hippodamus_of_Miletus&action=history
- Kapustin, P. (2021a). A fountain as the “first thing” of the urban genetics. *Project Baikal*, 18(70), 126-133. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.70.1901>
- Kapustin, P. (2021b). Paradoxes and prospects of the glocal. *Project Baikal*, 18(69), 32-37. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.69.1842>
- Kapustin, P. (2022a). Immobility and mobility in architecture. *Project Baikal*, 19(71), 32-39. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.71.1939>
- Kapustin, P. (2022b). The well: the deep vs the obvious. *Project Baikal*, 19(71), 190-197. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.71.1964>
- Plato. (1999). *Politik [Politician]*. In A. F. Losev, A. F. Asmus, A. A. Takho-Godi (Eds.), *Plato. Laws* (pp. 3-70). Moscow: Mysl.
- Revzin, G. (2022, June 10). *Kak setka kvadratov stala pervoi utopiei [How the grid of squares became the first utopia]*. *Kommersant*. Retrieved June 10, 2023, from <https://www.kommersant.ru/doc/5381662>

Рассмотрены два концепта – «чувство места» (Дж. Роуз) как способ самоидентификации горожанина с пространством и пространственное сознание, представляющее собой трехчастную структуру (включает феноменологический, репрезентативный и интенциональный уровни организации), в которой реализуются стратегии городского планирования. Показана тесная взаимосвязь политической онтологии города, символических систем города и борьбы за территориализацию городов. Проанализирована связь научного метода и способов западной самоидентификации, указана роль городов-утопий, языка и городских мифологий в политической активности городского пространства.

Ключевые слова: городское пространство; пространственное сознание; урбанизм; политическая онтология; городская мифология; самоидентификация. /

The article considers two issues: the “sense of place” (G. Rose) as a way of self-identification of the citizen within urban space, and spatial consciousness, which is a three-part structure (includes phenomenological, representative and intentional levels of organization) in accordance with which urban planning strategies are embodied. It is shown that there is a close relationship between the political ontology of the city, the symbolic systems of the city and the struggle for the territorialization of cities. The article also analyses the connection between the scientific method and the ways of western self-identification. Moreover, it indicates the role of utopian cities, language and urban mythologies in the political activity of urban space.

Keywords: urban space; spatial consciousness; urbanism; political ontology; urban mythology; self-identification.

«Чувство места» и пространственное сознание / The “Sense of Place” and Spatial Consciousness

Введение

Специфика социальных отношений в городе определяется их пространственным характером. В акторно-сетевой теории, используемой в рамках политической географии для анализа распределения ресурсов и структуры властных отношений, в качестве ключевых применяются категории детерриториализации/ретерриториализации и топологии пространства и агентов, которыми в равной степени могут служить материалы, объекты и технологии. Джон Ло, критик акторно-сетевой теории, в своей книге «Организуя современность», утверждает, что «нет никакого социального порядка. Есть только бесконечные попытки упорядочивания» [1, р. 101]. Он рассматривает проблему практик социального упорядочивания и устанавливает принципы, в соответствии с которыми акторы утверждают себя в качестве агентов. Их деятельность динамична: они определяют, скрывают, удерживают и мобилизуют части, нуждающиеся в структуризации. Способы, которыми эти действия осуществляются, раскрываются через метафору «тактик перевода». Это не только работа по выстраиванию сети, но самоидентификация акторов, служащая их превращению в действующую силу, генерирующую власть в сети. Ключевым процессом анализа становится «декодирование техник упорядочивания тех, кто будет обладать властью. Оно демонстрирует, как они [агенты] переводят, скрывают и получают ресурс из сетей, которые их создают» [1, р. 105].

Структурный и реляционный уровни города отражены в особенностях его пространства, а понимание сложностей установленных связей ярко или, напротив, слабо артикулирует стратегии дальнейшего развития. Сложность городских исследований, по сравнению с социальной теорией в целом, заключается в необходимости трактовать отношения с учетом пространственного измерения. Это приводит к необходимости глубокого понимания статуса и природы городского пространства. В данной же работе этот вопрос сужается до более специального: какие стратегии самоидентификации горожан возможны в городе и как с этим связаны вопросы чувства места и пространственного сознания?

«Чувство места» и стратегии самоидентификации горожан

Эти проблемы тесно переплетаются в рамках постановки вопросов о «чувстве места» – самоидентификации человека через принадлежность или отрицание окружающей его среды и пространственного сознания, связанного со «схватыванием» феномена города, его репрезентации и интенциональных, направленных изменений порядка его организации. По утверждению Ю. Палласма, «мы становимся частью места, и оно становится нашей частью, в то время как пространство обречено оставаться концептуальной абстракцией» [2, р. 11]. Другими словами, люди находятся в постоянном утверждении, переопределении, разрывах и поисках связей с пространством в широком фундаментальном смысле и с местом – в локальном. Актуализация локального при этом приравнивается к сложной навигации среди «мест», определенных структурами и кодами культуры, актуализированными в сложной городской топологии.

«Чувство места», как его определяет Дж. Роуз, объединяет место с возможностью поиска идентичности. В рамках человеческой географии это чувство указывает на глубокий резонанс мест и личных переживаний жителя города настолько значимый, что приводит к запуску процесса личной идентификации. Мы можем чувствовать себя принадлежащими месту, противостоящими ему или вовсе не ощущать никакой связи. Категория места сложна и является «одной из самых теоретически и политически нагруженных проблем» для исследователей социальных наук [3, р. 88]. «Чувство места» можно было бы также определить как чувство пространства, ограниченного в соответствии с набором отдельных идентичностей. Место здесь также рассматривается как инструмент, часть методологии, фиксирующей отношения агентов города разного уровня, от отдельных личностей до институций, движений и объединений.

Дж. Роуз, выстраивая свою трехчастную схему синхронизации с местом, усматривает следующие стратегии, представляющие три модуса одного и того же комплексного процесса идентификации: идентифицироваться с местом, идентифицироваться в противоречии с местом, не идентифицироваться.

текст

Алина Костина
Московский городской педагогический университет

text

Alina Kostina
Moscow City University

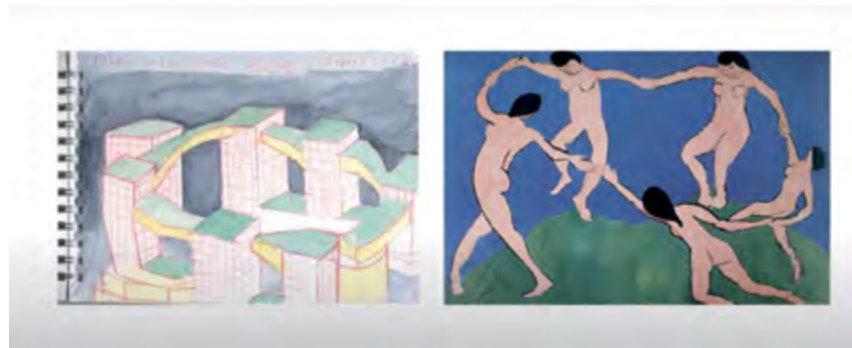
Исследование выполнено в рамках проекта «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», поддержанного грантом РФФИ № 23-18-00288, <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00288 Discursive Transformations of the Modern City: Coordinates of Russian Urban Studies: <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>)

> Рис. 2. Linked Hybrid ночью. Водные поверхности используются для отражения световых эффектов (<https://www.youtube.com/watch?v=HaVG4V25av0>)



v Рис. 1. Изначальная идея проекта Стивена Холла Linked Hybrid в Пекине: 8 башен, соединенных мостами, и его ассоциация с картиной А. Матисса «Танец» (1910) (<https://www.youtube.com/watch?v=HaVG4V25av0>)



Первый из способов – идентификация с местом – сопряжен с реализацией идеи масштаба: она может происходить на локальном, региональном или глобальном уровнях. Здесь следует рассматривать пространство с точки зрения его топологии, то есть учитывать не метрическое расстояние, а близость устанавливаемых внутри города связей. На любом из обозначенных уровней эти связи могут стать тесными, превращая идею подобного иерархического деления пространства по масштабу в относительную. Возможно одновременное действие и идентификация сразу на нескольких уровнях в соответствии с актуализированными на данный момент связями: мы можем поддерживать локальный бизнес, купив продукты местного фермерского хозяйства, выступать за открытие нового общественного пространства и делать вклад в глобальный проект защиты природы, придерживаясь определенных этических установок, связанных с защитой окружающей среды. Посещаемые места, события, предпринимаемые действия формируют как личную, так и городскую топологию, в которой происходит определение и самоопределение человека.

Однако вопрос идентификации с местом, если смотреть на проблему через призму феноменологического подхода, связан не только со средой, но и с инструментами, доступными индивидам. Их использование может быть ограничено рядом эпистемических искажений и сенсорной депривацией как установок формируемого городского пространства, формирующих «интернали-

зированный и автономный дискурс, не заземленных в нашей общей экзистенциальной реальности и желаний» [2, р. 26]. Идентификация с местом, отражающем доминанту нарциссической визуальной, интеллектуально ориентированной культуры становится не вполне доступной или желаемой. Скорее она превращается в два типа отношения с местом, описанными ниже.

Недостаточно идентифицировать себя с местом для целостности опыта, необходимо дополнять это и определением «против» или «в противостоянии». «Идентичность и место артикулированы не только позитивно через список элементов, с которыми мы идентифицируемся, они также структурированы в отношении восприятия групп и мест в качестве «других»» [3, р. 96].

Важно раскрыть механизмы формирования представлений об «иной» городской среде. Представление здесь противопоставляется опыту и свидетельствует о выстраивании множества интерпретаций объекта, подлежащего рассмотрению. Для идентификации в противовес другому месту наши представления о нем должны быть содержательно наполнены, иначе выстраиваемые оппозиции будут пустыми. В этом противопоставлении устанавливаются также и наши ценности. Пространство является и возможностью, и препятствием для действий: получение опыта противостоит созданию «мифологии мест», в которых мы не бывали. Вырабатываясь со временем, дополняясь все новыми элементами, содержащими описание, картографирование, множественные интерпретации, мифология города превращается и в строгую систему, и инструмент, оптику трактовки фактов. Она содержит в себе как привлекательные элементы того, чем мы не обладаем, но хотели бы адаптировать, и чем-то отталкивающим, которое мы не только не принимаем, но и желаем исправить в «другом». Через эту оппозицию устанавливается система ценностей и стратегий действия – поддержания стабильности, гомеостаза системы и борьбы с ее кризисом в рамках города.

Идея трехчастной формы идентификации с местом Д. Роуза на практике может быть соотнесена с комплексом Linked Hybrid (2009) в Пекине, построенным Стивеном Холлом. По словам самого архитектора [4], ключевой идеей проекта еще до начала его реализа-



< Рис. 3 Linked Hybrid в Пекине. Вид на часть комплекса днем (<https://www.youtube.com/watch?v=HaVG4V25av0>)

ции стал микроурбанизм, или «город в городе». С. Холл критикует типичный сегодня способ застройки высоких монофункциональных зданий, лишенных общего пространства и соответствующего «чувства пространства». Он противопоставляет этому проект-гибрид объединенных общей территорией жилых башен, дополненных множеством инфраструктурных объектов, включающих, помимо прочего, зеленые сады на крышах, общественные пространства и кафе. Комплекс был удостоен ряда архитектурных премий, в том числе за высокую экологичность и энергоэффективность.

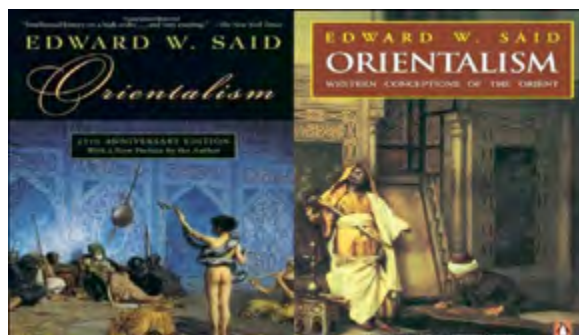
Этот проект позволяет горожанам идентифицироваться с местом, так как он в полной мере отражает принцип локальности – причастности к обозримому уютному пространству в многомиллионном городе. С другой стороны, этот комплекс именно как «город внутри города» дает возможность противопоставлять место глобальному пространству мегаполиса, минимизируя взаимодействие с ним. Третий принцип не – идентификации с местом проставляет собой сюжет для не – резидента этого комплекса, выбирающего другую систему самоидентификации с пространством. Возможно, это связано с другим культурным кодом или желанием большего «смешения» со средой.

«Ориентализм» Э. Саида [5] до сих пор остается одной из самых влиятельных философско-антропологических работ в методологическом и политическом плане. Это книга не о Востоке, а об инструментах и методах самоидентификации Запада. Из «киного» пространства Востока необходимо впитать недостающую западным городам духовность; в то же время это – территории, «недостойные» хранения собственного культурного наследия, что неоднократно было отражено даже в способе оформления обложек книги Э. Саида (рис. 4). Варвары, сметавшие некогда города на своем пути, должны заплатить культурными артефактами, самое сохранное место которых – западные музеи.

Музеи изолируют, обесточивают связь артефактов с собственной историей, оказываясь под монополистической властью универсального метода и единственной интерпретации. В этом воплощается логика завоевания, тут же возможна параллель с научным методом, направ-

ленным на универсализацию. Унификация пространства должна происходить по единому образцу западного универсализма. Научный метод не имеет измерения времени, он аисторичен. Такими же становятся и территории: тезис о варварских разрушениях городов не включает в себя идею подобных «набегов» представителя западной культуры полководца Александра Македонского, мультиплицировавшего одну городскую модель на завоеванных территориях.

Несмотря на то, что формулировка «чувство места» имеет психологические отсылки, чувства как индивидуальные проявления определяются в городе не только через эмоциональный опыт, но и через специфику системы, в которой реализуются, в частности, через структуры власти. Э. Барри производит различие политики (politics, англ.) и «политического» (the political, англ.). В сферу «политики» входят политические институты и «способы кодификации институциональных и технических практик» (цит. по Muller [6, p. 31]). Основной задачей этих практик является урегулирование конфликтов. Парадоксальным образом это является проявлением анти-политики, уничтожающей соревнование и превращающей решение политических вопросов в технические. «Политическое», выступающее на уровне политической онтологии, отражает более общую борьбу за артефакты и практики. На уровне политической онтологии множественность идентификаций людей с местом приводит к плюральности самой онтологии пространства.



< Рис. 4. Обложки книги Э. Саида «Ориентализм» (<https://timeforcook.ru/orientalism/kniga.html>)

> Рис. 5. Фондако-деи-Тедески (немецкое подворье) в Венеции. Ныне – одноименный торговый центр, принадлежащий группе Benetton (redeveloper.ru)



Согласно онтологическому пониманию политического, оно пронизывает все городские процессы, реализуясь в борьбе за власть. В городе физическое пространство отражает это состояние конкурентного соревнования, проявляющегося в непрерывной территориализации капитала и смыслов, которые оказываются в серьезной взаимной зависимости. Смыслы, в свою очередь, связаны с процессом культурной интерпретации мира и пространства, в том числе физического. Проведение культурных и социальных различий в городе зачастую совпадает с реальным обозначением границ районов и территорий. Общественные пространства отделяются от частных, районы отличаются по престижности, уровню инфраструктурного развития, экологии и безопасности. Идея локализации групп, формирование гетто, экономическая и социальная демаркация пространства сопровождаются в исторической перспективе развитие городов. Городское пространство существует в разнящихся установках принятия/отторжения людей, населяющих его, вследствие чего разные стратегии идентификации с местом приводят к созданию противоречивого социального ландшафта. Примером может послужить почти каждый город-мегаполис или исторически значимый центр культурного и политического влияния.

Карта средневековой Венеции удивляет количеством обозначений места жительства сегрегированных национальных групп: евреи, греки, турки, персы, армяне, албанцы – все жили в отдельных, отведенных для них районах. «Джетто Векьо» и «Джетто Нуово» – два венецианских гетто, использованных для сегрегации евреев, бывшие территории литейного производства, заброшенные и отдаленные от центра города. «Джетто Нуово было ромбовидным куском земли, окруженным со всех сторон водой; здания, выстроенные стеной по краям, оставляли открытое пространство в центре. Только два моста соединяли его с остальной городской тканью. Если оба моста закрыты, Джетто Нуово могло быть изолировано» [6, p. 231].

Другой венецианский пример – здание Фондако-деи-Тедески, дворец, являвшийся немецким торговым подворьем (рис. 5).

Пристальное внимание со стороны властей сначала носило экономический характер: всех немцев фактически принудили жить в одном пространстве, чтобы те исправно платили налоги и таможенные пошлины (рис. 6). В 1479 году правительство выпускает декрет о том, что «после заката окна должны быть закрыты, а двери в Фондако заперты – снаружи» [6, p. 228]. С началом Реформации к экономическим соображениям по изоляции немцев добавились и религиозные: боязнь ересей, уводящих от католицизма в сторону протестантизма.

В богатой Венеции, центре активной международной торговли, принципы территориализации капитала ярко выражены. Борьба за территорию одновременно становится борьбой за право интерпретации мест – не только наделения, но и исключения «киных» смыслов, в оппозиции которым должно происходить самоопределение горожан.

Определение через оппозицию с тем, чем нечто не является, есть «фундаментальное свойство производства знания на Западе» [3, p. 103]. Конструирование разрыва, разницы в ценностных и прагматических установках становится одним из самых эффективных инструментов управления идентичностью. В отношении к этому различию происходит регуляция смыслов. В зависимости от того, насколько дружелюбен или враждебен «другой», с установками которого мы соотносим себя, определяется и наше публичное участие в жизни гражданского сообщества, нашего одобрения происходящего в публичной сфере [8].

Пространственное сознание и политика территориального планирования

Представленная выше западная модель идентификации воплощает собой одновременно логику производства знания и политического, в частности, территориального доминирования. Здесь оппозиции научного и пространственного выглядят как универсализация метода – гомогенизация территории, методологического редукционизма – пренебрежения исторической и культурной спецификой подвластных территорий. Эффективность данного метода заключается в идеальном слиянии научного и идеологического принципов, которые в практике



< Рис. 6. Жилое и торговое пространство Фондако-деи-Тедески (redeveloper.ru)

систематизации, редукции и следования заданной системе смыслов становятся неразличимы. Универсализация интуитивно связывается с объективностью и рациональностью, за которыми трудно разглядеть притязание на монополистическое доминирование определенных смыслов, не допускающих «кинаковости». Принадлежность другой системе рассматривается в антинаучных категориях иррационального, фрагментарного, этически недопустимого. Научные методы городского планирования и управления вытесняют из публичного пространства саму возможность делиберативной практики, живого, в духе Агоры, диспута. Горожанам предлагается выбрать из заданного списка возможностей. Алгоритмичность и технократичность принятия решений из эффективного метода превращается в идеологию.

При этом город, полный противоречий, оказывает сопротивление. Помимо «чувства места», рациональное начало относит к активному аналитическому процессу, связанному с реализацией пространственного сознания. Для философии проблема сознания, его соотносительности с телесными практиками не теряет своей актуальности и также активно обсуждается в когнитивных науках. В контексте урбанизма необходимо локализовать рассмотрение вопроса до городского пространственного сознания. Эта категория также становится ключевой для идентификации горожан, с одной стороны, и осуществлении городского планирования – с другой. В рамках соображений Д. Галланда и М. Греннинга [9] структура пространственного сознания трехчастна и состоит из феноменологической, репрезентативной и интенциональной организации и связанных с ними содержаний.

Феноменологическая организация нашего внутреннего мира позволяет нам переживать конкретный опыт явления, базирующийся на чувственных и когнитивных способностях. В процессе восприятия формируется ментальный конструкт феномена, проектируемый обратно в мир. Э. Левинас описывает это конструирование, особо подчеркивая свет как условие переживания феномена и смысла одновременно, как то, что позволяет «окутать внешнее внутренним», подчеркивая, что «благодаря свету объекты являются миром, то есть принадлежат нам. Собственность – составляющая мира: она дается и вос-

принимается посредством света. Восприятие как основа всех наших ощущений – источник собственности в мире» [10, с. 28]. При этом необходимо заметить, что собственность тут понимается в качестве выраженного и приобретенного смысла одновременно, оформленного видения – порожденного и артикулированного смысла. Это область суждений о свойствах явления и ожиданий от него. В практиках городского планирования это область напряжения между традицией и инновацией. Этот уровень представлен опытом пространственных концептов и архетипов «места», «города», «региона».

В основе репрезентативной части лежит возможность узнавания паттернов, различение, отделение одного феномена от другого. Опыт явления на данном уровне можно превратить в его образ. Идентификация феноменов кроется в процессах символической абстракции, связанных с миром концептов, текстов, лингвистических механизмов и чисел. «Схватывание» мира предполагает целостность процесса, противоположную, согласно М. Мерло-Понти, объективному мышлению, наполненному предрассудками, разрывающими связи вещей и субъектов. Он противопоставляет этому идею, что «вещи являются сущностями среды, и любое отчетливое восприятие вещи живет за счет предварительного общения с определенной атмосферой» [11, с. 411]. В городском пространстве на этом уровне различаются функциональные, структурные, символические особенности. Наряду с этим мы отмечаем коммуникации, обсуждения, решения, базирующиеся на репрезентациях пространства. Здесь реализуемые проекты и множественные коммуникации отражают сложный уровень организации, где, согласно представлениям феноменологии, вещь «схватывается нами изнутри, воссоздается и переживается нами в той мере, в какой она связана с миром, основные структуры которого мы несем в себе» [11, с. 418]. Структуры, которые мы «несем в себе» можно трактовать как множественные культурные и исторические коды, конституирующие попытки интерпретации и организации пространства. Это переносит нас в область активных интенциональных действий.

На феноменологическом уровне происходит «схватывание» явлений: если на репрезентативном – различение структурных особенностей, принципов функциониро-

вания и связей, то на последнем, интенциональном, главным становится действие на основании полученных данных. Речь идет уже не об узнавании и демаркации отдельных паттернов, а об их схеме, структуре. С точки зрения города это часть сознания, отвечающая за идеологическую и утопическую ментальность. Активное начало здесь проявляется в реализации воли во времени, она имеет прямое отношение к идее порядка, сохраняет, разрушает или переопределяет его. Лучшим примером содержания этого уровня организации служат утопические проекты городского устройства или реальные планы по трансформации городских районов.

Хотя в определении интенционального уровня фигурирует идея сохранения пространства, если обратиться к утопическим проектам, мы увидим в них посыл радикального недовольства в связи с тем, что город проявляется феноменологически, как «схваченные» ритмические паттерны противостоят идее всеобщего благоденствия. Города-утопии – это воплощение социального недовольства, сконцентрированного в альтернативной материальной форме устройства города. Время тут понимается в определенном смысле: как то, что нужно стереть, уничтожив все слои и артефакты истории. Время нужно завоевать либо поменяв его ритмику, либо уничтожив его вовсе. Борьба со временем при этом субъектна и субъективна; человек здесь находится «в ясном свете утопии»: «Вне любой укорененности и любой принадлежности, – безродность как подлинность!» [10, с. 353]. Эта «безродность» и становится синонимом борьбы и преодоления структур, руководящих способами переживания и интенционального действия в мире.

В качестве критики обозначенных Д. Галландом и М. Греннингом представлений о феноменологическом уровне сознания хотелось бы поставить вопрос: всегда ли феномены есть то, чем они кажутся? Их трактовка носит психологический характер, но, если предположить, что феномен не раскрывает своей сущности, как тогда его «завоевать»?

Городское пространство является территорией ожесточенной символической борьбы. Внутреннее содержание символических систем связано с множеством переживаемых в городе символических форм, среди которых самыми фундаментально значимыми можно считать мифологию и язык. Язык – инструмент мысли, который в столь же высокой степени способен затуманить смысл, сколько его прояснить. Э. Кассирер утверждает, что «подлинно строгое и точное мышление всегда опирается на символику и семиотику» [13, с. 22]. В городском пространстве множественные символические системы наслаиваются друг на друга до степени, не позволяющей выстраивать непротиворечивую картину городских смыслов.

Городская мифология и обстоятельства языка служат одновременно и препятствиями, и инструментами на пути реализации интенций пространственного сознания. Попытки «прямой конфронтации» со значимыми символическими системами города обречены на провал. Невозможно уничтожить мифологию – ее нужно заменить альтернативной. Иконоборчество, которое в широком смысле означает борьбу с символами, мало эффективна при отсутствии альтернатив. Города «учительствуют» [13], вовлекая жителей в переживание и интерпретацию. Имплицитный дидактизм, присущий городам, заставляет непрерывно ставить вопрос о характере предлагаемого материала для обучения. Это – свойство как реальных городов, так и потенциальных утопических проектов. Разница лишь в степени их актуализации: реальные города практикуют «обучение» каждый день, в то время как для городских утопий это всегда проект туманного и не до конца сформированного будущего.

«Здания и города – инструменты и музеи времени. Они позволяют нам увидеть и понять ход истории и поучаствовать в движении временных циклов, превышающих продолжительность отдельной жизни». [3, с. 44].

Интенциональное пространственное сознание по своей природе является утопическим; при этом инструментарий утопического, несмотря на поверхностные коннотации всеобщего блага, репрессивен. Причины последнего несколько, и все они связаны не только с пространственным, но и временным расстоянием между созданием проекта и его реализацией. Недаром завоевание времени видится одной из ключевых задач проектов-утопий. Поставленные в рамках реализации конечные цели могут измениться, а их неопределенность, невозможность точной прогнозности придает проектам черты религиозности, веры в существование вечности. По утверждению К. Роу и Ф. Кетера, одинаково проблематичны как историцизм, так и неофутуризм, поскольку они вписаны в систему, где «история [является] предметом менеджмента разума» [13, р. 123]. Когда описываются утопии, редко упоминается, что они находятся в конкурентном поле с разными политическими идеями, а значит, и в политическом противостоянии.

По очень точному замечанию А. Рапппорта, отразившему в своих рассуждениях сложную борьбу в человеке времени и пространства: «Время непроницаемо более, чем пространство, и ближе к вечности, чем все, что в нем случается» [14, с. 58].

Политическая борьба становится эффективнее при применении комбинации технократического и символического инструментария. Так, масштабную идею городского изменения можно разделить на части, представив в виде локальных плановых изменений. В 1960-х именно так поменялась одна из самых важных символических частей городских изменений – их картографирование. Изоморфизм городских зданий был заменен на предельную схематизацию символов, универсализацию подхода, которая эффективно «боролась» со временем, потраченным на объяснения и перевод разных символических языков. Вслед за этим возникла и схематизация в реальном городском пространстве. После Второй мировой войны сложность и витиеватость была заменена на повторяемость паттерна кварталов, наведение единообразного порядка, в котором «укрошались» и время, и пространство. Повторяемость инфраструктурных элементов в районах привела к рассредоточению жителей, ликвидирован таким образом идею единого центра. В 1990-х городское планирование все больше смещалось в сторону динамики и множественных интерпретаций пространства, реляционного соотношения его элементов: пространство должно быть дифференцировано и социально сконструировано. На уровне материальных объектов это означало смещение внимания на способы связи мест – хабы, трансферные и транзитные зоны.

Как утверждает П. Хили, «природа пространственного сознания выражается в стратегии, способе понимания множественных уровней социальных отношений места, а также той степени, до которой сложность взаимосвязей схвачена и выражена в стратегии» [15, р. 527]. В этом представлении заложен эпистемический критерий понимания вариативности и разнообразия социальных отношений, определяющих стратегию работы и изменений пространства в пошаговой нормативной установке. Стратегии могут обладать сильной или слабой артикуляцией в зависимости от глубины понимания связей. На уровне визуальной разработки современного плана видно, что на нем представлено со всей решительностью четкими линиями, а что компромиссно – пунктиром. Это – силовые линии, показывающие потенциальные конфликты и попытки их разрешения.

Степень артикулированности стратегии связана с тем, насколько ясны представления на каждом из трех уровней пространственного сознания: феноменологическом, репрезентативном и интенциональном. Переводя это на язык практики планирования, любой проект городских изменений – это работа по освоению социальных и символических систем, формирующих город. В ходе работы над проектом необходимо осваивать не только сами системы, но и методы их взаимного перевода на язык семиотики и синтаксиса, а также их транзита в символические структуры материальных объектов. Сильные и слабые артикуляции стратегии реализуются на уровне городского планирования, участниками которого в разных системах могут быть и профессионалы – архитекторы и специалисты по благоустройству городской среды, и активные гражданские сообщества, если их участие предусмотрено соответствующими нормативными процедурами.

Итоги

Рассмотрение города в связи с пространственными аспектами позволяет увидеть, чем урбанизм отличается от общей социальной теории. Будучи средоточием достижений цивилизации, город позволяет синхронно переживать множество символических наслоений, определяющих и переопределяющих идентичность личности в аспекте места.

Пространственное сознание позволяет оценивать реконфигурации как в ценностях людей, городских сообществ, так и институций, занимающихся проектами городского планирования. Городское пространство становится местом реализации артикулированных стратегий преобразования территории, борьбы политических сил, капитала и мифологий, непосредственно влияющих на «чувство» места жителей городов. Оно становится сосредоточением исторического опыта, футуристических интенций и актуальных социальных трансформаций.

Литература

1. Law, J. *Organizing modernity: social ordering and social theory*. – Oxford : Blackwell, 1994. – 219 p.
2. Pallasmaa, J. *The eyes of the skin. Architecture and the senses*. 4th ed. London : John Wiley & Sons Ltd., 2024. – 104 p.
3. Rose, G. Place and identity: a sense of place, in D. Massey and P. Jess (eds.) / *A place in the world? Places, cultures and globalization*. – 1995. – Oxford : the Open University. P. 88–132.
4. 32BNY: *Linked Hybrid 7 Years Later* (Steven Holl). – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HaVG4V25av0> (дата обращения: 29.06.2024).
5. Said, E. *Orientalism*. New York: Vintage books a division of Random house, 1979. – 368 p.
6. Muller, M. *Assemblages and actor-networks: Rethinking socio-material power, politics and space* // *Geography Compass*. – 2015. – № 9(1). – P. 27– 41. – URL: <https://doi.org/10.1111/gec3.12192> (дата обращения: 15.06.2024).
7. Sennett, R. *Flesh and stone. The body and the city in Western civilization*. New York, London: W.W. Norton & Company, 1996. – 431 p.
8. Campbell, E. *Publish sphere as assemblage: the cultural politics of roadside memorialization* // *British journal of sociology*. – 2013. – Vol. 64. – Iss. 3. – P. 527–547.
9. Galland, D., Grinnong, M. *Spatial consciousness*, in Orum A. (ed.) / *The Wiley Blackwell encyclopaedia of urban and regional studies*. – 2019. – London: John Wiley & Sons Ltd. – URL: <https://doi.org/10.1002/9781118568446.eurs0308> (дата обращения: 15.06.2024).
10. Левинас, Э. *Избранное: Тотальность и бесконечное*. – Москва; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. – 415 с.
11. Мерло-Понти, М. *Феноменология восприятия*. – Санкт-Петербург : Ювента : Наука, 1999. – 606 с.
12. Кассирер, Э. *Философия символических форм. Язык. Том 1*. – Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2002. – 270 с.
13. Раппапорт, А. *О месте и гении места* // *Проект Байкал*. – 2023. – № 77. – С. 56–58. – DOI: 10.51461/issn.2309-3072/77.2189.
14. Rowe, C., Koetter, F. *Collage city*. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1978. – 186 p.
15. Healey, P. *Relational complexity and the imaginative power of strategic spatial planning in Europe* // *European planning studies*. – № 14 (4). – P. 525–546.

References

- Campbell, E. (2013). Publish sphere as assemblage: the cultural politics of roadside memorialization. *British journal of sociology*, 64 (3), 527-547.
- Galland, D., & Grinnong, M. (2019). Spatial consciousness. In A. Orum (Ed.), *The Wiley Blackwell encyclopaedia of urban and regional studies*. London: John Wiley & Sons Ltd. DOI: 10.1002/9781118568446.eurs0308.
- Healey, P. (2006). Relational complexity and the imaginative power of strategic spatial planning in Europe. *European planning studies*, 14(4), 525-546.
- Kassirer, E. (2002). *Filosofiya simvolicheskikh form. Yazyk*. [The philosophy of symbolic forms] (S. A. Romashko, Trans.) (Vol. 1). Moscow, Saint-Petersburg: University book.
- Law, J. (1994). *Organizing modernity: social ordering and social theory*. Oxford: Blackwell.
- Levinas, E. (2000). *Izbrannoe: Total`nost` i beskonechnoe. [Selected works. Totality and Infinity]* (I. S. Vdovina, B. V. Dubin, N. B. Man`kovskaya, A. V. Yampol`skaya, Trans.). Moscow; Saint-Petersburg: University book.
- Merlo-Ponti, M. (1999). *Fenomenologiya vospriyatiya. [Phenomenology of perception]* (I. S. Vdovina, S. L. Fokina, Trans.). Moscow; Saint-Petersburg: Uventa; Nauka.
- Muller, M. (2015). Assemblages and actor-networks: Rethinking socio-material power, politics and space. *Geography Compass*, 9(1), 27-41. DOI:10.1111/gec3.12192.
- Pallasmaa, J. (2024) *The eyes of the skin. Architecture and the senses* (4th ed.). London: John Wiley & Sons Ltd.
- Rappaport, A. (2023). On the place and the genius of the place. *Project Baikal*, 20(77), 56-58. DOI: 10.51461/issn.2309-3072/77.2189.
- Rose, G. (1995). Place and identity: a sense of place. In D. Massey and P. Jess (Eds.), *A place in the world? Places, cultures and globalization* (pp. 88-132). Oxford: the Open university.
- Rowe, C., & Koetter, F. (1978). *Collage city*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Said, E. (1979). *Orientalism*. New York: Vintage books a division of Random house.
- Sennett, R. (1996). *Flesh and stone. The body and the city in Western civilization*. New York; London: W.W. Norton & Company.
- Spirit of Space. (n.d.). *32BNY: Linked Hybrid 7 Years Later* (Steven Holl). Retrieved June 29, 2024, from <https://www.youtube.com/watch?v=HaVG4V25av0>

Проблема непрерывного развития городской среды наводит на мысли об историческом процессе формирования застройки и поэтапном сложении образа города. Задачи, продиктованные этическими и юридическими ограничениями при работе в исторической среде, все чаще входят в противоречие с традиционным архитектурным творчеством, и это обстоятельство заставляет задуматься над возможностями дальнейшего развития образа города.

Ключевые слова: историческая архитектурная среда; пространство; образ города; человек; структура исторической застройки. /

The problem of continuous development of the urban environment brings to mind the historical process of building development and the phased formation of the city image. The tasks dictated by ethical and legal restrictions when working in the historical environment are increasingly in conflict with traditional architectural creativity. This fact makes us think about the possibilities of further development of the image of the city.

Keywords: historical architectural environment; space; image of the city; person; historical development pattern.

Непрерывность развития архитектурного образа города / Continuous development of the architectural image of the city

текст

Алексей Буйнов

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
Армен Казарян
Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
text

Alexei Buinov

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Armen Kazaryan

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Художественные образы, кажется, напрямую обращаются к нашему экзистенциальному чувству и оказывают влияние на наше телесное существо еще до того, как они будут зарегистрированы или поняты мозгом. А художественное произведение может иметь мощное умственное и эмоциональное воздействие, но навсегда остаться без интеллектуального объяснения.

Юхани Палласмаа, «Воплощенный образ» [1].

Архитектура интернациональна по восприятию и всеобъемлюща по своей сути. По определению она охватывает как абстрактное, так и повествовательное, поскольку задействует чувственное и когнитивное, подсознательное и сознательное, эмпирическое и символическое, естественное и искусственное, универсальное и культурно-специфическое. То, как архитектурная среда влияет на отдельного индивидуума и общество в целом и как она формирует наши реакции и поведение, заинтересовало исследователей еще в незапамятные времена. Произошло это прежде всего потому, что на протяжении осязаемой истории человечества это влияние в полной мере использовалось политическими деятелями, режимами и религиозными институтами. В интересах подобных структур формировались пространства доминирования, власти и авторитета, которые создавались, чтобы заставить человека чувствовать себя маленьким, бессильным, незначительным и лишенным свободы воли. Их противоположностью стали резонансные пространства – это пространства, которые отражают нас и обращаются к нам одновременно как к личностям и культурной общности. Это пространства, нам безразличные, которые определяются нашими интерпретациями – интеллектуально, эмоционально и телесно.

Причем и эти пространства, и формирующие их объекты глубоко резонируют с нами как индивидуально, так и коллективно. Они больше связаны с нашей внутренней человеческой сущностью, чем с элементами, которые полагаются исключительно на интерпретацию через слова или символы [2]. Однако достижение того состояния ума, при котором восприятие и связь с окружением являются непосредственными, резонансными, становятся все более и более трудным в современных городах,

построенных нами вокруг себя. Возможно, в этом кроется одна из причин нашего дистанцирования от окружающей среды через социальные сети и смартфоны с последующим погружением в виртуальную реальность.

Но как архитектуре удастся добиться эффекта, результатом которого становится появление связи между нами и нашим культурным и физическим миром, чтобы он отражал и расширял наши возможности? Резонанс этот может способствовать развитию привязанности к месту. Это живая петля обратной связи, которая заставляет нас чувствовать свое присутствие в мире, наше воплощенное существование, ощущение себя в определенном контексте. Без этого чувства индивидуальная искусственная среда не имела бы для нас никакого значения, а культурная и экологическая устойчивость исчезли бы.

Есть общепризнанные факторы, в действенности которых сложно усомниться, например, наше влечение к дневному свету или к природе. Эти факторы окружающей среды стали предметом научных исследований с поддающимися количественной оценке результатами. Одним из основоположников в этой области является профессор неврологии, психологии и архитектуры Пенсильванского университета Анджан Чаттерджи, выделивший три качества пространств, которые воспринимаются как красивые и влияют на благополучие с некоторой изменчивостью по популяциям. Во-первых, это связность: насколько организовано и разобрано пространство или архитектурное произведение. Второе – увлекательность: насколько оно интригующе, богато и вызывает ли интерес к его исследованию. Третье – «домашний уют»: насколько комфортно человек чувствует себя в пространстве и способствует ли оно чувству принадлежности [3].

Все три фактора мы в полной мере можем отнести к исторической архитектурной среде, тема развития которой является предметом этой статьи.

Очевидно, любое вторжение в сформировавшуюся городскую среду не может быть успешным без знания основных постулатов, на основании которых она формировалась и развивалась.

К этим преобладающим важным показателям мы прежде всего относим ландшафт, или топографическую осно-

Работа поддержана грантом 2024 года на проведение фундаментальных и прикладных научных исследований (НИР/НИОКР) научными коллективами НИУ МГСУ, проект №8-392/130. / Acknowledgements: This work was supported by the grant 2024 for fundamental and applied scientific research (Research/R&D) by scientific teams of NR MGSU, project No. 8-392/130



< Рис. 1. Вид на 130-й квартал. Фото Анатолия Бызова

ву, которую при формировании среды использовали очевидно осмысленно, оптимально «налагая» на нее «градостроительную решетку», «транспортный каркас», представляющий собой сетку оптимальных транзитных коммуникаций. В свою очередь, эта сетка являлась основой для ее последующего членения на кварталы – единицы городской среды, отчетливо воспринимаемые и обозримые. Кварталы делили на земельные участки, площадь и местоположение которых напрямую соотносились со статусом владельца и его финансовыми возможностями. Земляные наделы также превращались в подобие планировочной базы и диктовали застройщику появление узнаваемых и знаковых сооружений в соответствующих этой роли местах [3].

При этом сохранялось известное сходство зданий и сооружений, регламентированное жизненным укладом, возможностями «строительного комплекса», сравнительной однородностью строительных материалов, определенной общностью архитектурно-конструктивного подхода и законодательной базы.

Наряду с жесткой регламентацией в определенных вопросах (этажность и пр.) имелось большое количество возможностей для придания зданиям разнообразия их облика. В то же время наиболее ответственные участки городов отличаются комплексным или ансамблевым подходом, что свидетельствует о наличии существовавшей нормативно-градостроительной базы, отраженной в соответствующих правовых актах.

В качестве примера можно привести проект 130-го квартала в г. Иркутске. Работа эта появилась не на «пустом месте»: с конца 1980-х годов в городе, имевшем богатейшее архитектурное наследие, велась планомерная работа по изучению и систематизации не только зданий – памятников истории и культуры, но и исторической городской среды в целом, во всем ее многообразии.

130-й квартал был не первой попыткой иркутских архитекторов сработать в парадигме комплексного подхода, основной задачей которого была реконструкция значительного участка исторической городской застройки. Но именно в этом проекте и в последующем его воплощении сошлось все: и «стопроцентное попадание» с выбором участка, и наличие грамотно прописанных правовых

актов, и благосклонное отношение региональных властей, и системно изученная историческая среда вкупе с большим количеством зданий-памятников, и, несомненно, высокий уровень профессиональной культуры архитекторов и реставраторов, сумевших изначально грамотно сформулировать задачу по воссозданию ЖИВОГО участка исторической среды. Причем среды, находящейся в процессе того самого непрерывного развития [4] (рис. 1, 2).

При этом авторы воспользовались еще одной особенностью, имеющей отношение к регламентации XIX – начала XX века. Тогда для формирования городской застройки (в основном уличных пространств) нормой являлось применение типовых (или, как их называли с конца XVIII века, «образцовых») чертежей или фасадов зданий). В провинции явление носило достаточно массовый характер, и отдельные губернские центры широко использовали эту документацию. Это касалось не только каменных, но и деревянных построек, а также отдельных их элементов: оград, заборов, ворот и пр. Тем не менее желание творчески самовыразиться было велико во все времена. И чем дальше от центра города, тем удивительнее мог становиться декор деревянных домов, иногда почти сплошь покрывавшим фасады зданий «кружевом».

Естественное влияние на формирование облика городов оказывали периодически изменявшиеся стилевые направления в архитектуре. Но тем-то и интересна историческая среда, что при всем многообразии стилевых решений она практически никогда не теряет единства своего архитектурного образа – образа индивидуального и узнаваемого, присущего данному конкретному городу или поселению.

Разумеется, чувства, которые в нас пробуждают исторические города, весьма разноплановы и разнообразны. Их источником является множество причин, но мы попробуем разобраться со спецификой ощущений, которые нам дарит именно историческая архитектурная среда во всем ее единстве и многообразии.

Первым и неоспоримым фактором является индивидуальность и, если хотите, «штучность» каждого здания. Отсутствие налета индустриальности и механистичности, повсеместные признаки ручной работы добавляют в наше восприятие объекта теплоты и человечности. И, конечно,



< Рис. 2. Вид на 130-й квартал. Фото Анатолия Бызова

«Ее Величество» – Деталь... Обилие этих самых деталей позволяет нам любоваться историческими зданиями как произведениями искусства, каждый раз находя в них все новое и новое.

Еще один широко известный постулат, часто приводимый в дискуссиях любителями и приверженцами исторических зданий и сооружений, – большинство объектов сложившейся городской среды гармонично воспринимаются с трех расстояний: издалека (силуэт здания и его пропорции), со среднего расстояния (объект в целом) и вблизи (обилие вышеупомянутых деталей). Солидная доля правды в этом утверждении есть.

В целом старые здания (как и комплексы этих зданий) являются живым свидетельством конкретных периодов развития города и могут многое рассказать о горожанах, их образе жизни и мировоззрении.

При этом знание истории, отраженное в застройке городов, помогает сформировать нравственную основу современного человека и оказывает на него воспитательное воздействие, в том числе и патриотического характера. А наиболее явно участвующие в этом процессе здания становятся ПАМЯТНИКАМИ. Сами по себе, являясь элементами исторического процесса, они вовлекают в него горожан, помогая им определить свое место и назначение. Кстати, само здание – это один из способов для автора если не увековечить себя, то хотя бы материально обозначить свое присутствие в данном месте в определенный момент истории.

И именно этими, во многом бесспорными постулатами руководствуются и некоторые рьяные хранители памятников истории и культуры, стремящиеся вернуть часть городской среды в исторические реалии прошлого. Такой «фокус» иногда удается, но только ценой музеефикации фрагмента среды с полным исключением его (вместе со всеми составляющими элементами) из реальной жизни. Функциональное наполнение объекта при таком решении очевидно: или музей, или собственно памятник. Мертвый объект, лишенный жизни.

Но в отдельных случаях именно такое решение, то есть музеефикация объекта или сохранение за ним традиционной функции, несмотря на ее противоречие современным требованиям к такого рода объектам

или требованиям по инсоляции, проветриванию и другим нормам, оказывается единственным разумным решением. Подобно этому использование только в качестве памятника, музейного образца под открытым небом или под защитным колпаком допустимо для большинства археологически выявленных объектов [5]. Они фактически длительное время не существовали в городской среде и, соответственно, не учитывались поколениями трансформировавших ее зодчих. Сейчас же эти объекты, появившись внезапно в уже существующей среде, сами воздействуют на нее, вынуждая считаться с их присутствием. Древние города, в которых по сей день проводятся раскопки, то и дело приобретают черты отчужденности от привычной среды и установившихся путей коммуникаций. Возможно, поэтому власти мегаполисов не спешат с проведением археологических работ.

В любом другом случае деятельность архитектора должна быть направлена на создание современной среды с присущими ей лучшими качествами, что и является одной из «сверхзадач» в работе современных зодчих.

При этом язык общения с реконструируемой исторической средой ни в коем случае не должен скатываться к заурядной стилизации или подавлению старых форм новыми, стилистически модными объемами, мотивируя это некими требованиями «формального языка эпохи». Да и сама форма, в целом и в своих составляющих, «правильной» является только тогда, когда исходит из правил и условностей своего времени.

Диапазон подобного рода рассуждений не слишком широк и обычно заканчивается апелляцией к вечным принципам архитектуры, что по формальным признакам, безусловно, правильно. Правда, основы эти являются понятиями общими и в известной степени универсальными, а необходима конкретика. Нужны определенные критерии, обладающие смысловой неизменностью во все времена формирования и развития городской ткани. В определенном отношении эти категории должны содержать системообразующие признаки непрерывного развития архитектурного образа города. В разное время к этим важнейшим факторам были отнесены масштабность, структура и материал.



^ Рис. 3. Вид фрагментов 130-го квартала



^ Рис. 4. Вид фрагментов 130-го квартала. Фото Анатолия Бызова

Масштабность в данном случае понимается как соизмеримость в здании общего и фрагментарного в окружающем пространстве и в интерьере, а также соотношение здания с физическими размерами человека. Именно масштаб позволяет имплантировать в существующую ткань исторической застройки новые «единицы» с учетом величины их соотношений и членений.

Структура исторической застройки – это упорядоченная совокупность внутренних связей градостроительной общности, обеспечивающая преемственность и воспроизводимость в изменяющихся условиях. Рука об руку с понятием структуры идет определение морфологии городской среды как конгломерата, определяемого сочетанием нескольких градостроительных типологий в застройке, что полностью соответствует особенностям общности исторических кварталов.

Структура застройки определяет функцию и характер входящих в нее сооружений. При этом каждый раз необходимо найти свою оригинальную вариацию оптимального формообразования, избегая имитаций и бездумного цитирования. К числу упорядочивающих факторов исторической застройки можно отнести ее мелкие членения и пластичность – приемы, используя которые современные зодчие могут не только работать в условиях старых улиц и кварталов, но и обогатить их.

Из огромного количества возможных вариантов архитектор выбирает определенную тенденцию, тем самым принимая на себя конкретные творческие обязательства. Чем понятнее выбранная идея, чем яснее путь ее воплощения, тем состоятельнее само проектное решение.

Приняв за основу гармонизацию нового с исторической средой, архитектор должен осознать свойственные этой среде законы формообразования, согласиться с их главенством и все последующие решения принимать уже на этой основе.

Материал. Выбор материала в строительстве воздействует на структуру и масштаб сооружения не только цветом и фактурой, но и целым набором ощущений. При этом новые и старые материалы должны существовать в определенной гармонии, никоим образом не повторяя друг друга. Естественно, что в прошлом при строительстве городов материалы, в основном, использовались местные.

Это в большей степени определяло образный характер не только отдельных зданий, но и всего архитектурного облика города в целом, обеспечивая ему своеобразие и неповторимость. И, несмотря на возникшую в наше время доступность большого спектра строительных и отделочных материалов, нужно их тщательно выбирать, согласуясь с местными традициями, климатическими условиями, требованиями экологии и общего характера застройки.

В качестве удачного примера подобного подхода еще раз обратимся к комплексу 130-го квартала в Иркутске.

Тщательно проанализировав гамму строительных материалов, которая была характерна для строительства зданий и благоустройства территорий города в конце XIX – первой половине XX века, авторы в полной мере «отыграли» ее и в отреставрированных, и в новых объектах. Основной упор был сделан на применяемом дереве – массиве и деталях – а также на аутентичных материалах покрытия кровель. Вкупе с элементами благоустройства этого оказалось достаточно, чтобы «удержать образ». А частичные акценты современных материалов на новых зданиях своими фрагментарными вкраплениями в большинстве случаев и обозначили ту закономерную связь, которая обеспечивает, хоть и не без ошибок, непрерывность развития городской среды (рис. 3, 4).

При этом использование традиционных материалов и техник их применения, поощряемое рекомендациями международных организаций по охране культурного наследия, может не быть обязательным условием создания гармоничной среды и достойного соседства с памятниками архитектуры. Скорее их применение либо сочетание традиционных и новых материалов может способствовать обеспечению гармонии, как это можно наблюдать в апулийской Мольфетте (рис. 5), но не всегда спасает от диссонансов в пространственной среде, вызванных низким качеством самого архитектурного проекта. Кроме того, известно, что гармония в пространстве может достигаться не только однотипностью форм, однотонностью и одинаковой фактурой, но и игрой на контрастах, с помощью которых можно подчеркивать качества существующего

> Рис. 7, 8. Ареццо.
Центральная площадь
с видами на запад и
северо-восток.
Фото А. Казаряна. 2009



v Рис. 5. Мольфетта. Вид на романский собор и примыкающую застройку со стороны бухты.
Фото А. Казаряна. 2009



произведения зодчества, а не того, которое встраивается в контекст.

Таким образом, три вышеперечисленных вневременных закономерности, не связанные между собой стилевыми направлениями, являются той основой, которая обеспечивает многовековую непрерывность развития городской среды.

Влияние стилевых и национальных архитектурных направлений на традиционно цельный, но при этом почти всегда удивительно разнообразный облик исторических городов является, несомненно, ощутимым. Об этих вопросах нельзя рассуждать, минуя существующие многочисленные примеры.

Обширная центральная часть Санкт-Петербурга на протяжении 300 лет застраивалась гармонично, невзирая на последовательную смену стилевых направлений – от барокко до ар-деко и конструктивизма. При этом строгое соблюдение красной линии застройки и высотного регламента позволяли отрицать обязательность следования стилистическому уподоблению уже существующим объектам застройки. И наоборот – опасность доведения архитектурного творчества до имитаций способна привести к неоправданной подмене истинных форм ложными подобиями. Такого рода «средовой подход» вреден и не может культивироваться на протяжении исторически продолжительного периода времени. Старые итальянские города, даже самые небольшие, подтверждают это же правило. Лучшие городские ансамбли складывались там веками, и многие из них содержат здания, созданные из разных материалов, в разных стилях и цветовом колорите. Из всего многообразия можно выбрать площадки в тосканском Ареццо и ломбардской Мануи (рис. 6–8). Эти варианты – пример того, что столь последовательное развитие ансамблей итальянских городов прекратилось столетие назад, и сейчас они воспринимаются целиком памятниками наследия, выглядят, скорее, как пространственные музейные экспонаты, нежели фрагменты современных городов, дух которых ощутим только на некоторых их окраинах. Хорошо это или плохо – в наши дни вопрос неразрешимый. Экономический выход как будто бы найден: туризм компенсирует отсутствие в таких центрах промышленного производства. Однако для по-



в Рис. 6. Мантуя. Вид на застройку вокруг ротонды Сан-Лоренцо.
Фото А. Казаряна. 2009

следнего уже перестали быть необходимыми городские пространства, и это видно по отсутствию производств в Москве и других мегаполисах.

Чтобы подбор примеров не казался тенденциозным в пользу мировых центров туризма, можно обратиться к двум другим зарубежным городам, с которыми нас связывает общее наследие фрагментов застройки времен принадлежности их к Российской империи. Речь пойдет о Карсе в Турции и Гюмри (Александрополе, Ленинакане) в Армении. Эти древние, в основе своей армянские города в XIX веке (сначала Гюмри, а с 1878 Карс) оказываются в состоянии градостроительного развития по условиям, распространенным на всей территории империи. Активный рост городов, оказавшихся вскоре важными пунктами железной дороги, регулярная планировка и усвоение местными мастерами образцов провинциальной эклектики и модерна стали основами изменения облика восточной застройки. Местный туф и культура его обработки придала фасадам домов необыкновенный колорит. Но с 1920 года по многим параметрам единое развитие этих городов прекратилось, поскольку веками служившая дорога была перерезана межгосударственной границей. Резкое изменение этнического состава Карса в связи с оставлением города русскими и изгнанием армян, а также кардинально разная экономическая ситуация в Советском Союзе и Турции способствовали различному отношению к застройке и судьбе архитектурного наследия города [6].

В Гюмри разрушительное землетрясение 1988 года выдвинуло на первый план задачи восстановления жилого фонда. Однако дело сохранения исторического наследия не забывалось. Восстановлены пострадавшие церкви, служащие, как и в начале XX века, доминантами застройки, формирующие знаковые акценты в пространстве. Новые здания, принадлежащие к стилистическим направлениям, характерным для разных десятилетий развития советской архитектуры, спроектированные профессионально, продолжили организацию живой городской среды. Данное обстоятельство еще раз убеждает в первостепенности обеспечения развития грамотными архитектурными и градостроительными решениями и уважения современных архитекторов к творениям предше-





> Рис. 9. Карс.
Вид на старую крепость
и окружающую среду.
Фото А. Казаряна. 2022

стенников. Гармоничное соседство разновременных домов обеспечивали в Гюмри и мастера традиционной, так называемой вернакулярной застройки, которая существовала вплоть до 1970-х годов [7; 8].

В Карсе наряду с древней крепостью и облепившей ее скалу застройкой, в которой выделялся собор Апостолов 930-х годов, существовал так называемый русский город, построенный отчасти на месте шахристана и разрушивший городские стены. К началу XX века в этой части города сложилась новая среда, и здесь расположился административный центр. Но в последние десятилетия ситуация резко меняется. Реставрируя отдельные здания, старую часть города, которую посчитали непрезентабельной, начали активно сносить. И сейчас ее место вокруг крепостной скалы превратилось в пустырь с отдельными, не связанными между собой постройками. В «русском городе», хотя там и увеличилось число вкраплений новых безликих зданий, сохраняется планировочная сеть улиц, но местами уже утрачивается дух данного места. Исчезли былые доминанты застройки, поскольку в этой зоне давно снесены все церкви. Здания, представляющие собой свидетельства двух разных культур, просто соседствуют, и старая застройка влияет на образ города только местами, на отдельных улицах и при определенном взгляде (рис. 9).

Наряду с не самыми удачными примерами развития городской среды, учитывая психологические и предметные факторы, обеспечивающие непрерывность развития образа поселения, нельзя обойти стороной формирование чувственного восприятия городской среды. Еще раз вернемся к примеру 130-го квартала в Иркутске.

Первое чувство, которое дарит пришедшему талантливо сформированная среда, чувство «принадлежности», которое поощряется как пространственными манипуляциями, так и материальностью. Чувство свободы действий подчеркивает само пространство квартала, поскольку формируется постройками различного размера и типов, позволяющими посетителям найти то, что лучше всего соответствует их потребностям в любой конкретный день или время суток. Пространство для индивидуального размышления, встреч в небольших группах, шопинга или отдыха объединены естественной палитрой

материалов и текстур. Это объединяющая материальность и язык связывает людей с искусственной средой и друг с другом в пространстве. Они же одновременно катализируют это место как культурно-значимое и фиксируют физическую привязанность людей к нему.

Чувство «сплоченности» здесь сочетается с естественным поиском пути, столь необходимым, учитывая не очень широкое пространство, и достигается за счет циркуляции пешеходных потоков, организованной вокруг нескольких соединенных общественных пространств, пересеченных криволинейным в плане ходом и наполненных дневным светом и растениями разного масштаба.

Чувство «очарования» воплощенному решению дает план с плавным, извилистым, похожим на поток маршрутом, который проходит по всему внутреннему периметру квартала, «цепляя» большинство зданий и постоянно меняя перспективу. При этом человека осторожно тянут исследовать путь дальше и обнаружить, что находится «за поворотом», в то время как по пути вырезаются карманы самостоятельных малых пространств, обогащенных текстурой и цветом фрагментов фасадов и малых архитектурных форм, на мгновение удерживающих внимание [9] (рис. 10).

Процесс проектирования никогда не бывает дидактическим или линейным. Он так же, как зеркало опыта, исходит из глубокого архива воспоминаний и моментов практического воплощения, которые сохраняются на протяжении всего творческого пути архитектора на протяжении многих лет. В процессе проектирования наши чувства и восприятие пересекают границу между нами и нашим непосредственным окружением и каким-то образом одновременно усиливают наше осознание этой границы, возвращая нас к себе и нашему жизненному опыту.

Для архитектора-проектировщика крайне важно умение находить условия непрерывности архитектурного развития в том комплексе задач, с которыми к нему обращается заказчик. Но в том-то и особенность профессии зодчего: основным достоинством проектировщика отнюдь не является умозрительная релаксация, скорее ей должен быть свойственен глубокий и многосторонний системный анализ, базирующийся на основательном знании



^ Рис. 10. Схема генплана 130-го квартала

аналоговых групп, регламентов и прямых ограничений, умений ориентироваться в стилистических и композиционных направлениях и многое другое.

Для контроля над проектным процессом архитектору и нужен набор из трех критериев – масштаба, структуры и материала. Но это не более чем один из необходимых инструментов в рабочем процессе, ведь искусство не поддается в полной мере логическим определениям и объяснениям. Человек, помогающий среде развиваться, обязан помнить, что соблазн добиться оригинальности любой ценой, отвергая значение окружения и задач преемственности, – путь, который приведет к утрате целостности архитектурного облика и лейтмотива непрерывности.

Литература

1. Pallasmaa, J. *The eyes of the skin. Architecture and the senses.* – 4th ed. London : John Wiley & Sons Ltd., 2024. – 104 p.
2. Вайнбергер, А., Кристенсен, А., Коберн, А., Чаттерджи, А. Психологические реакции на здания и природные ландшафт // Журнал экологической психологии. – 2021. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2021.101676> (дата обращения: 20.06.2024).
3. Appleton, J. *The experience of landscape.* – Wiley, 1975. – 293 p.
4. Григорьева, Е., Меерович, М., Муллаяров, С. Регенерация исторического квартала в границах улиц 3-го Июля, Седова, Кожова в Иркутске. Проект планировки // Проект Байкал – 2010. – № 23. – С. 40–51. – DOI: <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.23>.
5. Казарян, А. Ю. Реставрация памятников и современная архитектура. Пересечения образов // Современная архитектура мира. – 2016. – Вып. 7. – С. 114–128.
6. Gurallar, N. *Russian Modernization in the East Anatolia: The Case of Kars* // *Muqarnas*. – Vol. XXXVII. – P. 247–264.
7. Иванов, А. В. Регулярный вернакуляр: свобода внутри решетки (исторический центр Гюмри XIX — середины XX в.) // Вопросы всеобщей истории архитектуры. – 2017. – Вып. 9. – С. 159–192.
8. Иванов, А. В. Продолжающаяся жизнь деревянного города. Городец, Экфье, Иркутск // Проект Байкал. – 2009. – № 21. – С. 66–75. – DOI: <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.21>
9. Башляр, Г. Избранное: поэтика пространства / [Пер. : Н. В. Кислова и др.]. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 373 с.

References

- Appleton, J. (1975). *The experience of landscape*. Wiley.
- Bachelard, G. (2004). *Selected: The poetics of space* (N. V. Kislava, Trans.). Moscow: ROSSPEN.
- Grigorieva, E., Meerovich, M., & Mullayarov, S. (2010). Regeneration of the historic block within the 3rd July St., Sedova St., Kozhova St. in Irkutsk. Development plan. *Project Baikal*, 7(23), 40-51. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.23>
- Gurallar, N. *Russian Modernization in the East Anatolia: The Case of Kars. Muqarnas*, XXXVII, 247-264.
- Ivanov, A. V. (2009). *Prodolzhayushchayasya zhizn derevyannogo goroda. Gorodets, Eksjö, Irkutsk* [The continuing life of the wooden city. Gorodets, Eksjö, Irkutsk]. *Project Baikal*, 6(21), pp. 66-75. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.21>
- Ivanov, A. V. (2017). Regular vernacular – freedom within the grid (the historic centre of Gyumri in the 19th – middle 20th centuries). *Questions of the history of world architecture*, 9, 159-192.
- Kazaryan, A. Yu. (2016). Restoration of the monuments and the contemporary architecture. Intersections of images. *Contemporary Architecture of the World*, 7, 114-128.
- Pallasmaa, J. (2024). *The eyes of the skin. Architecture and the senses* (4th ed.). London: John Wiley & Sons Ltd.
- Weinberger, A., Christensen, A., Coburn, A., & Chatterjee, A. (2021). Psychological responses to buildings and natural landscapes // *Journal of Environmental Psychology*, 77. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2021.101676>

Исследование посвящено изучению пешеходной доступности в жилых районах Аммана (Иордания), при этом особое внимание уделяется безопасности и удовлетворенности пешеходов. В трех районах были проведены опросы и обсуждения в фокус-группах. Для оценки данных использовались статистические методы, а количественные данные были дополнены оценками на месте и фотодокументацией. Основные проблемы пешеходов касались ненадлежащей инфраструктуры и отсутствия контроля за дорожным движением. Жители проявили положительное отношение к пешеходной доступности, но выразили обеспокоенность по поводу безопасности и удобства. Полученные данные подчеркивают необходимость улучшения дизайна, градостроительного законодательства и пешеходной инфраструктуры. Эти результаты являются ценным ресурсом для политиков и градостроителей, сталкивающихся с аналогичными проблемами.

Ключевые слова: здоровье и безопасность; безопасность пешеходов; удовлетворенность пешеходной доступностью; застроенная среда; устойчивые города и сообщества; Амман. /

This study examines walkability in Amman's residential areas, focusing on pedestrian safety and satisfaction. Three neighborhoods underwent surveys and focus group discussions. Statistical methods were used for data evaluation, while on-site assessments and photographic documentation complemented quantitative data. Main pedestrian issues included inadequate infrastructure and lack of traffic enforcement. Residents showed positive attitudes towards walkability but expressed concerns about safety and convenience. The findings stress the need for improved design, planning laws, and pedestrian infrastructure. These results serve as a valuable resource for policymakers and urban planners facing similar challenges.

Keywords: health and safety; pedestrian safety; walkability satisfaction; built environment; sustainable cities and communities; Amman City.

Оценка пешеходного движения в Аммане / Pedestrian Movement Evaluation: Amman, Jordan

текст

**Айман Наджиб Тома
(Маайя)**

Прикладной университет
Балка (Амман, Иордания)
text

**Ayman Najib Tomah
(Maayah)**

Balqa Applied University
(Amman, Jordan)

Введение

Эффективное городское планирование имеет принципиальное значение для решения проблем безопасности пешеходов и обеспечения жизнеспособности и устойчивости городов. Это требует целостного подхода, включающего всестороннее градостроительное законодательство, привлечение квалифицированных специалистов по планированию и достаточную финансовую поддержку. Настоящее исследование, опирающееся на эти принципы, направлено на разработку быстрой и эффективной методологии оценки пешеходной доступности в жилых районах Аммана. Используемый в исследовании смешанный подход позволил сочетать наблюдения за пешеходной инфраструктурой на месте с опросами для оценки удовлетворенности жителей пешеходными зонами. Эта методология направлена на устранение ограничений существующих подходов и предлагает более тонкое понимание пешеходной доступности в Аммане.

Безопасность пешеходов является острой проблемой во всем мире, при этом пешеходы, велосипедисты и водители мопедов непропорционально сильно страдают от дорожно-транспортных происшествий. Для градостроителей, дизайнеров и архитекторов первоочередной задачей является приоритет ходьбы как основного способа передвижения в деле создания более безопасных и экологически чистых городов. Поощрение ходьбы не только способствует здоровому образу жизни, но и приносит экономические выгоды различным заинтересованным сторонам [1].

Цель настоящего исследования – создание надежной методологии оценки пешеходного движения в Аммане, сосредоточенной на трех задачах: изучение проблем пешеходов на тротуарах, оценка отношения жителей к пешеходной доступности и оценка их удовлетворенности пешеходной средой. Внедряя эту новую методологию, мы стремимся предоставить ценные знания для понимания пешеходной доступности в Аммане и создать основу для улучшения пешеходной инфраструктуры и стратегий городского планирования в будущем.

Обзор литературы

Города по всему миру сталкиваются с проблемами, обусловленными урбанизацией, такими как загрязнение

воздуха, дорожные заторы и ограниченное общественное пространство. Инициативы по улучшению пешеходной среды предлагают решение этих проблем, связанное с комфортностью проживания в городах и их устойчивостью. Например, стратегия Копенгагена по продвижению велосипедного и пешеходного движения, предусматривающая пешеходные зоны, обновленные улицы и велосипедные дорожки, заметно увеличила количество пешеходов и велосипедистов, при снижении уровня загрязнения и заторов [2]. Аналогичным образом система автобусов TransMilenio в Боготе и инициатива Ciclovía способствовали увеличению использования общественного транспорта, сокращению дорожного движения и поощрению физической активности. Такие программы, как лондонские «велосипеды Бориса», торонтовские «пешеходные воскресенья» и нью-йоркские «зеленые полосы», также улучшили пешеходную среду и снизили зависимость от автомобилей [3]. Другие города, включая Париж и Осло, отдают приоритет пешеходной доступности с помощью таких планов, как концепция «15-минутных городов» и зон, свободных от автомобилей [4]. В городах Арабского залива, таких как Дубай, Доха, Эр-Рияд, Маскат и Манама, реализуются различные проекты по улучшению пешеходной среды, предусматривающие пешеходные зоны и активное передвижение [5]. Несмотря на эти успехи, проблемы урбанизации сохраняются, в том числе и в Иордании, где недостатки законодательства и нормативных актов в области городского планирования обостряют такие проблемы, как дорожные заторы и плохое транспортное сообщение [6]. Укрепление инициатив по улучшению пешеходной доступности может помочь справиться с этими проблемами, обеспечив более чистую, эффективную и здоровую городскую среду.

Многочисленные преимущества пешеходной доступности в городской среде. При проектировании улиц в городах все чаще стремятся создавать пешеходные зоны, признавая их многочисленные преимущества при основополагающей роли ходьбы в городской мобильности. Эти преимущества охватывают социальную, экономическую, экологическую и транспортную сферы.

В социальном плане пешеходная доступность способствует укреплению здоровья, повышению безопасности,

1. Introduction

Effective urban planning is crucial for addressing pedestrian safety challenges and ensuring the livability and sustainability of cities. This requires a holistic approach encompassing comprehensive urban planning laws, skilled planners, and adequate financial support. This study aims to develop a rapid and efficient methodology for evaluating walkability in Amman's residential areas, building upon these foundational principles. Utilizing a mixed-method approach, our study combines on-site observations of pedestrian infrastructure with surveys to gauge residents' attitudes and satisfaction regarding walking areas. This methodology aims to address the limitations of existing approaches and offer a nuanced understanding of walkability in Amman. Pedestrian safety is a pressing concern globally, with pedestrians, cyclists, and motorized two-wheeler riders being disproportionately affected by road traffic accidents. Prioritizing walking as the primary mode of transportation is essential for urban planners, designers, and architects to create safer and more sustainable cities. Encouraging walking not only promotes a healthy lifestyle but also yields economic benefits for various stakeholders (Yang et al., 2020).

This study addresses the need for a robust walkability evaluation methodology in Amman, focusing on three objectives: investigating pedestrian issues on sidewalks, evaluating residents' attitudes towards walkability, and assessing their satisfaction with the walking environment. By introducing this new methodology, we aim to contribute valuable insights to the understanding of walkability in Amman and provide a framework for enhancing pedestrian infrastructure and urban planning strategies in the future.

2. Literature Review

Cities worldwide grapple with urbanization-related issues like air pollution, traffic congestion, and limited public space. Walkability initiatives offer a solution to these challenges, enhancing urban livability and sustainability. For instance, Copenhagen's strategy promoting cycling and walking, with pedestrianized areas, redesigned streets, and new bike lanes, has notably increased walking and cycling rates while reducing pollution and congestion (Gehl Architects, 2013). Likewise, Bogotá's TransMilenio bus system and the "Ciclovía" initiative have boosted public transportation use, reduced traffic, and encouraged physical activity. Initiatives like London's "Boris Bikes," Toronto's "Pedestrian

сплоченности сообщества и равенству, в экономическом – поддержке местного бизнеса, ревитализации города и экономии средств. С точки зрения экологии пешеходная доступность способствует формированию положительных обратных связей, развитию экосистемных услуг и повышению общей комфортности проживания [3]. Что касается эффективности транспортной системы, то пешеходная доступность открывает возможности для устойчивого развития, улучшения городского управления и эффективного планирования [7]. Оценка пешеходной доступности требует комплексного учета таких факторов, как пешеходные переходы, непрерывность тротуаров, характеристики местных улиц и рельеф местности [8]. При этом необходимо учитывать следующие принципы: связь, удобство, привлекательность, комфорт и заметность, уделяя основное внимание соединяемости маршрутов, безопасности, инфраструктуре и легкости ориентирования.

При проектировании улиц с учетом пешеходной доступности необходимо решать такие проблемы, как скорость движения, соединяемость тротуаров, буферные зоны и четкие пешеходные пути. Хотя городские нормы и принципы проектирования направлены на улучшение пешеходной среды, уличные сети и высокая плотность движения продолжают создавать проблемы, особенно в развивающихся странах [4]. Решение пешеходов идти пешком зависит от дизайна окружающей среды, который должен учитывать различные цели, возрастные группы, возможности и социальные взаимодействия [9]. Для создания благоприятной для пешеходов среды необходимо устранить такие препятствия, как отсутствие тротуаров, ненадлежащее покрытие пешеходных дорожек, недостаточное освещение и загрязнение, связанное с движением транспорта [4]. В целом приоритет пешеходной доступности предлагает многочисленные преимущества, начиная от улучшения общественного здоровья и безопасности до укрепления связей внутри сообщества и стимулирования экономической активности.

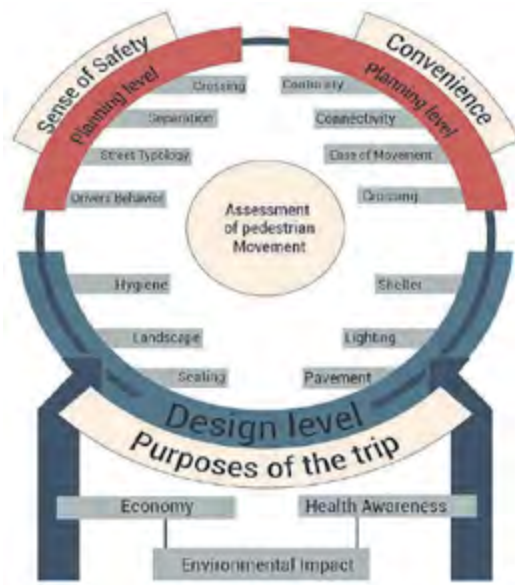
Методология

В этом исследовании методология разработана для достижения целей и задач, описанных в предыдущем

разделе. Первая задача – изучение проблем пешеходов на тротуарах. Для ее решения будут проводиться наблюдения на месте, подсчет пешеходов и оценка инфраструктуры и состояния тротуаров. Вторая задача – оценка отношения жителей к ходьбе. Она будет выполняться посредством опросов и интервью с репрезентативной выборкой жителей жилых районов Аммана. Третья задача – оценка удовлетворенности жителей пешеходной средой. Она будет проведена с помощью анкеты удовлетворенности пешеходов, которая измеряет различные показатели пешеходной доступности. Последовательное решение этих задач позволит нам получить комплексные данные и знания для принятия решений в области городского планирования и проектирования с целью создания более удобных для пешеходов районов Аммана.

Для обеспечения надежности и достоверности анкеты, использованной в данном исследовании, при ее разработке мы опирались на соответствующую литературу. В частности, в работе [10] представлены ценные сведения о критериях пешеходной доступности и методике оценки, что повлияло на создание комплексного инструмента оценки. Кроме того, исследование [11] о пешеходной доступности территорий, прилегающих к государственным школам в Аммане, предоставило важные местные данные, которые были включены в разработку анкеты. Включение этих и других источников позволило нам закрепить выбранные критерии и формулировки в общепризнанных публикациях, повысив надежность и достоверность инструментов исследования.

Для дополнения количественных данных исследовательская группа провела наблюдения на месте и собрала фотодокументацию трех районов. Наблюдения были сосредоточены на выявлении физических аспектов, влияющих на пешеходную среду, таких как качество тротуаров (рис. 1), пешеходная инфраструктура и проблемы доступности. В результате полученные фотографии помогли визуально проиллюстрировать результаты и дали более детальное представление об условиях для пешеходов. В процессе разработки анкеты критерии были тщательно отобраны, чтобы охватить самые важные и влиятельные факторы, связанные с пешеходной доступностью, как показано на рис. 2. Анкета была разделена на две части.



> Рис. 2. Критерии и компоненты используемой методологии / Fig. 2. Criteria and components of the methodology used

Sundays," and New York City's "Green Lanes" have similarly improved walkability and reduced car dependency (Moreno et al., 2020). Other cities, including Paris and Oslo, prioritize walkability through plans like the "15-minute cities" concept and car-free zones (Tobin et al., 2022). In the Arab Gulf, cities like Dubai, Doha, Riyadh, Muscat, and Manama have undertaken various projects to enhance walkability, promoting pedestrian-friendly spaces and active transportation (El-Geneidy, 2022). Despite these successes, urbanization challenges persist, including those in Jordan, where deficiencies in urban planning laws and regulations exacerbate issues like traffic congestion and poor transit coverage (UN, 2022). Strengthening walkability initiatives can address these challenges, providing cleaner, more efficient, and healthier urban environments.

2.1 The Multifaceted Benefits of Walkability in Urban Environments

Recognizing the fundamental role of walking in urban mobility, cities are increasingly embracing walkable environments, acknowledging their myriad benefits. These advantages span social, economic, environmental, and transportation domains.



^ Рис. 1. Обзор состояния тротуаров в выбранных районах / Fig. 1. An overview of the sidewalk conditions within selected neighborhoods

Первая часть состояла из 23 утверждений, измеренных по шкале Ликерта, предназначенной для оценки пешеходной доступности по заранее определенным критериям (рис. 3). На основе утверждений оценивалось, как жители относятся к пешеходной доступности с точки зрения планирования и дизайна.

Пешеходная доступность на уровне планирования определялась двумя факторами – чувством безопасности и удобством. Фактор чувства безопасности включал такие стандарты, как разделение пешеходного и автомобильного движения (утверждение 1), удобный переход (2 и 3), влияние типа улицы на движение (4) и поведение водителей в зоне школы (утверждение 5). Фактор удобства включал такие стандарты, как непрерывность тротуаров (утверждения 6 и 8), соединение тротуаров между школами и районом (7), качество зоны перехода (9–11) и качество тротуаров, включая их ширину и препятствия (утверждение 12 и 13).

Пешеходная доступность на уровне дизайна определялась шестью факторами: гигиена (утверждение 13), хорошо разработанный ландшафт (14), выбор мест для сидения (15), варианты укрытия (16), система освещения (17) и качество покрытия (утверждение 18).

Вторая часть анкеты направлена на сбор данных о целях пешеходных прогулок в пределах районов. Респондентам предлагалось выбрать один или два пункта из списка в анкете. Исследование также включало пять дополнительных переменных для измерения осведомленности и признания респондентами экономических, оздоровительных и экологических последствий (утверждения 19–23).

Выбор района. Для данного исследования были выбраны западные районы Аммана: Сувайфиях, Абдун и Джандавилль (рис. 4). Эти три соседних района были выбраны потому, что характеризуются широким спектром социально-экономических условий и моделей городского развития западного Аммана. Выбор этих территорий позволяет провести сравнительный анализ пешеходной доступности в районах с разным уровнем урбанизации и социально-экономическим статусом.

Сувайфиях, Абдун и Джандавилль имеют общую стратегию планирования, которая включает различные схемы улиц шириной от 8 до 20 м. Главные улицы расположены перпендикулярно, с несколькими тупиками. Абдун и Сувайфиях входят в число самых престижных районов Аммана и знамениты многочисленными элитными клубами, кафе, ресторанами, барами и гостиницами. По сравнению с другими районами Аммана улицы и тротуары

Socially, walkability promotes health, safety, community cohesion, and equality. Economically, it supports local businesses, urban revitalization, and cost savings. Environmentally, walkability fosters positive feedback loops, ecosystem services, and overall livability (Moreno, et al., 2020). In terms of transportation efficiency, it offers opportunities for sustainable development, enhanced urban governance, and efficient planning (DeVos et al., 2022). Assessing walkability requires comprehensive consideration of factors like street crossings, sidewalk continuity, local street characteristics, and topography (Cambra et al., 2020). Principles such as Connections, Convenience, Conviviality, Comfort, and Conspicuousness guide the evaluation process, focusing on route connectivity, safety, amenities, and ease of navigation. Designing streets with walkability in mind necessitates addressing issues like traffic speed, sidewalk connectivity, buffer zones, and clear pathways. While urban codes and design principles aim to enhance walkability, challenges persist in grid-like street networks and high traffic volumes, particularly in developing countries (Tobin et al., 2022). Pedestrians' decisions to walk are influenced by the design of local environment, which should accommodate various purposes,

в этих трех районах шире и более ухожены. Джандавилль – более старый район, а экономический статус его жителей ниже, чем в Сувайфияхе и Абдуна. По мере того как эти районы развивались, ширина улиц изменялась от 8 до 20 м, а иерархия улиц становилась все более сложной. Ширина тротуаров также варьирует от 1 до 2 м. На дорогах не хватает парковочных мест, что вынуждает водителей парковаться на улицах, создавая транспортный хаос, негативно влияющий на движение и пешеходов, и транспортных средств. Тротуары недостаточно широки, чтобы удовлетворить потребности пешеходов. В этих жилых районах мало зеленых зон и нет игровых площадок.

Сбор и анализ данных. Для сбора данных об уровне пешеходной доступности в трех иорданских районах Сувайфиях, Абдун и Джандавилль были проведены очные интервью и наблюдательные опросы. Всего было получено 226 ответов: 82 из Сувайфияха, 72 из Абдуна и 72 из Джандавила, что позволило сформировать разнообразное представление о сообществе. Средний возраст участников – 35 лет, при этом женщины составили большинство (56%). Кроме того, 62% респондентов были трудоустроены, а 70% имели высшее образование. Эти демографические данные позволяют оценить сопутствующие факторы, касающиеся образования и опыта, которые могли повлиять на ответы участников анкетирования.

Например, логично предположить, что женщины-респонденты могут иметь другой взгляд на безопасность при ходьбе по сравнению с мужчинами. Кроме того, тот факт, что значительная часть участников нередко ходит пешком, может повлиять на их восприятие проблем безопасности. Эти демографические характеристики, оттеняющие различные точки зрения опрошенного сообщества, помогают более тонко понимать результаты опроса.

Сбор данных включал использование структурированной анкеты, переведенной на арабский язык. Для оценки отношения и восприятия пешеходной доступности на основании отзывов респондентов был проведен дескриптивный анализ с выводом статистических заключений. Результаты были представлены с применением частотных показателей и центральной тенденции,

age groups, abilities, and social interactions (Tomah et al., 2017). Creating pedestrian-friendly environments requires addressing deterrents like missing footpaths, inadequate walking surfaces, obstructions, insufficient lighting, and traffic-related pollution (Tobin et al., 2022). Overall, prioritizing walkability offers numerous benefits, ranging from improved public health and safety to enhanced community connectivity and economic vitality.

3. Methodology

The methodology employed in this study is designed to achieve the aims and objectives outlined in section two. The first objective is to investigate pedestrian issues on sidewalks, which will be addressed through on-site observations, pedestrian counts, and assessments of sidewalk infrastructure and condition. The second objective is to evaluate residents' attitudes towards walking, which will be accomplished through surveys and interviews with a representative sample of residents in Amman's residential areas. The third objective is to evaluate residents' satisfaction with the walking environment, which will be measured using a satisfaction survey that measures different features of walkability. By systematically addressing these objectives, we aim to generate compre-

при этом частоты отображались для каждого района по пятибалльной шкале, где 1 обозначает негативное отношение (категорически не согласен), а 5 – положительное отношение (полностью согласен).

Для выбора пешеходов из трех районов был использован метод случайной выборки, за исключением заинтересованных сторон и владельцев предприятий, чтобы сосредоточиться исключительно на точке зрения пешеходов. Кроме того, исследование направлено на оценку пешеходной среды выбранных районов с точки зрения людей, которые, передвигаясь пешком, напрямую взаимодействуют с застроенной средой. Таким образом, анкета и наблюдательные опросы были специально адаптированы для пешеходов, чтобы получить их спонтанные и нефильтрованные отзывы. Этот подход был выбран для того, чтобы получить более достоверный и прямой отклик от основных пользователей городского пространства, что повышает достоверность и надежность наших результатов.

Участники фокус-группы были специально подобраны таким образом, чтобы представлять широкий круг людей, различающихся по возрасту, полу, роду занятий и уровню образования. Во время обсуждения в фокус-группе участники вели углубленные беседы о своем опыте передвижения пешком, трудностях и восприятии пешеходной среды. Обсуждаемые темы включали состояние тротуаров, безопасность дорожного движения, доступность, благоустройство и общую удовлетворенность пешеходной средой в их районах.

Помимо этого, обсуждение в фокус-группе выявило несколько важных тем. Участники подчеркнули необходимость улучшения содержания тротуаров, повышения мер безопасности и обеспечения большей доступности для людей с ограниченными возможностями. Они также выразили обеспокоенность отсутствием благоустройства и негативным влиянием дорожных заторов на передвижение пешеходов. Эти знания и точки зрения, которыми поделились участники фокус-группы, предоставили ценные качественные данные, которые дополнили результаты количественного опроса, обогатив общее понимание пешеходной доступности в жилых районах Аммана.

hensive data and insights to inform urban planning and design decisions towards creating more walkable communities in Amman.

To ensure the reliability and validity of the questionnaire used in this study, we drew upon relevant literature to inform its design. Specifically, Baobeid et al. (2021) provided valuable insights into the dimensions of walkability and evaluation frameworks, which influenced the establishment of a comprehensive assessment tool. Additionally, the study conducted by Abed & Tomah (2014) on the walkability of public-school surroundings in Amman, Jordan, contributed important local insights that were incorporated into the questionnaire design. By incorporating these and other relevant references, we aimed to anchor the selected criteria and statements in established literature, enhancing the reliability and validity of the instrument.

To complement the quantitative data, the research group conducted on-site observations and collected photographic documentation of the three neighborhoods. In addition, these observations focused on finding the physical aspects that affect walkability, such as sidewalk quality, pedestrian infrastructure, and accessibility challenges. As a result, the photographic evidence helped to

visually illustrate the findings and provided a more detailed understanding of the walkability conditions. In the process of designing the questionnaire, the criteria selected were carefully chosen to cover the most crucial and impactful factors related to walkability, as illustrated in Figure 2. The questionnaire was divided into two parts. The first part consisted of 23 statements measured on a Likert scale, which was designed to evaluate walkability based on the predetermined criteria (Fig. 4). The statements evaluated how residents feel about walkability from both a planning and design perspective. Walkability at the planning level was defined by two factors: a sense of safety and convenience. The sense of safety factor included standards such as the separation of vehicular and pedestrian traffic (statement 1), comfortable crossing (statements 2 & 3), the impact of street typology on traffic (statement 4), and driver behavior through a school zone (statement 5). The convenience factor included standards such as sidewalk continuity (statements 6 and 8), sidewalk connectivity between the schools and the neighborhood (statement 7), crossing zone quality (statements 9, 10, & 11), and sidewalk quality, including its width and obstacles (statements 12 and 13).

в Рис. 3. Среднее значение для всех респондентов, проживающих в выбранных районах / Fig. 3. The average for all respondents living in the selected neighborhoods together

Результаты исследования и обсуждение

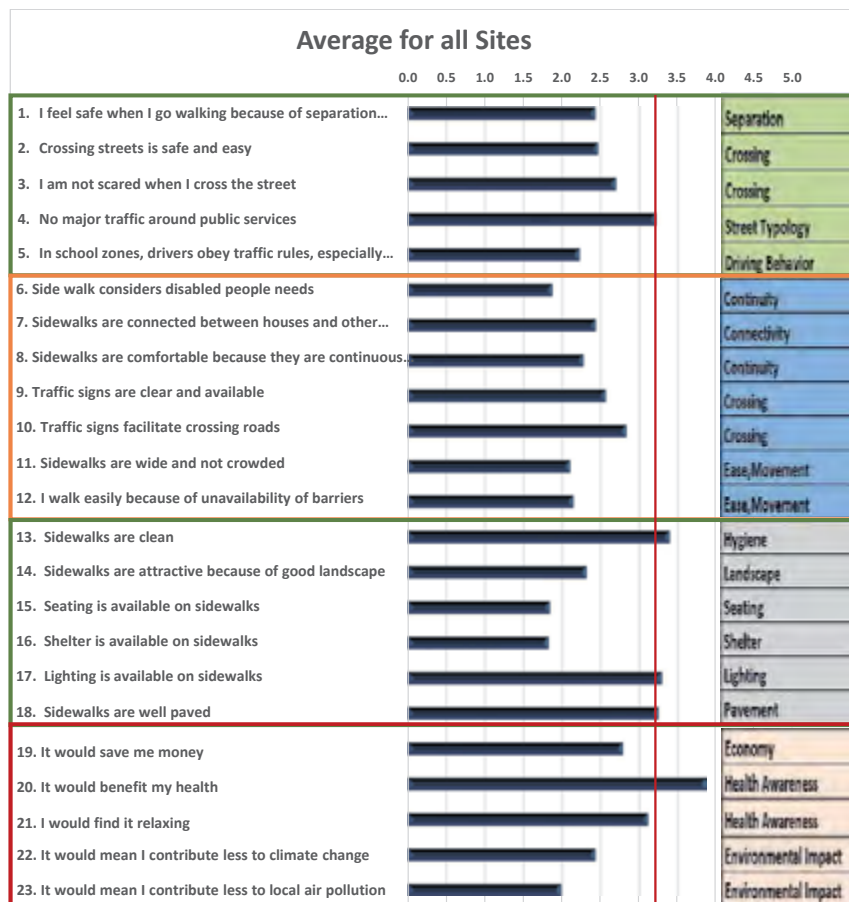
Анализ собранных данных от всех респондентов, проживающих в трех выбранных районах, выявил следующее.

1. Ощущение безопасности оценивалось на основании того, как респонденты чувствовали себя при переходе улиц, а также учитывалось разделение тротуаров от дорог. На чувство безопасности влияет интенсивность движения и соблюдение водителями правил дорожного движения (рис. 3).

В целом можно отметить, что у большинства респондентов преобладает негативная оценка, связанная с чувством безопасности. Среднее значение ($M = 2,6$) по пятибалльной шкале, где единица означает негативное отношение, а пять – положительное. Это согласуется с результатами других исследований, которые показали, что пешеходы чаще чувствуют себя дискомфортно и небезопасно при ходьбе в районах с интенсивным движением, узкими тротуарами и плохим освещением. Например, исследование [12] показало, что пешеходы чаще чувствуют себя небезопасно при ходьбе в районах с интенсивностью движения более 1000 автомобилей в час, тротуарами шириной менее 1,5 м и недостаточным освещением. Результаты данного исследования подтверждают необходимость повышения уровня пешеходной доступности Аммана, чтобы сделать его более безопасным для пешеходов. Кроме того, при планировании и проектировании улиц и тротуаров важно учитывать интересы пешеходов. Пешеходы чаще ходят по тем улицам, которые кажутся им безопасными и комфортными. Следовательно, важно проектировать улицы и тротуары достаточной ширины, с хорошим освещением и отсутствием препятствий. Например, исследование [13] показало, что пешеходы чаще ходят по тем улицам, которые считаются безопасными и комфортными.

Однако при сравнении результатов по трем районам жители Абдуна (рис. 5) демонстрируют более позитивное отношение к чувству безопасности ($M = 3,1$). Это может быть связано с тем, что Абдун считается одним из престижных районов Аммана и имеет более широкие и качественные тротуары, чем в других районах. Несмотря на это, негативное отношение все же присутствует, особенно в отношении легкости перехода улиц ($M = 2,4$). Чувство небезопасности также может быть связано с большим объемом движения в Абдуне ($M = 3,7$) и наличием большого количества элитных ночных клубов, которые посещают как жители Аммана, так и туристы.

На негативное отношение респондентов влияет и поведение водителей в жилых районах. Уровень удовлетворенности поведением водителей в Абдуне оказался негативным ($M = 2,3$), что объясняется проектированием улиц и светофоров. Нарушение движения автомобилей



Walkability at the design level was defined by six factors: hygiene (statement 13), a well-designed landscape (statement 14), sitting choices (statement 15), shelter options (statement 16), a lighting system (statement 17), and pavement quality (statement 18).

The second part of the questionnaire aimed to collect data about the purpose of pedestrian trips within their neighborhoods. Respondents were given a choice to choose one or two from the list in the questionnaire. The study also included five additional variables to measure the awareness and acknowledgments of respondents towards the economy, health, and environmental impacts (statements 19-23).

3.1 Neighborhood Selection

The western districts of Amman were selected for this study, with three adjacent neighborhoods - Sweifieh, Abdoun, and Jandaweel chosen for analysis (Figure 3). These neighborhoods were selected because they represent a range of socio-economic conditions and urban development patterns in western Amman. The selection of these neighborhoods allows for a comparative analysis of walkability in areas with different levels of urban development

and socio-economic status. Sweifieh, Abdoun, and Jandaweel have a general planning strategy that includes various street patterns with widths ranging from 8 to 20 meters. The main streets are laid out perpendicularly, with several dead ends or cul-de-sacs. Abdoun and Sweifieh are considered two of the most prestigious neighborhoods in Amman, with numerous high-end clubs, cafes, restaurants, bars, and hotels. Compared to other districts in Amman, the streets and sidewalks in these neighborhoods are wider and better maintained. Jandaweel is older, and its residents have a lower economic status. As these districts have developed over time, their street widths have varied, ranging from 8 to 20 meters, with a confusing hierarchy of streets. The width of their sidewalks also varies from 1 to 2 meters. There is a shortage of parking spaces on the roads, forcing drivers to park on the streets and causing traffic chaos that negatively affects both pedestrian and vehicle movement. The sidewalks are not wide enough to meet the needs of pedestrians. These residential areas have few green spaces and no playing fields.

3.2 Data Collection and Analysis

Face-to-face interviews and observation surveys were employed

и пешеходов, особенно в часы пик, негативно влияет на переходы улиц и чувство безопасности. Район Абдун, как и другие районы Аммана, не имеет специальных светофоров для пешеходов, других пешеходных сооружений или световой сигнализации при переходе улиц или перекрестков. В результате возникает конфликт между водителями автомобилей (особенно такси) и пешеходами.

2. Удовлетворенность и удобство пешеходов оценивались по следующим критериям: связность тротуаров между жилыми домами и окружающей территорией, простота перехода улиц, возможность передвижения внутри жилой зоны (рис. 3). Среднее значение ($M = 2,6$) указывает на негативное отношение к оценке удобства пешеходного передвижения. В целом жители всех районов отметили, что тротуары редко учитывают потребности людей с ограниченными возможностями. Кроме того, тротуары имеют плохую взаимосвязанность, что может дезориентировать пешеходов и вынудить их нарушать правила дорожного движения, что, в свою очередь, может привести к транспортному хаосу. Тем не менее жители Абдуна демонстрируют более положительное отношение к удобству ($M = 3,4$). Это может быть связано с тем, что Абдун является современным жилым районом, где проживают преимущественно люди с высоким доходом. Соответственно, проектирование пешеходных дорожек там более продуманное, и они отличаются от тех, что находятся в других районах. Это повышает стандарты пешеходной среды района.

Согласно ответам респондентов, районы Сувайфиях, Абдун и Джандавилль имеют низкий уровень пешеходной среды ($M = 2,7$, $M = 2,6$ и $M = 2,4$ соответственно) (рис. 5). Очевидно, что людям приходится испытывать трудности при переходе улиц в их районах. Также они чувствуют себя некомфортно на тротуарах, поскольку те не имеют обозначенной зоны для движения пешеходов и недостаточно широкие. Кроме того, респонденты из районов Сувайфиях, Абдун и Джандавилль ($M = 2,2$, $M = 2,3$, $M = 2,0$ соответственно, как показано на рис. 3) жалуются на различные трудности, которые им приходится преодолевать. Это может быть связано с отсутствием комплексного плана по улучшению старых районов, которые постоянно уплотняются, но при этом не принимаются никакие меры



по снижению негативного воздействия на дорожную сеть.

3. Качество пешеходной среды в целом и среды тротуаров в частности играет важную роль. Одним из способов повышения уровня пешеходной среды Аммана является увеличение зеленых зон, которые, создавая буфер между транспортным потоком и пешеходами, помогают повысить их безопасность. Кроме того, зеленые зоны могут сделать районы более привлекательными, что способно побудить людей больше ходить пешком. Например, в исследовании [14] показано, что наличие зеленых зон влияет на восприятие уровня пешеходной доступности в районе.

В настоящей работе вопросы дизайна среды рассматривались через несколько переменных, таких как чистота тротуаров, наличие привлекательного ландшафта, скамейки, навесы, эффективная система освещения, безопасное покрытие (рис. 5). Согласно анализу результатов, жители районов Сувайфиях и Абдун положительно оценивают чистоту тротуаров. Большинство

^ Рис. 4. Расположение трех выбранных районов в Аммане / Fig. 4. Locations of the three selected neighborhoods in Amman

to gather data for this study on walkability in three Jordanian neighborhoods: Sweifieh, Abdoun, and Jandaweel. A total of 226 responses were collected, with 82 from Sweifieh, 72 from Abdoun, and 72 from Jandaweel, ensuring a diverse representation of the community. The participants had an average age of 35 years old, with females comprising the majority at 56%. Additionally, 62% of respondents were employed, and 70% held a college degree. These demographic insights provide context regarding the backgrounds and experiences that may have influenced participants' responses to the survey questions.

For instance, it is logical to infer that respondents who were more likely to be female than male could have different beliefs and experiences of safety when walking. Additionally, the fact that a sizable percentage of participants used it shows that they may frequently rely on walking as a mode of transportation, which may have an impact on how they perceive safety issues. By highlighting different points of view within the surveyed community, these demographic characteristics aid in a nuanced understanding of the survey findings.

The data collection process involved a structured questionnaire translated into Arabic. Inferential descriptive analyses were con-

ducted to evaluate attitudes and perceptions of walkability based on respondent feedback. Results were presented using frequency measures and central tendency, with frequencies displayed for each neighborhood on a five-point scale with 1 denoting a negative attitude (strongly disagree) and five representing a positive attitude (strongly agree). A random sampling approach was adopted to select pedestrians from the three neighborhoods, excluding stakeholders and owners to focus solely on pedestrian perspectives. In addition, the study aimed to evaluate the walkability of the selected neighborhoods from the perspective of individuals who directly interact with the built environment on foot. As such, the questionnaire and observation surveys were tailored specifically to pedestrians to gather their spontaneous and unfiltered feedback. This approach was chosen to obtain a more authentic and direct response from the primary users of the urban space, enhancing the validity and reliability of our findings.

The focus group members were intentionally chosen to represent a diverse range of backgrounds, including variations in age, gender, occupation, and educational level. During the focus group discussions, the participants engaged in in-depth conversations

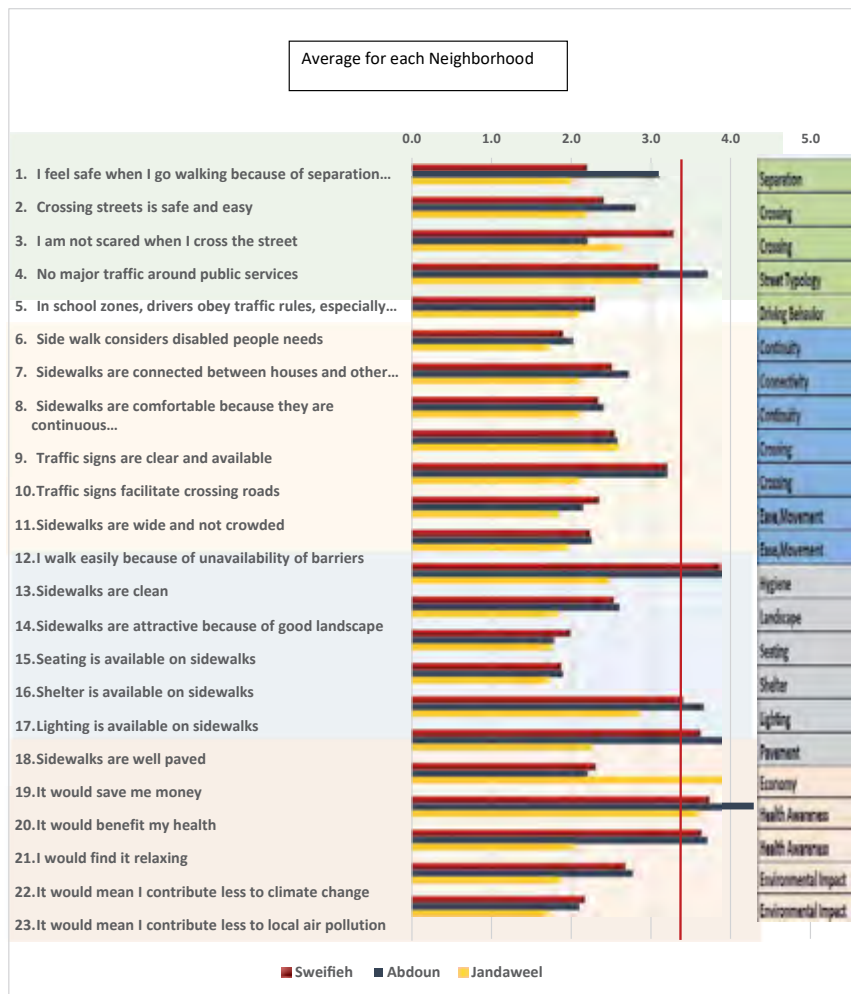


Рис. 5. Сравнительная таблица результатов анализа по всем респондентам, проживающим в выбранных районах / Fig. 5. The results of the analysis for all respondents living in the selected neighborhoods compared to each

респондентов согласились с тем, что их улицы и тротуары достаточно чистые. Это можно объяснить тем, что районы являются новыми, а жители – состоятельными (категория для этих районов – «А»). В то же время отношение жителей района Джандавилль было негативным или нейтральным (M = 2,5). Это может быть связано с более высокой плотностью населения, поскольку этот район является старым и относится к категории «С».

Все респонденты из трех выбранных районов согласились с тем, что они недовольны остальными характеристиками (наличие привлекательного ландшафта, скамейки, навесы, эффективная система освещения и безопасное покрытие). Мнения респондентов относительно воспринимаемого качества тротуаров неблагоприятны (M = 2,6). Респонденты из всех районов сошлись во мнении, что тротуары нуждаются в большей защите, особенно на остановках общественного транспорта, где летом (в апреле, мае и июне) респонденты испытывают сильную жару, а зимой (в ноябре и декабре) – сильный холод. Кроме того, респонденты считают, что тротуары в их районах плохо спроектированы и не имеют достаточного количества объектов городской среды, таких как скамейки и озеленение. Среднее значение по озеленению для всех районов составило 1,8, а среднее значение по наличию скамеек во всех районах – 1,8). На рис. 5 также четко видно, что показатели по освещению и качеству покрытия тротуаров намного лучше в Сувайфияхе и Абдуне (M = 3,6 и M = 3,9 соответственно), поскольку эти районы относятся к более высокому классу и, соответственно, лучше спланированы и хорошо обслуживаются.

Анализ целей поездок. В данном разделе изучалась осведомленность жителей трех разных районов Аммана об экономических, оздоровительных и экологических преимуществах пешеходной доступности. В то время как прогулки в рекреационных целях имели приоритет во всех районах (22–32%), жители Джандавила, население которого преимущественно относится к среднему классу, проявляли большую обеспокоенность экономическими преимуществами пешеходной доступности (средний балл 3,4) по сравнению с более состоятельными районами Сувайфиях и Абдун (средние баллы 2,3 и 2,2). Это согласуется с предыдущими исследованиями, кото-

about their pedestrian experiences, challenges, and perceptions related to the walking environment. Topics discussed included sidewalk conditions, traffic safety, accessibility, amenities, and overall satisfaction with the walkability of their neighborhoods. Additionally, several important themes emerged from the focus group discussions. Participants highlighted the need for improved sidewalk maintenance, enhanced safety measures, and increased accessibility for individuals with disabilities. They also expressed concerns about the lack of amenities and the impact of traffic congestion on pedestrian experience. These insights and perspectives shared by the focus group participants provided valuable qualitative data that complemented the quantitative survey results, enriching the overall understanding of walkability in Amman's residential areas.

4. Research Result and Discussions

According to the collected data from all respondents living in the three selected neighborhoods, the outcome results revealed the following.

1. The feeling of safety was measured by how the respondents felt when they crossed the streets or because of the separation

of the sidewalks from the roads. Traffic volume and the level of observing the traffic rules by the drivers also affect the feeling of safety. Figure 4 shows the analysis results for all the respondents living in the selected neighborhoods. In general, it can be noticed that most of the respondents have a negative attitude towards their feeling of safety, where the average ($M = 2.6$) is on a scale from one to five, where one represents the negative attitude and five represents the positive attitude. This is in line with other research findings, which have found that pedestrians are more likely to feel uncomfortable and unsafe when walking in areas with heavy traffic volumes, narrow sidewalks, and poor lighting. For example, a study by Arellana et al. (2020) found that pedestrians are more likely to feel unsafe when walking in areas with traffic volumes of over 1,000 vehicles per hour, sidewalks that are less than 1.5 meters wide, and inadequate lighting. The findings of this study indicate that there is a need to improve the walkability of Amman City to make it safer for pedestrians. Furthermore, it is important to take into account the pedestrians when planning and designing streets and sidewalks. Pedestrians are more likely to walk in areas that feel safe and comfortable. Consequently, it is important to de-

рые показывают, что социально-экономические факторы влияют на отношение к пешеходной доступности [7, 15].

Интересно, что во всех районах признали положительное влияние пешеходной доступности на здоровье, что отражено в средних баллах от 3,6 до 4,3. Однако жители Сувайфияха и Абдуна выше оценили пользу релаксации для здоровья (средние баллы 3,6 и 3,7), что, возможно, связано с большей доступностью зеленых зон и объектов досуга в данных районах. Это открытие подчеркивает разнообразие полезных качеств, которые может иметь пешеходная среда, и то, какое влияние на нее оказывает проектирование района.

К сожалению, оценка экологических проблем, связанных с изменением климата и загрязнением окружающей среды, во всех районах была незначительна. Средние баллы по изменению климата колебались от 1,7 до 2,2, а баллы по загрязнению – от 1,9 до 2,8. Это вызывает обеспокоенность потенциальными пробелами в знаниях или разрывом между местными экологическими проблемами и поведением жителей. Дальнейшие исследования, возможно, качественного характера, могли бы более подробно изучить эти ограничения.

Используемый метод имеет преимущества при оценке пешеходной доступности. Во-первых, он облегчает как локальные, так и международные сравнения, основываясь на фундаментальных критериях пешеходной доступности. В отличие от некоторых методов, основанных на результатах, этот подход позволяет вносить целевые улучшения в конкретных районах, выявляя сильные и слабые стороны инфраструктуры пешеходной доступности, безопасности и эстетики. Кроме того, простота метода и его опора на легкодоступные данные позволяют легко внедрить его в различных контекстах даже при ограниченных ресурсах.

Возможность анализа как индивидуальных, так и составных показателей пешеходной доступности позволяет получить исчерпывающее представление о сильных и слабых сторонах района. Кроме того, сопоставление средних баллов позволяет сравнивать города друг с другом, что может быть полезно для планировщиков, стремящихся сопоставить существующую пешеходную доступность с таковой в других регионах. Однако важно

признать, что этот метод ставит во главу угла удобство пользователя, а не сложные алгоритмы или геоинформационные системы. Несмотря на то что метод был подтвержден независимыми исследованиями [15, 16], он может не улавливать всех нюансов пешеходной доступности, особенно в очень сложных городских средах.

Наше исследование инфраструктуры, безопасности и зеленых зон, основанное на ответах жителей, согласуется с предыдущими работами [12–14]. В них подчеркивается важность высококачественных тротуаров, достаточного освещения и чувства безопасности для обеспечения пешеходной доступности. Выявленное нами меньшее внимание к экологическим проблемам согласуется с выводами, сделанными в [16], и подтверждает необходимость внедрения образовательных инициатив и проведения кампаний по повышению экологической осведомленности населения.

Данное исследование содержит ценные сведения о восприятии жителями разнообразных преимуществ пешеходной доступности. Подчеркивая важность социально-экономических факторов и необходимость такого проектирования районов, которое способствует релаксации наряду с физической активностью. Предложены ценные рекомендации для городских планировщиков. Кроме того, выявляя пробелы в экологической осведомленности, исследование подчеркивает важность целевых мероприятий по продвижению устойчивого развития и побуждению жителей более осознанно учитывать воздействие своих потребительских предпочтений на экологию.

Однако важно признать ограничения данного исследования. Выборочная совокупность была относительно небольшой и охватывала только три района Аммана. Кроме того, исследование основывалось на данных, которые были предоставлены респондентами и могли быть предвзятыми. В дальнейших исследованиях может быть использована более обширная и географически более разнообразная выборка, а также комбинированные методы, сочетающие количественный и качественный сбор данных для более глубокого понимания поведения жителей в отношении пешеходной доступности.

sign streets and sidewalks that are wide enough, well-lit, and clear of obstacles. For example, the study by Kweon et al. (2021) found that pedestrians are more likely to walk in areas that are perceived as safe and comfortable.

However, when comparing the results of the outcomes among the three neighborhoods, the respondents in the Abdoun (Fig. 5) neighborhood have a better attitude toward the feeling of safety ($M = 3.1$). This may be because Abdoun is considered one of Amman's prestigious neighborhoods; because of that, it has broader and better sidewalks than the other neighborhoods. Even though the negative attitude still exists, especially for the ease of crossing the streets ($M = 2.4$). The sense of feeling unsafe also can be related to the large volume of traffic in Abdoun ($M = 3.7$) and because of the existence of primarily several high-end nightclubs, which both residents of Amman and tourists alike frequent. The negative attitudes of the respondents are also affected by how the drivers behave in residential environments. The level of satisfaction with the driver's behaviors in Abdoun was significantly negative ($M = 2.3$), which can be explained by the streets and traffic light design. However, the traffic disorder between cars and pedestrian

movement, especially at congestion times, will negatively affect crossing streets and the sense of safety. Abdoun neighborhood, as in other districts of Amman city, does not have any unique traffic lights designed for pedestrians, any other pedestrian facilities, or any signalization protection when crossing streets or intersections; as a result, an intervention accrues between car drivers (especially with taxi) and pedestrians.

2. Satisfaction and convenience of the pedestrian are evaluated based on the sidewalks' continuity and connectivity between housing units and their surroundings, in addition to the simplicity of crossing and movement within the residential area – Fig. 4. The mean ($M = 2.6$) indicates a negative attitude towards the assessment of the convenience of walkability. In general, all neighborhoods concurred that sidewalks rarely consider individuals with disabilities in addition to having poor connectivity, which may confuse pedestrians and pressure them to misbehave on the roads, which may result in traffic chaos. However, there is a positive attitude toward convenience among respondents in Abdoun, mainly because Abdoun is a modern residential neighborhood with primarily high-income residents, so its pedestrian paths are more

Выводы

В данном исследовании мы стремились провести комплексную оценку передвижения пешеходов в трех районах Аммана – Сувайфияхе, Абдуне и Джандавиле. Наша методология включала наблюдения на месте, подсчет пешеходов, оценку инфраструктуры и состояния тротуаров, опросы жителей и интервью с ними. Результаты показывают неудовлетворительные условия для пешеходов в жилых районах, подчеркивают необходимость уделять больше внимания передвижению пешеходов, а не проектированию дорог для автомобилей. Мы предлагаем внести изменения в закон Иордании об организации городов, поселков и зданий, чтобы приоритет отдавался передвижению пешеходов, что предполагает создание четких маршрутов, выделенных полос и законов для защиты пешеходов. Муниципалитеты должны сосредоточиться на создании привлекательных пешеходных улиц с зелеными зонами и доступными, безопасными сетями.

Для получения достоверной обратной связи мы использовали строгую методологию, включая случайную выборку и фокус-группы. Наше исследование позволяет глубже понять опыт, проблемы и восприятие пешеходов, подчеркивая критическую важность приоритета движения пешеходов при городском планировании. Предлагаемые поправки и методология могут быть адаптированы для использования в различных городах для повышения устойчивого городского развития и улучшения условий передвижения пешеходов.

Литература / References

1. Yang, J., Diez-Roux, A. V., Evenson, K. R., Colabianchi, N., & Carr, L. J. (2020). A study of the impact of street scale urban design on physical activity: Results from a quasi-experimental. *Journal of Urban Health*, 97(6), 845-857. <https://doi.org/10.1007/s11524-020-00476-8>
2. Gehl Architects. (2013). *Copenhagen's public spaces: Public life and architecture*. Copenhagen: Danish Architecture Centre.
3. Moreno, C., et al. (2020). Introducing the '15-Minute City': Sustainability, Resilience and Place Identity in Future Post-Pandemic Cities. *Smart Cities*, 4(1), pp. 93-111, 2020. DOI: 10.3390/smartcities4010006
4. Tobin, M., Hajna, S., Orychock, K. et al. (2022). Rethinking walkability and developing a conceptual definition of active living environments to guide research and practice. *BMC Public Health*, 22, 450.
5. El-Geneidy, A. M. (2022). Promoting walkability in the United Arab Emirates: A case study of Abu Dhabi. *Urban Planning*, 31(1), 149-171.
6. United Nations. (2022). *UN Road Safety Fund 2022 Annual Report*.
7. DeVos, J., Van Acker, V., Van Dyck, D., & Van de Weghe, N. (2022). Walkability and socioeconomic status: A systematic review and meta-analysis. *International Journal of Health Geographic*, 21(1), 1-17.
8. Cambra, P., Soler, A., Garcia-Sanz, A., & Carrasco, T. (2020). Assessment of walkability and its relationship with physical activity in a Mediterranean city: A case study of Barcelona. *Transportation Research Part D: Transport and Environment*, 90, 102737.
9. Tomah, A. N., Abed, A., & Saleh, B. (2017) Assessment of the Geographic Distribution of Public Parks in the City of Amman. *European Journal of Scientific Research*. 144.3 262-27
10. Baobeid, A., Ko, M., & Al-Ghamdi, S. G. (2021). Walkability and Its Relationships with Health, Sustainability, and Livability: Elements of Physical Environment and Evaluation Frameworks. *Frontiers in Built Environment*, 7. <https://doi.org/10.3389/fbuil.2021.721218>.
11. Abed, A., & Tomah, A. N. (2014). The walkability of Public School's Surrounding: Assessment Study in Amman, Jordan. *European Journal of Scientific Research*, 122(2), 68-92.
12. Arellana, P., Greenwald, M. J., & Perez, A. (2020). Pedestrian safety and fear of crime: A multi-level analysis of environmental and individual factors. *Journal of Urban Design*, 25(2), 169-184.
13. Kweon, S. Y., Kim, H. Y., & Lee, K. (2021). The influence of perceived safety and environmental attributes on walking behavior: An integrated framework. *Transportation Research Part D: Transport and Environment*, 97, 102973.
14. Fonseca, R. M., Soares, R. C., Ferreira, C., & Pereira, M. C. (2022). The contribution of urban green spaces to the perceived walkability of neighborhoods. *Urban Forestry & Urban Greening*, 76, 127837.
15. Riech, M. (2019). Beyond the environmental justice frame: Addressing the complex distributional aspects of walkable neighborhoods. *Urban Geography*, 40(1), 1-21.
16. Yin, L., Zhang, H., Patterson, K. L., Wu, L., & Lab, U. A. (2020). Walkability, Safety, and Housing Values in Shrinking Cities: Spatial Hedonic Study in Buffalo, Pittsburgh, and Detroit. *Journal of Urban Planning and Development*, 146(3), 04020029.

comprehensive and differ from those in other communities. ($M = 3.4$). This will raise the standard of the neighborhood's pedestrian environment.

According to the respondent's responses, Sweifieh, Abdoun, and Jandaweel, neighborhoods have a poor walkable environment ($M=2.7$, $M=2.6$, and $M=2.4$, respectively) in Fig. 5. It was evident that people suffer when crossing the streets in their neighborhoods and feel uncomfortable on the sidewalk since it has no stated walking zone for pedestrians and has a constricted size. Additionally, respondents in the selected districts of Sweifieh, Abdoun, and Jandaweel ($M = 2.2$, $M=2.3$, and $M =2.0$, respectively, as indicated in Fig. 4) complain about various difficulties that they must overcome. This might be because there needs to be a comprehensive plan for improving older neighborhoods that are continuously getting denser but do not take any steps to mitigate the impact on the roads.

3. The quality of the walkable environment in general and the environment of the sidewalk in specific is essential. One way to improve the walkability of Amman City is to increase the availability of green space. Green space can help to improve the safety of pedestrians by providing a buffer between them and traffic. Additionally, green space can help to make neighborhoods more attractive and inviting, which can encourage people to walk more. For example, the study by Fonseca et al. (2022) found that the perceived walkability of a neighborhood is influenced by factors such as the presence of green space.

In terms of design levels, this paper discussed this issue through several variables such as hygiene of the sidewalk, availability of attractive landscape, seating, shelters, efficient lighting system, and safe paved surface, according to the outcomes analysis from Fig. 5. Respondents living in Sweifieh and Abdoun have a positive attitude toward the hygiene issue, and most respondents agreed that their streets and sidewalks are clean enough. This can be explained by the fact that these neighborhoods are new, and the residents are affluent. (The category for these neighborhoods is "A"). While the attitude of the respondents living in Jandaweel was negative or even neutral ($M = 2.5$). This may be because the population density is higher since this neighborhood is old and its category is "C". All respondents in three selected neighborhoods agreed they are dissatisfied with the remaining characteristics (availability of attractive landscape, seating, shelters, efficient lighting system, and safe paved surface). The respondents' opinions regarding the perceived quality of the sidewalk are unfavorable; the mean is ($M = 2.6$). Respondents in all neighborhoods concurred that sidewalks must be more protected, particularly in waiting zones where respondents experience extreme heat in April, May, and June and bitter cold in November and December. Furthermore, the respondents believe that the sidewalks in their neighborhoods are poorly planned and lacking numerous types of street furniture such as seats and landscaping, where the mean for the landscape in all areas was ($M = 1.8$), and the mean for seating available for all the neighborhoods was ($M = 1.8$). Fig. 5 also clearly shows that the situations related to the variables lighting and pavement are much better than Jandaweel because the two neighborhoods, Sowfiya and Abdoun ($M = 3.6$, $M = 3.9$ respectively), are better planned and served since they belong to the higher class.

4.1 Analysis of Trip Purpose

This section explored resident awareness of walkability's economic, health, and environmental benefits across three distinct Amman neighborhoods. While recreational walking was prioritized across all areas (32% - 22%), residents in Jandaweel, with its predominantly middle-class demographic, displayed a greater concern for the economic benefits of walkability (mean score 3.4) compared to the wealthier neighborhoods of Sweifieh and Abdoun (mean scores 2.3 & 2.2). This aligns with previous research suggesting socioeconomic factors influence attitudes towards walkability (DeVos et al., 2022; Riech, 2019).

Interestingly, all neighborhoods acknowledged the positive health impacts of walkability, reflected in mean scores ranging from 3.6 to 4.3. However, residents in Sweifieh and Abdoun placed a higher value on relaxation as a health benefit (mean scores 3.6 & 3.7), potentially due to the higher availability of green spaces and leisure facilities in these areas. This finding highlights the multifaceted nature of health benefits associated with walkability and the influence of neighborhood design.

Environmental concerns regarding climate change and pollution were, unfortunately, limited across all areas. Mean scores for climate change ranged from 1.7 to 2.2, and pollution scores ranged from 1.9 to 2.8. This raises concerns about potential knowledge gaps or a disconnect between local environmental issues and resident behavior. Further research, potentially qualitative in nature, could explore these limitations in more detail.

The employed method offers several advantages for assessing walkability. Firstly, it facilitates both local and international comparisons by focusing on fundamental walkability criteria. Unlike some outcome-based methods, this approach allows for targeted improvements within specific neighborhoods by identifying strengths and weaknesses in walkability infrastructure, safety, and aesthetics. Furthermore, the method's simplicity and reliance on readily available data make it easily implementable across various contexts, even with limited resources.

The ability to analyze both individual and composite walkability scores enables a comprehensive understanding of a neighborhood's strengths and weaknesses. Additionally, average score comparisons allow for city-to-city comparisons, which can be valuable for urban planners seeking to benchmark existing walkability against other regions. However, it's important to acknowledge that this method prioritizes user-friendliness over complex algorithms or GIS-based metrics. While validated by independent research (Riech, 2019; Yin et al., 2020), it may not capture all nuances of walkability, particularly in highly complex urban environments.

Our findings on infrastructure, safety, and green spaces, as reflected in resident responses, resonate with previous research by Arellana et al. (2020), Kweon et al. (2021), and Fonseca et al. (2022). These studies highlight the importance of high-quality sidewalks, adequate lighting, and a sense of security in promoting walkability. The observed lower prioritization of environmental concerns aligns with findings by Yin et al. (2020) and suggests a potential need for public awareness campaigns and educational initiatives.

This study contributes valuable insights on resident perceptions and priorities regarding walkability's multifaceted benefits. Highlighting the importance of socio-economic factors and the need for neighborhood design that promotes relaxation alongside physical activity, this research offers valuable guidance for urban planners. Furthermore, by revealing potential gaps in environmental awareness, the study underscores the importance of targeted interventions to promote sustainable development and encourage residents to consider the broader environmental impact of their choices.

However, it's important to acknowledge the limitations of this study. The sample size was relatively small and focused on only three neighborhoods within Amman. Additionally, the study relied on self-reported data, which can be subject to bias. Future research could benefit from a larger, more geographically diverse sample and potentially employ mixed method approaches that combine quantitative and qualitative data collection to gain a deeper understanding of residents' perceptions and behavior regarding walkability.

5. Conclusion

In this study, we aimed to comprehensively evaluate pedestrian movement in three neighborhoods in Amman: Sweifieh, Abdoun, and Jandaweel. Our methodology involved on-site observations, pedestrian counts, evaluations of sidewalk infrastructure and conditions, surveys, and interviews with residents. The findings indicate substandard walking environments in residential areas, emphasizing the need for improvement in prioritizing pedestrian movements over vehicle design. We propose amendments to the Organizational Law for Cities, Villages, and Buildings in Jordan to prioritize pedestrian movement, including clear pathways, dedicated lanes, and laws to protect pedestrians. Municipalities should focus on creating inviting pedestrian streets with green spaces and accessible, safe networks. We employed a rigorous methodology, including random sampling and focus group discussions, to obtain authentic feedback. Our study offers insights into pedestrian experiences, challenges, and perceptions, highlighting the critical importance of prioritizing pedestrian movements in urban planning. The proposed amendments and methodology can be adapted for use in different cities to enhance sustainable urban development and improve pedestrian-friendly environments.

Рассмотрены направления развития облика современных музеев. Анализ литературы, проектных материалов, фотофиксаций музейных комплексов, построенных за последние 20 лет, позволил выявить такие тенденции, как многофункциональность, переход к досугово-развлекательным и культурным комплексам, многообразии и индивидуальности облика фасадов, оригинальности объемов. Показано, что музей сегодня смог адаптироваться к динамичным изменениям в обществе, расширился спектр его функций, активно меняется внешний облик. Разнообразные формы, смелые архитектурные решения фасадов и объемов, применение дигитальной (цифровой) и кинетической архитектуры, фасадные технологии – отличительные черты современных музеев.

Ключевые слова: дигитальная и кинетическая архитектура; устойчивая архитектура; «зеленые» музеи; средовой подход.

The article considers the trends in the development of the appearance of modern museums. The analysis of literature, design materials, photo-fixations of museum complexes built within the last 20 years allowed to reveal such tendencies as multi-functionality, transition to leisure, entertainment and cultural complexes, diversity and individuality of facades, originality of volumes. It is shown that the present-day museum has been able to adapt to dynamic changes in society, the range of its functions has expanded, its appearance is actively changing. Diverse forms, bold architectural solutions of facades and volumes, application of digital and kinetic architecture, facade technologies are distinctive features of modern museums.

Keywords: digital and kinetic architecture; sustainable architecture; 'green' museums; environmental approach.

Развитие облика современного музея / Evolution of the contemporary museum image

текст

Татьяна Шамаева

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
Мария Любинская
Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
text

Tatyana Shamaeva

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Maria Lyubinskaya

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Введение

Посещаемость музеев начиная с 2021 года, после пандемии коронавируса, растет во всем мире. На первом месте остается парижский Лувр (2,8 млн за 2021 год), за ним идет Государственный Русский музей в Санкт-Петербурге (2,3 млн), и еще четыре российских музея попали в первую десятку самых посещаемых музеев мира [1]. Последние два десятилетия интерес к музеям не пропадает, продолжают открываться новые комплексы в разных странах мира. Время не стоит на месте, перемены в обществе отражаются на всех его сферах. Архитектурный облик музеев также меняется. В данной статье попытаемся ответить на вопрос, можно ли выделить определенные направления в развитии архитектурного облика современных музеев.

Что же такое музей? Музей (от греческого слова *museion* – храм муз) – научно-исследовательское и научно-просветительское учреждение, осуществляющее хранение, изучение и популяризацию памятников истории, материальной и духовной культуры [2]. Согласно Федеральному закону «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 N 54-ФЗ, музей – это «некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации, а также для достижения иных целей, определенных настоящим Федеральным законом». Существуют и негосударственные музеи федерального значения. В соответствии с данным определением, можно утверждать, что музей в первую очередь «оболочка» для хранения, изучения и выставления экспонатов музея. Актуальны ли эти определения для музеев последних двух десятилетий? Попробуем разобраться.

Архитектурный облик музея всегда был индивидуален и тесно связан с направленностью его экспозиций и функциями. Большинство современных комплексов отличаются от «классического» понимания музея и не всегда зависят от коллекций и экспозиций. Современные музеи, кроме основных функций, научно-просветительской и познавательной, стали выполнять и дополнительные,

нацеленные на досугово-развлекательную деятельность, что также повлияло на посещаемость. Расширенное функциональное наполнение, отвечающее за новые цели и задачи современного музея, отражается и в решениях объемов и фасадов. В последние два десятилетия они стали настолько разнообразными, что сами здания представляют собой арт-объекты.

Обзор литературы

Архитектуре музеев посвящено множество публикаций, рассматривающих различные архитектурные аспекты. В рамках данной статьи нас в большей степени интересуют работы, отражающие изменения в облике музеев, тенденции его развития. Многие авторы отмечают, что за последние полвека произошло активное развитие музеев [3–8]. Появились музеи, абсолютно разные по содержанию и облику, интересные для людей разных возрастов. Современный музей не только место для хранения и показа выставочных экспонатов, но и важный ресурс развития города, культурно-развлекательный центр [1, 9, 10].

Планировочная структура музея, в том числе компоновка внутренних помещений различного назначения и коммуникаций, траектория движения посетителей, идеи показа и расположение выставочных пространств – все это первоочередные задачи при проектировании музея. Его здание должно быть функциональным. Облик музея раньше подчинялся его назначению, сейчас же здание музея представляет собой самодостаточный объект для показа. В городской среде, среди ярких торгово-развлекательных центров, музею приходится бороться за своего посетителя. Сегодня здание музея – полноправный элемент музейной системы [11], привлекающий внимание посетителей не меньше, чем его экспозиции.

Современная музейная архитектура разнообразна, но и противоречива. Если говорить о тенденциях развития облика, то нужно начать с классических музеев. Вначале это были музеи-дворцы. «Храмовость» заключалась в определенных принципах: четкие композиционные оси, статичность объемов. Строгость интерьеров, анфиладность, порядок маршрутов движения (вестибюль – лестница – анфилада залов) были направлены на созда-



< Рис. 1 Музей Франсуа Пино. Париж, Франция. 2021. Архитектор Тадао Андо (<https://galeriemagazine.com>)

ние атмосферы торжественности и почитания искусства [12]. Музеи конца XX – начала XXI века имели узнаваемую типологию [13]. Потом определение «музей-храм» становится «нарицательным» и музейные экспозиции переходят в здания с «новой» архитектурой, когда идеология архитектурного здания начинает развиваться и претерпевает сильные изменения. В профессиональной архитектурной среде существует мнение, что сейчас сложно говорить про какой-то конкретный, выраженный архитектурный стиль современного музея [5]. В данной статье мы оставим за рамками нашего внимания понятие стиля и постараемся увидеть схожие черты в облике разных музеев немного с другой точки зрения, которая будет основываться на конкретных примерах.

Другое направление развития музея выражается в нейтральной роли архитектуры под лозунгом «Не навреди». В 1920-х годах была провозглашена выставочная концепция «Белый куб» [9], согласно которой экспонаты выставлялись на белом фоне, дабы не отвлекать от созерцания и осмысления экспоната, и архитектура внутренних залов не должна была этому мешать. Концепция охватывала внутренний интерьер и переходила на внешний экстерьер [12]. Сдержанная, строгая архитектура выставки была призвана настроить посетителя на молчаливое, созерцательное восприятие музейных предметов. До сих пор существуют и сторонники, и противники данного направления.

Прежние функции музея ограничивались документированием и образовательно-воспитательной деятельностью [11]. Сегодня их спектр расширился: это информационная, эстетическая, культурно-образовательная (досуг), идеологическая функции, а также функции интеграции и демонстрации [10, 14–16]. Развитие направлений деятельности, расширение состава помещений, смысловые и идеологические задачи музеев стали влиять на объемно-композиционное и художественное решения современных музеев. Музейная архитектура становится многоликой и уходит от единого типа музейного здания.

Рестораны, лекционные залы, книжные магазины и магазины сувениров, даже театры являются частью музейных комплексов. Иногда они становятся такими же значимыми, как и экспозиции. В таких случаях музей

переходит в статус многофункционального объекта [7, 6]. Современный музей оказывается на стыке между музеем и досуговым центром. Музей переходит в статус досугового и/или культурного центра [7]. Привлекательность данного здания, интерес к нему, посещаемость начинают зависеть от облика музея. Единый тип архитектуры с характерными элементами исчезает [7]. Для привлечения посетителей музейный комплекс переходит в новый типологический вид, соединенный с развлечениями [6]. Музей через свой облик «общается» с посетителями, контактирует с городом [6, 17]. Архитектура музея ответственна за эмоциональное впечатление и эстетическое восприятие посетителей, что также приводит к выполнению музеем его досуговой функции.

Здания музеев становятся более зрелищными, а это значит, что более привлекательными для посетителей. Облик представляет собой доминантный объект, преобразующий окружающую застройку. По визуальному восприятию здание начинает затмевать находящиеся внутри коллекции. Появились «музеи-аттракционы». Также можно встретить здания музеев сложной формы с атектоническими характеристиками, вызывающими у посетителей непонимание облика и конструкций. У посетителя разрывается связь с узнаваемым наглядным образом и наблюдаемой архитектурой. Создается удивленное восприятие (например, Музей Слияния в Лионе, Франция, 2014) [17].

Есть и другое современное течение в создании облика музеев, их архитектура кардинально отличается от зрелищных. Данные музеи по своему облику приспособляются к местным особенностям и культуре места [4]. Обычно такие музеи располагаются в небольших городах и поселениях. В их отделке применяются местные материалы, облик имеет схожие черты с традиционной архитектурой существующей застройки или олицетворяет природу данной местности. Здание музея максимально интегрируется в окружающую среду. Архитектурный облик сдержанный, но убедительный.

«Новая музеология» сформировалась еще в 1980-х годах за рубежом как система определенных взглядов и ценностей. Ее сторонники выступали за активное участие музеев в жизни общества и их интеграцию в окружа-

> Рис. 2. Художественный музей Пудун. Шанхай, КНР. 2021. Архитектор Жан Нувель (<https://www.interior.ru/architecture>)



ющую среду. Стали появляться различные определения, характеризующие музеи: экомузей, музей общин, интегрированный музей, соседский музей, антропологический музей, средовой музей. Все эти разновидности музейных учреждений объединяет то, что они являются адресными и обращены к местному населению [4]. В облике музея учитываются небольшой масштаб, местные особенности, культура, материалы. Музей рассматривается как форма, нацеленная на решение актуальных проблем местного сообщества [18].

Облик современных музеев

Мы выбрали 60 музеев из разных стран Европы, Африки, из Канады, Китая, Японии, США, ОАЭ, Катар, Израиля. Нас привлекали музеи, построенные за последние 20 лет и отличающиеся своим привлекательным, часто необычным внешним обликом. В статье представлены 24 из них.

Итак, музейное здание – это вместительное для экспонатов, а также научно-исследовательское и научно-просветительское учреждение. И конечно, в нем присутствуют образовательная и воспитательная функции, которые напрямую связаны с посетителями. Посмотрим, каким образом внешний облик включается в данную работу, и попробуем определить ряд основных направлений в формировании, развитии современного облика музеев. Из группы музеев со схожими художественными чер-

тами в облике мы выбрали наиболее яркие примеры. Художественный образ музея в каждом случае воспринимается как неотъемлемая часть всего музейного комплекса.

Классический музей, «музей-храм». Музей Франсуа Пино расположен между Лувром и Центром Помпиду в Париже. Здание максимально вписано в сложившийся исторический и средовой контекст. Пример классического «музея-храма» подтверждает, что данный подход актуален и по сей день (рис. 1).

Простая геометрия, «белый куб». Художественный музей Пудун расположен на берегу реки. Шестиэтажное здание с огромными отражающими стеклянными панелями на фасаде. «...Это здание как продолжение ландшафта, пейзажей и предыдущих космических эскизов» – так объясняет свою идею автор проекта архитектор Жан Нувель [19] (рис. 2).

«Зрелищный музей», здание-арт-объект. Здания, относящиеся к данному направлению, характеризуются художественным обликом «бунтаря», это яркий визуальный вызов. В архитектуре здания присутствует зрелищность, сам объект – «архитектурная скульптура». Посещение музея как созерцательно-исследовательский, образовательный процесс приобретает элементы развлечения.

В Музее М+ (рис. 3) в новом районе Гонконга два объема: один горизонтальный с выставочными залами и над ним вертикальный объем – «пластина». В вертикальном объеме расположились функции, ранее не свойственные музеям в таком количестве. Это офисы, учебные помещения, а выше – рестораны, бары и сад. Музей с таким перечнем предлагаемых функций становится досуговым комплексом. Казалось бы, простая геометрия, строгий силуэт. Но в любой момент огромная плоскость фасада может превратиться в единый экран для медиа-арта. Фасад закрывают жалюзи, в которые вмонтированы светодиоды [20].

Объем здания Музея будущего в ОАЭ (рис. 4) – «око», символизирующее взгляд Дубая в будущее. Необычная форма, экзотические фасады в виде резьбы с арабской каллиграфией. В музее представлены новые технологии и изобретения. Визуальная картинка привлекает своей оригинальностью.



> Рис. 3. Музей М+. Гонконг, КНР. 2021. Архитектор Терри Фаррелла (<https://worldarchitecture.org>)



^ Рис. 4. Музей будущего. Дубай, ОАЭ. 2022. Архитектурная студия Killa Design Architecture (<https://i.natgeofoe.com>)



^ Рис. 5. «Летающая тарелка». Музей современного искусства. Нитерой, Бразилия. 1996. Архитектор Оскар Нимейер (<https://static.tildacdn.com>)

Символизм в архитектуре музеев: «летающие тарелки», корабли, кристаллы... В конце XX века данное направление закрепляется в архитектуре музеев и остается востребованным до сих пор. Яркие примеры – Музей современного искусства в Бразилии в виде «летающей тарелки» (рис. 5), приземлившейся на скале, и Музей-корабль в Амстердаме (рис. 6). Тема инопланетных объектов до сих пор остается привлекательной для архитекторов-музейщиков, в чем можно убедиться на примерах.

Цифровая (дигитальная) архитектура, кинетическая архитектура

Меняется образ жизни человека и требования к облику существующей застройки. Архитекторы осваивают цифровые технологии и используют инновационные строительные материалы. В поиске оригинальных идей для создания знаковых зданий стали применять современные фасадные технологии. Появились «двойные оболочки» фасадов, перфорированные поверхности зданий, медиафасады, а также фасады с использованием световых и видеоэффектов [21].

Здания имеют причудливые объемы, уникальный облик. Обтекаемые формы, меняющие свой цвет, яркость, реагирующие на внешние погодные условия. Выставочные функции и дополнительные функции досугово-развлекательного характера облачились в смелую нестандартную архитектуру. Облик привлекает, завора-

живает, притягивает посетителя, отрывает его от монотонной жизненной рутины. Городской арт-объект восхищает своей оригинальностью. Архитектура кардинально отличается от статики и тектоники привычных фасадов. Такая архитектура, скорее всего, будет принадлежать к ранее указанному направлению «зрелищных музеев».

Музей искусств Кунстхаус Грац (2003) меняет свой цвет и свет за счет пластин-пикселей на поверхности фасада. Необычная форма с причудливыми «рожками-фонарями» резко контрастирует с застройкой старого города. Данное архитектурное решение вызвало неоднозначную реакцию профессионалов и населения, но музей, во многом благодаря именно своему облику, стал привлекательным туристическим объектом, местом притяжения горожан.

В 2011 году открылся крупнейший выставочный центр в Латинской Америке (рис. 7). Это эффектное здание, покрытое 16 тыс. гексагонами, без единого прямого угла. Его геометрия с разных ракурсов меняется, из-за обтекаемой, изогнутой формы, «змеиной» оболочки здания появляется ощущение его движения.

Архитекторы создают объекты асимметричные, с отсутствием линейности, появляется многоликость, вариативность облика. Все это признаки дигитальной архитектуры, которая использует компьютерное программирование и другие информационно-коммуникационные

v Рис. 7. Музей искусства Соумайя, Мехико, Мексика. 2011. Архитектор Фернандо Ромеро (<https://www.floorature.com>)

v Рис. 6. «Инопланетный корабль». Музей NEMO. Амстердам, Нидерланды. 1997. Архитектор Ренцо Пьяно (<https://abload.de>)





^ Рис. 9. «Крылатый павильон». Музей искусств. Милуоки, США. 2001. Архитектор Сантьяго Калатрава (<https://atelierequilibre.com>)

технологии, в том числе световые эффекты, экраны, пластины и другие средства. Музей Риверсайд (рис. 8) за счет изогнутых складчатых форм, которые напоминают складки ткани или волны, визуально словно находится в движении. Энергично изогнутая окантовка двух торцевых фасадов поддерживает и дополняет общую идею движения.

Появилась настоящая «подвижная архитектура» – кинетическая. «Крылатый павильон» Музея искусств в Милуоки (рис. 9) тому подтверждение. Солнцезащитные «крылья» павильона расправляются и складываются несколько раз в день. В раскрытом состоянии длина обоих крыльев более 60 м, что превышает размах крыльев самолета.

Роль фасадных материалов в создании архитектурного облика

Применение современных строительных материалов, конструктивных решений, новых отделочных фасадных систем позволяет архитекторам создавать удивительные формы и фасады. Музей искусств Элая и Эдит Броуд покрыт нержавеющей сталью, сложенными в «складки». Изначально складчатые конструкции были изобретены для покрытий зданий, первое применение нашли в проектах промышленных, а также в перекрытии большепролетных залов. Но сейчас современные материалы и технологии позволяют виртуозно применять концепцию складки



> Рис. 8. Музей Риверсайд. Глазго, Великобритания. 2011. Архитектор Заха Хадид (<https://archi.ru>)

v Рис. 10. Музей искусств Элая и Эдит Броуд. Лансинг, США. 2012. Архитектор Заха Хадид (<https://cdn.ca.emap.com>)



в облике зданий. «Плиссированное» покрытие играет определяющую роль в облике музея (рис. 10). За счет разнонаправленных складчатых конструкций и вытянутых объемов получилась динамичная форма здания, что придает объему постоянно меняющийся вид.

Снаружи здание Музея Фонда искусств Броуд (The Broad) (рис. 11) закрыто «экраном»: фасадом из белого фибробетона, с прорезанными отверстиями. «Экран» с углов приподнят над уровнем земли, приглашая посетителей внутрь музея. Экстерьер музея оживлен остекленным «окулусом», больше напоминающим вмятину на объеме здания.

Музей изобразительного искусства и кинотеатр (рис. 12) в Лиллехаммере можно назвать «вспышкой в металле». Консольный куб покрыт слоем из сморщенной и полированной нержавеющей стали. Другие фасады монотонны, тектоничны и выполнены в камне и дереве.

Фасад в виде кристалла в строительстве и реконструкции

В облике музеев тема кристаллов стала модной. Она нашла место и в строительстве (рис. 13), и в реконструкции (рис. 14). Объем здания Художественного музея в Денвере (рис. 13) состоит из 20 наклонных плоскостей, панели сделаны из титана. Облик здания имитирует ландшафт близлежащих Скалистых гор и геометрические кристаллы.





^ Рис. 12. Музей изобразительного искусства и кинотеатр (расширение). Лиллехаммер, Норвегия. 2016. Бюро Snøhetta (<https://archi.ru>)

Проект Королевского музея Онтарио в Торонто (рис. 14) включал в себя реставрацию десяти галерей в существующем историческом здании и строительство пристройки «Кристалл Майкла Ли-Шина», получившей свое название за форму в виде пяти пересекающихся объемов, напоминающих минеральные кристаллы.

Форма здания Национального музея Катара вдохновлена очертаниями уникальной разновидности гипса, встречающейся в песках пустыни. Структура здания состоит из стали, стекла и фибробетона и представляет собой множество различных по размеру и геометрии дисков (рис. 15). В музее создана мультисенсорная среда со множеством артефактов и инсталляций, воссоздающих историю Катара.

«Музей-ландшафт»: объемы – холмы, скалы, горы, зеленые террасы, песчаные дюны

Существуют примеры музеев с интересным решением кровли, когда ее конструкция становится «пятым фасадом». Данное направление в развитии облика фасадов и объемов делится на несколько течений. Первое предполагает установку на экологичность в облике музея. Появляются «зеленые кровли» как продолжение ландшафта.

Для второго течения характерен прием, когда архитектурный облик максимально вписан в окружающую среду за счет местных отделочных материалов в фасадах зданий. Конструкция кровли играет активную роль в облике. Музей доисторической Дании (рис. 16) выглядит так, будто тектоническая плита, покрытая зеленым травяным ковром, выходит из-под земли. На «склоне» можно отдыхать и даже кататься на лыжах зимой.

Облик Музея искусств Циньтай (рис. 17) не должен нарушать живописный пейзаж, поэтому большинство пространств музея переместили под землю, а наземную часть превратили в «искусственный холм». Музей не имеет стен и кровли, вместо этого – плавно поднимающиеся террасы, по которым можно гулять.

По замыслу архитектора здание Центра Пауля Клее является ландшафтной скульптурой. Плавные линии напоминают очертания холмов. Гигантские арки «холмов» выполнены из профилированных стальных конструкций,



часть кровли – земляной покров с травой, по главному фасаду расположены стеклянные галереи (рис. 18).

Есть еще интересное направление в объемно-планировочном решении музеев. Идея заключается в том, чтобы не просто «закамуфлировать» и вписать объект в окружающий ландшафт, а создать музей в обваловке и спрятать здание под землю. Пример такого решения – здание Художественного музея «Дюна» (УССА) (рис. 19), напоминающее пещеру в песках на берегу моря.



> Рис. 11. Музей Фонда искусств Брод The Broad. Лос-Анджелес, США. 2015. Архитекторы Diller, Scofidio + Renfro (<https://archi.ru>)



^ Рис. 13.
Художественный музей.
Денвер, США. 2006.
Архитектор Джованни
Понти (<https://s31606.pcdn.co>)

Местный (средовой) музей

Форма Геологического музея «Вдохновение» (рис. 20) на острове Длинный напоминает скальное образование. Облик здания отсылает нас на улицы старых деревень.

Кровля Музея Кюсю Гэйбункан (рис. 21) представляет композицию из треугольников, соединенных под разными углами, что напоминает фигуру оригами. Идея облика заключается в максимальной интеграции здания в окружающую среду – скалистый ландшафт. Некоторые треугольники продлены до земли и служат опорными конструкциями.

Устойчивая архитектура музея, «зеленый» музей

Устойчивая архитектура предполагает использование экологически ориентированных высоких технологий. Первые зеленые музеи стали появляться с 1990-х годов. Зеленый музей – это музей, который отвечает концепции устойчивого развития в проектировании и строительстве [22].

Музеи с зелеными крышами также относятся к устойчивому развитию в архитектуре. На кровле выкладывается слой плодородной почвы, высаживаются трава, кустарники и деревья. В конструкции кровли должны присутствовать водонепроницаемая мембрана, которая защищает от влаги и корней растений, дренажная

и фильтрующая системы. Такая крыша снижает температуру воздуха в нижерасположенных помещениях, что ведет к экономии электроэнергии, необходимой для кондиционирования воздуха. Зимой такая крыша увеличивает изоляцию кровли, что снижает затраты электроэнергии на отопление. Растительность зеленых крыш в результате фотосинтеза снижает количество углекислого газа путем его поглощения, в результате чего выделяется кислород – маленький вклад в борьбу с парниковыми газами [23].

Музей науки MUSE (рис. 22) относится к зеленым музеям. Присутствуют следующие элементы: солнечные коллекторы и батареи на крыше, высокоэффективная электростанция для охлаждения и отопления здания, геотермальная система отопления, естественные вентиляция и освещение. Дождевая вода скапливается в водоеме и далее идет на потребление здания, теплицы и аквариумов. В отделке фасадов частично использовались местные строительные материалы [24].

Музей естественной истории посвящен разнообразию биосферы, экологии и гармонизации жизни людей (рис. 23). Форма панциря моллюска стала прототипом для объема здания. Стеклопанельная стена напоминает строение клетки под микроскопом, зеленая кровля символизирует растительность планеты, каменный фасад, отсылает к разломам земной коры. Здание музея биоклиматиче-

v Рис. 14. «Кристалл Майкла Ли-Шина».
Королевский музей
Онтарио. Торонто,
Канада. 2008 (<https://stranabolgariya.ru>)

v Рис. 15. Национальный музей Катара. Доха, Катар. 2019. Архитектор Жан Нувель (https://s0.rbk.ru/v6_top_pics)





^ Рис. 16. Музей доисторической Дании. Бедере, Дания. 2014. Архитектурное бюро Henning Larsen Architects (<https://assets.hansgrohe.com>)



^ Рис. 17. Музей искусств Цинтай. Художественный музей на берегу Лунного озера. Ухань, КНР. 2021 Мастерская Atelier Deshaus (<https://i.archi.ru/i/383996.jpg>)

ское, оно реагирует на солнце, усиливая дневной свет и в то же время снижая температурную составляющую солнечного света до приятной. Кондиционирование воздуха – и обогрев, и охлаждение – осуществляется за счет геотермальной системы, работающей исключительно на «чистой» природной энергии. Даже внутренний прудик – часть климатической системы комплекса [25].

Подводя итоги, предлагаем конкретизировать направления развития архитектурного облика современных музеев.

Классический музей («музей-дворец», «музей-храм»), как правило, не обременен дополнительными функциями. Стилистическое решение фасадов и облика выполнено в умеренно строгих формах, отделка фасадов и весь облик учитывают стилистику существующей застройки. Музей, отвечающий концепции «Белый куб», – это максимально нейтральная архитектура внешнего облика, в основном выставочные экспозиции занимают центральное место.

Отличительные черты «музеев-аттракционов» – многофункциональность и зрелищный облик. Это доминантные объекты в застройке, досуговые, досугово-развлекательные, многофункциональные комплексы с выставочными площадями. Объем и фасады играют важную роль как элемент рекламы для привлечения посетителей.

По внешнему облику это городской арт-объект, «скульптурная архитектура». Эффект часто достигается за счет кинетической, дигитальной (цифровой) архитектуры с использованием инновационных технологий, современных отделочных материалов, компьютерного проектирования на основе различных конструктивных систем и их комбинирования.

«Местный, или средовой, музей» гармонирует с традиционной архитектурой существующей застройки, отличается использованием местных строительных, отделочных материалов. Архитектурный облик «музея-ландшафта» встраивается в существующий пейзаж, его объемы – холмы, скалы, горы, зеленые террасы, песчаные дюны – вызывают ассоциации с местной природой. Как вариант – музеи в обваловке и под землей.

Музеи с устойчивой архитектурой – это не направление, не модная отличительная современная черта, а вектор развития архитектуры. Объемы и фасады могут быть абсолютно любыми по своей внешней стилистике и внутреннему функциональному наполнению. Проектирование возобновляемых источников энергии, применение энергоэффективных проектов, экологически чистых материалов, бережное отношение к экологии – признаки устойчивой архитектуры. Зеленые кровли и стены, здания в обваловке также относятся к устойчивой



< Рис. 18. Центр Пауля Клее. Берн, Швейцария. 2015. Архитектор Ренцо Пиано (<https://varlamov.me/2015/paulklee/00s.jpg>)



< Рис. 19. Художественный музей дюн УССА. Циньхуандао, КНР. 2018. Архитектурное бюро OPEN Architecture (<https://www.archdaily.com>)



^ Рис. 21. Музей Кюсю Гэйбункан. Фуруока, Япония. 2013. Архитектор Кэнго Кума (<https://archi.ru>)

архитектуре. В связи с этим выделим еще одно направление – «зеленый музей», когда в облике фасадов читается устойчивая архитектура с ее «зелеными» элементами.

Сегодня все чаще в решении фасадов применяются такие технологии, как медиаэкраны, светодиодные трубки, «светильники», перфорированные панели, металлы в разной обработке. Бетон, стекло, дерево, камень остаются в отделке фасадов. Становятся востребованными экологически чистые материалы.

В статье мы рассмотрели ряд ведущих тенденций в формировании архитектурно-художественного облика современных музеев, и можно с уверенностью сказать, что музейная типология продолжает развиваться как в планировочном аспекте, так и в облике. Тенденции развития архитектуры музеев проявляются в многофункциональности, переходе к досугово-развлекательным и культурным комплексам, в многообразии и индивидуальности облика фасадов и оригинальности самих объемов.

Музейная архитектура встала на путь устойчивого развития, что, безусловно, радует и вдохновляет, а некоторые шероховатости и неудачи в решении станут стимулом для дальнейших экспериментов.

Литература

1. Рейтинг посещаемости музеев мира: Россия поднялась в лидеры // Новости искусства. – URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20220516-qlww/> (дата обращения: 20.02.2024).

2. Музей // academic.ru. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/31566> (дата обращения: 20.02.2024).

3. Хидояттов, Т., Исламова, Ш. Развитие музейной архитектуры в 20 веке // Science and innovation. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-muzeynoy-arhitektury-v-20-veke> (дата обращения: 20.02.2024).

4. Чугунова, А. Музейная архитектура в рамках движения «Новая музеология» // Известия Рос. гос. пед. ун-та, 2011. – С. 372–376.

5. Бакушкина, Е. Архитектура современных музейных зданий. Формирование смысловых моделей // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств, 2016. – № 34. – С. 102–108.

6. Чугунова, А. «Дом» для музея: к вопросу о функциях музейной архитектуры // Вестник С.-Петерб. гос. ин-та культуры, 2013. – № 4 (17) декабрь. – С. 126–128.

7. Сурикова, К. Стратегии отношения к прошлому как фактор эволюции музейной архитектуры // Вестник С.-Петерб. гос. ин-та культуры. Сер. 6. – 2009. – Вып. 2. – С. 225–230.

8. Антюфеева, О. Архитектура современного музея как художественный ландшафт (музей Данубиана в Братиславе) // Academia. Архитектура и строительство. – 2013. – № 2. – С. 31–35.

9. White Cube: кто придумал выставлять искусство на фоне белых стен. – URL: <https://design-mate.ru/read/an-experience/white-cube> (дата обращения: 20.02.2024).

10. Сурикова, К. Форма и функция в музейной архитектуре XX века // Вестник Вестник С.-Петерб. гос. ин-та культуры. Сер. 17. – 2015. – Вып. 2. – С. 79–84.

11. Чугунова, А. Музейная архитектура в контексте современной культуры // Вопросы музеологии. – 2010. – №1 – С. 34–43.

v Рис. 22. Музей науки MUSE. Тренто, Италия. 2012. Архитектор Ренцо Пьяно (<https://i.pinimg.com>)

v Рис. 20. Геологический музей. Цзясиан, Китай. 2013. Архитектурное бюро Lee Mundwiler Architects (<https://www.archdaily.com>)



12. Сурикова, К. Эволюция музейного образа: от Мусейона к белому кубу // Вопросы музеологии. – 2012. – № 2 (6). – С. 11–17.
13. Rollig, S. Rethinking the museum. What turns a museum visit into a lasting experience? – URL: <https://actual-art.org/files/sb/10/Rollig.pdf> (дата обращения: 20.01.2024).
14. Lapteva, M. A., Píkov, N. O. Visualization technology in museum (From the experience of sibfu collaboration with the museums of Russia) // Журнал Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки. – 2016. – № 9 – С. 1674–1680.
15. Anisimova, L. Iu., Selivanenko, A. M. Museum technologies of the disabled persons' social adaptation in the Russian Federation // Журнал Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки. – 2016. – № 9. – С. 2866–2871.
16. Parfenteva, N. V., Parfentev, N. P. University art Museum: the basic directions of activity and their scientific and teaching aids // Журнал Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки. – 2010. – № 3. – С. 413–420.
17. Богуниа-Боровска, М. The museum as a space of social relations. Oskar Schindler's Enamel factory museum in Cracow and Polin museum of the history of Polish Jews in Warsaw // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 5. – С. 233–255.
18. Российская музейная энциклопедия. Словарь музейных терминов. – URL: <http://museum.ru/rme/dictionary.asp?162> (дата обращения: 20.01.2024).
19. Божко, О. Музей искусств Пудун (MAP) по проекту Жана Нувеля в Шанхае. – URL: <https://www.interior.ru/architecture/12770-muzei-iskusstv-pudun-map-po-proektu-zhana-nuvelya-v-shanhae.html> (дата обращения: 20.01.2024).
20. Фролова, Н. Музей над аэроэкспрессом // Arhi.ru. – URL: <https://archi.ru/world/49130/muzei-nad-aeroekspressom> (дата обращения: 20.01.2024).
21. Шамаева, Т. Современные фасадные технологии и медиа-архитектура // Проект Байкал. – 2022. – № 1 (71). – С. 150–156. – DOI: <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.71.1957>.
22. Green museum // Wikipedia. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Green_museum (дата обращения: 22.01.2024).
23. «Зеленые крыши» – долгосрочный вклад в экологию города. – URL: <https://facepla.net/content-info/art-menu/629-green-roof-eco-deposit.html> (дата обращения: 20.01.2024).
24. «Зеленый» музей // Arhi.ru. – URL: <https://archi.ru/world/46510/zelenyi-muzei> (дата обращения: 20.01.2024).
25. Shanghai Natural History Museum // Architime.ru – URL: https://www.architime.ru/specarch/perkins_and_will/shanghai_natural_history_museum.htm#4.jpg (дата обращения: 20.01.2024).

References

- Academic. (n.d.). Museum. In *Academic Dictionaries and Encyclopedias*. Retrieved February 20, 2024, from <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/31566>
- Anisimova, L. Iu., & Selivanenko, A. M. (2016). Museum technologies of the disabled persons' social adaptation in the Russian Federation. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 9(12), 2866–2871.
- Antyufeeva, O. (2013). Architecture of contemporary art museum as artistic landscape (the Danubian Meulensteen Art Museum in Bratislava). *Academia. Architecture and Construction*, 2, 31–35.
- Bakushkina, E. (2016). Architecture of modern museum buildings. Formation of semantic models. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 34, 102–108.
- Bogunia-Borowska, M. (2016). The museum as a space of social relations. Oskar Schindler's Enamel factory museum in Cracow and Polin museum of the history of Polish Jews in Warsaw. *Monitoring of Public Opinion: Economic and social changes*, 5, 233–255.
- Bozhko, O. (n.d.). Muzei iskusstv Pudun (MAP) po projektu Zhana Nuvelya v Shankhae [Museum of Art Pudong (MAP) designed by Jean Nouvel in Shanghai]. *Interior+Design*. Retrieved January 20, 2024, from <https://www.interior.ru/architecture/12770-muzei-iskusstv-pudun-map-po-proektu-zhana-nuvelya-v-shanhae.html>
- Chugunova, A. (2010). Museum architecture in the context of contemporary culture. *The Problems of Museology*, 1, 34–43.
- Chugunova, A. (2011). Museum architecture within the framework of the “New Museology” movement. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 131, 372–376.

Chugunova, A. (2013). “Home” for a museum: to the question of museum architecture functions. *Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture*, 4(17), 126–128.

Frolova, N. (2013, July 10). Muzei nad aeroekspressom [Museum over Aeroexpress]. *Arhi.ru*. Retrieved January 20, 2024, from <https://archi.ru/world/49130/muzei-nad-aeroekspressom>

Green museum (2023, October 31). In *Wikipedia*. Retrieved January 22, 2024, from https://en.wikipedia.org/wiki/Green_museum

Khidoyatov, T., & Islamova, Sh. (2022). The development of museum architecture in the 20th century. *Science and innovation*, 1(C8), 349–356. Retrieved February 20, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-muzeynoy-arhitektury-v-20-veke>

Kostareva, I. (2017, October 5). *White Cube: Kto pridumal vystavlyat iskusstvo na fone belykh sten [White Cube: who invented to exhibit art against the background of white walls]*. Design mate. Retrieved February 20, 2024, from <https://design-mate.ru/read/an-experience/white-cube>

Lapteva, M. A., & Píkov, N. O. (2016). Visualization technology in museum (From the experience of SibFU collaboration with the museums of Russia). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 9(7), 1674–1680.

Nosachev, S. (n.d.). Shanghai Natural History Museum. *Architime.ru*. Retrieved January 20, 2024, from https://www.architime.ru/specarch/perkins_and_will/shanghai_natural_history_museum.htm#4.jpg

Parfent'eva, N. V., & Parfent'ev, N. P. (2010). University art museum: the basic directions of activity and their scientific and teaching aids. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 3(3), 413–420.

Reiting poseshchaemosti muzeev mira: Rossiya podnyalas v lidery [World Museum Attendance Rating: Russia has risen to the top]. (n.d.). *The Art Newspaper Russia Art News*. Retrieved February 20, 2024, from <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20220516-qlww/>

Rollig, S. (2020). Rethinking the museum. What turns a museum visit into a lasting experience? *Actual Problems of Theory and History of Art*, 10, 662–666. Retrieved January 20, 2024, from <https://actual-art.org/files/sb/10/Rollig.pdf>

Russian Museum Encyclopaedia. (n.d.). Ekomuzei [Ecomuseums]. In *Dictionary of museum terms*. Retrieved January 20, 2024, from <http://museum.ru/rme/dictionary.asp?162>

Shamaeva, T. (2022). Modern facade technologies and media architecture. *Project Baikal*, 19(71), 150–156. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.71.1957>

Surikova, K. (2009). Strategies of attitude towards historical past as a factor of museum architecture evolution. *Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture*, 6(2), 225–230.

Surikova, K. (2012). Evolution of the museum image: from Museion to the White Cube. *The Problems of Museology*, 2(6), 11–17.

Surikova, K. (2015). Form and function in 20-century museum architecture. *Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture*, 17(2), 79–84.

Tsvetkova, S. (2010, September 7). “Zelenye kryshi” – dolgosrochniy vklad v ekologiyu goroda [“Green roofs” – a long-term contribution to the ecology of the city]. *FacePla.net*. Retrieved January 20, 2024, from <https://facepla.net/content-info/art-menu/629-green-roof-eco-deposit.html>

“Zelenyi muzei” [“Green” museum]. (2013, February 26). *Arhi.ru*. Retrieved January 20, 2024, from <https://archi.ru/world/46510/zelenyi-muzei>



< Рис. 23. Музей естественной истории. Шанхай, КНР. 2015. Бюро Perkins+Will (<https://thumbnailer.cdn-si-edu.com>)

Выполнен анализ городской музейной политики, на основе которого обосновано предложение по строительству современных музеев в Иркутске. Приведены результаты научно-исследовательской деятельности рабочей группы «Архитектура новых музеев в современном городе» в ИРНТУ, сделаны выводы о целесообразности строительства новых музеев в центре Иркутска. Рассмотрены проекты, выполненные студентами-архитекторами Иркутской архитектурной школы в качестве выпускных квалификационных работ: проект реконструкции и расширения краеведческого музея на основе исторического здания Музея ВСОРГО (Артём Зюбр), проект музейного здания для географической и исторической коллекции, связанной с североамериканскими открытиями путешественников и купцов из Иркутска (Никита Соболевский), проект нового здания для Музея азиатского искусства (Алиса Валева).

Ключевые слова: музей; музейные коллекции; архитектура музеев; художественный музей; социально-культурное развитие городов. /

The article presents an analysis of the city museum policy used as a basis for a proposal for the construction of modern museums in Irkutsk. The article provides the results of the research activity of the working group "Architecture of new museums in the modern city" at INRTU and the conclusions about the expediency of building new museums in the centre of Irkutsk. The following projects made by students of Irkutsk architectural school as final qualifying works are considered: the project of reconstruction and expansion of the museum of regional studies on the basis of the historical building of the VSORGO Museum (Artem Zyubr), the project of the museum building for the geographical and historical collection related to the North American discoveries of travellers and merchants from Irkutsk (Nikita Sobolevsky), and the project of the new building for the Museum of Asian Art (Alisa Valeeva).

Keywords: museum; museum collections; museum architecture; art museum; social and cultural development of cities.

Новое музейное строительство в Иркутске / New museum construction in Irkutsk

текст

Андрей Ляпин

Иркутский национальный
исследовательский
технический университет

text

Andrey Lyapin

Irkutsk National Research
Technical University

Введение

Первые музейные коллекции появились в Иркутске еще в XVIII веке. В 1782 году в городе было создано «Собрание редкостей натуральной истории» – ботаническая, геологическая и этнографическая коллекция, собранная в первых сибирских научных экспедициях. С этого года отсчитывает свою историю Иркутский областной краеведческий музей.

В XIX веке формирование иркутских музейных коллекций продолжилось. В 1822 году в Сибири была проведена реформа административного устройства и Иркутск стал административным центром, столицей Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. В Восточную Сибирь вошли Иркутская и вновь образованная Енисейская губерния, а также Якутская область и три особых управления: Охотское, Камчатско-Приморское и пограничное с Китаем Троицко-Савское. Иркутск оставался базой для многих научных экспедиций по сторонам света – на север, в Арктику и Северную Америку, на восток – на Амур и в Приморье, на юг – в Монголию и Китай. К концу XIX века усилиями известных путешественников – Степана Крашенинникова, Григория Потанина, Александра Сибирякова, Владимира Обручева, Николая Козьмина, а также приглашенных на русскую службу немецких ученых Герхарда Миллера, Даниэля Мессершмитда, Иоганна Гмелина, Петра Палласа и других в городе были созданы геологические, географические и этнографические коллекции национального масштаба [1]. Проведенные экспедиции и собранные научные и этнографические материалы позволяли многое узнать обо всей азиатской части России. В городе стали появляться не только естественно-научные, но и художественные коллекции. К концу XIX века купеческими династиями в Иркутске было собрано и несколько живописных коллекций русского и западноевропейского искусства [2]. Город приобрел славу просвещенного и культурного центра Сибири. Завершением этого более чем столетнего этапа в развитии города стало строительство Музея Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРГО) по проекту архитектора Генриха Владимировича Розена на набережной Ангары в 1883 году [3].

В XX веке развитие музеев города происходило за счет перемещения музейных коллекций в более просторные помещения приспособленных зданий. Для музеев в основном использовали здания, признанные памятниками истории и культуры и связанные с какими-то историческими событиями. Новое здание музейного назначения в XX веке в Иркутске было построено только одно: в 1995 году по проекту архитекторов Андрея Красильникова и Анны Коноплевой возвели городской выставочный зал имени художника Виталия Рогова.

В настоящее время Иркутск стоит перед необходимостью строительства новых музейных зданий. Особенную актуальность этому придает принятая стратегия социально-экономического развития города, в которой одно из первых мест занимает туризм. Сегодня в Иркутске сложилась парадоксальная ситуация. Туристический поток есть, причем количество туристов намного больше, чем в других городах Сибири, музейные коллекции есть, но из-за недостатка площадей и тесных, неудобных и несовременных пространств посещение музеев – явление редкое, и свободного, удобного доступа жителей города и массового потока туристов к музейным коллекциям нет. Широкому привлечению горожан и туристов к знакомству с историческим прошлым и современным искусством препятствуют размеры и неудобная планировка зданий, в которых размещены музейные коллекции.

Методы

В основу статьи положены исследования по теории и практике строительства новых музеев в крупных городах – туристических центрах, проведенные автором в 2013–2023 годах. Используются результаты исследований, которые осуществлялись в сотрудничестве с другими преподавателями кафедры архитектурного проектирования и в ходе руководства научно-исследовательской работой студентов-архитекторов.

В 2013 году на кафедре архитектурного проектирования было создано научно-проектное направление и рабочая научно-проектная группа «Архитектура новых музеев в современном городе», в которую вошли преподаватели, аспиранты и студенты Института архитектуры, строитель-

ства и дизайна Иркутского национального исследовательского технического университета (ИРНТУ).

В ходе научных исследований и эскизных проектных разработок для создания новых музеев использовались следующие научные методы и опытно-проектные разработки:

- изучение теоретических работ по строительству музейных зданий;
- анализ архитектурно-планировочных решений новых музейных зданий и современного значения новых музеев в планировочном и экономическом развитии городов;
- обзор проблем строительства новых музейных зданий в социальных сетях и СМИ;
- разработка эскизных проектов музеев в ходе учебного курсового проектирования;
- разработка проектов музеев в ходе дипломного архитектурного проектирования выпускных квалификационных работ.

Результаты за первые три года научно-исследовательской работы по этому направлению были представлены на региональной научно-практической конференции «Архитектура новых музеев в современном городе», проведенной в 2016 году в Институте архитектуры, строительства и дизайна ИРНТУ. Был опубликован сборник материалов конференции, который получил признание в научных архитектурных сообществах [4]. Следует отметить, что на первом этапе научно-исследовательской работы (2013–2016) студенты и преподаватели ИРНТУ сосредоточили внимание на современной практике музейного строительства в городах Европы – Амстердаме, Париже, Марселе, Бильбао, а новые музеи в Штутгарте, Мюнхене, Вене, Брегенце студентам и преподавателям Иркутской архитектурной школы удалось увидеть своими глазами в ходе нескольких ознакомительных экскурсий [5].

После конференции, с 2017 по 2023 год, научная и учебная проектная работа по архитектуре музеев в Иркутской архитектурной школе была продолжена. В рамках дипломного проектирования молодые архитекторы Иркутской архитектурной школы разработали более 20 проектов различных музеев для городов Приангарья [6].

Результаты и обсуждение

В ходе изучения теории и практики музейного строительства конца XX – начала XXI [7–9] века стало ясно, что роль музеев в культурной жизни городов, также как и в городской планировочной структуре, принципиально изменилась по сравнению с периодом второй половины XIX – начала XX века. Если раньше, 100–150 лет назад, музей рассматривался как хранилище экспонатов, то сегодня музей в первую очередь создается как общественное пространство – открытая для всех, демократичная площадка, где у каждого есть доступ к культурным ценностям. Сценарий поведения посетителей в музеях становится все более близким к типу прогулки и, соответственно, все больше закладывается в архитектурную программу проектирования. Также к настоящему времени резко расширились функции музеев. Они укрупняются и становятся многофункциональными центрами культуры в городах. Теоретик архитектуры Анна Брновицкая пишет: «Из тихих учреждений, важнейшей задачей которых было хранение и изучение артефактов, доступ к которым открывался прежде всего специалистам и квалифицированным ценителям, они превратились в центры многообразной активности, удовлетворяющей ожидания самых разных категорий людей» [10, с. 66].

В ходе изучения практики строительства музеев в Иркутске выяснилось, что в XX – начале XXI века архитектурная идея создания новых крупных современных

музейных центров никогда не обсуждалась. Причину этого нужно искать в архитектурной политике культурного строительства в городе, заложенной как московскими архитекторами-градостроителями и архитекторами-реставраторами, так и исполнительными властями Иркутской области в 1970–1980-х годах.

Вопросы создания новых музеев в Иркутске начали обсуждаться в 1970-е годы. Толчком к возникшей дискуссии о музеях стала подготовка к 150-летию юбилею со дня восстания на Сенатской площади в Санкт-Петербурге в декабре 1825 года. Богатое историческое наследие революционеров-декабристов, сосланных после восстания в Сибирь, их вклад в культуру и просвещение Приангарья воплотились в предложение по созданию музея «Декабристы в Иркутске». Проект такого музея был подготовлен иркутскими архитекторами Владимиром Колпиковым, Владимиром Сотниковым, Галиной Вязуновой и Ириной Симутиной под руководством московских архитекторов-реставраторов Галины Оранской и Евгения Барановского [11, с. 176]. Проект предусматривал размещение музейной экспозиции в существовавших исторических зданиях, связанных с жизнью декабристов, и музеефикацию прилегающих исторических кварталов. Так появилась иркутская традиция все музейные экспозиции размещать в архитектурных памятниках и исторических зданиях.

В 1980-е годы установка на размещение музейных экспозиций в приспособленных архитектурных памятниках было продолжена. В 1981 году московские архитекторы, сотрудники ЦНИИП градостроительства В. Васильченко и В. Ермаков, которые вели разработку очередного генерального плана города, опубликовали в журнале «Архитектура СССР» статью «Иркутск: проблемы и перспективы». В отношении городской политики музейного строительства они писали: «Почти все реставрированные памятники будут использоваться как филиалы областных музеев. Это позволит сохранить историческую и художественную ценность памятников, даст возможность изыскивать дополнительные средства на их реставрацию и реконструкцию» [12, с. 11]. Вопрос о том, насколько физические возможности памятников соответствуют современным требованиям музейной деятельности, не рассматривался. Этот градостроительный ориентир создания музеев действует и сейчас. Однако за прошедшие 50 лет многое изменилось, и в настоящее время такая градостроительная политика не соответствует потребностям развития города. Иркутские музеи тесные, неудобные и неуютные. Если сегодня на экскурсии в любом иркутском музее окажутся сразу три школьных класса или три группы туристов, это вызовет путаницу и столпотворение. Транспортная доступность является большой проблемой. Рядом с любым иркутским музеем невозможно припарковать ни два, ни три автобуса без нарушений правил дорожного движения. В большинстве музеев и экспозиционные площади, и вспомогательные помещения, и помещения для хранения фондов часто не соответствуют современным стандартам, а если соответствуют, то лишь формально.

Исходя из потребностей дальнейшего социально-культурного развития Иркутска и развития туризма в городе, необходимо рассмотреть вопрос об использовании новых, современных проектных подходов и градостроительных методик к созданию музеев. На основе аналитических и проектных разработок, выполненных рабочей группой «Архитектура новых музеев в современном городе» на кафедре архитектурного проектирования, были сформулированы обязательные условия, которые должны присутствовать в городе для успешного создания крупных современных музеев, способных создать и удерживать большой туристический поток и формировать

центры культурной, информационной и коммерческой активности. Этих обязательных условий четыре:

- Музей должен создаваться на основе крупной коллекции или достопримечательности. Следует отметить, что музейная коллекция и предмет, которому она посвящена, должны иметь национальную значимость.

- В городе должно существовать сообщество искусствоведов. Коллекция, на основе которой планируется создание крупного современного музея, должна иметь сопровождающий профессиональный корпус музейных сотрудников – историков, музееведов, искусствоведов.

- Создание и строительство нового крупного музея в городе должно пониматься как дело всего города. В процесс создания музея как элемента культурной и социально-экономической политики развития всего города должно быть вовлечено всё городское сообщество и все подразделения городских и региональных властей. Все участники должны прилагать усилия, чтобы новый музей был быстро сооружен и имел национальный масштаб. Тогда город может рассчитывать как на экономическую отдачу от туризма в городе, так и на быстрые положительные изменения в культурном воспитании горожан.

- Четкое, ясное и свободное понимание городскими властями практических аспектов строительства нового крупного музея – финансирования строительства, обеспечения земельного участка, корректировки схем транспорта и функционального использования прилегающих кварталов и ландшафтов. Специалисты городского управления, которые будут заняты в создании музея, должны иметь необходимую квалификацию и профессиональный кругозор. Создавая современный крупный музей в городе, специалисты должны рассматривать данный городской проект как часть развития культурно-экономического и туристического потенциала страны. Для реализации музейного проекта в Иркутске специалисты исполнительной власти должны и хотеть, и уметь привлекать федеральные ресурсы.

Сегодня следует признать, что для строительства в городе новых крупных музеев, которые могут играть роль в развитии туризма, в Иркутске сложились не все условия. В городе есть музейные коллекции национального и международного масштаба, в последнее десятилетие появился корпус сильных, профессионально подготовленных искусствоведов. Но два других условия для строительства новых крупных музеев в Иркутске пока не сложились – ни в плане культурного строительства,

ни в градостроительной документации новые крупные музеи не предусмотрены. И поэтому закономерно, что поиски схемы финансирования и инвестиционный алгоритм также отсутствуют.

Чтобы обратить внимание на необходимость строительства новых музеев в Иркутске, в 2023 году рабочая группа по архитектуре современных музеев ИРННТУ выступила с инициативой. На основе разработок предшествующих лет автор статьи совместно со студентами-архитекторами разработал проектно-планировочное предложение по размещению строительства новых современных музеев для Иркутска и подготовил Схему местоположения нового музейного строительства. В этой обобщающей работе были учтены выполненные ранее дипломные проекты музеев для Иркутска. Тематика предлагаемых музеев имеет национальное общекультурное значение. Тем самым выполняется первое обязательное условие для строительства современного музея и подчеркивается его связь с формированием устойчивого туристического потока.

На основе обширного опыта зарубежной и отечественной практики современного музейного строительства предлагается проектировать музеи достаточно крупными, не менее 4000 м². Такие размеры позволят организовать комфортное использование здания музея как для туристов, так и для проведения культурных мероприятий.

Предварительно были сформулированы градостроительные принципы размещения новых музеев в Иркутске. Четыре принципа являются обязательными:

- новый крупный музей должен создаваться как центр нового архитектурного ансамбля;
- при созданном музее обязательно должно присутствовать новое крупное прилегающее открытое общественное пространство. Желательно, чтобы музей строился рядом с существующими или создаваемыми площадью, бульваром, парком или набережной;
- в прилегающих к новому музею кварталах необходимо создавать зоны для частных инвестиций коммерческого назначения;
- новый музей должен создаваться в месте, обеспечивающем удобную транспортную и пешеходную доступность.

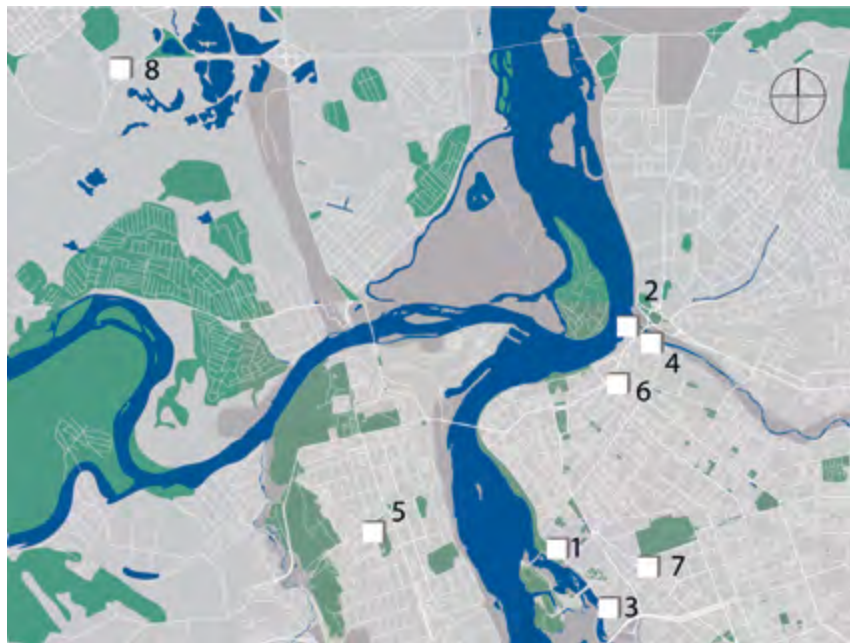
Пятый принцип не является обязательным, однако следование ему обеспечит идеальную ситуацию в отношении эстетических и функциональных качеств нового музея. Это принцип соответствия местоположения нового музея историческому ландшафту или достопримечательности, которая связана с назначением нового музейного здания.

Была выполнена Схема размещения нового музейного строительства в Иркутске (рис. 1). Предлагается строительство восьми новых музеев, тематика которых опирается на существующие в городе коллекции национального значения и стратегию развития Иркутска как крупнейшего в Сибири туристического центра. В разное время в обсуждении и разработке представленной Схемы принимали участие студенты-архитекторы Алиса Валеева, Артём Зюбр, Игорь Коновалов, Анна Ракилова и Никита Соболевский. Графическое исполнение Схемы выполнено архитектором-дизайнером Марией Рюмкиной.

Предлагаются площадки для строительства следующих музеев:

1. Исторический музей (ограничение тематики существующего краеведческого музея и его реконструкция).
2. Музей географических открытий (Музей Русской Америки).
3. Музей азиатского искусства.
4. Музей экономики и торговли.
5. Музей современного искусства.
6. Литературный музей.

в Рис. 1. Схема размещения нового музейного строительства





< Рис. 2. Проект реконструкции Иркутского областного краеведческого музея

- 7. Галерея европейского искусства.
- 8. Музей природы Приангарья.

Первый новый музей создается на участке, прилегающем к Иркутскому областному краеведческому музею. Планируется разделить общую коллекцию музея на историческую и коллекцию путешествий и географических открытий. Для географической коллекции предлагается построить новое здание на другой площадке. Существующий архитектурный объем краеведческого музея 1880-х годов должен быть дополнен новым корпусом. В 2011 году проект реконструкции краеведческого музея выполнил молодой архитектор Артём Зюбр (рис. 2) [6].

Географическую, геологическую и этнографическую коллекции предлагается перенести в новый Музей географических открытий (Музей Русской Америки), создаваемый на набережной Ангары, при слиянии ее с Ушаковкой. Место выбрано неслучайно: с площадки перед новым музеем будет открываться вид на обе реки – Ангару и Иркут, на исторический Знаменский монастырь и на место, где ранее размещалось Иркутское адмиралтейство – база многочисленных географических путешествий и научных экспедиций. Первоначальные архитектурные эскизы такого музея созданы Никитой Соболевским (рис. 3).

Иркутск все 350 лет своей истории был знаменит как торговый и ремесленный город. Торговые связи имели всероссийский и международный масштаб. В XVIII и XIX веках Иркутск был центром торговли с Китаем, здесь находились крупные торговые дома. Неподалеку от географического музея предлагается создать отдельный Музей экономики и торговли. Его можно разместить в районе торговой площадки «Фортуна» или в начале улицы Декабрьских Событий. Также возможно расположение в шаговой доступности от историко-архитектурной заповедной зоны «Желябовский комплекс», Владимирской церкви и исторических зданий улицы Халтурина. Архитектурного проекта предлагаемого музея экономики и торговли пока нет.

Возле торгового центра «Яркомолл», вблизи исторического 130-го квартала, предлагается создать отдельный музей для существующей в городе коллекции азиатского



< Рис. 4. Музей азиатского искусства

искусства. Значение Азии будет неуклонно возрастать, и Иркутску следует продолжить начатую в XIX веке традицию познания Восточной Азии. Архитектурный проект Музея азиатского искусства был разработан Алисой Валеевой (рис. 4).

Иркутская художественная школа в настоящее время является одним из наиболее крупных и сильных центров художественной жизни в Сибири. Художники и искусствоведы неоднократно ставили вопрос о необходимости создания в Иркутске отдельного Музея современного искусства. Творческие достижения художников города дают основания для строительства в городе музея, посвященного современному искусству. Такой музей предлагается создать в Свердловском районе, в котором много учебных заведений, много молодежи и студентов. Важной причиной для размещения здесь крупного об-

> Рис. 3. Музей географических открытий (Музей Русской Америки)



щественного архитектурного комплекса является также критический недостаток в районе хороших, грамотно спланированных общественных пространств – площадей, скверов, набережных. Музей современного искусства и крупное общественное пространство при нем предлагается создать возле Свердловского рынка, на месте снесенного кинотеатра «Чайка». Здесь, по улице Гоголя, на основе церкви Святителей Петра и Павла формируются градостроительные предпосылки для создания крупного архитектурного общественного ансамбля, который может стать композиционным центром целого планировочного района.

Правильно и грамотно созданный в расчете на национальный и международный туризм Литературный музей Иркутска может стать одним из ведущих литературных музеев страны. Благодаря творчеству и литературному наследию иркутских писателей, такой музей будет обладать потенциалом для всестороннего просвещения в сфере литературы и русского языка. Площадка предварительно определена на улице Халтурина. Проекта Литературного музея пока нет.

Иркутская коллекция европейского искусства – одна из лучших в Сибири. Место для Галереи европейского искусства предварительно выбрано близости от музейфицированного 130-го квартала. Музей может быть построен в районе улицы 25 Октября. Проекта музея европейского искусства пока нет.

Необычное местоположение предложено для нового крупного Музея природы Приангарья. Это случай, когда выбор площадки обусловлен всеми пятью градостроительными принципами размещения музейного строительства, включая связь с ландшафтом. Предлагаемый участок расположен на бровке возвышающейся террасы Иркутка возле объездной дороги при въезде в планировочный район Ново-Ленино. С южной стороны с этого места открывается вид на особо охраняемую природную территорию «Птичья гавань». Это ново-ленинские болота – местообитание множества перелетных и зимующих птиц [13]. Также с этой бровки видна дальняя панорама всего города на другом берегу Иркутка. Создание крупного значимого общественного здания, архитектурного ансамбля на его основе, прилегающей площади, бульвара или парка на возвышенной бровке террасы позволит сформировать эффектную панораму въезда в Ново-Ленино. Проекта Музея природы пока нет.

Заключение

В настоящее время в развитии Иркутска существует серьезное противоречие между потребностями развития туризма в городе и отсутствием удобного, современного, массового доступа жителей города и туристов к музейным коллекциям, накопленным за 350 лет истории города. Дальнейшее успешное социально-экономическое и культурное развитие Иркутска связано со строительством новых современных крупных музеев.

Результаты десятилетней научно-исследовательской и поисковой проектной деятельности рабочей группы по строительству новых музеев в Иркутске позволяют говорить о необходимости создания специального плана или программы по музейному строительству в городе. На первом этапе разработки такой программы предлагается провести конференцию по современной политике музейного строительства, на которой городские власти, представители профессионального музейного сообщества и специалисты по архитектуре и градостроительству смогут обсудить проблемы, перспективы и возможности города по созданию новых крупных проектов в сфере музейного строительства.

Литература

1. Зиннер, Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. – 248 с.
2. Сокровища Иркутского художественного музея. – Ленинград : Аврора, 1989. – 152 с.
3. Тихонова, А. С. Вклад Г. В. Розена в архитектурный облик Иркутска // Краеведческие записки. – Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2013. – Вып. 20. – С. 93–108.
4. Архитектура новых музеев в современном городе : материалы регион. науч.-практ. конференции (Иркутск, 28 апреля 2016 г.). – Иркутск : Изд-во ИРННТУ, 2017. – 138 с.
5. Тумуреева, М. Д., Макотина, С. А. Современные музеи Штутгарта // Архитектура новых музеев в современном городе : материалы регион. науч.-практ. конференции (Иркутск, 28 апреля 2016 г.). – Иркутск : Изд-во ИРННТУ, 2017. – С. 98–102.
6. Кулешов, Д. А. Проект реконструкции Иркутского краеведческого музея // Архитектура новых музеев в современном городе : материалы регион. науч.-практ. конференции (Иркутск, 28 апреля 2016 г.). – Иркутск : Изд-во ИРННТУ, 2017. – С. 61–65.
7. Ревякин, В. И. Художественные музеи : справочное пособие. – Москва : Стройиздат, 1991. – 242 с.
8. Uffelen, Ch. van. Contemporary museums. – Cologne : Braun Publishing AG, 2011. – 511 p.
9. Maier-Solgg, F. Neue museen in Europa. – Munchen : Deutsche Verlags Anstalt, 2008.
10. Бронувицкая, А. Новый век музеев // Проект International. – 2011. – № 28. – С. 66–67.
11. Иркутские архитекторы. – Иркутск : Репроцентр А1, 2011. – С. 176–177.
12. Васильченко, В., Ермаков, В. Иркутск: проблемы и перспективы // Архитектура СССР. – 1981. – № 8. – С. 3–11.
13. Рябцев, В. В., Фёфелов, И. В. Редкие виды птиц на Ново-Ленинских озерах (Иркутск) // Русский орнитол. журнал. – 1997. – Т. 6, № 25. – С. 11–18.

References

- Architecture of new museums in the modern city. (2017). *Proceedings of the regional scientific conference (Irkutsk, 28 April 2016)*. Irkutsk: INRTU Publishing House.
- Bronovitskaya, A. (2011). Novyi vek muzeev [The New Age of Museums]. *Project International*, 28, 66-67.
- Irkutskie arkhitektory [Irkutsk architects]*. (2011). Irkutsk: Reprocentre A1.
- Kuleshov, D. A. (2017). Reconstruction project of the Irkutsk Museum of Local Lore. *Architecture of new museums in the modern city. Proceedings of the regional scientific conference (Irkutsk, 28 April 2016)* (pp. 61-65). Irkutsk: INRTU Publishing House.
- Maier-Solgg, F. (2008). *Neue museen in Europa*. Munchen: Deutsche Verlags Anstalt.
- Revyakin, V. I. (1991). *Khudozhestvennye muzei: Spravochnoe posobie [Art museums: Reference book]*. Moscow: Stroyizdat.
- Ryabtsev, V. V., & Fefelov, I. V. (1997). Rare bird species at Novo-Leninskies Lakes (Irkutsk). *Russian Journal of Ornithology*, 6(25), 11-18.
- Sokrovishcha Irkutskogo khudozhestvennogo muzeya [Treasures of the Irkutsk Art Museum]*. (1989). Leningrad: Aurora.
- Tikhonova, A. S. (2013). Vklad G. V. Rozena v arkhitekturnyi oblik Irkutsk [G. V. Rosen's contribution to the architectural appearance of Irkutsk]. *Local Lore Notes*, 20, 93-108. Irkutsk: Publishing House of the Institute of Geography SB RAS. - Issue. 20. - C. 93-108.
- Tumureeva, M. D., & Makotina, S. A. (2017). Modern museums of Stuttgart. *Architecture of new museums in the modern city. Proceedings of the regional scientific conference (Irkutsk, 28 April 2016)* (pp. 98-102). Irkutsk: INRTU Publishing House.
- Uffelen, Ch. van. (2011). *Contemporary museums*. Cologne: Braun Publishing AG.
- Vasilchenko, V., & Ermakov, V. (1981). Irkutsk: problemy i perspektivy [Irkutsk: problems and prospects]. *Architecture of the USSR*, 8, 3-11.
- Zinner, E. P. (1968). *Sibir v izvestiyakh zapadnoevropeiskikh puteshestvennikov i uchenykh XVIII veka [Siberia in the news of Western European travellers and scientists of the XVIII century]*. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House.

Дается обзор поездки по четырем сибирским городам. Характеризуются их основные достопримечательности, состояние городской застройки, сохранность памятников и настроение жителей.

Ключевые слова: памятники архитектуры; Тобольск; Енисейск; фестиваль ЗВС-2024; Тюмень; Канск; исторический город; общественные пространства. /

The article describes a trip to four Siberian cities. The author characterizes their main sights, urban development, preservation of monuments and mood of their inhabitants.

Keywords: architectural monuments; Tobolsk; Yeniseysk; ZVS Festival 2024; Tyumen; Kansk; historic city; public spaces.



^ Тобольск. Гостиные ряды

Путевые заметки / Travel Notes

Подшло к концу мое путешествие из Москвы в Иркутск через всю Сибирь, через семь городов. О некоторых из них пойдет речь.

Первым по порядку (и исторической логике) был Тобольск.

Тобольск

В 1582 году Ермак держал бой с войском сибирского хана Кучума на крутом берегу Иртыша, а летом 1587 года неподалеку от места впадения Тобола в Иртыш был основан Тобольск и уже через три года возведен в статус города.

В моем личном рейтинге из семи городов этот город так и остался первым, непревзойденным. Удивительно, правда, что город с такой историей и архитектурой не имеет статуса исторического.

Что впечатлило?

Конечно, более всего – **Кремль**: в остальных сибирских городах такого просто нет и не было. Производит впечатление, откуда бы ни входил – с верхней платформы или поднимаясь снизу по грандиозной лестнице. К этому, зная историю империи и историю архитектуры, была готова. Но были и потрясения, которые не предчувствовала.

И это **парк ЕРМАКОВО ПОЛЕ**.

Ничего подобного – ландшафтного объекта, задуманного одним человеком и планомерно, бережно, тщательно выполняемого по его замыслу, – не встречала нигде. Императорские (в окрестностях Петербурга) и королевские (Версаль, Фонтенбло) затеи не считаю: все-таки у правителей государств несколько иные возможности. Создатели парка – общественный деятель, издатель, глава фонда «Возрождение Тобольска» Аркадий Григорьевич Елфимов и архитектор, советник РААСН Алексей Белоусов.

Продуманная структура, видовые площадки, часовня, сад, подбор деревьев, пение птиц, смена ракурсов, скульптуры и памятники – все неслучайно, все восхищает и приводит к состоянию мира и гармонии. Хочется, чтобы это пространство умиротворения и сложного, разнобразного порядка продолжалось, расширялось, спускалось по мере своего распространения к нижней террасе, достигало берега Иртыша.

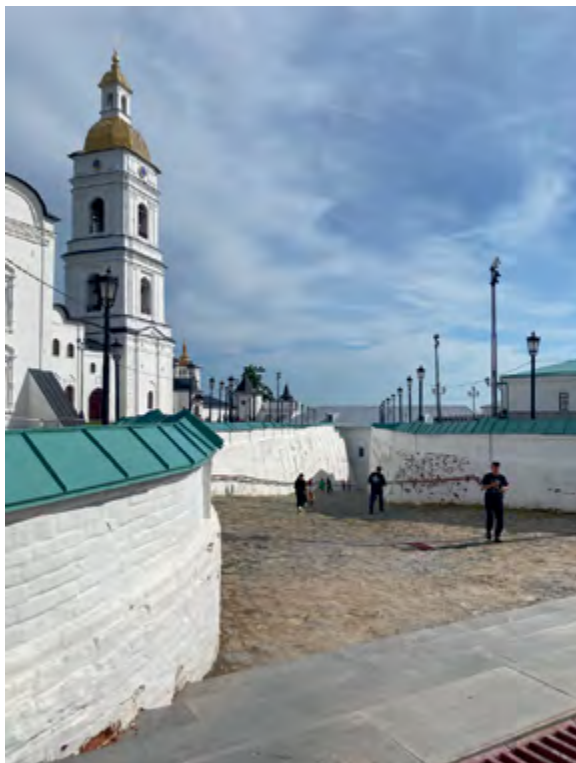
Профессиональный интерес вызвала и урбанистическая деятельность на нижней террасе города у подножия Кремля. **Пешеходную улицу**, протянувшуюся от сквера Александра II и дома, где прожила последний свой год семья императора Николая II, считаю очень перспективной для развития города.

Улица удачно расположена между двумя важными общественными пространствами – Александровским сквером и Базарной площадью, двумя магнитами, каждый со своим сильным (потенциально) магнитным полем.

Как специалист, пятнадцать лет назад участвовавший в создании Концепции Концепции 130-го квартала в Иркутске, замечу, что такое расположение между двумя площадями очень важно для создания потока и жизни

текст и фото

Елена Григорьева
Российская академия
архитектуры и
строительных наук
text and photo
Elena Grigoryeva
Russian Academy
of Architecture and
Construction Sciences



< Тобольск. Кремль





^ Tobolsk. Пешеходная улица



^ Tobolsk. В парке «Ермаково поле». Слева архитектор Алексей Белоусов, справа Аркадий Елфимов, руководитель фонда «Возрождение Tobolska»

< Вход в Tobolskий кремль с нижней террасы

улицы, а следовательно, и коммерческой привлекательности всей системы общественных пространств.

Конечно, сейчас она не работает в полную силу, так как половина зданий вдоль улицы являют собой руинированные остовы, поросшие бурьяном. Однако глаз архитектора видит потенциал, качество и масштаб архитектуры, дух истории. Коммерсанты, мелкие и крупные, должны бороться за право разместить свой бизнес, свои сервисы, кафе и магазины, галереи и музеи частных коллекций на этом пешеходном променаде. В Иркутске, первым реализовавшим проект комплексной реконструкции исторического квартала, основанного на синергии пешеходного променада и архитектурного наследия, территория в 5,6 гектара, по свидетельству девелоперов, приносит 1 миллиард дохода в бюджеты разных уровней. При том интересе, который вызывает Tobolsk, город, открывающий Сибирь, при том внимании, которое сейчас уделяется российским государством развитию туризма, потенциал пешеходной улицы оцениваю никак не ниже.

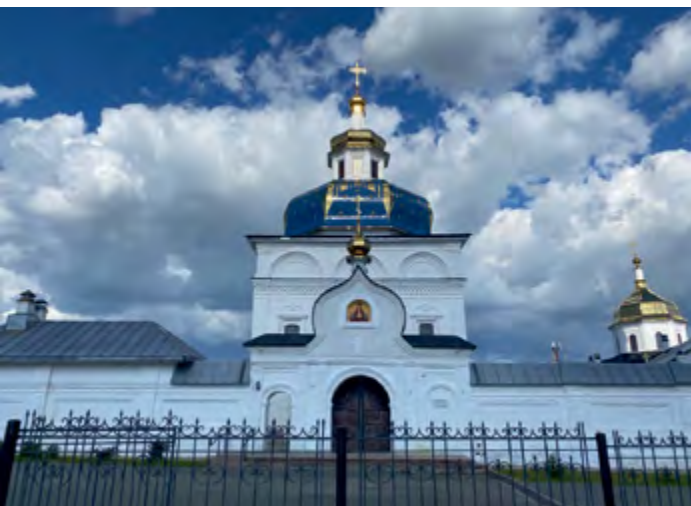
Интересно было воочию увидеть строгое разделение города на три части: историческую, современную

и промышленную (с разрывом 10 км от двух первых). Численность населения превысила 100 тысяч и растёт.

Тюмень

Город богатый и по сибирским меркам с солидной историей – на год старше Tobolska. Перехватил столичность у Tobolska благодаря Транссибу, судьбоносному для многих городов. Здесь с 13 по 15 июня прошел VII Всероссийский фестиваль «Архитектурное наследие – 2024», и местом проведения был удачно выбран Дворец культуры «Нефтяник», название которого прямо указывает на источник благополучия города. А расположение у набережной и одновременно на траектории новой пешеходной улицы указывает на прогрессивные урбанистические движения.

Организатор фестиваля – Союз архитекторов России – обозначил тему фестиваля 2024 года как «Архитектурное наследие и современный город: баланс между прошлым и будущим». Гран-при за лучший баланс получила Москва за работу «Жемчужины Главной аллеи ВДНХ». В номинации «Реализованные проекты реставрации объектов



^ Tobolsk. Абакаловский монастырь



^ Тюмень. Пешеходная улица

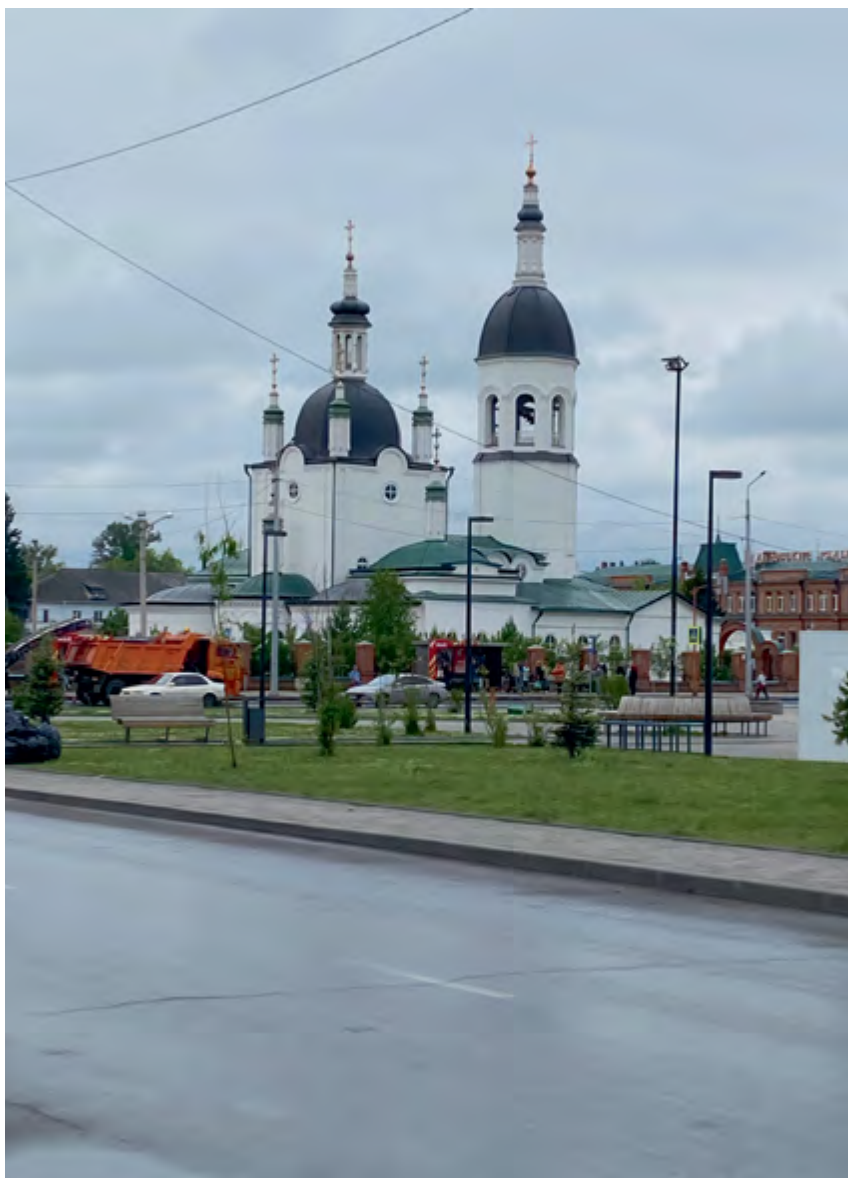


^ Канск. Не лучшие времена...



^ Канск. Военный городок

v Канск. Храм на главной городской площади



архитектурного и ландшафтного наследия и приспособления их к современным условиям» жюри отметило Золотым дипломом администрацию города Тобольска, представившую программу «Тобольск настоящий – создаем будущее, не изменяя прошлому».

В конкурсе «Проекты» в номинации «Объекты гражданской архитектуры» золотой и бронзовый дипломы жюри присудило архитектурному бюро «Студия 44» за работы «Музей археологии "Меншиков бастион"» и «Учебно-административный корпус Северо-Западного института управления – филиала РАНХИГС». В номинации «Лучшая статья/серия статей об архитектурном наследии» среди трех лауреатов – автор ПБ Надежда Грязнова (Москва) за статьи «Модернизация транспортной инфраструктуры последней четверти XVIII – начала XIX века и ее роль в общей системе расселения России» («Проект Байкал, 2022, № 72) и «Швы границ и сети городов: Россия в конце XVIII века» (Проект Байкал, 2022, № 74).

В следующем году (об этом сообщил начальник Главного управления архитектуры и градостроительства Рязанской области Роман Шашкин) фестиваль пройдет в Рязани.

Канск

Один из четырех старинных городов Красноярского края (в числе которых еще Енисейск, Красноярск и Ачинск), по словам компетентных жителей, переживает не самые лучшие времена. Множество прекрасных дореволюционных зданий в состоянии глубокой заброшенности. Однако главная площадь с храмом, воссозданными торговыми рядами и прекрасным музеем благоустроена, оснащена качелями и прочими модными атрибутами современной урбанистики. И военный городок – родственник и ровесник иркутского, красноярского и ачинского – содержится в относительно приличном состоянии: здания ремонтируются, в них живут люди, ухаживают по мере сил за своей территорией с разнообразной зеленью и цветниками...

Енисейск

В отличие от Тобольска, Енисейск сохранил статус «исторического» наряду с Томском, Иркутском и Кяхтой (за Уралом таких городов только четыре, а всего в Российской Федерации 42). В 2001 году историческая



^ Енисейск. Музей

А и вправду, зачем беспокоиться – город В ПОРЯДКЕ. Гостиницы, в которых жили архитекторы – участники фестиваля ЗОДЧЕСТВО В СИБИРИ, превосходные, выше всяких ожиданий. Как выяснилось, красноярская дизайн-группа «Артстиль» стала дипломантом фестиваля «Архитектурное наследие – 2024» именно за реализацию гостиницы, в которой мы жили. Название проекта «Разработка и реализация дизайн-проекта Музея истории купеческого быта в ОКН регионального значения “ДОМ БОРОДКИНА”, 1861 г.».

Глава Енисейска, его уроженец, архитектор Валерий Никольский успешно воплощает в жизнь проекты, выполненные по федеральным и региональным программам. То, как он работает с городом, средой, архитектурой, может служить образцом для малых городов (в Енисейске 17,5 тысячи жителей), для всех городов с историческим наследием. Енисейские достижения вселяют оптимизм и веру в то, что при грамотном и высокопрофессиональном руководстве городом – все получается.

часть города была включена в Предварительный Список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО; здесь более ста памятников истории и культуры. Еще в 1970-м постановлением Госстроя РСФСР и Министерства культуры РСФСР Енисейск был внесен в список 116 городов-памятников России. Один из старейших городов Сибири (ему уже более 400 лет) расположен на левом берегу Енисея, ниже впадения в него Ангары, в 348 км от Красноярска. Путешествие группы архитекторов было организовано красноярцами как часть программы фестиваля «Зодчество в Сибири – 2024».

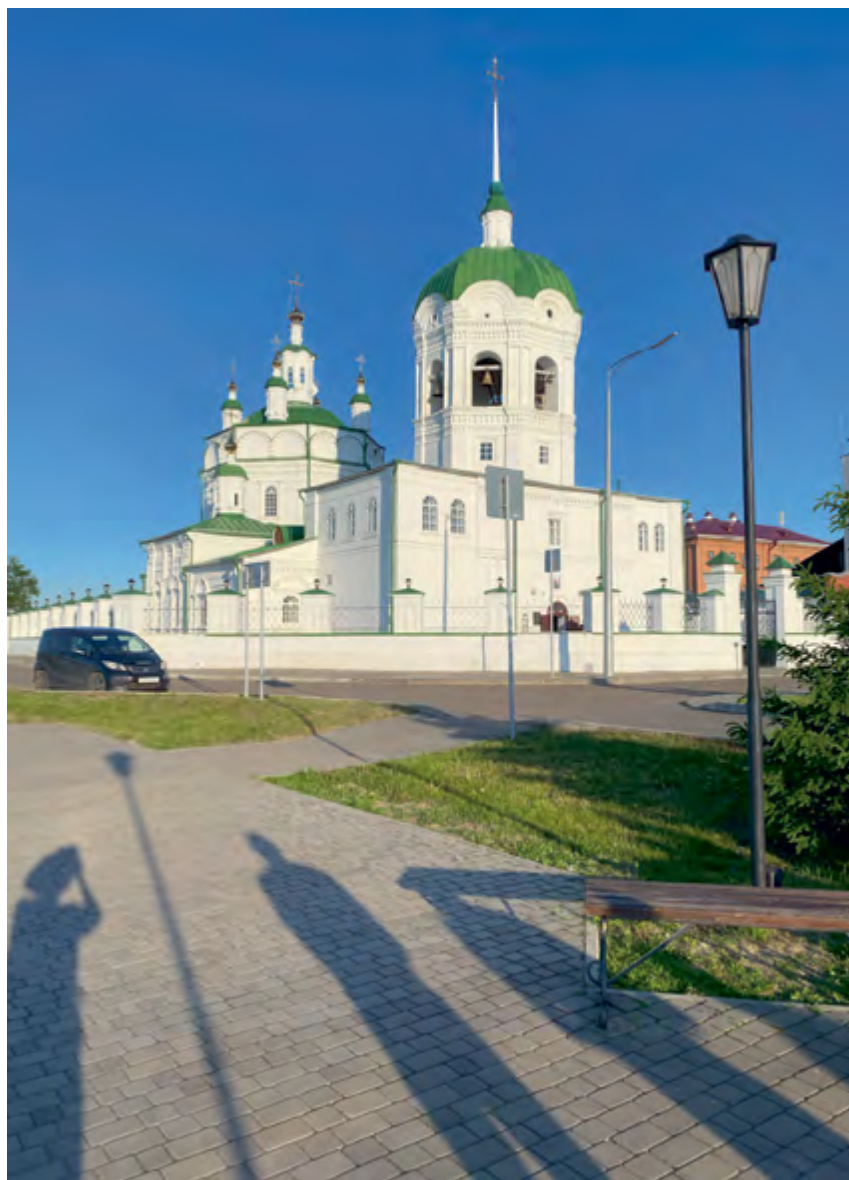
Нахожусь под глубоким впечатлением от Енисейска, его истории, его наследия и современного состояния. Историю и наследие имеют многие города, но далеко не все они могут похвастаться такими достижениями, как Енисейск, – достижениями по приведению в порядок объектов культурного наследия и, что немаловажно, городской среды – улиц, скверов, бульваров и парков, набережных. Удивительно много удалось главе города и архитектору в одном лице Валерию Никольскому сделать за такой короткий срок.

По городу приятно идти, ничто не раздражает, нет неуместных всплесков рекламы или китча, вывески стилизованы и согласуются с возрастом домов, цветовое решение тонкое, изысканное. Есть где присесть утомленному туристу или горожанину, встретившему знакомого; эти места в зеленом окружении, они уютны, удобны, и здесь открываются новые ракурсы купеческих домов, городских доминант-храмов, виды на Енисей.

Состояние городской среды отражается в лицах горожан – они приветливы, отзывчивы и оптимистичны. В воскресенье на улицах, площади и бульваре много молодежи, семейных пар с детьми, ребят разного возраста. И для всех есть свои любимые места. Бульвар, начинающийся у монастыря, был заполнен детьми до самого заката.

И на следующий день, в понедельник, люди идут на работу, по пути заводят детей в школу, и лица у них светлые, а настроение хорошее и спокойное с самого утра.

> Енисейск



Анализируются работы нидерландского философа Йохана Хейзинги, выделившего четыре отличительных признака игры – свободное участие, создание собственного мира, ограниченное время игры, порядок, а также французского социолога Р. Кайуа, который все многообразие игр свел к четырем типам – игры состязания, подражания, азартные, виртуальные. Творческие концепции парков исследуются как воплощение альтернативной реальности и целостности игры в противоположность переживаниям диссонанса общественного развития, кризиса идентичности, отсутствия эстетической гармонии. Рассматриваются характеристики контекста игры: соотношение рационального и иррационального, ограниченность в материальном пространстве, наличие персонажей и правил, атрибутика и перформанс в противовес повседневности. Приводятся примеры реализации игровых практик в парках. Актуализация игры в современной индустрии развлечений рассматривается через призму тематических парков.

Ключевые слова: игра; игровая концепция; парковое пространство; тематические парки; иммерсивность; пространственный контекст игры.

The article analyses the works of Dutch philosopher Johan Huizinga, who identified four distinctive features of play – free participation, creation of one's own world, limited time of play, and order, as well as the works of French sociologist R. Caillois, who reduced the diversity of play to four types – competition, simulation, chance and vertigo. Creative concepts of parks are studied as an embodiment of alternative reality and integrity of the play in contrast to the experience of social development dissonance, identity crisis and lack of aesthetic harmony. The authors study the characteristics of the context of the play: the correlation between the rational and irrational, the limited material space, the presence of characters and rules, paraphernalia and performance as opposed to everyday life. Examples of realisation of playing practices in parks are given. Actualisation of the play in the modern entertainment industry is considered through the lens of theme parks.

Keywords: play; play concept; park space; theme parks; immersivity; spatial context of the play.

Игра как феномен и метафора парка / Play as a phenomenon and metaphor of the park

текст

Ольга Воличенко

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы (Москва); Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

Татьяна Цурик

Юго-Западный государственный университет (Курск)

text

Olga Volichenko

RUDN University (Moscow); National Research Moscow State University of Civil Engineering

Tatiana Tsurik

South-West State University (Kursk)

Парки имеют многовековую историю, вызывая неустанный интерес к себе со стороны множества исследователей. С конца XX века появились новые модели общественных пространств, а значит, раскрылись непривычные аспекты в их изучении, в том числе связанные с превращением парков в знаковые места для горожан, объединяющие их и формирующие облик города. В настоящее время проблемы развития и функционирования парков находятся в фокусе внимания специалистов различных дисциплин: архитекторов, искусствоведов, философов, социологов, экологов. Большинство из них разделяют мнение о растущей значимости парков в городской инфраструктуре – они выступают как структурообразующие элементы города, во многом определяя его архитектурно-художественный облик. Некоторые ученые особо выделяют социальные функции парков, позволяющие реализовать познавательные, рекреационные, эстетические потребности горожан. Пристальное внимание к развитию потенциала парков объясняется требованиями биосферно-совместимого градостроительства, обеспечивающего комфорт и влияющего на психоэмоциональное состояние горожан. «Оптимальное комфортное пространство содержит визуальные символы и иконические знаки, обладает ценностными историко-культурными и природными критериями, связано с личностными переживаниями – вызывает воспоминания или создает новые впечатления, идентифицируя и превращая его в уникальное место» [1, с. 109].

Междисциплинарный подход к изучению современных городских парков позволяет рассматривать их как среду адаптации и социальной интеграции населения, где, наряду с образно-символическим восприятием пространства, происходит диалогическое и игровое взаимодействие. Архитектурная идея игровой организации пространства парков направлена на эмоциональное сотворчество и соучастие горожан в общих праздниках и событиях. Парковые пространства имеют архитектурно-ландшафтные особенности, регламентирующие и определяющие сценарии игрового поведения людей вне зависимости от исторической эпохи. Смысловые и формальные особенности игры требуют определенных пространственных решений, таких как добровольный

и свободный характер перемещения, наличие физических границ, изоляция игроков от остального окружения, упорядочивание пространства, в котором создаются условия для применения правил. Всем перечисленным требованиям отвечают парковые пространства прошлого и настоящего. Вместе с тем актуализация игры как экзистенциального феномена осуществляется в конкретных исторических условиях и изменяется вместе с социокультурной ситуацией. Задачи привлечения посетителей и туристов требуют от современных парков нетрадиционных пространственных решений, выходящих за рамки удовлетворения типовых рекреационных и развлекательных функций. Особый интерес вызывает современная трансформация парковых пространств под натиском информационных технологий, существенно изменивших представление о том, каким образом могут быть реализованы игровые практики.

В рамках заявленной темы наиболее продуктивно, на наш взгляд, изучение игры с точки зрения ее влияния на конструирование новой реальности в городской среде и понимание игры как смыслообразующей доминанты современных парков. Пространственный контекст бытования игры, выявление принципов, являющихся естественными и эффективными для осуществления игровой деятельности, требуют анализа существующих и обоснование новых подходов в архитектурно-ландшафтной организации парков.

Современное состояние игровой индустрии не вызывает сомнения в значимости этого явления. Игра порождает многообразие социальных практик: от спортивных соревнований до политической деятельности, но дифференцировать игровые аспекты в культуре достаточно сложно, потому что понятие игры не укладывается в лаконичное определение и имеет разные трактовки в зависимости от вида деятельности и исследовательской парадигмы. Поскольку игра проявляет себя как антропологическая константа с глубокой древности, ее фундаментальный характер и полимодальность находят отражение в работах многих исследователей. Интерес к философско-эстетическому концепту игры одним из первых обозначил И. Кант. Сопоставляя игру и обыденную деятельность, философ отмечал у последней наличие цели, в то время



как игра имеет важность сама по себе. Вершиной воплощения «свободной игры» для И. Канта было искусство. Ф. Шиллер развил идею эстетической значимости и творческой сущности игры, выделяя ее антропологическую важность: «Человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет» [2, с. 125].

Если Иммануил Кант указал на тождественность игры и искусства, то общий вывод нидерландского философа Йохана Хейзинги, данный в работе *Homo ludens*, утверждает нераздельность игры и культуры в целом: «...культура, в ее первоначальных фазах, играет. Она не произрастает из игры, как живой плод, который высвобождается из материнского тела, она развертывается в игре и как игра» [3, с. 26]. Начиная с глубокой древности игровое поведение регламентировалось структурой общества, как, например, олимпийские соревнования в Древней Греции, средневековые турниры европейских рыцарей или игры французской аристократии в садах Версаля. В условиях народной культуры официальному церемониалу игр аристократии противопоставлялось игровое пространство карнавалов, в противовес праздникам, учрежденным обществом знати. Поэтому, по словам М. Бахтина, в народной культуре игра выходит за рамки сферы только официальных празднеств: «Каждый праздник рядом со своей официальной – церковной и государственной – стороной имел еще вторую, народно-карнавальную, площадную сторону, организующим началом которой был смех» [4, с. 95].

Французский социолог Роже Кайуа сузил пространство бытия игры, считая ее одной из трех важнейших сфер культуры, наряду с сакральной и профанной [5]. Он подчеркивает иллюзорность свободы человека в конструируемом игровом пространстве виртуальной реальности. По мнению Р. Кайуа, многообразие игр может быть сведено к четырем типам:

- 1) *agôn* (игры-соревнования);
- 2) *alea* (игры случая, такие как азартные игры);
- 3) *mimēsis* («мимесис», игры подражания и симуляции);
- 4) *ilīnx* («игры головокружения», сопровождаемые измененным состоянием сознания, создание новой реальности).

Продуктивность методологии французского социолога заключается в возможности применения перечисленных типов игр в широком социокультурном контексте с учетом их взаимодействия и тяготения к сакральному или профанному миру. В дополнение к указанным признакам Р. Кайуа вводит измерение, ограничивающее игру в социуме, на одном полюсе которого полная свобода и непредсказуемость игры, а на другом – максимальная регламентация и жесткие правила игрового поведения.

В теории Р. Кайуа в контексте нашей темы важно представление об игре как о сфере реального, но и виртуального мира, с интенсивным эмоциональным переживанием и погружением (иммерсивностью). Особая свобода и удовольствие от игры возникают в так называемых играх головокружения, которые позволяют почувствовать измененные состояния безопасным для себя и для общества способом. В этом смысле игровые формы деятельности выполняют важную функцию, компенсируя для современного человека «социальную норму экзатичности» [5, с. 202], не восполняемую такими средствами, как религия, спорт, творческая деятельность или гражданская активность. Следует отметить, что вся современная индустрия игр, виртуальных и реальных, пронизана экзатическим состоянием сознания, которое человек стремится пережить вновь и вновь, катаясь на «американских горках» или проходя усложняющиеся уровни в компьютерных баталиях. Душевное волнение, или головокружение, по терминологии Р. Кайуа, объясняет связь игры с религией и творчеством, что позволяет философу В. В. Костецкому сделать вывод о том, что «игра выступает модальностью деятельности, но не самой деятельностью» [6, с. 203]. Таким образом, возможность испытать переживание, близкое к экзатическому, погружение в иную реальность – одно из важнейших условий игры и ее характерная черта.

Особый интерес к теоретическому осмыслению игры в культуре в XX веке был высказан представителями постмодернизма, рассматривающими игру, как адекватный способ общения в мире, лишенном смыслообразующей целостности. Специфика постмодернистского взгляда заключается в кардинальном изменении трактовки игры. Так, Л. Миннема призывает отказаться от традиционно-

^ Рис. 1. Парк Стоу близ Букингема (Великобритания). Архитектор Л. Браун



^ Рис. 2. Центральный парк в Нью-Йорке (США). Архитекторы Ф. Олмстед и К. Вокс. 1857–1876



^ Рис. 4. Сад развлечений с лабиринтом. Л. Тоепут. Около 1579–1584 годов

го понимания и проследить «процесс трансформации интереса к игре – от игры как феномена с определенным эвристическим потенциалом к игре как особому феномену самому по себе и, в частности, как постмодернистскому феномену огромной эвристической важности» [7, с. 1187]. Релятивистский взгляд на науку и культуру, разрушение единства культурологической парадигмы, отсутствие стилевого единообразия положили начало постмодернистским поискам, «играм» с текстами, которые в архитектуре привели к так называемому радикальному эклектизму (по выражению Ч. Дженкса). Игра как стратегия в философии и практике постмодернизма указывает если не на всеобщность, то на значимость игрового начала в современной социокультурной ситуации.

На основании анализа философско-культурологических теорий игры можно выделить следующие подходы к объекту исследования:

- игра как онтологическая и феноменологическая категория (классическая философия);
- игра как способ создания и восприятия искусства и отношения к реальности (философия постмодернизма);
- игра как способ поведения людей внутри различных социокультурных практик (концепция Р. Кайуа).

Мы придерживаемся идеи универсальности проявления игрового начала в культуре, что позволяет распространить признаки игры, описанные Й. Хейзингой, для объяснения игрового содержания, изначально заложенного в проектирование парковых пространств.

Для этого обратимся к игровым константам, выделенным Й. Хейзингой, и проиллюстрируем их примерами из истории садов, парков различных периодов.

Первый отличительный признак подчеркивает **добровольный и свободный характер игры** [3, с. 31], а также ее избыточность по отношению к реальной жизни. Действительно, многие парки создавались как островки свободы в мире необходимости. По словам Д. С. Лихачева, «сад всегда выражает некую философию, эстетические представления о мире, отношении человека к природе, это микромир в его идеальном выражении» [8, с. 3]. Стремление найти идеальное место, фабулу райского уголка раскрывает общекультурный смысл создания садов и парков. Ландшафтные пространства

эпохи европейского романтизма, в особенности английские пейзажные парки, сохраняли большую часть растительности, «натурально текущие ручьи, естественные озера, холмы и долины, свободный рост деревьев, свет и тень...» [8, с. 192], символизируя свободу от тирании и угнетения (рис. 1)

Второй признак игры – **создание собственного мира** в противовес «настоящей» жизни, «выход из такой жизни в преходящую сферу деятельности с ее собственными устремлениями» [3, с. 32]. Наиболее репрезентативным переложением рассматриваемого игрового признака на сферу парковых пространств можно назвать Центральный парк Нью-Йорка (рис. 2). Концепция существования зеленого пространства посреди оживленного города перекликается с идеей изолированного мира, в то же время парковая зона оказывается вписанной в городское пространство, являясь его продолжением.

Место и время, ограничивающие игру, – ее третий признак. Йохан Хейзинга отмечает, что «разительней временного ограничения – ограничение местом. Всякая игра протекает в заранее обозначенном игровом пространстве, материальном или мыслимом, преднамеренном или само собой разумеющемся» [3, с. 28]. При этом очерчивание игрового пространства может происходить как условно, с использованием ограниченного числа атрибутов, так и вполне реально, на организованных игровых площадках, в течение заданного временного периода, как, например, в исторических реконструкциях или в Диснейленде. Установление границ места и продолжительности позволяет игре «разыгрываться», повторяться и передаваться. Данный признак игры ярче всего закреплен в театральной форме культуры, в кинематографе и современных тематических парках. Сама композиция и зонирование пространства тематического парка создают сценарное наполнение, а архитектура служит способом поддержания игрового порядка. «Арена, игральный стол, магический круг, храм, сцена, киноэкран, судебное присутствие – все они по форме и функции суть игровые пространства, то есть отчужденная земля, обособленные, выгороженные, освященные территории, где имеют силу свои особые правила. Это временные миры внутри мира обычного, предназначенные для выполнения некоего замкнутого в себе действия» [3, с. 34–35].



Четвертый признак игры – **существование порядка**. Порядок – эстетический фактор, а элементы упорядоченной формы, по мнению Й. Хейзинги, выражают эффекты прекрасного, среди которых исследователь называет черты, присущие искусству, в частности архитектуре, такие как равновесие и контраст: «В ней есть два благородных качества, которые человек способен замечать в вещах и которые сам может выразить: ритм и гармония» [3, с. 35]. Выявленные признаки позволяют Й. Хейзинге дать развернутое определение игры: «Это некое поведение, осуществляемое в определенных границах места, времени, смысла, зримо упорядоченное, протекающее согласно добровольно принятым правилам и вне сферы материальной пользы или необходимости. Настроение игры – это настроение отрешенности и восторга, священное или праздничное, в зависимости от того, является ли игра священнодействием или забавой. Такое поведение сопровождается ощущением напряжения и подъема и приносит с собой снятие напряжения и радость» [3, с. 26].

Сбалансированное чередование напряжения и развязки в игре создает ее динамику, взаимодействие между игроками, а правила задают игре более упорядоченное движение. В игре движение (кинезис) может быть физическим или виртуальным, когда игрок перемещается в границах реального или искусственно созданного воображаемого игрового поля. «Архитектурная условность, выражая художественную волю мастера в творческом преобразовании картины мира, дискутирует с эстетикой реализма» [9]. Порядок прочитывается в средневековых монастырских садах, которым была присуща строгая геометрия плана, реализующаяся на различных уровнях. Они представляли собой определенный узор, вписанный в правильную фигуру, который подводил к смыслообразующему центру сада (рис. 3). Сады-лабиринты получили дальнейшее развитие в структурированных и упорядоченных французских регулярных парках. Подобные лабиринты также существовали в Англии, служа пространством для проведения обрядов, танцев, праздников и игр (рис. 4).

Возвращаясь к тезису о модальности игры как к психофизиологическому состоянию напряженности, можно

сделать вывод о том, что пространства парков исторически сложились как места для игровой деятельности. Действительно, условность и своеобразие мира садов и парков, их обособленность от реальной повседневности, структура плана и упорядоченность движения посетителей, наличие зонирования, предписывающее правила поведения в различных уголках парка – все это свидетельствует в пользу того, что в концепте создания парка заложен принцип игровой доминанты. Российский философ В. В. Костецкий отмечает, что «в контексте своего генезиса игра есть искусственное воспроизведение приключения в условиях замкнутого и безопасного пространства» [6, с. 203]. Визуальная и ландшафтно-архитектурная организация парков служит идеальной площадкой для реализации игровых сценариев.

Одним из важнейших проявлений игры, позволяющим примерить на себя несвойственную в обыденной жизни роль, пережить трансформацию в персонажа игры (мимезис, по терминологии Кайуа), становится театральность, которая ассоциируется со зрелищностью, яркостью событий, притворством и условностью, развитием сюжета по принципу сценария. В парках подобные игры занимают значительное место, с течением времени вовлекают все большее количество участников, пройдя путь от игр аристократии к массовым зрелищам и развлечениям в тематических парках. Так, празднества и театральные представления при дворе Людовика XIV стали продолжением итальянской традиции уличных представлений *commedia dell'arte* (рис. 5). В то же время в мироощущении галантного века доминировал игровой дискурс в условиях новых пространств – садов и парков.

Невиданные по пышности и фантазии торжества в парке Во-ле-Виконт позволяют рассматривать их как квинт-эссенцию театральной игры в окружении искусственно созданных декораций, обрамленных естественными кулисами деревьев, стриженных кустарников, ухоженных газонов. Великолепие ландшафтного дизайна в регулярном стиле гармонизировало с архитектурой дворца, а приемы, использованные архитектором Анри Ленотром, поддерживали настроение игры и иллюзорность происходящего: ложная перспектива, кружевные партеры, прямые аллеи, пруды и бассейны с отражением дворца создавали

^ Рис. 3. Газонный лабиринт «Джулианс-Бауэр» (Julian's Bower). Олкборо (Великобритания)



^ Рис. 6. Израэль Сильвестр. Первый праздничный день (Premier Jour) в Королевской опере Версаля 7 мая 1664 года. Гравюра



^ Рис. 7. Проект парка Ла-Виллетт в Париже. Архитектор Б. Чуми. 1983

эффект упорядоченности и масштабности пространства парка, но в то же время его отдельности от остального мира. Фундаментальные принципы А. Ленотра в организации и планировании садов раскрывают игровой характер ландшафтных пространств: «Можно базироваться на четырех фундаментальных положениях (maxims) для правильного планирования сада: первое, владеть искусством уступать природе; второе, не допускать, чтобы сад был слишком темным; третье, не слишком открывать; четвертое, добиваться впечатления, что он больше, чем есть на самом деле» [10, с. 399].

Еще более яркое свидетельство использования ландшафтно-архитектурного пространства как игрового – устройство праздников в Версале, с исполнением

комедийных спектаклей, которые заканчивались катанием на гондолах и фейерверками. Включению парковых пространств в континуум увеселений и развлечений способствовало использование декоративно-пышных и избыточных архитектурных приемов барокко. «Услады заколдованного острова» (Les Plaisirs de l'Île enchantée) – первый грандиозный праздник в парке Людовика XIV, ознаменовавший начало строительства Версаля в 1664 году. События трехдневных торжеств были запечатлены в одноименной серии гравюр (рис. 6)

Наибольшей выразительности реализация концепта игры в пространстве парка достигла в теоретических исследованиях и практической деятельности архитекторов-постмодернистов. Бернард Чуми в одном из интервью The Architectural Review заявил о том, что рассматривает проекты городского дизайна как игру. Пример деконструктивистского урбанизма в организации парка и одновременно реализация концепции зрелищности, событийности, движения – проект парка Ла-Виллетт (Parc de la Villette) в Париже (рис. 7).

Бернард Чуми имплицитно задействовал в архитектуре потенциал перформанса, который прослеживается в выраженной траектории движения, наличии акцентных маркеров в виде красных павильонов и пространственных объектов, вовлеченности посетителей в сценарий действия, сопоставимый с ритмическим рисунком игры [11, с. 68]. Разметка парковой структуры создает осевую направленность движения, которое только на первый взгляд кажется хаотичным, архитектура устанавливает связи и раскрывает формообразующее устройство парка как пространственной игры в зависимости от потребностей посетителей.

Примером максимальной погруженности в игровую среду являются тематические парки. Они предоставляют возможность человеку не столько участвовать в игре, сколько наблюдать ее со стороны как зрелище и развлечение. Рассмотренные выше черты игры, такие как свободный выбор, подчинение правилам, удовольствие от игры, создание особой реальности, состязательность и повторяемость действий игроков, характеризовали игровые процессы в доцифровой культуре. Современный человек реализует игровой потенциал в виртуальной



> Рис. 5. Константин Сомов. Арлекин и дама. 1921

> Рис. 8. Парк аттракционов «Гарри Поттер». Юниверсал Студиос Голливуд, Калифорния



реальности чаще, чем в физической среде [12, с. 18]. Традиционные игры вытесняются их компьютерными аналогами, а коллективное взаимодействие людей в повседневной практике, формирующее навыки общения, сменилось искусственно созданным виртуальным пространством. Интерактивность и иллюзорность игры позволяет зрителю становиться активным участником событий. Произошедший переход от игры к «игроизации» имеет много объективных причин, одна из которых – стремление к комфорту и удовольствию представителя общества потребления. Наиболее доступный способ подачи информации – привлечение возможностей медийных жанров – клиповость, простота, развлекательность.

Инфойнтенмент (понятие, объединяющее информацию и развлечение) становится ключевой идеей для многих сфер деятельности – от рекламы до образования и политики. Яркая, красочная упаковка, праздничность и создание сказочной атмосферы в ситуации неопределенности и нестабильности отмечается исследователями как иррациональная рациональность, которая становится фактором установления социального порядка и противодействия давлению хаоса современной жизни [13, с. 144].

Специфика тематических парков заключается в уникальной возможности соединения реального и виртуального мира в одной плоскости игрового пространства, где архитектура и дизайн не оставляют сомнения в реальности происходящего (рис. 8). Сюжетное видение пространства, пришедшее в архитектуру из кинематографа и анимации, моделирование игровых ситуаций с использованием известных медийных персонажей соединило архитектуру, дизайн и новейшие технологии. Уолт Дисней в середине XX века обратил внимание на потенциал индустрии развлечений, построив парк Диснейленд. Умберто Эко, посетивший Диснейленд в 70-х годах, поделился впечатлениями от аттракциона «Пираты Карибского моря» (рис. 9) и отметил, что Уолту Диснею «наконец-то удалось осуществить свою мечту и воссоздать фантастический мир, более реальный, чем реальность, сломав стену второго измерения, создав не кино, которое является иллюзией, а тотальный театр» [14, с. 45–46].

Современная социокультурная ситуация увеличила пространство игры. Использование виртуальных техно-

логий и социальных сетей все больше интегрирует игру в условия реального мира, но это смешение происходит также посредством создания пространств, предназначенных для осуществления игровых практик. Городскими площадками, на которых разворачивается игровое взаимодействие, являются парки. Создание особой атмосферы и обеспечение эмоционального восприятия развлекательного контекста позволяют рассматривать парки как пространство, отвечающее задачам игры. Культурные представления о многообразии сценариев городских парков по-прежнему актуализируют городские озелененные пространства как экологические ниши и места тихого отдыха; вместе с тем уникальность парков проявляется в способности создавать изолированные от реального урбанизированного контекста территории, предназначенные для игр.

Тематические парки в этом отношении обладают большим потенциалом: иммерсивная смешанная реальность физических пространств и цифровых дополнений и дальнейшая геймификация повседневной деятельности делают их востребованными для различных групп населения. Вместе с тем большинство современных парков, не имеющих условий и возможностей для внедрения цифровых технологий, лишены новых игровых подходов и практик.

Важным вопросом существующих и вновь создаваемых парков становится разработка стратегии использования ландшафтных пространств как мест для организации игровой деятельности. Использование тематизации и сюжетности повышают привлекательность парков для горожан и туристов. Увеличивающийся разрыв между реальным состоянием большинства городских общественных пространств и виртуальным миром тематических парков может быть сокращен за счет концептуализации архитектурной среды, а не только за счет использования кинематографического дизайна с нарочитой искусственностью и узнаваемостью декораций. Обращение к модели игры подразумевает применение разнообразных инструментов – от театрализации до конструирования дополненной реальности, что расширяет возможности парков.

> Рис. 9. Атракцион «Пираты Карибского моря». Парк развлечений Диснейленд в Париже



Литература

1. Воличенко, О., Звягинцева, М. Антагонизм концепций «места» и «не-места» в архитектуре // Проект Байкал. – 2022. – № 74. – С. 103–109. – DOI: 10.51461/pb.74.18
2. Шиллер, Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. – Москва : РИПОЛ классик, 2018. – 242 с.
3. Хейзинга, Й. Homo Ludens : Статьи по истории культуры / Пер. с гол. Д. В. Сильвестрова. – Москва : Прогресс Традиция, 1997. – 416 с.
4. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – Москва : Худ. лит., 1990. – 543 с.
5. Кайуа, Р. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры. – Москва : АСТ, 2022. – 288 с.
6. Костецкий, В. В. Анти-Хейзинга: другая философия игры // Вопросы философии. – 2020. – № 2. – С. 196–204.
7. Миннела, Л. Игра и культура (пост)модерна. Очерк об изменениях в научном интересе к феномену игры // Психология и психотехника. – 2014. – № 11 (74). – С. 1186–1204. – DOI: 10.7256/2070-8955.2014.11.13438
8. Лихачев, Д. С. Поэзия садов. – Москва : Колибри, 2018. – 413 с.
9. Воличенко, О., Иманкулов, Д., Марченко, А. Теоретическая модель художественного и архитектурного объекта // Проект Байкал. – 2023. – № 75. – С. 98–104. – DOI 10.51461/pb.75.22
10. Аронова, А. А. Отражение идей Анре Ленотра в садово-парковом искусстве России первой трети XVIII века // Искусствознание. – 2013. – № 3–4. – С. 390–410.
11. Шараров, И. А. Бернар Чуми: игра в архитектуре деконструкции // Акад. вестник УралНИИпроект РААСН. – 2023. – № 2 (57). – С. 65–70.
12. Новикова, О. Н. Игровая деятельность человека в пространстве виртуальной реальности // Социум и власть. – 2018. – № 6 (74). – С. 16–25.
13. Кравченко, С. А. Играизация российского общества. К обоснованию новой социологической парадигмы // Общественные науки и современность. – 2002. – № 6. – С. 143–145.
14. Eco, U. *Travels in Hyperreality: Essays* / translated by William Weaver. – San Diego, CA: Harcourt, 1986. – 307 p.

References

Aronova, A. A. (2013). Otrazhenie idej Anre Lenotra v sadovo-parkovom iskusstve Rossii pervoj treti XVIII veka [Reflection of the ideas of Anre Le Nôtre in the landscape art of Russia in the first third of the 18th century]. *Iskusstvovoznanie*, 3-4, 390–410.

Bahtin, M. M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennessansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura.

Caillois, R. (2022). *Igry i lyudi. Stat'i i esse po sociologii kul'tury* [Games and people. Articles and essays on the sociology of culture]. Moscow: AST.

Eco, U. (1986). *Travels in Hyperreality: Essays* (W. Weaver, Trans.). San Diego, CA: Harcourt.

Huizinga, J. (1997). *Homo Ludens; Stat'i po istorii kul'tury* [Homo Ludens; Articles on cultural history] (D. V. Silvestrova, Trans.). Moscow: Progress Tradiciya.

Kosteckii, V. V. (2020). Anti-Huizinga: a different philosophy of the game. *Voprosy filosofii*, 2, 196–204.

Kravchenko, S. A. (2002). Igraizaciya rossijskogo obshchestva (K obosnovaniyu novoj sociologicheskoy paradigmy) [Gameization of Russian society (Towards the justification of a new sociological paradigm)]. *Social sciences and contemporary world*, 6, 143-145.

Lihachev, D. S. (2018). *Poeziya sadov* [Poetry of the gardens]. Moscow: KoLibri.

Minnela, L. (2014). *Igra i kultura (post)moderna (Ocherk ob izmeneniyakh v nauchnom interese k fenomenu igry)* [Game and culture of (post)modernity (Essay on changes in scientific interest in the phenomenon of game)] (M. A. Sultanova, Trans.). *Psychology and psychotechnics*, 11(74), 1186–1204. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.11.13438.

Novikova, O. N. (2018). Igrovaya deyatel'nost' cheloveka v prostranstve virtualnoj realnosti [A man playing in the age of virtual reality]. *Society and Power*, 6(74), 16–25.

Sharapov, I. A. (2023). Bernard Tschumi: a game in deconstruction architecture]. *Akademicheskij vestnik UralNIIProjekt RAASN*, 2(57), 65-70.

Shiller, F. (2018). *Pisma ob esteticheskom vospitanii cheloveka. [Letters on the aesthetic education of man]*. Moscow: RIPOL klassik.

Volichenko, O., Imankulov, D., & Marchenko, A. (2023). A theoretical model of the artistic and architectural object. *Project Baikal*, 20(75), 98-104. <https://doi.org/10.51461/pb.75.22>

Volichenko, O., & Zvyagintseva, M. (2022). Antagonism of the concepts of "place" and "non-place" in architecture]. *Project Baikal*, 19(74), 103-109. <https://doi.org/10.51461/pb.74.18>

Рассмотрена связь между дизайном игрушек и архитектурой. Оба явления играют роль связи между прошлым и будущим. Проведено исследование большого массива изображений игрушек, предлагаемых на сегодняшнем рынке. Показано, что в дизайне игрушки преобладает стиль китч. Признаки и содержание китча измерены аппаратными методами при помощи специальных компьютерных программ. Китч, вкус к которому производители игрушек прививают следующему поколению, представляет серьезную угрозу развитию городов как мест общения.

Ключевые слова: психология; архитектура; дизайн; игрушки; китч.

The relationship between toy design and architecture is examined. Both phenomena play the role of a link between the past and the future. The authors have conducted a study of a large array of toy images offered in today's market. It is shown that toy design is dominated by kitsch. The signs and content of kitsch are measured by hardware methods with the help of special computer programmes. Kitsch, which toy manufacturers inculcate in the next generation, is a serious threat to the development of cities as places of communication.

Keywords: psychology; architecture; design; toys; kitsch.

Игрушка, китч и общество потребления / The toy, kitsch and consumer society

Что наша жизнь? Игра...

А. С. Пушкин, «Пиковая дама»

Введение. Игрушки сегодня и всегда

В истории человечества не было такой эпохи, когда люди не делали бы игрушек. Палеолитические «Венеры», глиняные фигурки Вавилона, египетские модельки колесниц и лодок, механические игрушки античности, Ренессанса и Просвещения... Игрушки древних культур поражают своей выразительностью, изяществом и технологичностью исполнения (разумеется, с поправкой на общий уровень своей эпохи). С использованием передовых научно-технических достижений в производстве игрушек и сейчас все в порядке. Производители игрушек активно используют искусственный интеллект и интернет, средства виртуальной реальности, микроэлектронику, лазеры и прочие новейшие технологии.

Спрос на игрушки также остается очень большим. Общий объем рынка игрушек имеет масштаб сотен миллиардов условных долларов и продолжает расти, несмотря на кризисы, пандемии и международные конфликты (рис. 1). В среднем каждый человек на Земле в возрасте до 9 лет потребляет игрушек на сумму около 60 долларов в год. Разумеется, эта сумма сильно варьируется по регионам – от 6 долларов в год на одного ребенка в Африке до 366 на каждого юного американца или канадца. Одновременно специалисты регистрируют быстрый рост особой категории потребителей игрушек – взрослых, любящих игрушки, как дети. Появился даже термин для обозначения этих людей – Kidults (от Kid, малыш и adults – взрослые), которые покупают игрушки по ностальгическим, эскейпистским, антисоциальным мотивам или под действием коллекционерских страстей [1; 2].

Игрушки во все века и во всех регионах мира были и остаются делом серьезным, важным и ответственным. Почему так? Что такого важного в игрушках, что на их изготовление тратится почти столько же средств и творческой выдумки, как на разработку оружия? Наиболее общий, философский ответ может выглядеть следующим образом: игрушки являются связующим звеном между прошлым и будущим. С одной стороны, игрушки играют важнейшую роль в сохранении и трансляции культур-

ных традиций – от палеолита до наших дней. С другой – игрушка предназначена следующему поколению, и в таком своем качестве она формирует образ будущего. Игрушка рассказывает о том, как видели мир наши предки и, одновременно, она готовит ребенка к жизни в мире будущем [3].

Этим своим качеством игрушка удивительно напоминает архитектуру. Тысячелетние традиции в архитектуре и градостроительстве дополняются устремленностью в завтрашний день: архитектурный объект опирается на прошлое, но собирается жить в будущем. Каждый архитектор либо спорит с прошлым, либо следует ему (а чаще всего делает и то, и другое в различной пропорции), но каждый архитектурный проект строится с надеждой на долгую будущую жизнь – если не в материале, то в памяти благодарных потомков.

1. Рынок игрушек – эмоционально-образный анализ

Весной 2024 года на базе Новосибирского государственного педагогического университета прошел эксперимент по изучению образов, которые несут современные игрушки. Группа студентов-добровольцев разыскала и зафиксировала 550 изображений игрушек, предлагаемых массовому потребителю как через интернет-магазины, так и на прилавках детских магазинов. Собранный массив изображений подвергся многостороннему анализу. Для анализа мы использовали методику измерения эмоционального наполнения (содержания) визуальных образов. Эту методику мы неоднократно описывали в наших предыдущих публикациях [4; 5].



текст

Константин Лидин
Федерация «Союз соотечественников»
(София, Болгария)
Ольга Белобрыкина
Новосибирский государственный педагогический университет

text

Konstantin Lidin
Federation of Fellow Citizens (Sofia, Bulgaria)
Olga Belobrykina
Novosibirsk State Pedagogical University

< Рис. 1. Мировой рынок игрушек растет и будет расти в ближайшие годы (<https://www.statista.com/outlook/cmo/toys-hobby/toys-games/worldwide#revenue>)

> Рис. 2. Кластер точек, отображающий эмоциональное наполнение игрушек. Каждая точка соответствует эмоциональному содержанию одной игрушки. Выделена точка, соответствующая центру тяжести кластера, она практически совпадает с центром координат. Почти все точки находятся внутри зоны слабых эмоций, близких к равнодушию



^ Рис. 3. Популярная мягкая игрушка Хагги Вагги (Huggy Wuggy; от англ. to hug – «обнимать») – персонаж хоррор-игры Poppy Playtime, вышедшей в октябре 2021. Вскоре после выхода игры Хагги Вагги превратился в популярный мем и даже вызвал беспокойство Роскомнадзора (https://roskachestvo.gov.ru/news/meriy-zashchity-detei-ot-vredonosnoi-produktsii-obsudili-v-obshchestvennoy-palate-rf/?sphrase_id=891362)

Подавляющее большинство игрушек произведено в Китае, но никаких признаков китайской культуры нам обнаружить не удалось. Дизайн игрушек, строение «лица», пропорции фигуры, одежда и прочие элементы внешности вполне международные, тяготеющие к западным стандартам, а во многих случаях прямо цитирующие популярных персонажей Диснея, Нетфликс, вирусные мемы из интернета и других «законодателей моды».

В основном игрушки изготовлены из синтетических материалов – искусственных волокон и пластмассы. Реже встречаются металлы и дерево, также обработанные синтетикой – лакированные или пропитанные.

Эмоционально-образный анализ дал результаты неожиданные и во многом парадоксальные. Несмотря на явные признаки сильных, интенсивных эмоций – яркие чистые цвета, преувеличенные до карикатурности пропорции и мимика, обильная символика, отсылающая к молодежным контркультурам – в сумме признаки эмоциональных состояний противоречат друг другу и взаимно заглушают, гасят друг друга. Например, неестественно яркая цветовая гамма противоречит неподвижной, статичной и «расслабленной» пластике игрушки, символы хищной природы (крупные острые зубы и когти) противоречат вялой фактуре игрушки, лишенной каркаса, и так далее [6]. В результате возникает два устойчивых эффекта: во-первых, создается сильное впечатление, что игрушка лжет. На самом деле, конечно, врет не игрушка, а те, кто ее придумал и сделал. Но ребенок (и даже его родители) обычно не видят за игрушкой ни личности дизайнера, ни его целей. Имидж игрушки не вызывает доверия. Противоречивые элементы имиджа не сочетаются, их соединение просто не может быть правдой.

Во-вторых, суммарное эмоциональное содержание игрушки оказывается близким к «эмоциональному нулю», центру координат «пространства эмоций», который соответствует состояниям безразличия, равнодушия и апатии (рис. 2).

К сожалению, психологическая экспертиза игрушек все еще никак не упорядочена. Например, игрушка Хагги Вагги (рис. 3) однажды удостоилась специального обсуждения в Общественной палате РФ. На круглом столе «Это

вам не игрушки!» (1 ноября 2022) заместитель председателя Роскомнадзора сообщила, что 89% игрушек сделаны из токсичных материалов. Она же пообещала провести тщательное обследование психологических свойств этой игрушки, но до эмоционально-образной экспертизы дело так и не дошло. Продажи этих игрушек продолжаются. Платежеспособный спрос, как обычно, оказался более весомым аргументом, чем сомнительное эмоциональное наполнение игрушки.

2. Китч, его сущность и опасность

Подобное свойство характерно для весьма распространенного явления в мировой культуре, известного под названием «китч». Само это слово (немецкого происхождения) появилось относительно недавно. В 1939 году искусствовед Клемент Гринберг опубликовал эссе в троцкистском журнале «Партизан Ревью» [7]. В статье он противопоставил авангард и китч. Авангард, полагал он, ищет новые способы и пути выражения современности, вступая в противоборство с каноническим и традиционным («александрийским») стилем, предлагая новые, но столь же глубокие и сложные образы. Китч, напротив, послушно следует вкусам наименее образованных и эстетически нетребовательных масс. Китч порождает симулякры, подделки под классику, яркие, блестящие и броские, но эмоционально пустые и бессмысленные. По мысли Гринберга, китч был использован правящими элитами Европы для того, чтобы культурно поработить жителей Азии и Африки (а уже затем – беднейшие слои европейцев и американцев). Китч вытесняет традиционную культуру, фундаментально опирающуюся на архетипические образы и каноны и тем самым служит основным орудием «культурной колонизации». Завороженные мишурным блеском, аборигены меняют драгоценные произведения своей традиционной культуры на пластмассовые бусы.

Позже мысли Гринберга нашли развитие в целом ряде философских систем – от теории «Общества потребления» Ж. Бодрийяра до «Общества спектакля» Ги Дебора. С точки зрения теории эмоций, общество потребления воспитывает людей с подавленной и ослабленной эмоциональной сферой. Типичный «квалифицированный потребитель» не способен испытывать сильные



^ Рис. 4. Популярный британский дизайнер Зандра Родес (Zandra Rhodes) в своей квартире. Несмотря на почтенный возраст (родилась в 1940), она продолжает исповедовать крайний, почти карикатурный максимализм и китч в своих работах

искренние эмоции. Он радуется покупкам, презирает тех, кто не способен соответствовать высокому уровню потребления, но все его переживания фальшивы, они лишь имитируются в процессе «спектакля жизни». Такой человек одновременно играет роль успешного потребителя и наблюдает за всем этим скучным однообразным представлением, оставаясь посторонним зрителем. По меткому выражению Марины Цветаевой, люди становятся «глотателями пустот».

Восприятие сложных и глубоких образов не может происходить непрерывно и одновременно, оно требует многократной рефлексии, переживания и осмысления. Напротив, китч представляет собой постоянный поток поверхностных и пустых впечатлений, заполняющих душевную пустоту иллюзорными блестками и бессмысленным шумом. Восприятие образов китча не насыщает, но и не требует никаких душевных усилий, поэтому потребитель непрерывно наращивает этот поток, оставаясь при этом все время «эмоционально голодным». Аналогичным образом чувствовал бы себя человек, питающийся попкорном. Дефицит разнообразных и сложных переживаний вызывает своего рода «эмоциональную цингу» и исподволь разрушает душевное здоровье.

Вероятно, китч сопровождал человеческую культуру всегда и везде, но именно в Новое время он начал производиться промышленными способами и в промышленных масштабах. Позже, в середине XX века, китч настолько распространился, что вызвал вторичную реакцию в авангардном изобразительном искусстве. Появился поп-арт, иронически перерабатывающий образы китча в злую и горькую пародию. Так, работы британской художницы и дизайнера Зандры Родес настолько пестрые, яркие и «китчевые», что успешно могут служить карикатурой на «подлинный» китч, самодовольный и самовлюбленный (рис. 4).

В европейской архитектуре борьба с китчем выглядела не столь драматично. Эклектика рубежа XIX–XX веков оставила немало примеров явного китча, купеческой роскоши и безвкусицы, но одновременно породила модерн, «библинский стиль», неоготику, своеобразную реинкарнацию ампира – ар-деко и другие историцизмы, далеко не столь пошлые и пустые, как, например, произведения



^ Рис. 5. Роберто Вентури. Детский музей, Хьюстон. Здание копирует надувную игрушку, которая имитирует классический фасад, раскрашенный в веселые желто-оранжевые тона. Вентури предлагал брать уроки у Лас-Вегаса, который заслуженно удерживает титул мировой столицы китча

«лубочной литературы». Тем не менее, в конце XX века Роберто Вентури и Дениза Скотт Браун провозгласили идею поп-архитектуры, по уровню сарказма превосходящую даже обций, весьма ироничный фон постмодернизма (рис. 5). Даже деконструктивизм с его открытой агрессией и тревожностью можно рассматривать как реакцию на пустоту и лживость китча – пусть гнев и страх, лишь бы не это «ожирение души».

3. Обсуждение результатов обследования рынка игрушек

По итогам проведенного исследования игрушек мы организовали круглый стол со студентами – участниками эксперимента, чтобы узнать, как сегодняшняя молодежь (и одновременно будущие родители следующего поколения) воспринимают полученные результаты.

Вот несколько характерных высказываний участников обсуждения:

Анастасия Павлова: Большая их (игрушек) часть – какие-то неправильные, то есть голова слишком большая, такие глаза, что они занимают всю голову <...>, пропорции даже не младенца, а какого-то супер-младенца, хотя игрушка изображает взрослое существо, а не детеныша. Вроде, оно выросло, но не повзрослело.

Екатерина Булавина: Я студентка пятого курса, педагог-психолог в школе. Я заметила, что большое внимание уделяется индивидуальной игре ребенка с самим собой. В описании игрушек это подается как преимущество для родителей, что ребенок будет самостоятельно себя занимать. Все индивидуально. Сейчас, работая в школе, я, к сожалению, вижу то же самое. Дети играют сами с собой, со своими гаджетами. А, например, про какую-либо сюжетно-ролевую игру речи совершенно не идет. Даже у маленьких детей, прямо с первого класса.

Софья Канивец: Как мне показалось, многие игрушки не способствуют развитию воображения у детей. Они какие-то очень узкие по функциям своим. Ребенку она может быть интересна достаточно короткое время, она ему быстро надоедает, потому что он ничего не может в ней поменять. Начинает требовать у родителей еще одну игрушку. Это, видимо, очень способствует коммерции.

Иван Савин: Игрушки изображают каких-то монстров. То есть ребенка готовят к жизни, когда вокруг одни монстры и никому нельзя доверять. А я хотел бы попасть в такое будущее, как минимум, чтобы у детей не было травм психологических от игрушек – в первую очередь агрессия, агрессивное поведение, по крайней мере, не как норма по отношению к другому.

Участники обсуждения высказали еще немало интересных мыслей и наблюдений. Текст стенограммы после расшифровки был подвергнут частотному контент-анализу по методике, о которой мы также неоднократно писали в предыдущих работах [8]. Эмоциональный спектр высказываний участников круглого стола показан на рисунке 6.



> Рис. 6. Эмоциональный спектр текста стенограммы круглого стола

Как видно из рисунка, в эмоциональном спектре преобладают эмоции гнева и тревожности. Китч, властно захвативший дизайн игрушек, готовит следующее поколение все к той же роли «квалифицированных потребителей», и будущие девиантологи, психологи и педагоги воспринимают этот факт с тревогой и гневом.

Заключение. Игрушки, китч и города завтрашнего дня
Китч в архитектуре представляет собой еще более опасное явление, чем в бытовом дизайне. Китайские игрушки можно не покупать – движение любителей самодельных игрушек растет и ширится. Но куда деться из городской среды, насыщенной китчем? Битва честных архитекторов с китчем трудна и непрерывна. Китч легко и пластично приспосабливается к любым атакам на него; мало того, он быстро поглощает и перерабатывает любое явление в настоящей архитектуре, коммерциализирует его и превращает в те же самые симулякры. И вот уже яростные изгибы декона трансформируются в вялый маньеризм параметризма, а революционный пафос мексиканского мурализма – в пеструю бессмыслицу стрит-арта. Город как пространство общения, как место встреч находится в постоянной и сильной опасности превратиться в хаотичную среду, состоящую из человеческих атомов с примитивной, выхолощенной душой. Таким людям не нужно пространство для встреч, потому что им нечего сказать ни друг другу, ни самим себе. Супермаркет с дешевыми распродажами и широкополосный интернет – это все, что нужно таким людям от города. Красивый, живой, здоровый и развивающийся город, полный встреч и общения, нужен совсем другим людям.

Производители сегодняшней массовой игрушки, подчиняясь требованиям текущей выгоды, культивируют китч и прививают его следующим поколениям тех, кто бу-

дет проектировать, строить и жить в городах завтрашнего дня. Будут ли это города «эмоционального вакуума», скопища одиночек и вечно голодных пожирателей пустоты? Найдется ли в них место для встреч?

Литература

- Bernardini, J. The infantilization of the postmodern adult and the figure of kidult // *Postmodern Openings*. – 2014. – № 5(2). – P. 39–55.
- Lee, J., Jeon, B. Kidult Marketing Reflecting the Characteristics of MZ Generation / In: Lee, R. (eds) *Emotional Artificial Intelligence and Metaverse. Studies in Computational Intelligence* / – 2023. – Т. 1067. – P. 199–206.
- Белобрыкина, О. А., Лидин, К. Л. Эмоциональное содержание современных детских игрушек // *Современное дошкольное образование*. – 2024. – 122(2). – С. 48–59. – DOI: 10.24412/2782-4519-2024-2122-48-59.
- Лидин, К. Проект «Квартал 130»: эмоционально-образное обеспечение // *Проект Байкал*. – 2010. – № 25. – С. 159–162. – DOI: <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.25>.
- Лидин, К. Л. (2016). Психологическая экспертиза в урбанистике // *Психологическая экспертиза: современность и тенденции развития: монография*; под науч. ред. О. А. Белобрыкиной, В. Л. Дресвянникова. – Новосибирск: НГМУ, 2016. – С. 128–160.
- Белобрыкина, О. А., Лидин, К. Л. (2024). Современная игрушка и образ будущего // *Социальная и экономическая психология*. – 2024. – Т. 9. – № 2(34). – С. 6–39. – DOI: 10.38098/ipran.sep_2024_34_2_01
- Greenberg, C. *Avant Garde and Kitsch* // *The Partisan Review*. – 1939. – № 1. – С. 34–49.
- Лидин, К. (2011). Город-пациент: К исследованиям эмоциональной атмосферы городов // *Проект Байкал*. – 2011. – № 29–30. – С. 33–36. – DOI: <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.29-30.313>

References

- Belobrykina, O. A., & Lidin, K. L. (2024a). Emotional content of modern children's toys. *Preschool Education Today*, 122(2), 48-59. DOI: 10.24412/2782-4519-2024-2122-48-59.
- Belobrykina, O. A., & Lidin, K. L. (2024b). Contemporary toy and image of the future. *Social and Economic Psychology*, Vol 9, 2(34), 6-39. DOI: 10.38098/ipran.sep_2024_34_2_01
- Bernardini, J. (2014). The infantilization of the postmodern adult and the figure of kidult. *Postmodern Openings*, 5(2), 39–55.
- Greenberg, C. (1939). *Avant Garde and Kitsch*. *The Partisan Review*, 1, 34–49.
- Lee, J., & Jeon, B. (2023). Kidult Marketing Reflecting the Characteristics of MZ Generation. In R. Lee (Ed.), *Emotional Artificial Intelligence and Metaverse. Studies in Computational Intelligence* (Vol. 1067, pp. 199–206).
- Lidin, K. (2010). Project "Block 130": Emotional and impressionable provision. *Project Baikal*, 7(25), 159-162. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.25>
- Lidin, K. (2011). The city as a patient. Examining the city emotional atmosphere. *Project Baikal*, 8(29–30), 33–36. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.29-30.313>
- Lidin, K. L. (2016). *Psikhologicheskaya ekspertiza v urbanistike* [Psychological expertise in urbanistics. In O. A. Belobrykina & V. L. Dresvyannikov (Eds.), *Psychological expertise: modernity and development trends: a monograph* (pp. 128–160). Novosibirsk: NSMU.

Порталы, представляющие знаковые элементы объемной композиции средневековых храмов, в архитектуре Ани обрели особо выразительные формы. В статье раскрываются особенности порталов двух типов, последовательно разработанных зодчим Трдатом для величественных соборов армянской столицы конца X – начала XI в. Черпая идеи из образцов разных традиций, включая античную греко-римскую, были созданы новые типы – перспективный портал и местная средневековая версия эллинистического портала.

Ключевые слова: армянская архитектура; портал; перспективный проем; античные образцы; Ани; Анийский собор; Гагкашен. /

Portals representing iconic elements of the three-dimensional composition of the medieval churches have particularly expressive forms in the architecture of Ani. The article reveals the features of the portals of two types, successively developed by the architect Trdat for the majestic cathedrals of the Armenian capital of the late 10th – early 11th centuries. Drawing ideas from the samples of different traditions, including the ancient Greco-Roman one, new types were created, such as a perspective portal and a local medieval version of the Hellenistic portal.

Keywords: Armenian architecture; portal; perspective doorway; Classical patterns; Ani; Ani Cathedral; Gagkashen.

Порталы Ани конца X – начала XI века. Рождение новой типологии / Portals of Ani churches of the late 10th – early 11th centuries: Springing of a new typology

Известность и слава архитектуры столицы средневековой Армении Ани были обеспечены динамичным стилистическим развитием на основе разработок местного зодчества раннехристианского и раннесредневекового периодов, причем многие принципиальные нововведения опирались на обращения к древнейшему, в том числе классическому античному наследию [1; 2]. Изучение торжественных порталов анийских церквей раскрывает эту особенность творчества столичных мастеров в полной мере. Ясно она проявилась во время наивысшего расцвета города и строительства больших соборных церквей в последние два десятилетия X и начале XI в. Сам расцвет сопровождался сосуществованием двух типов порталов. Первого – арочного, традиционного для армянского зодчества; второго – с прямолинейной перемычкой, появившегося около 1000 года и завоевавшего превосходство на исторически короткое время.

Уже многие десятилетия существует понимание того, что, как минимум, две творческие новации были осуществлены мастерами Ани в виде изобретения перспективного портала [3, р. 521–524] и возрождения в монументальной архитектуре эллинистического портала в виде рамы, увенчанной антаблементом [4, с. 203; 5; 6]. Новое выстраивание памятников в порядке хронологии их появления и новая попытка анализа архитектурных особенностей приводит к осознанию процесса рождения этих двух типов порталов в ходе архитектурно-строительного творчества в конце X в. на храмах, возводившихся по царским заказам и по концептуально новым идеям архитектора Трдата. Величественные образы Анийского кафедрального собора и церкви Гагкашен требовали особого внимания к разработке отдельных, семантически значимых архитектурных форм. Зодчий подошел к этой задаче в каждом случае с очевидным стремлением создать принципиально новое произведение.

Структура с основой в виде арочной конструкции в ее наиболее классическом варианте, то есть с опорой, выступающей из стены арки на пристенные пилястры/колонны, воплощалась в формах первых церквей Ани, построенных вскоре после основания города в качестве столицы. Более ранняя церковь шестиклассовой композиции, расположенная у юго-западного основания

древней крепости Ани, преобразованной в дальнейшем в вышгород с царским дворцом, имела, в соответствии со скромным своим убранством, портал в виде плоской арки на кронштейнах, устроенных над высокой перемычкой. Обе вариации арочного портала имели прототипы в зодчестве VII в.: первый обнаруживается в десятках построек, второй – в Мренском соборе (639).

Оформления входов первого типа присутствуют или реконструируются на нескольких анийских церквях небольших размеров, руины которых находятся на территориях так называемых Старого и Нового городов. Это церковь Сурб Григор рода Абугамренц (970–980-е), «Уникальная» церковь (рис. 1) и другие купольные залы, известные под названиями церквей Шушан Пахлавуни и Каримадина. Стандартная форма пилястры, слабо вынесенной над поверхностью стены, оформлялась спаренными полу- или трехчетвертными колоннами. На западном портале «Уникальной» церкви представлен, возможно, первый вариант разграничения колонок остроугольным ребром, что присутствует на алтарном окне и проемах барабана кафедрального собора. Интересно обработан скосом внутренний край порталной арки – прием, встречающийся на однотипном портале анийской церкви Абугамренц. Сечение опор южного портала «Уникальной» церкви в виде трилистника не меняет сути его композиции и могло бы служить основанием для отнесения памятника к самому концу X и даже началу XI в., когда разработка пучковой опоры становится актуальной, если бы нам не был известен более древний, VII в. образец такой пилястры в церкви Одзуна [7] (рис. 2/8).

На этом фоне устоявшегося подхода, предполагавшего незначительные по сравнению с памятниками VII в. изменения пропорций и деталей, совершенно неожиданным оказалось создание экспрессивно-выразительных порталов Анийского собора, построенного архитектором Трдатом в последней четверти X в. по заказу шахиншаха Смбата II Багратуни (977–990) и супруги следующего шахиншаха Гагика I царицы Катраниде. Единые в своей стилистике и созвучные с другими формами храма, эти три портала не были одинаковыми. Самый торжественный из них, располагавшийся по оси южного фасада, трудно назвать порталом – это был четырехстолпный

текст

Армен Казарян
Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

text

Armen Kazaryan
National Research Moscow State University of Civil Engineering

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00354, <https://rscf.ru/project/22-18-00354/> в Национальном исследовательском Московском государственном строительном университете (НИУ МГСУ) /

Acknowledgements: The study has been realized by the grant of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00354, in the Moscow State University of Civil Engineering (MGSU), National Research University



< Рис. 1. «Уникальная» церковь в Ани. Западный портал.
Фото А. Казарян. 2022

портик с восьмичастным сводом на трюпах, от которого сохранилась примыкающая к стене часть и арка на пристенных опорах (рис. 2). При всей строгости представления деталей даже остатки портика свидетельствуют о разработке зодчим концепции перспективного проема с члениющимися столбами и ритмично нарастающими друг над другом арками. В разработке данной концепции зодчий был свободнее при строительстве тех порталов, которые расположены по осям западного и северного фасадов. В последнем из них, шириной около 5 м, восходящие друг над другом арки опирались на компактные, изрезанные в сечении опоры шириной 1,30 и глубиной до 1,15 м (рис. 3). Западный, шириной 5,25 м, был выдвинут еще сильнее – примерно на 2,20 м, и каждая из опор была превращена в стенку с пучковой полуколонной на конце. Ее базу смог обнаружить и измерить Т. Тораманян, обдумывавший, судя по имеющимся в нашем распоряжении двум чертежам, разные варианты прикрепления этих пучков к стенке: к ее внутренней поверхности и, как представляется более правдоподобно, к переднему торцу (рис. 4) [8, рис. 2, 11].

Южный портик при ином типе композиции имеет много схожего с этими порталами: формами вынесенных и угловых колонок, импостов. Сращенные с фасадной стеной опоры выдвинуты на столько же, как и у северного портала, и следует предполагать былое присутствие аналогичных в сечении примерно квадратных, 1,00 × 1,00 м, столбов на расстоянии пролета портика. Их основания выявлены при раскопках последних лет.

Можно усматривать отдаленное сходство этих структур с порталами соборов VII в. в Аруче и Талине, тем более что композиция и декор Анийского собора синтезирует особенности Аручского собора с Мренским. Но степень отвлечения анийского зодчего от образцов проявилась, среди прочего, в свободной интерпретации тем глубокого портала и портала-портика, своего рода четырехстолпной скинии. Воспользовавшись исторической подсказкой, Трдат до неузнаваемости преобразует данную тему.

Он словно лепит форму, которая не примыкает к стене как отдельная конструкция, а органически вырастает из нее, причем первые арочные врезки осуществлены еще в ее теле, а последующие наслаиваются в выдвину-

том объеме стеновой массы. Метод наращивания уступов и арок над ними мастер словно заимствует из динамично прорисованных подкупольных столбов и внутренних пилонов, что особенно наглядно при сопоставлении северного портала с их плановым сечением (рис. 5).

Кроме того, порталы и портик смотрятся на фоне выдвинутого от поверхности фасада прямоугольного экрана. Совершенно откровенно это сделано на северном фасаде, где экран завершается простейшим горизонтальным карнизом у начала центрального окна и на нем отсутствуют иные элементы фасадной композиции. На других фасадах экраны условные, обозначены горизонтальными карнизами между центральным архивольтом фасадной декорации и окулусом, самым высоким элементом композиции. Другими словами, в зону экрана на западной стене, кроме портала, входит окно и декоративный архивольт, на южной – комбинация окон, две плоские ниши с рельефами орлов и архивольт с пятами-отворотами. Является ли акцентирование центральной зоны фасадов, таким образом, задумкой чисто композиционной или же это вариации на тему арочного портала на фоне прямоугольной рамы или экрана, как предположили мы с Ш. М. Шукуровым в рамках исследования ирано-армянской архитектурной общности, остается загадкой [9]. Великий зодчий Трдат, слава о котором зафиксирована в источнике и в связи с восстановлением им купола константинопольской Софии, был мастером импровизаций на всевозможные темы, что периодически сбивает исследователя его творчества от прямолинейного поиска. Как в проработке интерьера, так и в оформлении фасадов Анийского собора богатством деталей, из которых невозможно исключить какую-либо, не нанеся урона в сложении общей гармонии, этот мастер до предела выявляет тектонические достоинства армянской архитектуры.

Равновесие, обеспечивающее эту безусловную гармонию архитектурного образа, состоит в удачном и допустимом только в творчестве такого мастера соподчинении статичности и динамического напряжения форм, что в порталных композициях особенно заметно. Дробность членищихся опор и нарастающих арок, перехваченных в пятах высокими импостами, создает актив-

ный ритм ступенчато углубляющих, приглашающих войти и словно затягивающих в пространство форм. Значимость этих импостов подчеркнута рельефно исполненными цветками в границах простой плетенки – мотивом, повторенным во фризе реконструируемого купольного барабана [10]. Чередование прямоугольных выступов с угловыми трехчетвертными колонками и полуколоннами по осям столбов переключается с аналогичным чередованием внутренних подкупольных опор. На западном портале такая структура завершается активным аккордом в виде пучковой колонны, которая, скорее всего, впервые была изобретена для этой постройки. При всей динамичности арочной структуры порталов в них строго соблюдается классическая циркульность и одноцентровость прорисовки каждой из арок. Игра форм на северном портале организована пониженной высотой первой арки и легкой подковообразностью остальных с образованием посреди конструкции серповидного элемента, придающего дополнительное изящество. При этом отсутствует

измельченность форм и завершение портала декоративным архивольтом: все арки имеют гладкую фронтальную поверхность. Окружающий фон портала – это не только узкий и плоский экран центрального прясла фасадной декорации, но и изящная, почти линейно прорисованная аркатура и высокий многоярусный цоколь с уплощенными ступенями, в поле которых погружено тело портала почти по высоту его опор.

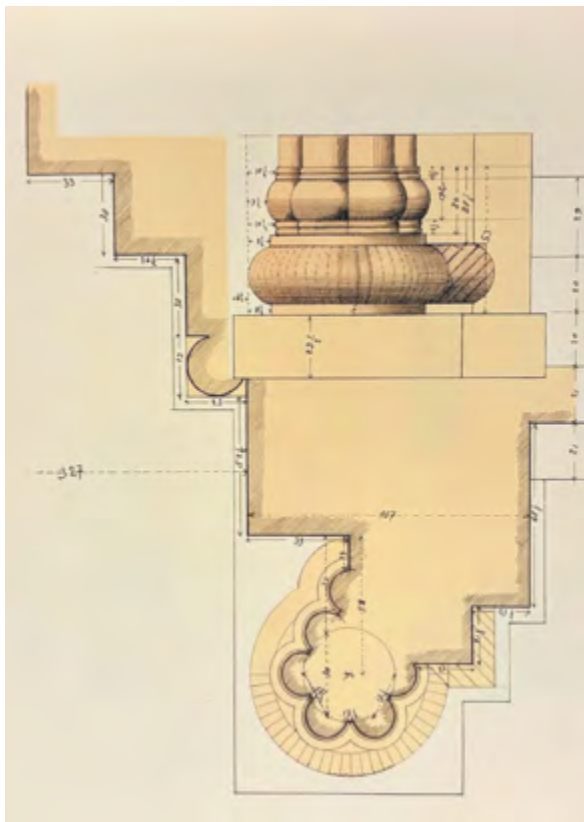
От стандартного оформления входа в храм, восходящего к произведениям VII в., порталы Анийского собора могли отличаться и формой проема. Тораманян реконструирует их арочными, а не сочетающими прямоугольный вырез снаружи с арочным изнутри. В том числе, судя по одному из своих чертежей, ученый считал, что остаток перемычки, сохраняющийся с левой стороны северного портала, принадлежал плите с арочной прорезью. Этот же фрагмент мог быть частью перемычки-тимпана, но поскольку отметка его начала значительно ниже пят



^ Рис. 2. Кафедральный собор в Ани. Южный портик.
Фото А. Казарян, 2012



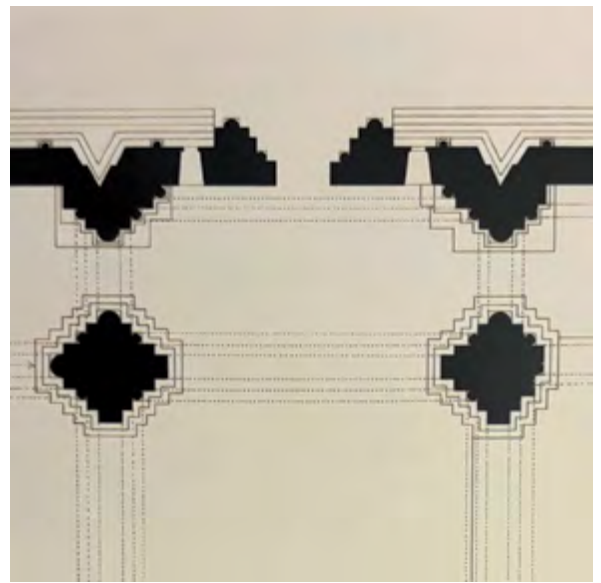
^ Рис. 3. Кафедральный собор в Ани. Северный портал.
Фото А. Казарян, 2012



арок, такой тимпан оказался бы слишком высоким, и пониженный прямоугольный проем выглядел бы подавленным этой крупной формой. Выбор Тораманяна при реконструкции как этого, так и остальных проемов в пользу арочной формы представляется верным, и отсутствие на месте целых плит тимпанов не случайно: их просто изначально могло не быть. Арка же северного проема была введена в ритмический ряд нарастающих арок, что усиливало эффект перспективного портала (рис. 4).

Проявив творческую новацию в оформлении входов этого собора, Трдат, казалось бы, мог совершенствовать ее качества и воплощать в последующих своих постройках, прежде всего, во второй по масштабу анийской церкви, круглом храме Св. Григория Просветителя, именуемом Гагкашен, то есть построенном царем Гагиком Багратуни. Однако и в этом памятнике, где было создано три портала, и в других храмах столицы рубежа X–XI вв. перспективные порталы более не создавались (в ближайшей три десятилетия они имели незначительное распространение лишь в провинциях царства Багратуни), а доминирующим типом стал полностью противоположный по своим характеристикам портал эллинистического типа, с широкой прямоугольной рамой и антаблементом над ним.

Около 1000 года и в ближайшие два десятилетия в Ани было построено, согласно результатам исследований, не менее трех церквей с такими порталами. Две из них особенно большие. Это уже упомянутая церковь Гагкашен, принадлежащая типу тетраконха с амбулаторием, и собор Апостолов – тетраконх с угловыми купольными приделами, вписанный в квадратный объем. Третья церковь, расположенная на южном склоне холма вышгорода, была средних размеров и принадлежала к распространенному в монастырской архитектуре типу купольного зала. В слегка руинированном виде памятник предстает на гравюре, опубликованной М. Броссе в 1861 [11, Pl. XIII], а также на фотографии О. Кюркчяна 1880-х (<http://www.virtualani.org/citadel/childprinceschurch.htm>). В начале XX в. она еще сохраняла и портал, отдельно обмеренный Тораманяном [12, табл. 10, XIV–XVI], и купол, которые в последующие десятилетия были разрушены настолько, что на месте можно обнаружить

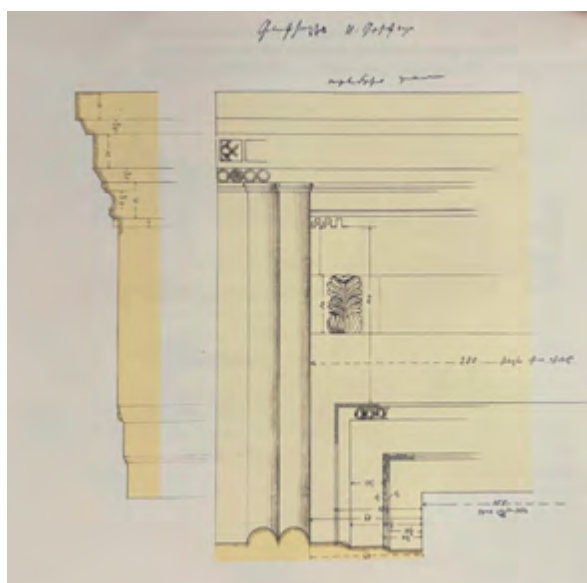


^ Рис. 5. Кафедральный собор в Ани. Фрагмент северной стороны плана. По обмеру Т. Тораманяна

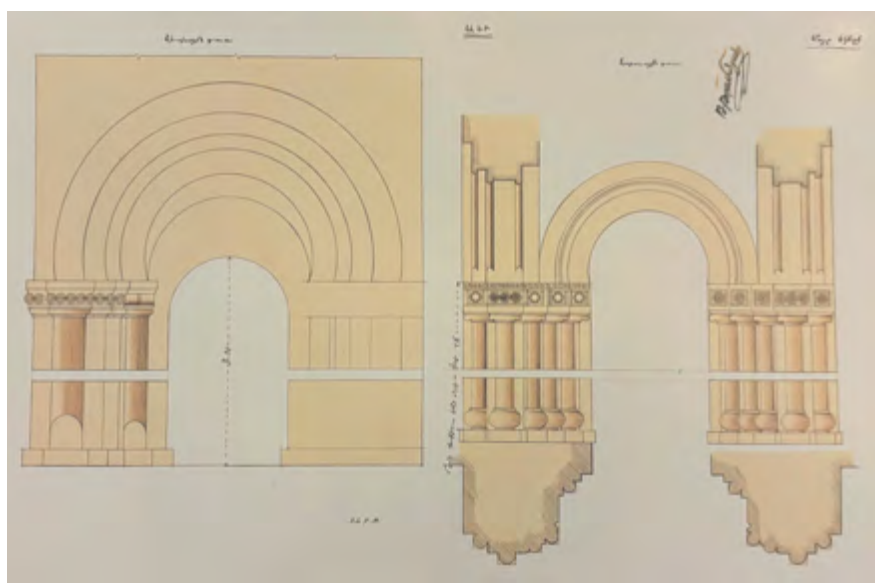
< Рис. 4. Кафедральный собор в Ани. Плановая форма опоры западного портала. Реконструкция по Т. Тораманяну

только пару резных блоков от интересующего нас портала. Два больших храма, оказавшихся руинированными еще в позднем средневековье, были раскопаны Анийской археологической экспедицией под руководством Н. Я. Марра и графически реконструированы его соратником, архитектором Т. Тораманяном [13, с. 69, табл. 8–10; 14, табл. 1–8]. Если порталы собора Апостолов частично сохранились по сей день, то все три портала Гагкашена известны нам только в реконструкции этого исследователя, работа которого отличалась высоким профессионализмом (рис. 5).

Гагкашен является единственным относительно точно датированным памятником среди упомянутых с подобным типом порталов. Этот храм был построен непосредственно после кафедрального собора, но, скорее всего, работа над ним началась параллельно со вторым этапом строительства кафедрального собора, в последние годы X в. Источник, свидетельствующий о возведении этого неординарного храма, отмечает еще два факта: авторство зодчего Трдата и идею копирования величественного храма Звартноц в Араратской долине, построенного католикосом Нерсесом Таеци (641–661), в ознаменование 1000-летия рождения Христа [15]. На самом деле, эти два памятника схожи даже некоторыми размерами плана. Но пропорциями и трактовкой отдельных форм они несопоставимы. Объяснением не может служить только принадлежность анийского храма иной эпохе и данью его мастеров моде на подчеркнутую устремленность пространственных форм кверху и утонченную трактовку деталей. Порталы явились формами совершенно другого типа, вопреки традиционным для армянской архитектуры порталам Звартноца, глубоким и имеющим арочную конструкцию, а также вопреки предшествующим предпочтениям анийских мастеров. В храме царя Гагика Трдат вводит уплощенный портал эллинистического типа, вписывая его при этом в соответствующее полегибающей многогранной объем аркатуры. Тем самым он подчиняет портал системе фасадной пластики, в которой главную роль играет аркатура [16]. В отличие от утопленных в цоколь порталов главного собора, здесь зодчий устраивает раму на верхней отметке трехступенчатого



^ Рис. 7. Церковь Св. Григория Просветителя, или Гагкашен. Западный портал. Реконструкция по Т. Тораманяну



^ б. Кафедральный собор в Ани. Северный и южный порталы. Реконструкция по Т. Тораманяну

цоколя, придав профилю рамы пластичный откос под 45 градусов (рис. 6).

Обрамляя три проема одинаковой ширины в 1,55 м – западный, южный и северный, – порталы имели легкий, ступенчато возрастающий выступ. Между плоскими ступенями присутствовала узкая полоска орнамента в виде вереницы шариков-бус, с включением ов на западном портале. Выше декорация варьировалась еще сильнее, и только на западном портале карниз был отделен от рамы метровым сандриком, посреди которого был представлен ряд фронтальных листов аканфа. Этот античный мотив отличается от известных в Армении раннехристианских образцов особо измельченной и изящной проработкой листочков. Листы аканфа аналогичного исполнения присутствуют на выпуклой подушке в зоне карниза южного входа. Непременными элементами карнизов всех порталов служили простейшие, но элегантно прорисованные сухарики в их основании, а в верхней зоне карнизов южного и северного порталов – крупные зубцы, сопровождаемые орнаментальными мотивами. Принципиальным отличием этих образцов от порталов кафедрального собора является не только иная типология, но и отношение к форме, которая в Гагкашене трактована совершенно плоско. Даже вынос карнизов незначителен: составляет половину высоты карниза над южной дверью и менее трети высоты над двумя другими.

Исключительную близость к этим порталам проявляет образец церкви у вышгорода Ани – единственный такой анийский портал, который был представлен не в поле аркатуры, а на фоне гладкой стены фасада. Высокая зона над рамой в своей верхней половине содержала размещенный в плоскости ряд аканфовых побегов, и второй ряд того же растительного мотива присутствовал на выпуклой полосе посреди карниза. Широкая, огибающая раму лента содержала плетение колец с изображениями в них птичек [6, с. 6].

Порталы церкви Апостолов выглядят более упрощенными. Гладкая полоса над рамой служит полем для лапидарной надписи (рис. 7). В отличие от предыдущих экземпляров, аканф здесь более схематизирован и его

листочки не разделены на три пучка, как это было в предшествовавших образцах [6, рис. 2–3].

Таким образом, на рубеже двух тысячелетий архитектор Трдат и мастера анийской архитектурной школы внесли целый комплекс новаторских решений, среди которых было развитие двух типов порталов с античными истоками. Оба типа в разное время применялись и в архитектуре церквей других регионов христианского мира. В частности, эллинистический портал получил новое распространение еще в ранневизантийском зодчестве, имея несколько модификаций и самые классические воплощения в городах на побережье Эгейского моря. То обстоятельство, что только в армянских порталах данного типа появляется высокий архитрав и карниз отделяется от дверной рамы дополнительной зоной, которую принято называть сандриком, а также принципиально создававшаяся, повторенная в нескольких храмах структура рамы со швом между перемычкой и косяками по диагонали к углам проема, заставляют предполагать обращение создававших их мастеров не к византийскому, а к античному наследию.

Своеобразным явлением можно считать трехступенчатый профиль рамы анийских порталов. При безусловном следовании общей структуре и декору античного портала в трактовке рамы армянские мастера могли быть под воздействием местных моделей, в том числе памятника сакрального характера, называемого Дверью Мгера, который высечен на поверхности высокой скалы в виде ложного входного проема. Во всяком случае, упрощение рамы с отказом от орнаментации в соборе Апостолов привело к визуальному сближению рам этих двух памятников. Не менее интересно сравнение анийских порталов с иранскими эпохи Ахеменидов во дворце Персеполиса. В них встречаются образцы с аналогичными ступенями профиля рамы, а также с высокой гладкой зоной, являющейся расширением поверхности верхней ступени непосредственно под горизонтальным карнизом. Аналогичную структуру высеченного в скале портала можно встретить в памятнике Нахш-и-Рустам в Пасаргадах. Нельзя исключать воздействия на творчество анийских зодчих образов этих величественных порталов либо образа Двери Мгера.

> Рис. 8. Гягкашен. Сохранившийся фрагмент нижней части порталной рамы. Фото А. Казарян. 2017

> Рис. 9. Собор Апостолов в Ани. Северный портал. Фото А. Казарян. 2013



Армянские перспективные порталы опередили эпоху появления аналогичных и широко известных романских на полтора столетия. Не освещая вопрос о возможной связи между этими двумя явлениями, следует указать на существенную разницу между ними, ранее в литературе не отмечавшуюся. Армянский портал, строившийся одновременно с самим храмом, выглядел приращением к его стене, и уступчатое углубление к проему создавалось, главным образом, в пределах выступа пилонов и арок между ними. Романская тектоническая система требовала создания форм портала в толще стены, и эта традиция перешла в русскую белокаменную архитектуру XII–XIII вв. За линию фасада выступала только фронтальная пара колонн с неглубокой аркой [17].

Исследование подвело к периоду в архитектуре Армении, когда наряду с сохранением творческой активности сузились возможности для крупного строительства и вынесением основной активности из Ани в сторону монастырских ансамблей. Продолжение работы позволит провести анализ развития форм порталов на новом этапе, последнем перед падением династии Багратуни.

Литература

1. Казарян, А. Ю. Столичная школа армянской архитектуры эпохи Багратидов. Новый обзор развития // Вопросы всеобщей истории архитектуры. – 2017. – Вып. 8. – С. 87–116.
2. Kazaryan, A. Chapter 44: "Classical" Trend of Armenian Architectural School of Ani (10th — 11th centuries): the Greco-Roman Model and the Conversion of Medieval Art // A Handbook to Classical Reception in Eastern and Central Europe / Eds. Z. Martirosova Torlone; D. LaCourse Munteanu; D. Dutsch. – John Wiley & Sons, 2017. – P. 528–540.
3. Strzygowski J. Die Baukunst der Armenier und Europa. – Bd. 1–2. – Wien: Anton Schroll & co G.M.B.H, 1918. – 888 s.
4. Токарский, Н. М. Архитектура Армении IV–XIV вв. – Ереван : Армгосиздат, 1961. – 388 с.
5. Азатян, Ш. Армянские порталы с элементами античной декорации // Вестник общественных наук. – 1972. – № 4. – С. 39–43.
6. Казарян, А. Ю. Цитирование античности. Порталы эллинистического типа в армянской архитектуре XI века //

Даниловские чтения. Античность – Средневековье – Ренессанс : Сборник статей и материалов. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 151–169.

7. Շախյան Գ.Ս. Օձնու (Шахкян Г.С. Одзун). – Ереван : Советакан грох, 1983. – 84 с., 55 илл.

8. Toramanian T. The Cathedral Church of Ani. – Yerevan: Agency of historical-cultural museums and the preservation of historical environment, 2008. – 140 p. (In Armenian, English and Russian).

9. Казарян, А. Ю., Шукуров, Ш. М. Идея ирано-армянской архитектурной общности // Хан-Магомедовские чтения / Сост. Ю. П. Волчок, А. Н. Селиванова; отв. ред. И. А. Бондаренко. – Москва ; Санкт-Петербург : Коло, 2015. – С. 353–360.

10. Казарян, А. Ю. Новые данные о куполах храмов Ани. Часть первая. Кафедральный собор зодчего Трдата // Вопросы всеобщей истории архитектуры. – 2018. – Вып. 10. – С. 145–169.

11. Brosset, M.-F. Les ruines d'Ani, Capitale de l'Arménie des rois Bagratides. Atlas Général. – St. Petersburg, 1861.

12. Toramanian, T. Ani. Pahlavuny-founded churches. – Yerevan: Agency of historical-cultural museums and the preservation of historical environment, 2012. – 178 p. (in Armenian, English and Russian).

13. Toramanian, T. St. Grigor (Gagkashen) Church of Ani. – Yerevan: Agency of historical-cultural museums and the preservation of historical environment, 2014. – 136 p. (In Armenian, English and Russian).

14. Toramanian, T. The Monuments of Ani Citadel. – Yerevan: Agency of historical-cultural museums and the preservation of historical environment, 2016. – 248 p. (In Armenian, English and Russian).

15. Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозвищу, писателя XI столетия / Перевод с армянского и объяснения Н. Эмина. – Москва : Лазаревский институт восточных языков, 1864.

16. Казарян, А. Ю. О творческом начале в средневековом зодчестве. Храм Гягкашен в Ани – копирование или интерпретация? // Искусство византийского мира. Индивидуальность в художественном творчестве : Сборник статей в честь Ольги Сигизмундовны Поповой / Ред.-сост. А. В. Захарова, О. В. Овчарова, И. А. Орещкая. – Москва : Государственный институт искусствознания, 2021. – С. 130–143.

17. Кудрявцева, Т. Н. К вопросу о «романских» влияниях во владими́ро-суздальском зодчестве // Архитектурное наследие. – 1975. – Вып. 23. – С. 30–36.

> Рис. 10. Собор Апостолов в Ани. Сохранившаяся часть южного портала. Фото А. Казарян. 2022



References

Azatyán, Sh. (1972). Armyanskie portaly s elementami antichnoy dekoratsii [Armenian portals with the elements of Classical decoration]. *Lraber Hasarakakan Gitutyunneri. Bulletin of Social Sciences*, 4, 39–43.

Brosset, M.-F. (1861). *Les ruines d'Ani, Capitale de l'Arménie sous les rois Bagratides*. Atlas Général. St. Petersburg.

Emin, N. (Ed.). (1864). *Vseobshchaya istoriya Stepanosa Taronskogo, Asoghika po prozvaniyu, pisatelya XI stoletiya [World history by Stephanos of Taron, Asoghik, a writer of the 11th century]*. Moscow: Lazarev Institute of Oriental Languages Publ.

Kazaryan, A. (2017a). "Classical" Trend of Armenian Architectural School of Ani (10th–11th centuries): the Greco-Roman Model and the Conversion of Medieval Art. In Z. Martirosova Torlone, D. LaCourse Munteanu & D. Dutsch (Eds.), *A Handbook to Classical Reception in Eastern and Central Europe* (pp. 528–540). John Wiley & Sons.

Kazaryan, A. Yu. (2017b). Metropolitan school of Armenian architecture of the Bagratid period. A new survey of the development. *Questions of the History of World Architecture*, 8, 87–116.

Kazaryan, A. Yu. (2017c). Tsitirovanie antichnosti. Portaly ellinisticheskogo tipa v armianskoi arkhitekture XI veka [Citation of antiquity. Portals of the Hellenistic type in the 11th-century Armenian architecture]. In *Danilov readings. Collection of reports* (pp. 151–169). Moscow: RGGU Publ.

Kazaryan, A. (2018). New data on the cupolas of Ani's churches. Part first. The cathedral by an architect Trdat. *Questions of the History of World Architecture*, 10, 145–169.

Kazaryan, A. Yu. (2021). O tvorcheskom nachale v srednevekovom zodchestve. Khram Gagkashen v Ani — kopirovanie ili interpretatsiya? [Regarding creativity in Medieval architecture. Gagkashen Church in Ani: Copying or interpretation?]. In A. Zakharova, O. Ovcharova & I. Oretskaya (Eds.), *Art of the Byzantine World: Individuality in Artistic Creativity* (pp. 130–143). Moscow: State Institute for Art Studies.

Kazaryan, A. Yu., & Shukurov, Sh. M. (2015). The idea of Iranian-Armenian architectural community. In *Khan-Magomedov readings* (pp. 353–360). Moscow; Saint Petersburg: Kolo.

Kudryavtseva, T. N. (1975). K voprosu o "romanskhikh" vliyaniyakh vo vladimiro-suzdalskom zodchestve [On the "Romanesque" influences in the Vladimir-Suzdal architecture]. *Architectural Heritage*, 23, 30–36.

Shakhkhan, G. S. (1983). *Odzun*. Yerevan: Sovetakan Grogh.

Strzygowski, J. (1918). *Die Baukunst der Armenier und Europa*. Wien: Anton Schroll & Co G.M.B.H.

Tokarskiy, N. M. (1946). *Arkhitektura drevney Armenii [Architecture of Old Armenia]*. Yerevan: Armenian Academy of Sciences Publ.

Toramanian, T. (2008). *The Cathedral Church of Ani*. Yerevan: Agency of historical-cultural museums and the preservation of historical environment.

Toramanian, T. (2012). *Ani. Pahlavuny-founded churches*. Yerevan: Agency of historical-cultural museums and the preservation of historical environment.

Toramanian, T. (2014). *St. Grigor (Gagkashen) Church of Ani*. Yerevan: Agency of historical-cultural museums and the preservation of historical environment.

Toramanian, T. (2016). *The Monuments of Ani Citadel*. Yerevan: Agency of historical-cultural museums and the preservation of historical environment.

авторы

Анненкова Татьяна Борисовна – член редколлегии журнала ПРОЕКТ БАЙКАЛ (Иркутск)

Багина Елена Юрьевна – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Багрова Наталья Викторовна – доктор культурологии, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН), профессор Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А. Д. Крячкова (НГУАДИ)

Барышников Виталий Владимирович – заместитель генерального директора ООО «Гранд Байкал» по развитию и новым проектам (Иркутск)

Белобрыкина Ольга Альфонсовна – кандидат психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и виктимологии Новосибирского государственного педагогического университета

Боков Андрей Владимирович – доктор архитектуры, академик РААСН, президент МААМ, народный архитектор России, главный научный сотрудник НИИТИАГ (филиал ЦНИИП Минстроя России; Москва)

Бражникова Инесса Борисовна – ведущий редактор Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (Иркутск)

Буйнов Алексей Николаевич – доцент Института архитектуры и градостроительства Национального исследовательского университета Московского государственного строительного университета (ИАГ НИУ МГСУ)

Воличенко Ольга Владимировна – доктор архитектуры, профессор, сотрудник НИУ МГСУ, Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва)

Гашенко Антон Евгеньевич – кандидат архитектуры, доцент, начальник научно-исследовательского отдела НГУАДИ

Гимельштейн Александр Владимирович – кандидат исторических наук, профессор, руководитель Высшей школы журналистики и медиаменеджмента Иркутского государственного университета

Гладкова Екатерина Андреевна – научный сотрудник Института технологий города Карлсруэ (Германия)

Григорьева Анна Сергеевна – заместитель директора по международной деятельности АНО «Востоксибакадемцентр» (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – академик РААСН, вице-президент СА России, заслуженный архитектор России (Иркутск)

Денисов Иван Владимирович – ведущий архитектор Кооперативной проектной мастерской А-2 (Красноярск)

Казарян Армен Юрьевич – доктор искусствоведения, академик РААСН, директор ИАГ НИУ МГСУ

Капустин Петр Владимирович – кандидат архитектуры, профессор, заведующий кафедрой теории и практики архитектурного проектирования Воронежского государственного технического университета

Коновалова Нина Анатольевна – кандидат искусствоведения, советник РААСН, заместитель директора НИИТИАГ по научной работе, ведущий научный сотрудник НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств (Москва)

Костина Алина Олеговна – кандидат философских наук, Московский городской педагогический университет

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии, член Федерации «Союз соотечественников» (София, Болгария)

Любинская Мария Александровна – студентка НИУ МГСУ

Ляпин Андрей Александрович – доцент кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры, строительства и дизайна Иркутского национального исследовательского технического университета

Малахов Сергей Алексеевич – доктор архитектуры, профессор НИУ МГСУ

Малько Анастасия Васильевна – доктор инженерии (Dr.-Ing.), старший научный сотрудник Института городского и ландшафтного планирования Технологического института г. Карлсруэ (Германия)

Маяренко Сергей Юрьевич – член Общественной палаты г. Иркутска, руководитель АНО «Иркутские кварталы»

Мочальникова Елена Владимировна – кандидат экономических наук, заместитель генерального директора ГК Prostor Group (Иркутск – Новосибирск)

Польская Елена Анатольевна – соучредитель Фонда развития архитектуры и архитектурного образования имени академика Анатолия Воловика, директор АНО Проектного творчества студия “Контур” (Новосибирск)

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения (Латвия)

Репина Евгения Александровна – кандидат архитектуры, профессор НИУ МГСУ

Романов Олег Сергеевич – почетный президент Санкт-Петербургского СА, член-корреспондент РААСН, профессор Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, заслуженный архитектор РФ

Сапрыкина Наталья Сергеевна – доктор архитектуры, заведующая кафедрой градостроительства Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль)

Сысоева Людмила Григорьевна – Архитектурный фонд им. Я. Чернихова, куратор издательских программ (Москва)

Титова Татьяна Юрьевна – руководитель проектной мастерской OPEN PROJECT STUDIO (Иркутск)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент ВАК, культуролог, редактор Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва

Тома (Маайя), Айман Наджиб – профессор архитектуры и градостроительства факультета архитектурного проектирования Инженерного колледжа Прикладного университета Балка (Амман, Иордания)

Успенская Ольга Михайловна – доцент кафедры архитектурного проектирования ИАИД СФУ (Красноярск)

Холявко Анастасия Олеговна – ведущий архитектор ООО «Сибирская лаборатория урбанистики» (Иркутск)

Хотулев Руслан Анатольевич – председатель правления Иркутской региональной организации СА России, главный архитектор градостроительной мастерской «Линия»

Цурик Татьяна Олеговна – кандидат культурологии, доцент кафедры архитектуры, градостроительства и графики Юго-Западного государственного университета (Курск)

Шамаева Татьяна Вячеславовна – кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектуры НИУ МГСУ

Шаталов Борис Борисович – генеральный директор Кооперативной проектной мастерской А-2 (Красноярск)

Явейн Никита Игоревич – народный архитектор РФ, академик РААСН, руководитель архитектурного бюро «Студия 44» (Санкт-Петербург)

Ямалетдинов Сергей Федорович – доцент кафедры архитектурного проектирования ИАИД СФУ, председатель правления Красноярской организации СА России

Благодарим за участие в подготовке номера и работе редакции архитектора Евгению Сурикову и директора Иркутского дома архитектора Юлию Никифорову

authors

Tatyana Annenkova – member of the Editorial Board, Project Baikal journal

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Construction of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Natalya Bagrova – corresponding member of the RAACS, Doctor of Cultural Studies, professor of the Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts named after A. D. Kryachkov (NSUADA)

Vitaly Baryshnikov – deputy general director for development and new projects, 000 Grand Baikal (Irkutsk)

Olga Belobrykina – Ph.D. in Psychology, professor of the Department of Social Psychology and Victimology, Novosibirsk State Pedagogical University

Andrey Bokov – Doctor of Architecture, academician of the RAACS, president of IAAM, people's architect of Russia, chief researcher of Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia (Moscow)

Inessa Brazhnikova – senior editor, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS (Irkutsk)

Alexei Buinov – Ass. Professor of the Institute of Architecture and Urban Planning, National Research Moscow State University of Civil Engineering (NR MGSU)

Olga Volichenko – Doctor of Architecture, Professor, NR MGSU, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow)

Anton Gashenko – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor, head of the NSUADA Scientific Research Department

Alexander Gimelshteyn – Ph.D. in Historical Sciences, Professor, head of the Higher School of Journalism and Media Management, Irkutsk State University

Ekaterina Gladkova – research officer, Karlsruhe Institute of Technology (Germany)

Anna Grigorieva – deputy director for international activity, ANO Vostoksibacademcenter (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – academician of the RAACS, vice president of the Union of Architects of Russia (UAR), honored architect of the RF (Irkutsk)

Ivan Denisov – leading architect, A2 Cooperative Design Bureau (Krasnoyarsk)

Armen Kazaryan – Doctor of Art history, academician of the RAACS, Director of the Institute of Architecture and Urban Planning, NR MGSU

Petr Kapustin – Ph.D. in Architecture, professor, head of the Department of Theory and Practice of Architectural Design at Voronezh State Technical University

Nina Konovalova – Ph.D. in Art History, adviser of the RAACS, deputy director for scientific work, Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia, leading researcher, Research Institute of Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of Arts (Moscow)

Alina Kostina – Ph.D. in Philosophy, Moscow City University

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, member of the Federation of Fellow Citizens (Sofia, Bulgaria)

Maria Lyubinskaya – student, NR MGSU

Andrey Lyapin – Ass. Professor of the Department of Architectural Design, Institute of Architecture, Construction and Design, Irkutsk National Research Technical University (INRTU)

Sergey Malakhov – Doctor of Architecture, Professor of NR MGSU

Anastasia Malko – Dr.-Ing., senior research officer, Institute for Urban and Landscape Planning, Karlsruhe Institute of Technology (Germany)

Sergey Mayarenkov – member of the Civic Chamber of Irkutsk, director of the ANO Irkutsk Quarters

Elena Mochalnikova – Ph.D. in Economics, Deputy General Director, Prostor Group (Irkutsk – Novosibirsk)

Elena Polskaya – co-founder of the Development Fund for Architecture and Architectural Education named after Academician Anatoly Volovik, director of the Project Creativity Studio "Contour" (Novosibirsk)

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History (Latvia)

Eugenia Repina – Ph.D. in Architecture, Professor, NR MGSU

Oleg Romanov – president emeritus of St. Petersburg UAR, corresponding member of the RAACS, professor of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, honored architect of the RF

Natalia Saprykina – Doctor of Architecture, head of the Department of Urban Planning, International Academy of Business and New Technologies (Yaroslavl)

Lyudmila Sysoeva – curator of publishing programs, Iakov Chernikhov International Foundation (Moscow)

Tatyana Titova – architect, head of the architectural bureau Open Project Studio (Irkutsk)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor, culturologist, editor of V. P. Sukachev Irkutsk Regional Museum of Fine Arts

Ayman Najib Tomah (Maayah) – Ph.D. in Architectural Engineering, Full Professor, Department of Architectural Engineering, College of Engineering, Balqa Applied University (Amman, Jordan)

Olga Uspenskaya – Ass. Professor of the Architectural Design Department, Institute of Architecture and Design, SibFU (Krasnoyarsk)

Anastasia Kholiyavko – leading architect, 000 Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Ruslan Khotulev – head of the Board of the Irkutsk Regional Organization of the UAR, chief architect of the urban planning bureau "Liniya"

Tatiana Tsurik – Ph.D. in Cultural Studies, Ass. Professor at the Department of Architecture, Town Planning and Graphics, Southwest State University (Kursk)

Tatyana Shamaeva – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor of the Department of Architecture, NR MGSU

Boris Shatalov – general director, A2 Cooperative Design Bureau (Krasnoyarsk)

Nikita Yavein – People's Architect of the RF, academician of the RAACS, head of the architectural bureau "Studio 44"

Sergey Yamaletdinov – Ass. Professor of the Architectural Design Department, Institute of Architecture and Design, SibFU (Krasnoyarsk), head of the Board of the Krasnoyarsk Regional Organization of the UAR

Special thanks to architect Evgeniya Surikova and director of the House of the Architect Yulia Nikiforova for their help with the preparation of the issue and the editorial work

projectbaikal.com

project baikal | journal of architecture, design and urbanism

